ОЧЕРКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГРУЗИИ И ЗАПАДНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

БЕНИАМИН МАИЛЯН

ОЧЕРКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГРУЗИИ И ЗАПАДНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АРМЕНИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

БЕНИАМИН
МАИЛЯН

ОЧЕРКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГРУЗИИ И ЗАПАДНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

АДЖАРИЯ
ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ
СОЧИ-ДЖИКЕТИЯ
САМЦХЕ-МЕСХЕТИЯ
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

ЕРЕВАН
2022

УДК 94(479.22)
ББК 63.3(5Гру)
М 145

Монография рекомендована к публикации решением
Учёного совета Института востоковедения НАН РА

Маилян Б. В.

М 145 Очерки этнополитической истории Грузии и Западного Закавказья/ Аджария, Южная Осетия, Сочи-Джикетия, Самцхе-Месхетия на рубеже XIX-XX веков. — Ереван: издательство «КОПИ-ПРИНТ», 2022. —478 с.

Монография, автор которой Б. В. Маилян (старший научный сотрудник Института востоковедения НАН РА, кандидат исторических наук, доцент), обращается к малоизвестным проблемам этнополитической и социальной истории Грузии и её исторических регионов в период развития капитализма и зарождения этнических движений в Закавказье. Книга во многом заполняет существующие пробелы в историографии Южного Кавказа и способствует формированию новых методов в кавказоведческих исследованиях. Работа написана не только по опубликованным материалам, но и с использованием многочисленных архивных и иных документальных источников, значительная часть из которых впервые вводится в научный оборот. Книга рассчитана на специалистов в сфере истории и политологии, а также может быть полезной для широкой читательской аудитории.

УДК 94(479.22)
ББК 63.3(5Гру)

ISBN 978-9939-9012-4-4
DOI: 10.54503/978-9939-9012-4-4

© НАН РА Институт востоковедения, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Нобилитет в период модерна

1.1. Вопрос самоопределения Грузии и дворянский партикуляризм 15

1.2. Партийное строительство и цена картвельского национального единства 90

1.3. Первая грузинская республика: социально-политические аспекты 157

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. В поисках новых идентичностей

2.1. Территориальный конфликт в Сочинском Причерноморье 265

2.2. Особенности ирредентизма в Аджарии и Самцхе-Месхетии 322

2.3. Вопрос политической институционализации южных осетин 393

БИБЛИОГРАФИЯ 431

Посвящается
светлой памяти
моих родителей
ЭЛЕОНОРЕ и ВИКТОРУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нет необходимости доказывать, что современные представления о Кавказе, должны иметь серьёзное научное обеспечение. Совершенно очевидно, что здесь нет одномерной картины, и решение кавказоведческих проблем требует особого отношения, конечно же, с учётом их исторической ретроспективы.

Наше исследование, которое в немалой её части основано на эксклюзивных источниках, является очередной попыткой сделать целый ряд малоизученных проблем кавказоведения более доступными для широкого круга специалистов, заинтересованных в разгадке парадоксов истории народов и стран Южного Кавказа.

Данная публикация является продолжением изысканий в области этнополитики и социальной истории Южного Кавказа, которой посвящены предыдущие наши монографии[1]. Кропотливый поиск позволил нам собрать убедительную сумму альтернативных фактов, которые допускают возможность взглянуть на историческую картину прошлого несколько иначе, чем принято у большинства авторов, пишущих на эти темы.

В монографии очерчен период в истории Грузии, который мы связали с главным его маркером – дворянским освободительным движением. Его начало, на наш взгляд, последовало за упразднением Кавказского наместничества (1881 г.), а концом стало поражение августовского восстания 1924 года. Апогей же этого процесса был сопряжён с Первой республикой, где политическую повестку формировал провинциальный

[1] Маилян Б. В. Проблема статуса Абхазии 1917-1921 гг. Ереван: Лусакн, 2008 (на арм. яз.); он же, Национальный вопрос и положение армян в Республике Грузия (1918-1921 гг.). Ереван: Гитутюн, 2016 (на арм. яз.).

нобилитет. В этой книге мы постарались рассказать суровую правду о борьбе за свободу, её обретении и драматических потерях на этом пути.

В основе методологии предложенного на суд читателей исследования лежит принцип историзма, объективности и компаративного анализа, оно проведено на междисциплинарной основе.

По возможности нами учтены современные научные тенденции в кавказоведении. В этом контексте привлечён концепт постколониального дискурса. Под ним подразумевается комплекс парадигм, нацеленных на осмысление исторического наследия российского присутствия в Закавказье. Они определяют высокую степень значимости «постколониальных исследований» в современной историографии в связи с изучением проблем национальных, этно-религиозных и иных идентичностей на Южном Кавказе. Таким образом, в этом контексте не исключена долгосрочная актуальность тематики нашей штудии.

Основной нарратив монографии обращён к периоду последней четверти XIX — первой четверти XX века, когда с развитием товарно-денежных отношений в Закавказье, происходили кардинальные изменения не только в социально-экономической сфере, но и в межэтнических отношениях. Причиной был пришедший на смену местным феодальным порядкам новый капиталистический строй, который постепенно стал расшатывать прежние патриархальные устои. До этого позиции нобилей из традиционной знати были достаточно прочными. Они были наследственными владельцами поместий и обладали сословными привилегиями. Это была региональная элита, которой не хватало права решающего голоса в управлении своей страной. Грузинский нобилитет глухо враждовал с властвовавшей тогда на Кавказе русской бюрократией.

Эпоха «великих реформ» мало изменила глубинную Грузию. Она продолжала оставаться феодальной страной с очагами периферийного капитализма. Армянский элемент Тифлиса и других городов Грузии сформировал прослойку

зажиточных горожан – буржуазию, которой удалось быстро освоить рыночные механизмы. Немалая же часть местного помещичьего сословия, напротив, не смогла перевести принадлежащие им хозяйства на рельсы капиталистической экономики. Зазвучали резкие упрёки в адрес городских компрадоров, которых обвиняли в экономическом банкротстве феодального класса. Ведь буржуазия праздновала жизнь, а нобилитет испытывал по этому поводу большую фрустрацию.

Известно, что в ряде стран Европы гремели восстания и революции, поднятые дворянскими освободительными движениями в период, когда этот континент уже прощался с феодализмом. Они уже пережили свой апогей в Польше (1830 г.) и Венгрии (1849 г.), тогда как в Грузии местный нобилитет лишь начинал раскачиваться под влиянием политических (русификация) и социально-экономических (капитализм) факторов. Они трансформировали прежнюю местную аристократическую фронду в освободительное движение картвельского дворянства, которое отказывалось сходить с исторической арены и надеялось взять социальный реванш в условиях отсутствия национальной буржуазии в Грузии. Революционные идеи ею были заимствованы от польской шляхты, а теории социализма из кайзеровской Германии, где потомственная знать продолжала занимать прочные позиции.

Распространение социальных учений в картвельской среде стало почвеннической реакцией распадающихся феодальных структур на местный периферийный капитализм. Этот тренд имел мало общего с социальным переустройством общества. Он скорее преследовал цель консервации традиционного для этих мест патернализма, который был крайне враждебен буржуазным преобразованиям. Мы поддерживаем тот аргумент, который исходит из принципа, что реакционна любая теория, призывающая к упразднению рыночной экономики. Исторический опыт убедительно демонстрирует, что все попытки ограничить либо ликвидировать капитализм вели к социальному регрессу.

Нами сделана попытка применить новую методологию с целью изучить социально-политические процессы в Грузии в эпоху кризиса картвельского феодализма. В качестве инструментария был избран традиционализм. В его контексте рассмотрено множество противоречивых фактов истории местного почвенничества и отчаянного противоборства его адептов с миром модерна. Они ратовали за реставрацию того, что уже изрядно было девальвировано историей. Словом, черпали свои идеи, не заглядывая в будущее, а оглядываясь на прошлое. Этот тренд на консервацию патернализма и архаики в грузинском сообществе мы увидели через призму «теории консервативной революции». Относительно к исследуемой теме дворянского освободительного движения, она остаётся в историографии *terra incognita*.

У истоков картвельского традиционализма стоял почвенник Илья Чавчавадзе, потомственный аристократ, литератор, публицист и общественный деятель. Его принято называть в Грузии духовным отцом нации. Он – одна из ключевых фигур в грузинском историческом пантеоне, так как очертил основные этнические маркеры грузинской идентичности. С него берёт начало история грузинского национализма. Это делает его непререкаемым авторитетом для всех, кто называет себя патриотами Грузии.

Проблемы генезиса и интеллектуальной истории местного национализма сегодня занимают отдельное место в кавказоведении. Он стал одним из главных триггеров модернизации и важным фактором перемен в Грузии. И продолжает играть особую роль в различных сферах жизни грузинского сообщества — политической, культурной и научной. Изучение истоков грузинского национализма, а также его идеологических корней остаётся в числе приоритетных и актуальных научных задач.

Нами выдвинута задача — исследовать историю появления дискурса картвельского национализма и идеи грузинской нации. Сформулированы альтернативные суждения на причины возникновения местного партикуляристского движения

и определены основные темы грузинского национального нарратива. Обсуждению этой проблемы и её аспектам посвящена первая часть монографии.

Курс на национальное возрождение, декларируемый картвельской интеллигенцией в эпоху принадлежности их страны державе Романовых, вошёл в непримиримый конфликт с политикой русификации. В качестве противовеса амбициям имперской бюрократии и из-за преувеличенных опасений роста торгово-промышленной экспансии компрадоров была выдвинута программа восстановления суверенитета Грузии. Добиваясь самоопределения своей страны, крайне многочисленная картвельская аристократия предвкушала собственный социальный реванш. Это были родовитые семьи, проникнутые традициями феодальной старины. Весь период гегемонии в Грузии российского самодержавия они упорно добивались реставрации своего прежнего статуса правящего класса. Кульминация же этого исторического процесса завершилась зарождением Первой республики в Грузии, где доминантным слоем стала рекрутированная на базе дворянского сословия этнократия. Питательной средой для неё являлись стойкие пережитки местного феодализма.

Глубокое осмысление богатой палитры событий, способствовавших возникновению и упадку Первой республики, очевидно требует привлечения новых методов. Литература же о меньшевистском режиме в Грузии, как правило, описывает его в терминах конфликтных систем, используя либо буржуазную, либо социалистическую схему. Мы намерено отошли от традиционного изображения событий и дополнили наше повествование новыми нарративами с анализом сложившихся социально-политических противоречий.

Грузинские меньшевики, которые сделали своим знаменем марксизм, в своих теоретических построениях признавали необходимость капиталистической экономики. Придя к власти в своей стране, в силу её архаичных социально-политических условий, они выстроили, однако, «грузинский социализм» — синоним неофеодальной системы. Опорой их режима

был городской пролетариат, который организовала и возглавила политическая группа, в своей основе состоящая из мелкого провинциального дворянства. Старая аристократия нуждалась в новой легитимации, которую построила на социальном заигрывании с городским плебсом, поддавшегося агитации, направленной против буржуазии и крестьянства. Политика социального лавирования заставила режим меньшевиков пойти на частичный передел собственности в аграрном секторе в пользу деревенской бедноты. Однако многочисленное поместное дворянство сохранило своё право на поземельную ренту. Национальный капитализм в Грузии не зародился, так как господствующая этнократия была резко враждебна к буржуазным порядкам.

Собранный в ходе исследования документальный материал заставил несколько иначе взглянуть на те события в Грузии. Нами замечен стойкий тренд к авторитарному развороту в грузинской социал-демократической республике. Тем более что эти тенденции хорошо просматривались в общей политической динамике. Напомним, что возникшие после распада империй Габсбургов и Романовых в новых государствах Европы (Польша, Австрия, Литва, Латвия и др.) квазидемократические режимы также не имели продолжительной истории. Там, как известно, очень скоро произошёл транзит к авторитаризму. По той же колее складывался в Грузии свой — почвеннический авторитаризм. Он, на наш взгляд, по своей типологии содержал элементы и варьировался от «постколониального режима» до «этнической квазидемократии». На этом фоне крайне сомнительной выглядит глянцевая биография грузинских меньшевиков. Какими бы ни были их намерения в действительности, перспектива устойчивой парламентской демократии в стране с парафеодальной структурой населения и очевидно прохладно настроенного к либерализму социума, смотрится небесспорно. Какая может быть буржуазная республика в стране, экономический строй которой в основном ещё оставался добуржуазным? К такому

выводу мы пришли на основе множества фактов, изложенных в первой части нашего исследования.

Осложнения межэтнических отношений на Южном Кавказе также стали катализатором повышенного интереса к его истории, этнографии, демографии и т. д. Самые разные аспекты прошлых событий в ряде фронтирных регионов (Западное Закавказье и др.) ещё не подверглись комплексному, всестороннему и исчерпывающему изучению со стороны академической науки. Мы же попытались на основе достоверных источников по-новому взглянуть и ответить на ряд каверзных вопросов кавказоведения.

Во второй части монографии разобраны этнополитические проблемы региональной истории Аджарии, Самцхе-Месхетии и Южной Осетии, а также перипетии территориального конфликта в Сочинском Причерноморье[2], спровоцированного гражданской войной в России. Долгие годы эти темы находилась в тени, практически были забыты, что было обусловлено политической конъюнктурой. Они случайно всплыли и стали актуальными лишь в контексте постсоветских перекроек геополитического пространства на Южном Кавказе.

Итак, научная новизна монографии определяется её экспериментальными положениями. Во-первых, это сформулированная нами концепция и периодизация дворянского освободительного движения в Грузии. Во-вторых, вывод о том, что дворянский партикуляризм в этой кавказской стране развивался в формате консервативной революции. В-третьих, м*ы* решили добавить неофеодальную модель к традиционному набору инструментов.

В своих выводах мы опирались на материалы Национального архива Армении (НАА) и Центрального государственного исторического архива Грузии (ЦГИАГ). В ходе исследования введён в научный оборот широкий спектор опубликованных в досоветской закавказской прессе эксклюзивных материалов на грузинском, армянском и русском языках. В монографии

[2] Сочинское Причерноморье — это историческая Джикетия. Она и соседняя с ней Абхазия — весьма обособленные части Западного Закавказья.

есть многочисленные ссылки на мемуарную литературу, сборники документальных источников, а также на оригинальные исследования грузинских, армянских, советских, российских, турецких, азербайджанских, европейских и американских авторов.

Публикация отнюдь не претендует на уникальность трактовки некоторых изложенных в работе аспектов и, автор выражает надежду, что затронутые им темы послужат приглашением к дальнейшему широкому и, безусловно, толерантному научному диалогу тех исследователей, кто заинтересован в более полном изучении выдвинутых в данной книге крайне сложных и многогранных проблем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нобилитет в период модерна

«*Лучше смерть, но смерть со славой,*
чем бесславных дней позор».

Шота РУСТАВЕЛИ

1.1
ВОПРОС САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ГРУЗИИ И ДВОРЯНСКИЙ ПАРТИКУЛЯРИЗМ

После распада Грузии/Сакартвело на уделы в 1490 году, в эпоху «троецарствия» эта кавказская страна испытала новые этапы смертельной борьбы с чужеземными захватчиками. Они чередовались паузами, когда достигался определенный баланс сил между аппетитами иноземных гегемонов и интересами вассальных им грузинских правителей. Династия Багратионов в критической ситуации, что немаловажно, смогла сохранить под своим контролем бóльшую часть своих фамильных доменов. Хотя их статус царей/«мепе» в глазах мусульманских сюзеренов имел лишь номинальный характер, тем не менее, с ними считались как с могущественными данниками. Эта позиция позволяла грузинам/картвелам в перспективе ещё надеяться на реставрацию собственного суверенитета. В этих своих расчётах особую роль они отводили единоверной России, тесный союз с которой обещал, как надеялись грузины, избавление от деспотической власти шахского Ирана и султанской Турции. Российские же самодержцы, напротив, сделали то, чего от них православные картвелы никак не ожидали. Они, как известно, присвоили себе право единолично распоряжаться судьбой древней Иверии. Русский царь Александр I, который был пылким поборником легитимизма в Европе, ничтоже сумняшеся попрал все его принципы в Грузии, когда низложил династию Багратионов. Так, в Санкт-Петербурге решили опрометчиво аннексировать Грузию. В 1801-1810 годах безжалостно были стёрты последние следы её феодальной государственности. Это, впрочем, не означало, что грузины с этим фактом покорно смирились. Так, о разбушевавшихся страстях нагляднее всего свидетельствует эпизод гибели генерал-майора И. П. Лазарева, начальника русского гарнизона в Тифлисе. Он был заколот

ударом кинжала, который нанесла царица Мариам, вдова Георгия XII Ираклиевича (*Тучков 1908: 202-203*).

Известный в своё время интеллектуал князь З. Д. Авалишвили, постарался особенно акцентировать внимание на том важном обстоятельстве, что: «договорное отношение, определявшееся началами [Георгиевского] трактата 1783 г., уступило место оккупации. <…> Вот схема присоединения Грузии к России» (*Авалов* 1901: 243). Был ликвидирован вотчинный иммунитет картвельских сеньоров[1], а административные функции поручили русским офицерам. Более того, в 1811 году грузинская православная церковь была реорганизована. Она лишилась своей многовековой автокефалии. Её объединили с РПЦ в виде экзархата, а институт католикоса-патриарха был упразднён (*Абашидзе 2005: 245-255*). Это больно ударило по самолюбию грузин, которые ещё пытались вести безнадёжную борьбу против навязанного им очередного иноземного владычества (*Asatiani/Janelidze 2009: 192-198*). Вспыхнула череда отчаянных мятежей своенравных местных феодалов (კუპრაშვილი 2011: 41-59; *Мельникова* 2013). Послед-

[1] Картвельский феодальный класс, органической частью которого были некоторые абхазские и армянские кланы, традиционно состоял из нескольких групп. Высшей аристократией являлись «принцы крови» — царевичи из династии Багратионов и их младшие отпрыски — «батонишвили». К ним примыкала титулованная знать — «мтавары» и «дидебулы». Самым могущественным из них (Дадиани, Гуриели, Шервашидзе/Чачба и Дадешкелиани) принадлежали обширные уделы — «самтавро». Прочие же сеньоры — «тавады»/бароны владели крупными вотчинами — «сатавадо». Служилая же часть нобилей — «азнауры», подразделялась на царских, княжеских и церковных (*Думин/Гребельский 1998: 9-10*). Это низшее рыцарство было аналогом польской шляхты либо японских самураев. В период русского владычества эта сложная иерархия была постепенно упрощена и сведена к одному дворянскому сословию, в котором титулованная аристократия получила статус российских князей. Местные же крупные феодалы лишились своей былой административной и судебной власти. Напротив, для массы мелкопоместных дворян открылась перспектива стать в один ряд с знатнейшими фамилиями. Сельскому дворянину из глубокой провинции, получившему на русской службе хотя бы первый офицерский чин, не могло не льстить то обстоятельство, что в дворянском собрании он теперь имел такой же голос, как и его недавний сеньор, первейший князь, в присутствии которого он ранее не смел даже сидеть.

ним таким эпизодом был дерзкий, но плохо подготовленный заговор князей в 1832 году («распоряжение первой ночи»), после чего наступил период относительного затишья.

Понимание того, что Кавказ системно отличается от остальной империи, привело к учреждению здесь российского наместничества. Колониальную администрацию, в качестве наместника возглавил граф М. С. Воронцов (1844-1854), с самыми широкими полномочиями. Наиболее удачные свои решения этот «полумилорд», получивший образование в Британии, черпал из английского опыта организации управления Индией. Ему методом пряника, чем кнута наконец удалось притупить остроту протеста. Хотя тот был загнан внутрь, но продолжал тлеть, как торфяной пожар. Таким образом, сложно утверждать, что аристократическая фронда закончилась с нулевым результатом. Разумеется, это не так. Она генерировала первое поколение картвельской интеллигенции — «мтквардалеулеби» («испившие воды Куры»). Из них вышла целая плеяда блестящих поэтов-романтиков родом из феодальной знати (Николоз Бараташвили и др.), которые горячо прославляли свою родину. Своим творчеством они привнесли также ностальгические темы в грузинскую словесность. Лирики были первыми, кто вдохновил соплеменников и положил начало национальному пробуждению (*Asatiani/Janelidze 2009: 233*). Эти принадлежащие к высшему сословию интеллектуалы хотели — чтобы Грузия, наконец, избавилась от иноземцев и расцвела всеми своими историческими красками. Общим же для этих людей, кроме патриотических мотивов, были сугубо патерналистские представления, столь характерные для архаичных сообществ. Ведь, они стремились привлечь внимание своих читателей к идеализированному прошлому Грузии.

Феодальные романтики, которые сделали традицию обязательной, передали эстафету князю Илье Чавчавадзе, классику картвельской литературы и идеологу этнической мобилизации. Он пишет: оказавшись под властью русских

единоверцев его «истерзанная страна обрела покой, избавилась от разорений и погромов» (*Брегвадзе 1983: 149*). Грузия до «великого русского владычества»[2], как известно, это феодальная страна, состоящая из полуавтономных территорий, где власть монарха ограничена была прихотью местных баронов. Инкорпорация же в пределы империи Романовых устранила из грузинской жизни феодальную раздробленность — систему «сатавадо». Произошёл процесс собирания грузинских земель под одной крышей, в чём Россия сыграла, безусловно, решающую роль. Прекратились разрушительные иноземные нашествия, внутренние распри и хаос кровавых междоусобиц. Стартовал очевидный и быстрый прогресс в социально-экономической сфере. Началось приобщение к западной культуре, когда настоящий европейский лоск столице Грузии придали немецкие колонисты, польские инсургенты и французские виноделы. По замечанию же З. Д. Авалишвили, его страна, впрочем, «переменила азиатское средневековье на российский казарменно-канцелярски-патриархальный строй» (*Урушадзе 2015а: 146*).

В Грузии русское самодержавие имела дело с многочисленным дворянством, с крайне влиятельной социальной группой, без тесного сотрудничества с которой она не могла эффективно управлять грузинскими землями.

По данным переписи 1897 г. картвелы составляли 23,7 % всего населения Закавказья, а именно 1341 тыс. из 5663 тыс. жителей. Феодальный класс в Грузии по минимальным оценкам насчитывал 5,26 % (Кастелянский 1910: 473). *В восточных и западных районах страны его численность была не одинаковой. Например, к кутаисскому дворянскому сословию принадлежало 70 тыс. человек, а это было 8 % населения губернии* (Кривенко 1893: 227). *Общее же число*

[2] Этот термин («*диди русианоба*») предложил профессор политологии Генри Купрашвили, вынеся его в заголовок своей монографии. Он же разделил очерченную им в истории Грузии эту эпоху на два периода – 1801-1917 гг. и 1921-1991 гг. (კუპრაშვილი 2011: 12-13).

картвельских нобилей равнялось 125-130 тысячам[3]*. Известно, что 56% княжеских фамилий всей Российской империи уже в конце XIX века имели грузинское происхождение* (Соловьев 2000: 175). *Для сравнения: среди этнических русских тогда же потомственным дворянством обладало лишь около 3% населения. В империи Романовых более высокие показатели зафиксированы только среди поляков, 10% которых были приписаны к шляхте. Это на порядок больше чем в Западной Европе. Даже во Франции накануне буржуазной революции XVIII в. аристократы составляли 1,5% жителей страны, а в Британии и того меньше — всего 0,5%* (Дерлугьян 2010: 312-313). *Таким образом, высокая доля феодальной аристократии в структуре населения в период модерна достаточно редкое явление. Кроме Грузии в Европе этим отметилась лишь Польша. Взаимные симпатии картвельского нобилитета и польской шляхты способствовали становлению дружеских отношений между их народами* (Kakachishvili/Komadowski 2018: 29-36). *Тем более что у происходивших из знатного сословия «поляков и грузин были похожие традиции и ценности — культ чести и рыцарства, любовь к красноречию, гордость своим потерянным средневековым величием»* (Рейфилд 2017b: 47). *Более того, под влиянием высланных на Кавказ польских национал-революционеров, картвельская образованная знать прониклась идеями самоопределения. В исторических источниках, — пишет грузинский учёный, — нет данных, которые указывали бы на существование какой-либо непосредственной связи между антирусским восстанием 1830 года в Польше и попыткой дворянского мятежа 1832 года в Грузии. Однако большинство его участников свидетельствует, что известие о польских событиях явилось непосредственным толчком для оформления в Грузии дворянского заговора* (Хачапуридзе 1950: 291). *Таким образом, Грузия подобно Польше встала в XIX веке на извилистый путь борьбы с русским владычеством. Его начало положила аристократическая фронда, которая затем трансформировалась в дворянское освободительное движение.*

[3] «Вестник Грузии», 1991, 19 февраля. № 14.

Самодержавие после инкорпорации «страны золотого руна» не прочь было сделать «местную феодальную аристократию своим верным стражем» (*Гугушвили* 1968: 19). Русские власти, разумеется, старались привлечь картвельский нобилитет на военную и гражданскую службу (*Урушадзе* 2011: 45-48). Санкт-Петербург со скрипом, но подтвердил сословные привилегии картвельского нобилитета. Многие грузинские дворяне посчитали, что кооперация с русской монархией гораздо более полезна, нежели ни к чему не приводящие восстания. Им удалось закрепить за собой ряд важных преимуществ, в том числе наследное право на внеэкономическую эксплуатацию крестьянства. В итоге, тактика феодального сословия, после неудачи всех его мятежей, свелась главным образом к тому, чтобы путем выражения показной верности к династии Романовых, сохранить свои фамильные вотчины и доходы. Грузинская знать казалось внешне смирилась с правлением иноземцев и занялась продвижением своей карьеры на русской службе. Эта позиция, по едкому замечанию З. Д. Авалишвили, «уживается с иеремиадами — по поводу утраты „великого" прошлого — и тоской по той, давно, в сущности, векá назад, канувшей в вечность Грузии» (*Кастелянский* 1910: 483). Сливки аристократии (князь А. Чавчавадзе, князь Г. Орбелиани и др.), которые в своих стихах горько оплакивали и прославляли утраченное прошлое своего народа, заняли почётные места в колониальной администрации. Тбилисский культуролог в этом явлении видит «адаптационный механизм», который позволил не только приспособиться к сложным обстоятельствам, но и извлечь из них определённую выгоду (*Нижарадзе 1999*). Эту конформистскую позицию разделяли отнюдь не все феодалы. Иногда, впрочем, случались печальные эксцессы. Так, владетель Земо-Сванетии князь К. Дадешкелиани в 1857 году самолично зарезал кутаисского генерал-губернатора князя А. И. Гагарина в его служебном кабинете (*Бороздин 1885: 273*).

Было замечено, что крупные феодалы из числа картвельской знати ловко совмещали фронду в отношении

кавказской администрации с фасадной лояльностью к русской монархии. «В результате, – как полагает наш современник, – сформировалась особая грузинская политическая субкультура <…>, в которой можно было пользоваться привилегиями <…> и одновременно фрондировать» (*Новиков 2013: 234-235*).

«Туземцы в составе администрации, — как допускал кавказский наместник, — особенно на низших должностях не только полезны, но безусловно необходимы» (*Бахтурина 2004: 210*). Эти вакансии, однако, весьма скромно оплачивались (*Бороздин 1885: 366, 408*) и посему не пользовались широким спросом у титулованной знати. Как отмечал некий чиновник, грузинское дворянство проводит время «в праздности; иные из них в самых молодых летах <…> домогаются без всяких заслуг то чинов, то денежных дотаций, то пенсионов» (*Урушадзе* 2015b: 118).

Картвельской знати была свойственна готовность к любым самым эксцентрическим жестам и невероятная жизнерадостность, которая отличает подлинный аристократизм. Их менталитет ценил веселье, галантность и показное потребление. Они служили отдушиной в той тусклой бытовой атмосфере, которая их окружала. Это был способ уйти от скучной повседневности провинциальных будней. Посетивший в своё время Грузию этнограф, оставил весьма интересные сведения об образе жизни феодалов. Так, «пирушки, кутежи, охота, переезды целым обществом друг к другу — составляют их главное занятие, при котором не приходится уделять много времени и забот своему хозяйству. Оттого-то большинство небогатых помещиков дошло теперь до жалкого положения» (*Марков 1887: 343*). Русские же чиновники, которые в закавказских провинциях видели себя авангардом европейского просвещения, обычно презирали местных дворян, считая их надменными, безответственными и ленивыми.

С подобными оценками, напротив, в корне был не согласен предводитель картвельского дворянства Дмитрий Кипиани, который настаивал, что «напрасно обвиняют

грузина в лени и безделии. Он всегда трудолюбив, однако на протяжении веков не было возможности, чтобы он спокойно обрабатывал [своё] поместье. Грузинский помещик, прежде всего, был воином. От воина можно [лишь] требовать геройства. Вернувшись с войны, он готовился к новым битвам. Такое положение охладило [интерес] его по отношению к хозяйству. [Свое] хозяйство он вел лишь постольку, поскольку это необходимо было для [пропитания его] семьи» (*Габлишвили* 1980: 88). Многие провинциальные азнауры были довольно бедны и жили не лучше крестьян, но их статус предполагал определённые льготы.

Картвелы принимали самое деятельное участие на стороне России в длинной череде вооружённых конфликтов, которые она вела в том числе против мусульманских соседей Грузии (*Гогитидзе 2001*). «Примечательно, [что] грузины офицеры, – с известной долей разочарования, горечи и обиды замечает видный военный деятель, – выдвигались на высшие должности лишь во время войны. В мирное же время они обыкновенно кончали свою службу на штаб- и обер-офицерских должностях. Это был, конечно, результат [политики] русского правительства. Только война могла заставить нас отличать и нас выдвигать» (*Квинитадзе 1985: 15*). Напомним, что картвелы православные, то есть были «своими», с точки зрения метрополии, и благодаря этому могли временами делать сногсшибательную карьеру. После же завершения русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда казалось, что Россия прочно утвердилась в Закавказье, российская монархия, очевидно, перестала нуждаться в прежних услугах грузинского дворянства (*Качарава 1973: 84)*. Миссия, возложенная на это сословие, видимо была исчерпана.

Известно, что грузинская общественно-политическая мысль в период подчинения своей родины самодержавному скипетру дома Романовых, всерьёз никогда не отказывалась от идеи возобновления своей государственности и постоянно грезила её «золотым веком» времён правления Давида Строителя и царицы царей Тамары. Поиски путей национального

возрождения стали особенно актуальными для неё начиная с 1880-х годов, когда в державе Романовых царские власти избрали опрометчивый путь принудительной русификации покорённых народов, в том числе и грузинского. Характер этой ассимиляционной политики стал выражаться широко известной фразой: «Что не сделал русский штык — доделает русский чиновник, русская школа и русский поп». Русификаторы отнюдь не были против этнографических особенностей народов периферии, однако навязывали им ощущение их культурной второсортности. Они, всячески ограничивали у покорённых народов проявления их этнической идентичности. Так, источником особой тревоги у образованных картвелов служила ничем неприкрытая дискриминация их языка. Так «никто не мог зарабатывать на жизнь знанием этого языка; он не имел никакого значения в администрации» (*Жордания* 1968: 6). Правда, достаточно громко было высказано мнение здравомыслящей части русской интеллигенции, которая полагала, что «никакие драконовские меры насильственного обрусения не принесут пользы ни России, ни Закавказью» (*Марков 1887: 217*).

В работах свидетелей той эпохи встречаются утверждения о том, что «идеи сепаратизма процветали среди части грузинской интеллигенции. <…> Во время празднования столетнего юбилея присоединения Грузии к России [1901 г.], раздавались уже голоса, что Россия вероломно попрала права грузинского народа» (*Байков 1923*: 192). Картвельское же дворянство распространяло эти свои идеи среди простого народа и якобы «уже добилось того, что [он] питает недоброжелательность ко всему русскому» (*Дякин* 1998: 682).

Мятежные настроения были вызваны весьма негодными методами, к которым прибегала колониальная администрация. В казёных школах строго-настрого воспрещалось не только преподавать, но даже говорить на грузинском языке. Очевидец вспоминал, что «в 1890 году грузинских учителей нашей школы заменили русскими. <…> Первым, и для нас самым большим, неприятным событием была замена грузин-

ского языка на русский язык. <...> Сразу отняли у грузинского языка функцию общения, и за разговор на родном языке нас ожидало строгое наказание. <...> Русские учителя били нас с особой строгостью. <...> А самым страшным был карцер, где до поздней ночи закрывали нас без еды» (ირემაშვილი 2006: *18-20)*. Короче, в учебных заведениях был учреждён строгий надзор, а книги и периодика на грузинском языке подвергались суровой цензуре.

Итак, процесс унификации после упразднения наместничества в 1881 году стал особенно интенсивным. По замыслам русификаторов он должен был увенчаться искоренением всего грузинского, вплоть до слов «грузины» и «Грузия» (*Качарава 1973: 51*). Всё это не могло не породить в грузинском народе чувства возмущения и резкого протеста. «Жизнь нашего народа, — публично объявил Илья Чавчавадзе, — обратилась в ад» (*Жвания 1978: 123*). Это был печальный итог грубой и бездумной русификации, которая вызвала встречное центробежное движение.

Не смотря на все старания администрации, русский язык, однако не получил ожидаемого распространения в грузинской народной среде, которая сохраняла стойкую приверженность к своим традиционным ценностям. К примеру, в отличие от тифлисских армян (*вира'айер*), для части которых была свойственна значительная речевая аккультурация, грузины обычно не использовали чужие языки в качестве домашних (*Анчабадзе/Волкова* 1990: 244-246). Более того, картвельский социум в меру своих возможностей старался бойкотировать русскую речь также в роли языка межэтнического общения.

На страницах анонимной брошюры утверждалось, что «Грузия наших дней не имеет ни малейшего основания радоваться наступлению дня столетнего [юбилея] присоединения ея к России» (*Что сделала Россия 1900: 4*). Торжества в Тифлисе/Тбилиси и других городах были омрачены активистами «комитета грузинских национал-демократов», которые расклеивали прокламации с призывами к «восстановлению

политической свободы Грузии» (*Asatiani/ Janelidze 2009: 248*).

Оппозиция стала складываться в местном дворянском сообществе, прежде всего, из-за негативного отношения к русской администрации. В лице пришлых бюрократов, не знающих Кавказа, не уважающих культуру его народов и их традиции, они неизменно видели незваных гостей. «Для этих чиновников, — говорит очевидец, — местное население представляло низшую расу, называли их “туземцами”, считали [их] необразованными и некультурными» (*Уратадзе 1968: 24*). Более того, с точки зрения правящих кругов, Грузия рассматривалась в Санкт-Петербурге в качестве обычной колониальной провинции (*Кривенко 1893: 233; Suny 1979: 69*). Напомним, что три элемента определяют ситуацию колониального правления. Это политическое доминирование, которое связано, конечно, с военной оккупацией и с административным диктатом. Второй – экономическая эксплуатация. И, наконец, третий – это культурная дистанция между местным населением и метрополией. Всё это вызывало недовольство картвельской интеллектуальной элиты, что находило яркое выражение в культурной жизни — поэты и писатели с ностальгией обращались к этническим корням, к знакомым чертам природы своей страны, к истокам родной речи и к древним страницам собственной истории.

Особое раздражение вызывал также тот факт, что администрация в своих официальных документах весьма последовательно игнорировала этнические категории, отдавая предпочтение традиционным конфессиональным критериям. Православные грузины формально считались естественной частью наднациональной системы выстроенной в империи Романовых. Религия не могла иметь для грузинской идентичности («*картвели эрис винаоба*») дифференцирующего значения, так как она скорее объединяла русских и картвелов (*Nodia* 2009: 91). Во владениях Романовых, тем не менее, существовала этническая иерархия, когда только население,

чьим родным был великорусский язык, имело особую привилегию быть единственным титульным народом метрополии. «Грузины, хотя и православные, всё же остаются инородцами. Основным признаком инородчества является язык. Ни раса, ни даже религия, ни политическая лояльность не играют определяющей роли» (*Кастелянский 1910: 531*) Напомним, что отношение властей к народам периферии как к «туземному» населению, несомненно, являлось маркером колониализма.

Неудачи русификации пытались компенсировать активизацией политики «разделяй и властвуй». Этот метод возмутил известного в своё время русского публициста. «Были в чести армяне, — пишет он, — в подозрении грузины. Вошли в честь грузины, — началось гонение на армян. Пока не разочаровались в тех и других, держали в чёрном теле [закавказских] мусульман» (*Амфитеатров 1905: 64*).

Попытка самодержавного режима в период контрреформ 1880-1890-х гг., мобилизовать имперский шовинизм немедленно отозвалась резким ростом сепаратистских настроений в картвельской среде. Курс на национальное возрождение, декларированный местной интеллигенцией, оказался в непримиримом конфликте с политикой русификации. В грузинском истеблишменте возникла и стала распространяться с необычайной силой достаточно устойчивая аллергическая реакция в отношении имперских амбиций русской бюрократии. Трения между этими двумя господствующими социальными группами не заставили себя долго ждать. Очевидец тех событий пишет, что «столкнулись две культуры — грузинская феодальная и русская бюрократическая» (ჯორდანია 2015: 34).

Преднамеренно и планомерно подрывая политическое значение картвельского нобилитета, власти, тем не менее, долгое время не касались в такой же мере его социальных привилегий. Это положение вещей, однако, сохранялось лишь до 1901 года, когда поземельным налогом были обложены также имения знати *(Воронцов-Дашков* 1907: 88*)*. Тем самым,

в эпоху перемены курса от военно-политической экспансии в кавказском регионе на приоритет его экономического освоения, петербургская бюрократия демонстрировала, что более не рассматривает картвельскую знать в качестве главной своей опоры на Южном Кавказе. Веками выстраивая свою жизнь в системе координат «сюзерен – вассал», помещики-картвелы были глубоко уязвлены и крайне раздосадованы этой инициативой властей. Немецкий консул в Тифлисе граф Ф. В. Шуленбург тогда же остроумно заметил, что «грузины [аристократы] чувствуют себя как брошенная любовница, так как [русский наместник] Воронцов-Дашков теперь благосклонен к армянам [компрадорам]» (*Рейфилд 2017а: 242*). В итоге, в сознании грузинского феодального сословия была серьёзно поколеблена уверенность в необходимости и далее сохранять верность трону Романовых, которые под напором капитализма уже не могли, как и прежде быть единственными гарантами их материального благосостояния. Российская монархия стала стремительно терять в глазах грузинской феодальной знати харизму благосклонного патрона, способного и далее успешно защищать интересы своих верных клиентов-дворян. После катастрофического падения престижа династии Романовых, периферийный дворянский партикуляризм строился прежде всего на ожидании крушения российского колониализма.

Публицист В. Л. Величко[4] попытался обрисовать состояние современного ему картвельского феодального класса. Он

[4] Шеф-редактор тифлисского официозного издания «Кавказ» (1897-1899 гг.), ура-патриот и радикальный черносотенец. В своём мировоззрении сочетал примитивную армянофобию с дремучим антисемитизмом (Suny 1993: 47-48). Свою бурную публицистическую деятельность всячески старался подать под вывеской «защиты русского дела на Кавказе». Также небезуспешно пытался играть на этнонациональных чувствах картвельских феодальных традиционалистов. Принадлежавшие его перу крайне острые антиармянские выпады порой находили самый благожелательный отклик и даже обильно цитировались в газете «Иверия», редактируемой патриархом грузинской литературы Ильей Чавчавадзе. Эти шовинистические публикации нередко вызывали резкое раздражение в среде кавказских прогрессистов, настойчиво

утверждал, что «представители выдающихся старинных родов, отличающиеся психологией маленьких “rois en éxil”; те из них, которые с новым положением своим не примирились, ни к какому делу не приспособились и склонны только к “эффектному” прожиганию жизни <…> являются самыми ярыми ненавистниками всего русского. <…> В их недовольстве звучит <…> органическая скорбь об утраченном [своём всевластии]. <…> Эти господа при случае являются истинным бедствием для кавказских русских властей постоянно нуждаясь в деньгах для поддержания своего [статуса]. <…> В русском служилом классе [они] вызывают негодование, доходящее почти до ненависти, своей заносчивостью и снобизмом» (*Величко* 2003: 44). Этот публицистический пассаж весьма наглядно демонстрирует градус неприязни, возникший между поставленным управлять Грузией чиновничьим классом и местным нобилитетом.

Между тем, общая напряжённость в Грузии росла также из-за взятого Санкт-Петербургом курса на максимальную русификацию. В контексте этих тенденций в аристократических домах Грузии стали особенно часто вспоминать свои прошлые победы (*Jones 1987: 62*). Знать, которую сильно потрепал капитализм, недовольно рассуждала о нынешних судьбах своей родины. «Грузины, — по мнению американского автора, — обращались к своей древней истории, чтобы доказать своё преимущество по сравнению с российскими колонизаторами» (*Jones 1994: 158*). Эти приверженцы феодального романтизма бежали от скучного мира цифр и прагматизма, принятого в капиталистическом хозяйстве. Они уносились мечтой ко временам средневекового миропорядка, с его традиционной социальной иерархией. Таким образом, в 1880-е у дворянского общественного движения появилась

протестовавших против подобной расистской риторики. Так, один из местных социал-демократов отмечал, что «Василий Величко был у нас одним из кузнецов, ковавших цепи для всех народностей Кавказа и проводивших макиавелевскую политику divide et impera» (Кариби 1906: 23).

вполне чёткая и конкретная политическая цель: «вернуть Грузию, которую мы потеряли». Как следствие, грузинский нобилитет, который крайне болезненно рефлексировал на постепенную утрату своих привилегий и прежнего влияния, попытался шантажировать русские власти выдвижением на авансцену своего собственного «национального вопроса» (*Качарава 1973: 51*). По словам очевидца, произошёл скачёк «резкого сепаратизма, которым щеголяет теперь в особенности молодёжь в Закавказье» (*Бороздин 1885: 242*).

Кроме того, подспудное усиление оппозиционных настроений в среде грузинских дворян было обусловлено, во-первых, стремлением сохранить этническую идентичность в условиях усиливающейся имперской унификации. Как полагает специалист по исторической социологии, «фрондерство, перерастающее в диссидентство, есть также способ утверждения статуса, когда нет политических выходов для самовыражения» (*Дерлугьян* 2013: 189). Во-вторых, на радикализации политической фронды картвельского дворянства и перерастании её в освободительное движение не мог не сказаться фактор проникновения в их феодальный мир, достаточно разрушительных для него буржуазных товарно-денежных отношений.

По мнению советского автора, капиталистическое развитие Грузии шло не через трансформации «внутри самого грузинского общества — капитализм был привнесён извне, и феодальная Грузия встала лицом к лицу с уже сложившейся иностранной буржуазией» (*Драбкина* 1928: 34). Тем не менее, периферийный капитализм затронул лишь городскую среду, деревня же оставалась по-прежнему феодальной.

Основными носителями совершенно новых для Грузии рыночных категорий выступали главным образом армянские купцы, которые традиционно имели богатый опыт ростовщичества и торговли. Их присутствие здесь, несомненно, делало экономическое развитие страны более динамичным. Армяне,

составляли, по оценкам, 43 % населения Тифлиса[5]. Они занимали, однако, нечто вроде монопольного положения в экономике этого города. Эти элементы точнее всех выражали капиталистический дух нового времени, его мобильность.

Этнические армяне, например, основали и крепко держали в своих руках практически всю банковскую инфраструктуру в Тифлисе (Оганджанян 1970: 229 – 230). *В торговле и промышленности Тифлиса армянам принадлежало 62% всех предприятий, 73% оборота и 69% дохода* (Дадаян 2008: 93). *Были сферы производства, в которых армяне стали монополистами, и одной из таких была табачная промышленность* (Маркарян 2018: 63).

Стремительно богатеющие благодаря плодам «эпохи великих реформ», эти весьма успешные культуртрегеры бизнеса вызвали к себе самое ревнивое отношение со стороны грузинского дворянского сообщества. Или, говоря иными словами, компрадоры из числа армян в картвельской интеллектуальной среде стали рассматриваться сквозь призму российского колониализма, как один из важных его элементов. Им стало мерещиться, что русская администрация «на фоне дискриминации грузин, старалась выдвинуть вперед другой этнический элемент, который был бы более верным России. Таким культурным элементом они [т. е. власти – Б. М.] сочли армян» (*Кутателадзе* 2010: 518).

Цитируемый автор излагает далёкие от реального положения дел сведения. Напротив, князь Г. С. Голицын, назначенный в 1896 году главой кавказской администрации, решительно сменил прежний относительно благожелательный к армянам социально-политический курс. При его непосредственном участии была прекращена деятельность целого ряда армянских общественных организаций, резко сужены полномочия благотворительных обществ, предельно ужесточена цензура в отношении армянских периодических изданий, некоторые из них были вообще закрыты, а также подверглись полицейским преследованиям многие известные деятели армянской культуры. Апофеозом же тех репрессий стал закон

[5] Население Тифлиса (1916), Кавказский календарь на 1917 год, Тифлис: 206-207.

от 12 июня 1903 года о полной конфискации доходного имущества, принадлежащего Армянской Апостольской Церкви. Эта практика встретила повсеместное и ожесточенное сопротивление в армянском народе, что заставило отдельных высших правительственных чиновников высказать некоторые сомнения в отношении наиболее грубых проявлений антиармянской политики. Наместник на Кавказе И. И. Воронцов-Дашков, который принадлежал к числу сторонников более гибкого курса в национальном вопросе и не приветствовал прямолинейное русификаторство, уже вскоре после своего вступления в должность в 1905 году, поспешил выступить с инициативой отмены ряда армянофобских актов. Обращаясь к царю, он обосновал свой демарш тем важным обстоятельством, что «русская политика непрестанно с Петра Великого базировалась на доброжелательном отношении к армянам. <…> Покровительствуя армянам, мы приобретали верных союзников, всегда оказывавших нам большие услуги» (Воронцов-Дашков 1928: 118). *Как можно было убедиться на практике, посреднические просьбы такого рода имели всего лишь утилитарный характер. Когда одни чиновники выполняли распоряжение о возвращении имущества армянской церкви её законному владельцу, иные царские администраторы (М. Алиханов-Аварский и др.), верные принципу «разделяй и властвуй», стали активно провоцировать кровавые погромы армян руками закавказских турок.*

Процветание компрадоров, пожалуй, имело тогда всего лишь ситуативный характер. Оборотистые купцы быстро обогащались на казёных заказах. «Армяне, — пишет очевидец, — содержат почти все откупы, принимают все подряды. <…> Словом — где есть возможность получить прибыль, там непременно находятся армяне» (*Махарадзе/Хачапуридзе 1932: 22*). Корыстные же администраторы грели руки на взимаемых с них щедрых поборах. Так, произошёл курьёзный случай, когда кавказский наместник утвердил поданую ему смету, в которой заранее была указана сумма «отката» чиновникам (*Бороздин 1885: 74)*. В итоге, сказочное обогащение копрадоров, как говорят, происходило благодаря их тесным связям с коррумпированной бюрократией. С подачи этой силы они стали экономическими хозяевами Тифлиса и поэтому, как правило,

отличались стойким русофильством. В газете «Ашхатавор» их называли «антинациональной буржуазией» и стыдили за то, что компрадоры якобы «приходят в восторг, услышав звуки казачьей походной трубы»[6].

Итак, капитализм в Грузии на рубеже XIX и XX веков персонифицировался в образе тифлисского армянского буржуа, который к тому же имел ярко выраженное лицо компрадора, обслуживающего интересы имперской бюрократии. Ведь русские власти сами взрастили компрадоров в качестве посредников в своих товарно-денежных операциях с местным населением. В феодальном же грузинском государстве, заметим, была похожая картина. Предприимчивый армянский элемент картвельские монархи использовали в своих собственных интересах.

Эксперт Паата Бухрашвили фиксирует факт появления армянского торгово-ремесленного люда в своей стране как результат целенаправленной переселенческой политики грузинских монархов, которые видели в нём немаловажную опору для собственной государственности. Он резюмирует, что «одной из значительнейших форм экономических отношений грузинского и армянского народов можно считать привлечение армянского населения в Грузию и его активное включение в хозяйственно-экономическую жизнь грузинского государства» (*Бухрашвили* 2010а: 53). Историк Эдишер Хоштария-Броссе обращает внимание своего читателя на важные социокультурные аспекты в межэтнических отношениях. «В феодальной Грузии, — пишет он, — городские торгово-ремесленные слои издавна в значительной степени состояли из армянского элемента. Проживающие в Грузии армяне тесно были связаны с грузинским феодальным обществом, составляя его органическую часть как в функциональном, так и в культурном (быт, язык) отношении. <…> Со временем положение меняется. С целью колонизации страны, русский

[6] Դիմակները վար են դնում // «Աշխատավոր», 1919, 11 հունիսի։

царизм способствует переселению в Грузию новых групп армянского населения. <…> В новых условиях [их] быт и культура уже строятся не на “грузинский”, а на “русский” лад» (*Хоштария 1974: 194*).

Ряд грузинских авторов (Бондо Купатадзе[7] и др.), в свою очередь, признают немаловажную роль армянского капитала в экономике своей страны. Некоторые рассматривают это явление в достаточно критическом ключе, вовсе не скрывая своего негативного отношения к указанному факту. «Армянские предприниматели захватили [sic!] в свои руки целый ряд отраслей промышленности, — сообщают они, — а также торговлю. Грузинская буржуазия только-только нарождалась и не в состоянии была соперничать с армянскими предпринимателями. Её роль в экономике Грузии была весьма незначительной. Серьезную конкуренцию армянским капиталистам смогли оказать лишь один-два грузинских предпринимателя. Среди них следует упомянуть братьев Зубалашвили и Давида Сараджишвили» (*Вачнадзе/Гурули/ Бахтадзе* 2008: 557).

Впрочем, здесь авторы цитаты всего лишь пытаются зафиксировать сформулированный ими же императив («захватили») и обходят своим вниманием истинные причины, которые способствовали успешному развитию собственно армянского предпринимательства в их стране. Так, армяне, сообщает маститый историк А. С. Хаханашвили, «составляли в Грузии “tiers-état”, третье сословие, к которому принадлежали лишь единицы из грузин. <…> Своей энергией, неусыпным стремлением к намеченным целям, при отсутствии конкуренции со стороны грузин, армяне сумели достигнуть высокого благосостояния в городах: Тифлисе, Гори, Сигнахе, Телаве, Ахалцихе. <…> [Они] выдавали ссуды членам царской фамилии и именитым аристократам под залог земельной собственности. <…> Богатство армян, при оскудении средств у грузин, стало настолько заманчивым ещё в XVIII веке, что сами

[7] კუპატაძე 1998: 485-498.

царевичи выступали женихами девушек из армянских семейств» (*Джаншиев 1898: 551-552*). Эти мезальянсы, то есть женидьба на деньгах, никак не меняли привычки и наклонности аристократии. Она оставалась сугубо феодальной.

В итоге, в классе торговцев и ростовщиков преобладали армяне, поскольку эти занятия считались у картвелов предосудительными (*Parsons 1987: 104*). «Гордые и воинственные грузины, — замечает немецкий путешественник, — не любят заниматься торговлей и ремёслами» (*Гакстгаузен 1857: 92*). Эта же тема звучит в публикациях грузинских историков. Они сообщают, что «в Тифлисе армяне почти исключительно образовали особое городское сословие, нечто вроде почетных граждан, под названием мокалаков, что буквально значит “горожан”. Они вели свое начало от тех промышленных и торговых армян, которых царь Вахтанг Горгасал вызвал, говорят, во вновь устраиваемую им столицу и, чтобы привязать их к ней, предоставил им разные выгодные и почетные привилегии. <…> Нерасположение природных грузин к городской жизни, к торговой и промышленной деятельности, было так сильно, что, не смотря на все выгоды и преимущества, сословие мокалаков состояло почти из одних армян» (*Бакрадзе/Берзенов* 1870: 87-88). Поясним, что звание «мокалак» принадлежало лишь наиболее состоятельной части горожан. В это сословие входили исключительно потомственные жители столицы — патрициат, приближавшийся по своему социальному положению к местному дворянству.

Как можно убедиться, армяне не только не были чужды Грузии, но обосновавшись там с древнейших времен, ни в коей мере не являлись «метеками» (апатридами), то есть инородным элементом в столице этой страны. Более того, армян сближала с картвелами общая для этих народов принадлежность к миру восточного христианства. Взаимовлияние этнических культур было естественным и закономерным результатом исторически сложившейся специфики тбилисской жизни. Армянские купцы, ремесленники, интеллигенция сделали

немало для грузинской столицы. Они внесли свой посильный вклад в формирование неповторимого облика старого Тбилиси. Многие армяне показали здесь замечательный пример аккультурации, когда, почти не ассимилируясь в грузинской среде, освоили её язык и приобрели местные бытовые особенности (*Полиевктов/Натадзе 1929: 36*).

Таким образом, интенсивной взаимной ассимиляции двух народов мешали, кроме некоторых конфессиональных особенностей, также разница в их экономическом поведении. Так, в Грузии армяне доминировали в сфере коммерции и ремёсел, а картвелы — в сельском хозяйстве. Однако это была не социальная дихотомия, а традиционный симбиоз.

В 1897 г. в Тифлисе проживало 25 тыс. приписанных к дворянству человек, что составляло 15,6% от общего числа жителей города (*Анчабадзе/Волкова 1990: 28*). Собствено же картвельская буржуазия была крайне малочисленной и не играла определяющей роли в экономической жизни своей исторической столицы. Известная в своё время писательница Вера Желиховская, проведя многие годы в Грузии, пришла к заключению, что грузины якобы «не предприимчивы», а «торговлю за стыд почитают» (*Желиховская* 1885: 44-45). Это положение дел, напоминаем, было вызвано аграрным характером грузинского социума, когда путы феодализма безнадежно сковывали творческую энергию этого всесторонне одарённого народа, не давая развиться независимым производительным силам.

В документе, датированном 1889 годом сказано, что дворянство Тифлисской губернии «по-прежнему не отличается склонностью к труду» (Адамия 1976: 26). *Общеизвестная праздность немалой части феодальной аристократии, к примеру, весьма остро и с необычайным юмором была высмеяна в сатирических произведениях высшей пробы самих классиков грузинской литературы И. Чавчавадзе (повесть «Человек ли он?») и А. Цагарели (пьеса «Ханума»). Инертность же крестьянского сословия, к слову, «имела вполне рациональную мотивацию. Дополнительные усилия в натуральном хозяйстве, к тому же отягчённом крепостни-*

чеством, <…> вдобавок вполне могли побудить барина увеличить оброки. Куда безопаснее [было] слыть бедным» (Дерлугьян 2013: 177-178).

Армянские ростовщики ловко воспользовались экономическими выгодами нарождающегося капитализма, когда феодальные «маноры» стали объектом купли-продажи. Появление же свободного капитала на рынке, напротив, дало старт процессу неуклонной экономической деградации картвельского дворянства. Немалая часть грузинского помещичьего сословия в силу своих характерных ментальных особенностей, по сути, не способна была перевести принадлежащие им хозяйства на рельсы капиталистической экономики. Причины этого явления были хорошо знакомы многим их современникам. «Присущая грузинскому дворянству страсть к широкой расточительности и богатой светской жизни создала для класса помещиков острую нужду в деньгах, которые неоткуда было им взять. <…> Появились земельные банки разных наименований и грузинское дворянство широко воспользовалось их услугами, не осталось почти ни одного сколько-нибудь крупного имения, под обеспечение которого не были бы получены деньги. <…> Задолженность дворянства росла, но сельскохозяйственная культура, производительность сельского труда и доходность имений ничуть не изменилась к лучшему, — так констатировали общеизвестные факты в одной из публикаций своего времени. — Началось обнищание и разорение помещиков, которые, не зная и не умея справиться с финансовыми затруднениями, с одной стороны из года в год возбуждают перед правительством ходатайства о сложении с них долгов, а с другой стороны, выжимают у крестьянской массы решительно всё, что только возможно»[8].

Сама же знать жаловалась, что находится в состоянии «экономического упадка и полного развала дворянского хозяйства, горше и хуже которого трудно себе представить»

[8] Из грузинской жизни // «Кавказский Вестник», 1905, октябрь. Тифлис: 78.

(*Авалиани* 1920: 90). Она ещё не осознавала истинных причин краха феодального режима, не понимала, что его фундаментальные принципы в эпоху модерна уже превратились в анахронизм, и потому столкновение с новой реальностью было для неё столь мучительным. Посетивший в своё время Грузию этнограф пишет, что «здешнее дворянство большей частью не имеет ни возможности, но охоты серьёзно заниматься хозяйством. Состояния всех расшатаны страшно, все в неоплатных долгах. <…> Вообще хозяйство грузинского дворянства производит впечатление поразительного бессилия. <…> Оно должно <…> стряхнуть с себя средневековые отношения. <…> Иначе грузинскому дворянству в самом скором времени грозит всеобщее экономическое крушение» (*Марков 1887: 299-301*).

Ныне же грузинские авторы несколько иначе трактуют причины экономического банкротства своего аристократического класса. Они обходят своим вниманием системные изъяны присущие феодальному землевладению и пытаются объяснить суть явления обобщением имеющих лишь частный характер фактов, которые никак не раскрывают результаты хозяйственной деятельности помещиков. Так они пишут, что «для большинства грузинского дворянства единственным источником дохода была земля. И только небольшая часть грузинской аристократии жила на средства, получаемые на государственной службе. Наследственные земли дворян постепенно сокращались после её раздела между членами семьи, соответственно сокращались и доходы, получаемые с этой земли. Грузинская аристократия, оставшись без средств, вынуждена была занимать деньги у армянских предпринимателей, пытаясь таким путем выйти из тяжелого положения. Однако многие дворяне не в состоянии были вернуть заём, поэтому они продавали свои земли и полученные деньги отдавали на покрытие долга. Покупателем земли была всё та же армянская буржуазия. Так, постепенно, грузинская земля

переходила в руки армянских капиталистов» (*Вачнадзе/Гурули/ Бахтадзе* 2008: 566-567).

Таким образом, экономическая ниша, которую занимали помещики, — все это подходило к концу, распадалось, находилось в состоянии кризиса. Более того, из-за нерационального ведения хозяйства дворяне не могли избавиться от перманентных долгов и были вынуждены закладывать свои родовые вотчины. Так, только в двух поземельных банках Тифлиса к 1903 году было заложено 30% от всего количества поместий одноимённой губернии (*Гогичайшвили* 1910: XXVI). Из-за неуплаты своевременно причитающихся сумм кредиторам в их руки постепенно переходили помещичьи земли, которые затем по завышенным ценам продавались с публичных торгов.

Известно, что 40% дворян Грузии к 1905 году уже лишились всяких прав на свои родовые владения (*Драбкина* 1928: 19). Это была трагедия обедневших аристократов, некогда гордившихся своим привилегированным положением, а теперь дошедших до полного обнищания. В итоге, «имеется значительное число совершенно необеспеченного мелкого дворянства, легко поддающегося смуте» (*Воронцов-Дашков* 1907: 28). Более того, когда русские власти провели ревизию и инвентаризацию гербовых бумаг у привилегированного класса, далеко не всем семьям картвельских мелких феодалов удалось преодолеть канцелярскую волокиту и подтвердить свои наследственные права. После долгих мытарств и бюрократических проволочек многим было отказано в зачислении в имперское дворянское сословие (*Suny 1979: 56*). Судьба же внебрачных отпрысков аристократии чаще всего была также печальной и дворянский статус для изрядной части побочных сыновей нобилей оказался недосягаем. В некоторых случаях такое происхождение сегодня можно лишь предполагать (*Думин/Гребельский 1998: 15, 44*). Эти категории, которые продолжали числится под родовыми фамилиями, были записаны в другие сословия, в том числе в крестьянское. «И

поденщик, и лакей, и повар, — сообщает очевидец, — в тоже время может оказаться несомненным князем старинного рода, из исторических фамилий. <…> Только в Грузии можно встретить этот оригинальный тип демократической аристократии и аристократической демократии: кучера или повара, который <…> зарубит вас как собаку, если вы позволите себе оскорбить его честь» (*Марков 1887: 376*). Для «побочных князей» важна была их двойная репутация как мстительных врагов, так и щедрых друзей. Такая демонстрация человеком собственной доблести, а не формальных титулов, для окружающих была достаточным доказательством знатного происхождения. Такое положение дел, пожалуй, для некоторых деклассированных нобилей (Ш. В. Алекси-Месхишвили, Ш. А. Карумидзе, Б. Г. Чхиквишвили, Ф. И. Махарадзе и др.) стало лишней мотивацией для активного участия в антиколониальном дискурсе, в котором они заняли радикальные позиции.

Оскудевшее дворянство густой массой стало рекрутироваться в набиравшее силу движение национального возрождения, в котором затейливо переплетались и консервативные, и революционные мотивы. В то же время, с точки зрения современного исследователя, «на смену феодальному партикуляризму приходит партийный партикуляризм» (მაისურაძე 2018: 18). Хотя культурное сближение грузин с Россией казалось относительно прочным, однако политический альянс между ними оставался весьма зыбким. К партикуляристам примкнуло немало фрустрированных мещан вкупе с разночинной интеллигенцией.

Поясним, что интеллигенция вышла из дворянства в период раннего модерна как особая группа образованных людей, чьё профессиональное существование не зависело от санкции государства. Её представителям недворянского происхождения (среди которых было много сыновей духовных лиц) иногда давали сословную характеристику «разночинцев». В силу своего невысокого происхождения они занимали маргинальные позиции в грузинском

социуме, где социальные лифты по-прежнему работали ещё очень слабо.

Картвельская аристократия, стремилась выйти из-под имперского контроля и возвратить себе статус полноценного правящего слоя, поскольку возможности для её вертикальной мобильности в метрополии были достаточно ограничены. Лозунгом партикуляристов стало требование «автономии», т. е. самоопределения без национальной революции. Этот проект на грузинский манер копировал ирландский «гомруль» и был своего рода его кавказским аналогом. Он предполагал национальное самоуправление при сохранении над Грузией российского суверенитета. Об этих намерениях «автономистов» сообщил активный их сторонник меньшевик Вано Гомартели. «Грузинский народ, — рассуждал он, — изберёт своих депутатов, создаст собственный парламент в Тифлисе и собственное правительство. Они будут подчиняться российскому парламенту и правительству, а делами Грузии будут управлять сами» (*Kandelaki 2019: 326*) То есть это были планы, которые имели цель обрести статус, аналогичный статусу британского доминиона. Иными словами, первейшей стратегической целью оскудевшего дворянства стало возрождение самостоятельной Грузии.

Итак, на смену прежней аристократической фронде, с развитием капитализма в Грузии и её фасадной «вестернизацией»[9], пришло дворянское освободительное движение.

[9] Есть тенденция увидеть в Грузии отдалённую европейскую периферию, которая в силу исторических обстоятельств была оторвана от Запада. Видно очевидное намерение вписать культурную историю этой кавказской страны в европейский контекст. Так британский эксперт подчёркивал, что в Грузии существовали «практически все социальные институты европейского феодализма» (*Лэнг 2004: 134*) По мнению же грузинских интеллектуалов, место их страны должно быть среди европейских народов. Они стремятся показать, что социальные процессы на территории средневековой Грузии были идентичны тем, что протекали на Западе. Они исходят из того, что грузинский феодализм имел много аналогий с европейским феодализмом. Это, в частности, проявилось в развитии отношений вассалитета. Они полагают, что в средневековой Грузии возникло рыцарское сословие, которое во многих отношениях было сходно с западноевропейским *(Кирчанов 2009:*

Очевидно, что понять тенденции этого явления проще, если вставить его в контекст консервативной революции.

На примере Грузии можно было наблюдать предельно загнивший феодализм, исключавший возможность хоть какого-то поступательного развития без его решительной ликвидации. Однако в самом грузинском обществе тогда отсутствовали более-менее серьезные капиталистические элементы и, следовательно, роль могильщика местного феодализма, в силу создавшихся объективных обстоятельств, должна была выпасть на долю армянской буржуазии. Осознание столь опасной для их социальных интересов перспективы, вызвало бурю эмоций в среде традиционного дворянства. Оно хотело сохранить статус-кво вопреки меняющемуся миру, который, как казалось консерваторам («мтквардалеулеби»), рассыпался в прах.

В. Л. Величко с завидным усердием и превеликим старанием ретранслировал настроения картвельской аристократии. С его слов известна суть зазвучавших упреков, что, дескать, «армяне в самостоятельной Грузии не представляли для грузин такой роковой опасности, какую они представляют теперь» (*Величко 2003: 30*).

В феодальной Грузии армянские поселенцы являлись её органической частью. Так, при Давиде Агмашенебели/ Строителе, царе и объединителе грузинских земель, в целях развития экономики страны было организовано массовое переселение армян, главным образом ремесленников и

---

137). На основе прославленной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» («Вепхис-ткаосани») была создана концепция о грузинском рыцарстве — «*раиндоба*» (წურწუმია 2016: 38). Таким образом, социальное развитие средневековой Грузии якобы гораздо было ближе процессам, связанным с феодальными отношениями в Европе. Контакты же с мусульманским Востоком, впрочем, привели к значительной ориентализации культурного и политического пространства в Грузии. Впрочем, грузинские интеллектуалы настаивают, что их родина никогда не сливалась с ним, была отдельной от него. Более того, писатель Константин Гамсахурдия видел свою страну в образе окцидентального лимитрофа: «судьба уготовила нам стоять у врат Востока от имени западной цивилизации» (*Кирчанов 2015a: 18*).

купцов, в столицу Грузии. Они обосновались здесь в основанных ими же кварталах Авлабар и Сололаки, и вскоре стали играть всё возрастающую роль в жизни города. Уже царь Георгий III и его дочь Тамара передают должность градоначальника Тбилиси, как правило, в качестве наследственной привилегии армянским княжеским фамилиям. Об их влиянии и авторитете свидетельствует то, что грузинские монархи «считаясь с тбилисским армянским населением, составлявшим в городе большинство, назначали городским головой армянина» (*Чхетия* 1958: 161-162.).

По утверждению же французского путешественника XVII века Жана Шардена, «армян [в Тифлисе] так много, что они своей численностью превышают грузин, они также гораздо богаче последних, но занимают, по большей части, невысокое положение» (Шарден 1902: 182).

Армяне, живя бок о бок с картвелами, веками стойко переносили все тяготы и лишения, которые периодически обрушивались на Грузию. Полагаем, что читателю, пожалуй, стоит также обратить внимание на интересный комментарий грузинского эксперта. «В [феодальной] Грузии, — сообщает он, — этнически грузинское население занималось земледелием. <…> Города [же] в основном представляли административные центры, население которых, большей частью не грузинское, занималось торгово-производственой деятельностью. <…> Капитал, который в основном находился в руках инородцев, никогда не представлял опасности для государственности грузин. <…> Соответственно в Грузии не было ни антиеврейского движения (большинство купцов были евреи), ни антиармянских выступлений (большая часть ремесленников были армяне). Если [же] инородец желал осесть на грузинской земле, он должен был огрузиниться. <…> После введения [же] русского правления обстановка радикально изменилась. На грузинских землях колониальное правительство стало массово расселять инородцев — армян, молокан, духоборов, мусульман, немцев, тем самым подрывая основы экономического могущества грузин [читай: аристо-

кратов — Б. М.]; <…> что составляло одну из стратегических линий колониальной политики России» (*Бухрашвили* 2010b: 144).

По мнению же профессора А. Даушвили, «новые поселенцы считали себя в долгу не перед грузинами, на земле которых поселились, а перед русскими. Отсюда шло полное игнорирование грузинской культуры и письменности» (Юнге/Бонвеч 2015: 447).

Кроме того, особую аллергию у феодального класса, отметим, вызывало стремительное укрепление экономических позиций тифлисской буржуазии, что вошло в непосредственный диссонанс с прежним социальным доминированием наследственной аристократии. Тогда же враждебно настроенные к народам периферии ксенофобы-черносотенцы развернули армянофобскую кампанию. Они возмущались, что якобы «экономическое владычество в Закавказье сосредоточилось в руках армян — они являются теперь хозяевами края» (*Шавров* 1911: 65-66).

Грузинская интеллигенция переломной эпохи, которая в значительной степени сформировалась из представителей дворянского сословия, крайне болезненно реагировала на рост свободного капитала в своей стране. О положении и настроениях аристократии красноречиво свидетельствовал известный поэт князь Григол Орбелиани: «Со всех сторон слышны стенания, лицо каждого дворянина нахмурено вследствие горьких мыслей о наступающей бедности; всё наше общество завязло в неоплатных долгах, а избавителя нигде не видно. Вся Грузия продается, и, если покажется кто-либо с деньгами, тот, действительно, задёшево и по-настоящему станет господином Картли и Кахети» (*Качарава* 1973: 35).

В эмоциональных обсуждениях грузинской общественности тот, в общем-то, обычный экономический процесс, приобрёл зловещий смысл, и молва уже сводила продажу фамильных усадеб нерадивыми помещиками чуть ли не к потере исторической родины всем грузинским народом (*Ишханян 1914: 43*).

Благосостояние грузинской аристократии исконно было связано с землей, которая была для многих из них единственным источником дохода. Дворянская публика, которая не понимала, либо не хотела осознать истинных причин своего упадка, напротив, жаждала простого и сильного объяснения внезапного крушения традиционного уклада. Оно было вскоре найдено путём тиражирования мифа о коварных кознях армянской буржуазии. «Главными вдохновителями антиармянской, доходившей порой до армянофобства, кампании, — вспоминал очевидец событий, — были видные представители грузинской литературы, как князь И. Чавчавадзе, князь Ак. Церетели и др. Кампания эта была чисто дворянская» (*Кастелянский* 1910: 519). С точки зрения аристократов их разорение было делом рук ушлых инородцев, неких «метеков», которые якобы злоупотребили грузинским гостеприимством и использовали его в своих корыстных целях. Этот тезис со всей тщательностью был отшлифован и изложен в известной программной работе-памфлете «Армянские учёные и вопиющие камни». В этом насыщенном яркими и хлесткими фразами труде, Илья Чавчавадзе в большей степени полагался не на проверенные факты, а на своё природное красноречие, компенсируя тем самым, однако, полное отсутствие внятных аргументов (*Вермишев 1904*). Тем не менее он пишет: «Не довольствуясь тем, что позорят наше имя, лишают нас национального достоинства, они [т. е. армяне], чтобы окончательно сжить нас со света, упраздняют и всю историю нашу, и летописи, и памятники, все, кровью обагрённые, заслуги наши пред христианством и всё, принадлежащее нам, наше историческое достояние, путем разного плутовства, приписывают себе» (*Чавчавадзе* 1902: 3).

Впрочем, все эти досужие вымыслы распространялись, разумеется, преднамеренно. Знать, в поисках национального консенсуса, с помощью разных ухищрений стремилась ловко отвлечь внимание от внутренних социальных проблем. Возбуждая ксенофобские страсти, она добивалась, таким

образом, сплоченности своей этнической группы вокруг лидеров дворянства. «Адресатами националистических призывов Чавчаваде, — сообщает тбилисский исследователь, — были исключительно этнические грузины» (*Chkhartishvili* 2013: 202). Отвечая на вызовы времени, когда новые экономические отношения в эпоху модерна потребовали иных форм социальной солидарности, он с позиций трайбализма апеллировал к «голосу крови». Плебсу за неимением лучшего предлагали довольствоваться чувством совместной с нобилитетом принадлежности к единому этническому сообществу. Аристократам необходимо было срочно спустить пар, направить недовольство простых людей на кого-то другого. Экономические успехи буржуазии только обостряли этот социальный конфликт. Они наглядно демонстрировали эффективность новых жизненных принципов, что одновременно вызывало отчаянное сопротивление почуявших смертельную опасность феодалов. Более того, для местного истеблишмента даже справедливая критика компрадорского капитализма, как правило, была внешним признаком армянофобии, так как являлась лишь её цивильной упаковкой.

Уже в позднем средневековье сложился известный, чисто дворянский взгляд местной знати на эмигрантов-армян «как на людей низшей породы, самой природой созданных для того, чтобы раболепствовать перед [иноземными] господами, вносить оброк, сносить побои» (*Кастелянский* 1910: 510). В новое же время богатая армянская буржуазия приобрела более высокий социальный статус. «Из бесправной массы армянское городское сословие поднялось до положения сильного и опасного соперника феодальнаго класса» (*Кастелянский* 1910: 514). Характер их взаимоотношений стал определяться антитезой, которую, пожалуй, лучше всего резюмировал А. С. Пушкин: «"Всё куплю"— сказало злато, "всё возьму"— сказал булат».

Аграрные сообщества, как известно, строго иерархизированы. Феодальная элита априори препятствует самому

появлению механизма социальных лифтов. Все блага при господстве нобилитета предназначены лишь для тех, кто родился с золотой ложкой во рту. В случае нарушения традиционной субординации, неизбежно возникает конфликтная ситуация. Сословная гегемония дворянства в Грузии к 1880-м гг. сильно расшаталась, снижение же прежних его статусных позиций вело дело к острым социальным трениям. Они были отчасти выражены также в форме антагонизма между грузинской знатью и армянской буржуазией (*Parsons 1987: 32-33; Suny 1994: 95*). Князь А. И. Сумбаташвили (более известный как актёр Сумбатов-Южин) верно заметил, что эти противоречия «не есть рознь национальностей, а одна из бесчисленных форм классовой борьбы на чисто экономической почве» (*Сумбатов* 1919: 6).

Со свойственным избранной касте гонором, чванством и снобизмом титулованная знать традиционно испытывала стойкую неприязнь к иным социальным группам. Если же они, более того, принадлежали к другому этносу, тем легче было сделать из них пропагандистский жупел для наклеивания всякого рода ярлыков. На страницах газеты «Могзаури»/«Путник» сообщали, что «князья–помещики говорят грузинским крестьянам: “Мы с удовольствием дали бы вам землю, но как быть, когда наши земли отнимают и осетины, и армяне. Они наши исконные враги и теперь мы — князья и грузинские крестьяне — должны объединиться, чтобы разгромить наших общих врагов — армян и осетин”»[10]. Несомненно, что призыв к этнической солидарности был ориентирован, прежде всего, на интересы наследственной военно-землевладельческой аристократии, на сохранение её социально-политического доминирования.

Этнокультурные стереотипы, возникшие в дворянской среде, затем были ею же навязаны остальной части своего народа. В грузинском социуме, особенно на бытовом уровне, сформировались

[10] «მოგზაური», 1905, 5 ივნისი. № 21.

установки с клишированными и упрощенными представлениями, которые, по сути, не преодолены и поныне. Их рецидивы, время от времени, ещё напоминают о себе в общественном дискурсе. Настороженное отношение к этническим армянам, продолжает являться, увы, одним из компонентов массового сознания современного грузинского сообщества. Хотя, как пишет тбилисский политолог, «сегодняшняя армянофобия, которая всё ещё существует в Грузии, не имеет никаких логических причин, [так как] старые комплексы совершенно лишены почвы» (Аблотия 2011). *Более того, Илья Чавчавадзе фактически сам дезавуировал свои колкие замечания в адрес давних соседей словами: «Мы все хорошо знаем, что бессилие прежней Грузии началось с того несчастного дня, когда пала Армения — наша прежняя южная твердыня»* (Давлианидзе 2009: 20).

* * *

Князь И. Г. Чавчавадзе вместе со своими идейными сторонниками образовал течение «пирвели даси»/«первая группа», которое дало новый, мощный импульс грузинскому патриотизму. Они всячески отстаивали кодекс грузинской идентичности — «картвелоба», перед лицом угроз русификации.

В 1860-х гг. на страницах журналов «Цискари» («Заря») и «Сакартвелос Моамбе» («Вестник Грузии») развернулись острые идейные прения по вопросам грузинского языка и литературы, а по существу, по общественно-политическим проблемам. В ходе той дискуссии произошло размежевание картвельского интеллектуального истеблишмента на условно соперничающие группы «отцов»/«мамеби» (консерваторы) и «сынов»/«швилеби» (модернизаторы). У поколения «мтквардалеулеби», рождённого аристократической фрондой и выкованного дворянским заговором 1832 года, постепенно, но неумолимо перехватила инициативу внешне «вестернизированная» разночинная интеллигенция. Ею было положено начало направлению, к которому примкнула грузинская молодежь, получившая образование в России, и названная

«тергдалеулеби» («испившие воды Терека»). Она вернулась в родные пенаты с мечтой о национальном возрождении Грузии. Непререкаемым авторитетом для тех, кто жил с этой надеждой стал И. Г. Чавчавадзе. Широко образованный интеллектуал он пытался с пользой для своей страны творчески переосмыслить концепции западных мыслителей (Эрнест Ренан и др.). Так, у немецких философов (И. Г. Фихте и др.) он перенял опыт романтической традиции. Для него их теории были лишь формой, которые он наполнял собственным содержанием. Его формула «грузинское сердце и европейская одежда» (კობალაძე 2019: 26) стала краеугольным камнем, стержнем точки зрения «тергдалеулеби» на вестернизацию Грузии. Таким образом, Чавчавадзе призывал заимствовать у Запада лишь внешние формы, так как вестернизация страны не была возможной без ослабления патерналистских структур.

К нему по мировоззрению ближе всех стояли поэт А. Р. Церетели, просветитель Я. С. Гогебашвили, позднее — писатели А. М. Казбеги и Важа-Пшавела (Л. Разикашвили). Если «мтквардалеулеби» горько тосковали лишь по далёкому прошлому, то генерация «тергдалеулеби» больше старалась сочинять литературу о реальных проблемах своего времени (*Parsons 1987: 218*). Вместе с тем литераторы из «пирвели даси» были едины в предчувствии катастрофы, которую, как им казалось, несёт их родной стране буржуазная цивилизация. Так, «Важа-Пшавела распад родового быта ощущал, как конец мира» (*Цурикова 2015: 64*). Ими пропагандировался враждебный меркантильному сознанию жизненный идеал «героического реализма». Они мечтали о низвержении пошлой, убогой, мещанской культуры торгашей и возрождении сурового сообщества отважных, доблестных воинов.

Квинтэссенция же учения «тергдалеулеби», пожалуй, заключена в корпоративистской теории «общей почвы», то есть общности этнических интересов всех социальных групп грузинского народа (*Чиковани 1989: 12*). Они твёрдо стояли на

точке зрения защиты единых национальных ценностей: грузинской идентичности, языка и культуры. В этом вопросе с ними полностью солидаризировались «мтквардалеулеби» (Д. И. Кипиани и др.), в содружестве с которыми они основали «Общество распространения грамотности среди грузин», структуру, много сделавшую для создания собственной сети школ и библиотек (*Качарава 1973: 85)*. Эти столпы национального возрождения занимали передовые позиции в вопросах развития родной речи, культуры и образования.

Однако в некоторых случаях ситуация была не столь однозначной, как видится на первый взгляд. Так, Акаки Церетели, творчество которого во многом преследовала цель борьбе с русификацией, не смог отстоять позиции родного языка в кругу своей же семьи. Его единственнный сын был человеком сугубо русской культуры и ментальности, а грузинского языка даже не знал вовсе. Во всяком случае, все сохранившиеся его письма к родителям — на русском языке (*Цодоков 2002*).

Век национализма создавал особые причины, заставлявшие картвельских интеллектуалов вольно или невольно заниматься модернизацией прошлого. Они активно занимались пропагандой истории своего народа, делая акцент лишь на героической её стороне. Илья Чавчавадзе полагал, что колониализм и капитализм разрушили социальную идиллию, которая некогда якобы существовала в феодальной Грузии. Он и его последователи старались доказать, что до водворения русского владычества крепостничество там носило характер отеческого попечения помещиков о крестьянах, а не рабства. «Такое мнение, — пишет исследователь вопроса, — было грубым искажением истории. Нужно полагать, что грузинским дворянским писателям было стыдно признаваться в существовании того гнусного строя, на котором держалось их собственное благополучие. <...> Поэтому эти писатели из дворян идеализировали старую Грузию и даже отрицали существование в ней крепостного права» (*Махарадзе 1933: 13, 97*). Кроме того, Чавчавадзе призывал к примирению сословий

внутри своего этноса и лелеял иллюзорную мечту союза «меча и орала» (*Ратиани 1958: 149; Jones* 2005: 37). Это было нечто очень похожее на корпоративистскую теорию. Таким путём вожак «пирвели даси» хотел в своей стране избежать острой социальной борьбы. Однако освобождение крестьян без земли, при сохранении феодальных повинностей, основанных на поземельной зависимости, заложило основу для непримиримого конфликта между ними и помещиками.

Деятели «тергдалеулеби», впрочем, внесли неоценимый вклад в укрепление этнокультурной самобытности картвелов. Более того, они во второй половине XIX века положили начало процессу этнополитического конструирования грузинской нации (*Мисабишвили 1957: 20*). Их концепция национализма исходила из идей немецких романтиков и опиралась на примордиалистскую модель[11]. Процесс, однако, развивался за счет внутренней ассимиляции автохтонных народов — мегрелов и сванов, а также ряда усвоивших картвельскую речь традиционных для Грузии групп населения (армян, осетин, евреев, греков, кистинов и др.). Кроме того, настоятельной была необходимость сделать частью единой нации грузин-мусульман, которые обладали тогда совершенно отличной от их соплеменников-христиан идентичностью.

Впрочем, несмотря на кажущуюся очевидность того, что следует понимать под термином «нация», до сих пор не существует единого определения этого социального феномена. Концепция, которая ныне завоевала ведущие позиции в этнологии, исходит из того, что нации стали зарождаться лишь на этапе перехода от аграрного к индустриальному обществу. Модернисты, в отличие от примордиалистов, пришли к выводу о том, что нации не

[11] С точки зрения этнического (примордиального) национализма, народ — это совокупность людей одного расового происхождения, с общими предками, состоящими в «кровном родстве». Примордиалисты же сходятся в том, что особую роль в формировании этнической идентичности играет причастность к общей традиции. Это проявляется в мифе о «золотом веке», который был в прошлом. К этому идеалу в их представлениях нужно снова вернуться. Примордиалистский дискурс напоминает язык служителей музея: они говорят о сохранении и реставрации.

являются природной данностью, а представляют собой идеологические конструкции, созданные представителями интеллектуальной элиты. Идея нации пришла в какой-то степени на замену конфессиональной принадлежности, выполнявшей до того функции интеграции общества. По мнению ряда авторитетных исследователей (Anderson 1983; Gellner 1983; Smith 1983; Hobsbawn 1990) *в основе формирования наций лежат процессы ликвидации феодальных структур, рост урбанизации, создание единого внутреннего рынка, развитие промышленности. В новое время стремительно стали складываться крупные нации, включающие в себя самые разнообразные этнолингвистические группы. Сплочение людей в процессе формирования нации может быть дополнено представлениями об их культурной общности и стандарте языка. Хотя это не носит обязательного характера. Некоторые нациии (швейцарская, канадская, финская, бельгийская и т. д.) пользуются двумя-тремя и более языками. Определяющим фактором для нации в отличие от этноса, таким образом, становится не язык, а политическое единство. Оно находит воплощение в создании нарождающейся в эпоху модерна интеллигенцией собственной национальной идеологии. Иными словами, процесс формирования ядра нации стартует именно с момента начала идеологической кампании. Отметим, что национализм является инструментом создания политической нации, проект которой задуман интеллектуалами. Действительно, чтобы люди могли почувствовать себя принадлежащими к единой этнополитической общности, должна быть проделана колоссальная работа, начинающаяся с унификации в области литературного языка и создания системы представлений об общем историческом прошлом. Поэтому между моментом, когда образ нации возникает в головах у интеллектуалов и моментом, когда соответствующая этому идентичность получает этнополитическое оформление, лежат долгие годы. Таким образом, нация — феномен прежде всего политический и социальный, и только потом — этнический.*

В среде картвелов ярко выраженное региональное (либо субэтническое) самосознание долгое время способствовало их этнографической обособленности. Они испытывали дефицит коллективной идентичности. Так, гурийцы «не имели представления о единой грузинской нации. Грузия была для

них “Картли”, а грузины — картлийцы, иногда кахетинцы» (*Жордания* 1968: 7). Словом, этническая общность для них не имела никакого значения, когда люди феодальной формации, попросту говоря, не задавались вопросом, к какому этносу они принадле- жат. Кроме того, для картвелов, как правило, до эпохи модерна было характерно преобладание религиозной идентичности над этническим самосознанием.

Процессу консолидации грузинского этно-конфессионального сообщества в полноценную нацию всячески мешал дискриминационный режим религиозной политики, введённый официальным Санкт-Петербургом. Проблема заключалась в лишении Грузинской православной церкви автокефалии и разрушении её монополии на образование, что, разумеется, было сильным ударом по этническому самосознанию грузин. По этой причине картвельское духовенство временно утратило возможность формировать и ретранслировать культурный код своего народа. Следствием этого стал упадок значения православия как идентификационного признака.

Напомним, что исповедующие ислам грузины представляли из себя отдельное сообщество. Их идентичность имела самобытный характер, что ограничивало их коммуникации в картвельской среде. Эти барьеры постепенно стали разрушаться благодаря секуляризации культуры феодальной элиты, что привело к формированию национальной интеллигенции. В связи с этим не случайно, видимо, стала последовательность частей знаменитой триады, сформулированной Чавчавадзе — «отечество, язык, вера», основных маркеров современного грузинского самосознания.

«Поставив “язык” впереди “веры”, — пишет тбилисский эксперт Гия Нодиа, — Чавчавадзе секуляризировал грузинский национализм, уподобив его лингвистическому национализму, открыл его грузинским мусульманам и представителям других конфессий, но при этом он оставлял за собой возможность апеллировать и к средневековой традиции» (*Коппитерс/Нодиа/Анчабадзе* 1998: 22). Этот национализм

выступал в качестве механизма конструирования внутренней солидарности молодой картвельской интеллигенции.

Для картвельских традиционалистов[12], которые главный акцент ставили на идею общности языка («*эна*») и отечества

[12] Традиционализм — это определенное умонастроение, которое может быть различным по содержанию: бытовым, идеологическим, социальным. С ходом истории он эволюционировал, и каждая эпоха имела своих традиционалистов. Традиционализм обычно религиозен и эмоционально окрашен. Нередко это апология прошлого, в силу способности людей забывать одни события и идеализировать другие. Что более важно, его адепты своего рода исторические реконструкторы, которые культивируют представления о старом добром времени. Традиционализм присущ обществам с пониженной социальной динамикой. Ему придают силу ностальгические тенденции, коренящиеся в психологии большинства людей. Традиционализм может приближаться к консерватизму. Они, тем не менее, отнюдь не идентичны.

Уточним, что консервативный принцип подчинен закону стабильности. Консерваторы стремятся к сохранению лишь известных устоев в уже существующих формах. Они решительные противники всякой ломки, разрыва преемственности, попрания традиций предков. Консерватизм призван придавать устойчивость обществу. Он вовсе не предполагает возврата к уже утерянным формам жизни (*Товбин 2014*).

«Союзник либеральных идей в первой половине XIX века, — сообщает московский автор, — национализм превращается в союзника консерватизма в последнюю треть того же столетия. Националисты становятся консерваторами, а консерваторы — националистами» (*Малахов 2005: 166*). Отметим, что в результате миксации этих двух течений возник новый тренд — учение традиционализма, разновидность феодального романтизма, враждебного либерализму и демократии. Его адепты (барон Юлиус Эвола и др.), суть национал-консерваторы, отстаивали принципы элитарности и аристократизма. Их романтизм отличался повышенным интересом к этнической самобытности, народным традициям и отечественной истории, идеализацией сельской жизни. Главную свою задачу они видели в реставрации некой утопической «традиции», которую сами же изобрели посредством мифологизированной памяти. Перепридуманный и подправленный задним числом мир прошлого в их представлениях лишён серьёзных недостатков, но зато подчеркнуты все его преимущества. Теории традиционалистов неразрывно связаны с монархической идеей, сословным (кастовым) устройством общества и личной зависимостью человека. Они напрочь отрицают право людей самим распоряжаться устройством своей жизни. Для них характерна апелляция к «крови и почве», мечта о «новом Средневековье».

Эпоха модерна привела к крушению традиционных ценностей консерватизма. Поэтому отмежевавшиеся от обычных консерваторов адепты политического традиционализма намерены были прибегнуть к новым, даже революционным методам для того чтобы реставрировать ценности патернализма в иных исторических условиях. Таким образом, традиционализм — это системный бунт против либеральной модернизации, это попытка экзистен-

(«*мамули*»), не православная вера, а родная речь — картули, отныне определяла национальность. Это позволило наладить этнокультурный канал связи с исламизированными соплеменниками. Кроме того, Чавчавадзе любовь к родной стране, поднял до уровня веры («*сарцмуноеба*»), тем самым фактически учредил новый гражданский культ (*Андроникашвили 2012: 112*). Хотя «тергдалеулеби» ратовали за создание светской нации, они продолжали рассматривать православие, как один из важных факторов внутриэтнической солидарности. Кроме того, христианство символизировало славное прошлое Грузии. Ведь борьба за свою веру в то же время всегда была у картвелов борьбой за свой язык. Она также не была забыта и интегрирована усилиями «тергдалеулеби» в картвельский национальный нарратив (*Nodia* 2009: 90). Подчеркнём, что Чавчавадзе уделял особое внимание христианскому вероучению. Свои взгляды он возводил на мартирологической парадигме. Своей истинной верой он называл православие и ревностно отстаивал его позиции. «Христианство, — пишет Чавчавадзе, — было признаком принадлежности к грузинскому народу. <…> Христианской верой мы сохранили нашу землю, наш язык, нашу самобытность, наше национальное лицо» (*Грдзелишвили 2018: 53*).

Более того, Чавчавадзе видел в новой форме воплощение традиционных для Грузии ценностей. Он особо акцентировал внимание на деяниях предков, подобно почвенникам, делавшим упор на возвращении к родным корням. «Ни общность языка, — рассуждал он, — ни общая вера и фамильное родство никогда не создают такого сильного чувства единства, как общая история» (ჭავჭავაძე 1997: 56).

В этом смысле верен афоризм, что «нации создаются историками». Без выстроенной ими преемственности, соединяющей десятки поколений в единое целое, ни национальная

циального реванша архаики. Традиционалисты предложили свою радикальную альтернативу либеральному капитализму — «консервативную революцию».

память, ни национальная идентичность не были бы возможны. Конечно, особая роль здесь отводилась процессам создания канонического исторического нарратива, ведь, по выражению именитого британского историка, «прошлое и есть то, что создаёт нацию» (*Хобсбаум 2002: 332*). В своих произведениях Чавчавадзе обращался к историческому прошлому своей родины, оживлял самые героические её страницы с тем, чтобы пробудить у своих соплеменников чувство патриотической гордости. Короче, он предлагал им вспомнить о своих этнических, языковых и религиозных корнях и создать на основе этой памяти новую идентичность. Вместе с тем единственная живая традиция, которую картвелы унаследовали от предков крепко была повязана с феодальной культурой.

«Чавчавадзе отмечал, — читаем в публикации о нём, — что есть картлиец, кахетинец, гуриец, мегрел, а <...> грузина как представителя единой нации нет» (*Мисабишвили 1957: 88*). Таким образом, дабы добиться деколонизации, очевидно, необходимо было выковать из картвельского феодального этноса полноценную грузинскую политическую нацию[13]. Этот проект сформулированный вожаком «пирвели даси», однако, изначально имел важный изъян, так как был сугубо сословным (*Ратиани 1958: 153*). В его построениях картвелы, увы, оставались средневековым «этносом», ведь он не собирался перековывать их в полновесный буржуазный «демос», мобильное сообщество западного типа. Разумеется, что тогда возникает вопрос способа взаимной социальной интеграции знати и плебса. Без буржуазной вестернизации, освоением населением европейской урбанистической культуры, очевидно, это было бы невозможно. Кроме того, Чавчавадзе «чётко

[13] В среде идейных наследников «пирвели даси» этот вопрос приобрёл дискуссионный характер. Если князь Михако Церетели был убеждён, что нация создаёт государство, то князь Арчил Джорджадзе доказывал ровно обратное (მაისურაძე 2018: 67). Хотя эта полемика напоминала спор о яйце и курице, она отнюдь не помешала им объединить свои усилия в борьбе с иноземным владычеством.

определил, — пишет исследователь вопроса, — этнокультурные границы грузинской идентичности и картвельского этноса. Быть грузином возможно было только по рождению» (ჩხარტიშვილი 2014: 62). Таким образом, вожак «пирвели даси» выбрал «немецкую модель» формирования нации, где акцент сделан на этнические характеристики. Он призывал к солидарности в кругу своих соплеменников исходя из своих примордианалистских настроений[14], так как в глубинных слоях своего мировоззрения остался консервативным романтиком.

Эпистолярная традиция в эпоху модерна сформировала новый стержень картвельской идентичности. Так как здесь «литературная деятельность идет рука об руку с политическим движением, и главные сочинители являются также лидерами грузинского национализма» (*Villari 1906: 68*). Они, однако, обладали выстроенным на мифологемах традиционалистским мировоззрением, когда феодальное прошлое Грузии выставлялось ими в самом радужном свете. Эти тенденции тотчас же были замечены. Очевидец событий сообщает, что в грузинской «литературе довольно ярко выражается национальное чувство, главным образом, в форме идеализации прошлого, тоски по утраченному, сетования на жалкую действительность и т. д.» (*Кастелянский 1910: 484*). Литература играла особую роль в тех условиях, — пишет российский исследователь, — когда грузинские авторы ещё не могли культивировать национализм в политической жизни (*Кирчанов 2015а: 15*).

[14] Хотя практика И. Чавачавадзе в вопросе этнонациональной консолидации полностью укладывается в конструктивистские схемы, он сам придерживался того мнения, что феномен нации возник в далеком прошлом, ещё в эпоху дикости (ჭავჭავაძე 1986: 25). «В эпоху национализма, — пишет российский этнолог, — главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности. Такое видение прошлого создает иллюзию бессмертности этноса и порождает соблазн поиска его истоков в первобытных временах» (Шнирельман 2003: 18).

Дворянская интеллигенция (князь Г. Д. Орбелиани и др.) призывала вернуться к прежним обычаям, возродить рыцарские традиции средневековья и прославляла в романтическом духе такие понятия и ценности, как «народ», «отечество», «сословие» и «родная земля». В итоге, они грезили идеей реконструкции текущей социальной реальности по придуманному ими образцу идеального прошлого.

Историческая память, благодаря стараниям дворянских интеллектуалов, выступала в качестве мощного консолидирующего фактора. «Почти всё, что грузины считают прекрасным, — пишет тбилисский публицист, — намертво связано с эпохой феодальной монархии» (*Мониава 2018*). Известный эксперт совершенно верно определил, что характерной особенностью грузинской политической мысли стала «средневековая интерпретация» всего политического тренда в новой истории Грузии (*Нодиа* 1997: 158). Она, несомненно, имеет в своей основе феодальную парадигму, которая затем была передана по эстафете последующим поколениям грузинских интеллектуалов. По сей день, — пишет канадский профессор Пол Мэннинг, — многие представители современной грузинской интеллигенции полагают, что своё духовное наследие они получили из рук их дворянских предшественников (*Manning 2004: 33*). Именно в аристократических кругах стал усердно культивироваться, по определению свидетеля эпохи, весьма специфический, местный «феодальный национализм» (*Ишханян 1914: 48, 49, 56*).

«Следует учесть, — сообщает тбилисский публицист, — что грузинский национализм, несмотря на свою богатую историю, плохо изучен — программных документов мало. Их место, как правило, занимает мешанина из хлестких цитат и архаичных предубеждений. Представления о феномене нации грузинские лидеры черпали из западных источников, что предсказуемо привело к метаниям между этническим и гражданским национализмом» (*Мониава* 2017). Действительно, в наследии «тергдалеулеби» есть обширная публицистика, богатая на патетическую риторику, но мы не видим собственно никаких

всесторонне разработанных социально-политических концепций. На взгляд их современников, «воззрения грузинских националистов остаются чрезвычайно туманными»[15].

Национализм — крайне сложный и неоднозначный феномен. Он сформировался под влиянием тенденций модернизации и в условиях зарождения индустриальной цивилизации. Прежде всего, это индикатор зрелости народа, его яркая заявка на способность самостоятельного существования. Несомненно, что национализм играет роль мощного консолидирующего фактора. Он является закваской в процессе рождения нации. Две его модели, французская (гражданская) и немецкая (лингвистическая), изначально находились в постоянном соперничестве. В ситуации, когда поставлена под угрозу политическая самостоятельность либо этнокультурная самобытность, идентичность народа, национализм способствует эффективной мобилизации социума. В этой своей роли, он, разумеется, выступает синонимом патриотизма. Более того, без феномена национализма не смогло бы состояться ни одно из национальных государств. Национализм враждебен имперским конструкциям, так как играет сугубо разрушительную в их отношении роль. Заметим, что неспроста резко негативная коннотация термину «национализм» придана особенно в русском языке, призванном обслуживать интересы великодержавного строительства (Малахов 2005: 15). *Советский режим, тем не менее, ловко апеллировал к фольклорному национализму. В СССР его свели к формуле, что культура должна быть «национальной по форме и социалистический по содержанию». К примеру, следуя этому курсу власти всячески поощряли ансамбли народной песни и пляски, одетые в этнографические костюмы. Но не более того.*

Зачастую теории национализма превратно истолкованы, так как ему огульно стараются иногда приписать категории свойственные шовинизму, к которому тяготеет в ряде случаев радикальный этнонационализм. Это, конечно же, явления разного порядка. В настоящее время «националистическими» на постсоветском пространстве называют как правило те элементы, которые делают акцент на этнонационализме.

---

[15] Общественное мнение и партии в грузинской жизни// «Кавказский Вестник», 1905, ноябрь. Тифлис: 54.

Национализм, — по мнению швейцарского автора, — неизбежный эффект, сопутствующий любой модернизации (*Альтерматт 2000: 15*). Важно помнить, что в Европе он вырос из антифеодальных революций, из отрицания буржуазией сословного общества и потомственной аристократии (*Малахов 2005: 196*). Грузинский же национализм, напротив, возник в аристократической среде на почве отторжения капитализма и либерализма[16]. Важно, что генезис национализма в Грузии преследовал цель социального реванша нобилитета и не был связан с эмансипацией плебейского большинства. Это был чисто «дворянский национализм», зачинщиком которого выступал Илья Чавчавадзе (*Sabanadze 2009; Manning 2004: 29-30*). Ведь он «своим талантом и знанием служил дворянству» (*Махарадзе 1933: 98*). Другой же тбилисский автор приписывает ему проповедь интегрального национализма (მაისურაძე 2018: 45) По мнению местного политолога, этот национализм носит этнический характер, основанный на языке и религии (*Zedania 2009: 80*). Итак, триада «Отечество, Язык, Вера» стала формулой грузинского национализма, а сама фигура Ильи Григорьевича — его воплощением (კობალაძე 2019: 30).

Так как национализм в картвельской среде зародился на основе не буржуазного, а феодального социума, он в период дворянского освободительного движения успел в основном проявить лишь свои суррогатные формы (трайбализм[17] и пр.).

---

[16] Здесь речь о сугубо классической форме либерализма эпохи расцвета модерна. Напомним читателю, что его адепты во второй половине XX века разделились либо на новых консерваторов («неоконы»), либо на новых правых («неолибералы»). Их теоретические конструкции нашли своё отражение в «рейганомике» и «тетчеризме». Эти направления идеологически никак не связаны с классическим консерватизмом («палеоконсерватизм»). Ныне же под ширмой «либерализма» выступают «новые левые», в том числе неосоциалистические течения. Это различные группы от социал-либералов до «неомарксистов» и даже перекрасившихся в либертарианцев людей с коммунистическим андерграундом.

[17] Такой национализм, который часто апеллирует к языку в качестве идентификационного маркера, называют «трайбализмом» (*Коротеева 1999:*

В контексте освещения данного вопроса не менее интересно суждение авторов из Германии. Они пишут, что «как скрыто расистскую мы характеризуем наблюдающуюся в современной Грузии тенденцию этнокультурного определения грузинской нации, согласно которому грузинское происхождение (этнические грузины, мингрелы, сваны, лазы) ценится выше, чем факт принадлежности к грузинскому государству, чем грузинское гражданство» (Юнге/Бонвеч/Мюллер 2017: 387).

Картвельский национализм, как пишет эксперт из Тбилиси, проигнорировал необходимость становления гражданского сообщества. Как следствие он «переродился в этнонационализм[18], делая упор на строительство [своего] этнического государства» (*Сванидзе* 2009: 123). В итоге традиционалисты разных мастей акцент предпочитают делать на этническую идентичность, а не на гражданскую.

И. Г. Чавчавадзе никогда внятно не артикулировал и публично не ставил вопрос о необходимости реставрации своей грузинской государственности (*Вачнадзе/Гурули/Бахтадзе* 2008: 569). Лишь в 1906 году он осторожно высказался в прессе в пользу самоуправления Грузии (*Asatiani/Janelidze 2009: 263*). В то же время на его глазах закалялся институциональный национализм в Европе, когда зависимые этнические группы получали значительные возможности для своей консолидации. Тогда же трения вокруг статуса языков, несомненно, сыграли роль катализатора политической мобилизации. Родная речь, её позиции стали важным социальным ресурсом. Теоретики национализма придавали вопросу этнокультурной солидарности не менее важное значение, чем борьбе за другие идеологические ресурсы. Поэтому «национализм Ильи Чавчавадзе, — по мнению грузинского автора, — был культурным национализмом.

---

56). Напомним, что племенная солидарность, когда «свой» всегда прав, а «чужой» всегда неправ, — это ещё не институциональный национализм.

[18] Этнический национализм обычно поощряет веру в то, что уникальность нации надо искать в её биологической идентичности, а вовсе не в её институциональных достижениях (*Коротеева 1999: 96*).

В нём не были акцентированы политические цели» (*Чхартишвили 2006: 38*). Его идеи, тем не менее, сыграли роль мощного детонатора в росте картвельского освободительного движения.

Илья Чавчавадзе, попытавшийся сформулировать определение грузин как нации, в своих трудах помогал картвельскому сообществу осознать издержки колониальной зависимости. Своё политическое кредо он сформулировал в рассказе «Записки путника», где рефреном звучат слова: «прежде сами себе принадлежали» (ჩვენსაძე 1861). Они стали, фактически, призывом к восстановлению суверенитета страны. Это был самый ранний, но несомненно прозвучавший громом среди ясного неба манифест грузинского национализма. Однако противодействие господству иноземцев в представлении вожака «пирвели даси» должно было разворачиваться не как политическое, а как культурное противостояние.

Тбилисский эксперт пишет, что «его можно назвать отцом грузинского либерализма точно так же, как и отцом грузинского национализма» (*Нодиа 2019*). Нам сложно согласится с утверждением, что И. Чавчавадзе якобы был либералом. Тем более что его концепция национального возрождения отнюдь не была связана с доктриной либерализма, стержнем которой является проповедь свободы товарно-денежных отношений. Ведь хорошо известно, что вожак «пирвели даси» резко порицал и негативно относился к капитализму (*Jones 2005: 37*). Лакмусом, пожалуй, служит его категорическое неприятие рыночной конверсии феодальной собственности и её перераспределения путём вольной распродажи. Да, он критиковал действия кавказской администрации с позиций свойственного либерализму абстрактного гуманизма, так как надеялся смягчить жёсткий режим самодержавия. Ведь под тяжёлым спудом русской монархии ликвидация колониального статуса Грузии не была столь очевидной. Этого, пожалуй, недостаточно, дабы априори зачислить его в либералы.

Напомним, что диссидент Звиад Гамсахурдия также придерживался демократической повестки пока шла борьба с «советской империей». В ходе же распада СССР он, напротив, проявил себя в качестве заядлого традиционалиста с неофеодальными замашками. Ведь он «презирал “торгашей” точно так же, как грузинские аристократы» (*Мониава 2020а*). Его курс, очевидно, не выходил за рамки проекта, начертанного в своё время самим И. Чавчавадзе. Это была реанимация грузинского национализма в его традиционалистской версии (*Кирчанов 2015б: 200*). Разумеется, ошибочно было бы видеть в этой парадигме либеральные тенденции. Более того, по мнению местного эксперта, либерализма в Грузии не существует, общество его не разделяет (Chelidze 2006).

Поясним, что в стремлении зависимых народов освободиться из-под опеки крупных государств либеральные интеллектуалы хотели видеть подтверждение своего тезиса о неминуемом торжестве свободы и прогресса. Они первыми генерировали идеи о национальных государствах. По мнению британского историка, либеральные и националистические силы с 1830-х до 1880-х гг. выступали единым фронтом (*Хобсбаум 1998: 63-70*). Однако далее их пути круто расходятся с этнонационалистами, которые начинают солидаризироваться с консервативным лагерем. Классические же либералы, напротив, продолжают сохранять тесную связь с гражданским национализмом, выросшего из эпохи Просвещения и свободного от этнических и религиозных стереотипов.

Напомним, что в своё время в грузинской политической палитре не было ощутимого либерального течения. Его развитию мешали зримое отсутствие буржуазного класса и традиционные формы жизни основной массы населения. «В Грузии, — говорит профессор Леван Бердзенишвили, — либералов было человек 300, может быть. Так что не либералы победили у нас, а очень махровый такой национализм. <…> Но, с другой стороны, в Грузии, может быть, с либералами туго, но с

фашистами[19] тоже туго» (*Дубнов 2021*). Итак, либерализм не стал ведущей темой в картвельском сообществе. Правда, одни авторы либералом называют разночинца Нико Николадзе, одного из вожаков «тергдалеулеби» (*Suny 1994: 132*), другие же находят его «сложным и трудным для классификации, и [тем, кто] часто менял своё мнение» (*Jones 2005: 38*). В либералы фост-фактум были записаны многие фрондирующие аристократы, т. н. «пикейные жилеты», которые всячески старались отмежеваться от национал-революционеров. Большинство же помещиков были завзятыми партикуляристами и отличались стойким консерватизмом. Однако их влияние в плебейской массе было минимальным. Таким образом, либералы, как и консерваторы, не имели твёрдых позиций в грузинской среде. Это положение дел позволило состояться традиционалистам.

Духовные последователи И. Чавчавадзе долго не решались выдвинуть лозунг обособления Грузии. Они вначале были чрезвычайно робки в своих политических амбициях. «Тергдалеулеби» приходилось оглядываться на официальные власти, опасаться преследований, прибегать к эзопову языку и пр. Они выжидали благоприятного момента, а до тех пор их повестка дня ограничивалась лишь задачей сохранения этнокультурной самобытности и своего родного языка. Однако современный эксперт, упоминая о значении этих деятелей в истории своего народа, со всей определенностью пишет, что «возглавляемое Ильей Чавчавадзе национально-освободительное движение в Грузии с 60-х годов XIX века, медленно, но последовательно выводило грузин на путь борьбы за

[19] Это, разумеется, не голословное утверждение. Очевидно, что в построенном на феодальном принципе «патрон-клиент» грузинском социуме не было твёрдой почвы для распространения фашистских теорий. Ведь, как известно, эта радикальная идеология есть порождение мелкобуржуазной среды. Основным же контингентом для рекрутирования в фашистские организации прежде всего являются прогоревшие лавочники и обнищавшие ремесленники, а этого, пожалуй, из-за отсутствия развитых капиталистических отношений в Грузии не случилось.

восстановление государственности и национальной независимости» (*Рамишвили* 2010: 229). Напомним, что И. Чавчавадзе объявлен в Грузии своего рода «отцом-основателем нации» (*Бериашвили/Меликишвили/Соловьева* 2015: 85). Ведь он внёс значительный вклад в формирование новой грузинской идентичности, первым выдвинув идею консолидации картвелов в нацию (*Кирчанов 2015а: 15*). Кроме того, он первым сформулировал основные понятия картвельского национализма. Продолжением его идеи о «нации-семье» стала, предсказуемо, теория о некогда существовавшей «идеальной Грузии от Никопсии до Дарубанда» (*Чедия* 2011: 43), то есть от Туапсе и до Дербента. Грузинский исторический нарратив повествует, что в своё время, в момент подъёма в XII-XIII веках их страна была региональной империей. Исходя из чего, стратегической целью становился курс на возвращение к «старым добрым временам». Впрочем, эти намерения были иллюзией, основанные в большей степени на утопических чаяниях, чем на прагматичных расчетах.

По мнению же ученого-кавказоведа, «стоит обратить внимание ещё на одну очень важную особенность грузинского общества, где ведущей социальной силой [прежде] являлась образованная знать» (*Блиев* 2006: 350). Формулирование целей и задач грузинских этнонациональных теорий с самого начала их возникновения оказались под сильным влиянием настроений исходивших от экономически обанкротившейся и, в немалой степени, выпавшей уже в социальный осадок феодальной знати. Это был отчаянный ответ на кризисную ситуацию, который возник как импульсивная реакция архаичных феодальных институтов, внезапно оказавшихся перед лицом фатальной для них угрозы буржуазных преобразований.

Видный публицист П. П. Гелейшвили не без оснований в то время заметил, что «упадок бывших грозных феодалов они [т. е. традиционалисты] объявили упадком всей грузинской нации и принялись [вместе] оплакивать наше великое

прошлое» (*Кариби* 1906: 36). Ностальгия, мифы о прошлом свидетельствуют о недовольстве настоящим и страхе перед будущим. Таким образом, консервативно настроенные аристократы смотрели на окружавшую их современность всецело с точки зрения прошлого опыта их страны. Такие настроения в их среде крайне мешали адаптации дворянства к новым социально-экономическим условиям и, во многом, способствовали дальнейшему сохранению кастового характера местного нобилитета.

Сословные интересы находящихся в глубоком экономическом упадке картвельских феодалов, стали мощным стимулом для всемерной поддержки, никуда ещё не ушедшей из жизни грузинского общества архаики. Именно это обстоятельство консервативное течение «мтквардалеулеби» выбрало в качестве краеугольного камня для попытки консолидации дворянских элементов. Они выступали публичными «приверженцами средневековой Грузии с её помпой и мишурой» (*Чиковани* 1989: 53). Их социальные настроения, однако, не были изложены в качестве внятной политической теории. Это «поколение, — пишет тбилисский политический эксперт, — не оставило сколь-нибудь систематизированного идеологического наследия, и сравнивать в этой связи князя Григола Орбелиани или любого из “отцов” с Жозефом де Местром и Шатобрианом нельзя» (*Мониава 2019*).

Для ряда участников дворянского освободительного движения характерной чертой биографии было сперва рекрутирование в национал-революционеры, а затем уже трансформация в ретрограды. Стимулом же для столь крутых кульбитов стала острая социальная фрустрация, возникшая под мощным напором расцветающего капитализма. По весьма красноречивому мнению очевидца, «сплошь да рядом можно встретить интеллигентного грузина, в сознании и чувствах которого перепутались <…> феодальная амбиция с шаблонными формулами более или менее крайнего либерализма» (*Величко 2003: 34*). Эта была среда, настроения которой формировали

общественный дискурс. «Последние отпрыски средневекового феодализма, — пишет свидетель событий, — дают направление, тон всем делам национальной жизни» (*Ишханян 1914: 16*). Таким образом, вполне либеральная идея вестернизации Грузии, в представлениях дворянского образованного сообщества, увы, затейливо переплеталась с пафосной глорификацией феодального прошлого их страны.

Так как картвельские аристократы оказались стиснутыми между русской бюрократией и армянскими компрадорами, дворянская часть «тергдалеулеби» лихорадочно искала пути преодоления этой фатальной для их сословия тенденции. Американский эксперт пишет, что «после раннего периода радикализма, И. Чавчавадзе к 1880-м становится консервативным либералом» (*Jones* 2005: 37). Нетрудно заметить, что перед нами контроверза двух парадигм: просветительского либерализма, с одной стороны, и романтического консерватизма, с другой. Более того, он ищет ответы на вызовы времени в традиции. «Нужно, — пишет вожак “пирвели даси”, — только обратиться к былым обычаям, и они нам подскажут верный путь» (*Жвания 1978: 63*). Было бы более верным сказать, что национальное возрождение мыслилось им теперь не как простое возвращение к прежним ценностям, а как их кардинальное обновление. Его «динамический консерватизм» предполагал преемственность от прошлого, а не возврат к нему. «Три божественные святыни мы наследуем от предков: Отечество, Язык и Вера. Если не защитим их, то какой ответ дадим потомкам?» (ჭავჭავაძე *1987: 27; Лебедева 2021: 24*). Совершенно очевидно, что И. Чавчавадзе в этом отрывке предстаёт традиционалистом, который видел в новой форме воплощение традиционных для Грузии ценностей.

Кроме того, «в трудах И. Чавчавадзе, — пишет грузинский автор, — мы встречаем обличительную критику капиталистического общества» (*Ратиани 1958: 38*). Таким образом, вождь «пирвели даси» и его соратники переходят на позиции феодального традиционализма. Их произведения «насыщены

идеализацией старых нравов» (*Махарадзе 1933: 93*). Они возводили сентиментальную абстракцию, целью которой был не образ будущей жизни, а призыв к воскрешению романтизированного прошлого. Более всего, говорит культовый поэт Тициан Табидзе, «они восхваляли историческую Грузию, героические подвиги, романтику рыцарских обычаев» (*Цурикова 2015: 64*). Социальная сущность суммы высказанных ими воззрений — это последовательная и талантливо выраженная реакция нобилитета на перспективы буржуазного развития. «Прежде враг налетал <…> разорял, угонял, — досадливо сетует Чавчавадзе, — теперь купцы-армяне разоряют нас ещё пуще. Прежде мы, встречая врага <…> случалось, и одолевали. А торгаша чем одолеешь?» (ჭავჭავაძე 1861). В его глазах это был ценностный конфликт между коммерческим менталитетом толстосумов-компрадоров и героической культурой рыцарей-аристократов.

Идеи, определяющие сознание второго поколения грузинской интеллигенции, в том числе были продуктами западного происхождения. В европейской интеллектуальной среде они искали подходящие для себя идеологические конструкции. В своём отрицании капитализма И. Чавчавадзе предсказуемо прибегал к аргументам аграрного романтизма. «Историю, — пишет он, — имеет только та нация, которая прочно стоит на [своей] земле и пашет плугом по ней» (*Ратиани 1958: 150*). В итоге, вожак «пирвели даси» интуитивно нащупал для себя связь с традиционалистской теорией «крови и почвы» прежде, чем её сформулировал немецкий философ Освальд Шпенглер. Суть этой доктрины заключалась во взаимосвязи «крови» — этнического происхождения и «почвы» — родной земли, которая даёт своему народу пропитание. Более того, Освальд Шпенглер, как автор концепции «прусского социализма» утверждал, что сила дворянства вырастает из кровной связи с землёй. Поэтому сама судьба якобы предназначила аристократии роль доминантного сословия (*Терехов 2017: 58*). Полагаем, что совпадение мнений немецкого младоконсерватора с

настроениями картвельских традиционалистов вполне очевидно.

Илья Чавчавадзе пытался совместить консервативные взгляды своего сословия с требованиями современности, так как понимал, что безусловное возвращение к прежним феодальным порядкам средневековья в условиях цивилизации модерна невозможно. В итоге, он стал связующим звеном между старой феодальной аристократией и молодой дворянской интеллигенцией, являясь представителем обеих элитных групп. Иначе говоря, Чавчавадзе искал и к 1880-м годам нашёл приемлемый модус-вивенди между ностальгией консерваторов («отцы») и реформизмом традиционалистов («сыны»). Стержнем этой идеи стала предложенная им формула: «новая Грузия должна рождаться только из старой» (კობალაძე 2019: 25). В противопоставлении героического прошлого и тоскливого настоящего, он выбирал традиционность как синоним антикапитализма. Эта проблематика вошла в идеологический багаж грузинских «почвенников», придавших ей националистический характер.

Ряд его произведений написаны в жанре классического романтизма, идеализирующего прошлое и осуждающего современность. «Поругано имя грузина, — пишет он, — грузинские обычаи и порядки! В старину всё по-нашему было» (ჭავჭავაძე 1861). Этот призыв к «старине» – не что иное, как его протест против иноземного владычества. Кроме того, это был «ностальгический национализм» грузинского дворянства, главным спикером которого стал Илья Чавчавадзе (*Suny 1994: 132*). Таким образом, настроения местных традиционалистов приобрели широкое звучание в устах консервативных романтиков.

Хотя вожак «пирвели даси» стремился придать грузинской традиции более современный характер, он был органической частью местной дворянской среды. В ней же доминировали настроения социального консерватизма, феодального партикуляризма и ярко выраженной ксено-

фобии. «Чавчавадзе, — сообщает грузинский автор, — не сумел избежать идеализации прошлого. Он попытался связать свои новые идеи с древней Грузией, с её “золотым веком”. Он хвалит прошлое и прямо говорит о необходимости восстановления “былых времён”» (*Ратиани 1958: 143*). Чавчавадзе, тем не менее, осознал, что в резко изменившихся обстоятельствах полный возврат к предыдущей парадигме консерватизма стал невозможен. Он призывал признать, что уже довольно лишь скорбеть о прошлом, ничего не делая для будущего. «Что пользы плакать над давно забытым, жестокой дланью времени убитым? Что проку над былой грустить бедою? Пора идти нам за иной звездою!» — пишет он в стихотворении «Матери-грузинке» (*Цурикова 2015: 216*). Эксперт Г. Нодиа верно определил, что в выстроенной Чавчавадзе парадигме «происходила реконструкция средневекового прошлого на основе грузинского национального проекта нового времени» (*Коппитерс/Нодиа /Анчабадзе* 1998: 22). Этот тренд отражал его транзит в сторону зрелого национал-консерватизма.

Другой автор сделал вывод, что Илья Чавчавадзе был привержен «реформистской консервативной политике» (*Brisku 2015: 303*). Его воззрения, на наш взгляд, во многом напоминают грузинский аналог идей русских «славянофилов», с их извечным поиском «третьего пути». Ведь он «верил в самобытность развития Грузии и считал его совершенно отличным от развития европейских стран» (*Ратиани 1958: 131*). Как следствие он вступает в острые идейные споры с адептами вестернизации — либералами и радикал-демократами, а затем с народниками, злейшими врагами дворянского землевладения (*Очерки 1990: 231*). В его видении, при модернизации родной страны, разумеется, необходимо было учитывать прежнюю историческую инерцию и не допустить в Грузии капиталистической трансформации (*Suny 1994: 132*). Чавчавадзе, тем не менее, не скатился к маргинальному положению ретрограда. Во многом его особая позиция в

освободительном движении сложилась благодаря незаурядным личным качествам и таланту выдающегося писателя. Сочетание пессимизма к окружающему миру с верой в лучшее его будущее, критики в духе традиционализма современной эпохи с признанием права на индивидуальную свободу, создаёт мировоззренческий феномен Чавчавадзе. Таким образом, вожак «пирвели даси» первым проложил вектор, указывающий путь для картвельских традиционалистов и сформулировал их негласный манифест, почвенническую реакцию на вызовы колониализма и капитализма.

Последующие именитые грузинские авторы (писатель К. Гамсахурдия, филолог П. Ингороква и др.) не отступали от этого завета и в своих исторических повествованиях продолжали рисовать идиллические картины средневекового общества. Если судить по творениям этих писателей, история их страны предстаёт как сплошная героика, нечто похожее на цикл очень красивых рыцарских легенд. Придуманные ими сюжеты из прошлого оказались гораздо более захватывающими, чем суровая и скучная историческая правда. Лишённые видения будущего, они опрокидывали Грузию в старину, предложив своему народу иллюзии былого феодального величия. Этот весьма свойственный местным традиционалистам приём относится к жанру рефлексивной реконструкции. Такой образ мыслей был выработан ещё на самых ранних этапах конструирования своего национального мифа дворянскими интеллектуалами, которых по недоразумению причисляют к прогрессистам. Не совсем точен, как мы полагаем, британский автор Дональд Рейфилд, который всё сводит, главным образом, к тому что «грузинские историки, назло русификаторам, начали восхвалять средневековое грузинское царство» (*Рейфилд 2017а: 231*). Это, заметим, вовсе не проявление конфликтных представлений когнитивного диссонанса, а лишь следование своим патерналистским социокультурным кодам, построенным на бинарных оппозициях традиционалисткого сознания. Между тем, идеализация

собственного прошлого, как известно, является несомненной приметой этнонационализма.

Разумеется, что грузинский традиционализм был почвеннической реакцией на повсеместный упадок местных феодальных институтов, которые деградировали до такого состояния, что не могли более обеспечить стабильное воспроизводство привычного уклада картвельского социума. Требовалась кардинальная перезагрузка всех социально-экономических отношений. Выбор же лежал, пожалуй, между буржуазной («антифеодальная революция») и традиционалистской («консервативная революция») моделями.

Вопрос о классификации революций является одним из ключевых в теории их возникновения. Полагаем, что прогресс далеко не является коннотацией всякой революции. Ведь революция — вовсе не синоним прогресса, это всего лишь один из способов преодоления накопившихся внутри общества проблем и противоречий. Она задаёт лишь вектор последующего движения. Порой реакционные движения обретают революционные формы. Изобилующая атрибутами нового средневековья[20] *«исламская революция», к примеру, резко и кардинально меняет направление развития социума с эволюционного на инволюционный. Свержение монархии в Иране демонстрирует, что содержание понятий «революция» и «контрреволюция» могут сливаться. Народное восстание в Тегеране, как известно, положило начало уничтожению достижений светской модернизации («белой революции»). Социальную деградацию под знаменем «прогресса» вызвали маоизм с его «культурной революцией» в Китае и близкий к нему режим «красных кхмеров» с их «аграрным коммунизмом» в Камбодже. Таким образом, важен признак, отличающий «революционный» переворот от «реакционной» реставрации. Его можно найти исходя из того, что «революционные» революционеры стремятся добиваться своими действиями целей, которые исторически ещё*

[20] Поясним, что символом доминирования мифологического сознания над рациональным является Средневековье, а символом победы рационального начала над мифом является эпоха Просвещения. Возможно, поэтому всячески агитирующие за откат от рационального к мифологическому традиционалисты обозначают возвращение к прежним ценностям как «Новое Средневековье».

не достигались нигде в мире, или по крайней мере в их стране. Для них революция служит качественным скачком. Тогда как «контрреволюционные» революционеры стараются уже на новом витке истории вновь реализовать достигнутые в прошлом результаты. Таким образом, революционным может оказаться любой класс, в том числе феодальный, стремящийся коренным образом изменить мешающие ему порядки. Следовательно, тип революции, прогрессивный либо регрессивный, определяется тем классом, интересы которого она призвана обслуживать. Другое дело, что из характера самой революции вовсе не следует её результат.

В теории же «консервативной революции» мы имеем не что иное, как намерение бороться с миром прогресса его же собственным оружием. Это отнюдь не слом, не демонтаж системы патернализма, а попытка модернизации его привычных конструкций. Среди её адептов есть как «левые люди справа», так и «правые люди слева». Их объединяет не только полное неприятие либерализма, но и прежних форм консерватизма. Ими движет желание приспособить их к новым условиям, сделать адекватными вызовам времени. «Чтобы реставраторство не стало ретроградством, — пишет известный российский философ, — необходимо прочесть традицию в свете требований завтрашнего дня, сделать её основой проекта будущего» (Панарин 2002: 249). *Этот тип апгрейда (рестарта), кроме тоталитарных либо авторитарных практик, пожалуй, иногда проявляет себя также путём гибридного режима «имитационной демократии» / «регулируемой демократии»* (Руткевич 2007: 33). *Пример неосоветской номенклатурной реставрации наглядно демонстрирует, как происходит плавная конвергенция электоральных процедур с персоналистскими диктатурами.*

* * *

Проект постколониального обустройства Грузии, который выдвинули на авансцену круги, исповедующие национал-консерватизм, был насквозь пропитан патернализмом, взращённым на тщетной надежде реанимации прежних успехов своего феодального класса. Они «цеплялись за умирающий старый порядок, — пишет тбилисский

публицист, — и связали с ним россыпь ярких образов, некое ложное воспоминание об идеальной Грузии, никогда не существовавшей, но тем не менее живущей в сердце каждого грузина. Позже оно стало краеугольным камнем националистической мифологии» (*Мониава 2019*). Их помыслы целиком были обращены в прошлое. Поскольку местные традиционалисты испытывали тягу ко всяким реставрациям, они не смогли сформулировать убедительного и перспективного проекта оптимального переустройства своей страны. Эти тенденции, из-за мощного влияния которых грузинский социум избежал буржуазной модернизации и наглухо законсервировал в себе некоторые позорные пережитки крепостничества, вели дело к тому, что политическое самоопределение Грузии неизбежно должно было нести на себе очертания парафеодального проекта.

Знать, пропитанная партикуляризмом, грезила тем временем, когда она смогла бы в «автономной» Грузии в полной мере вновь восстановить обычай «кормлений» с доходных должностей. Им нужна была система, связанная с сугубо феодальными представлениями о государственной службе. Аристократы, напоминает грузинский автор, домогались восстановления своих старинных привилегий (*Мисабишвили 1957: 33*). О них читаем в реляции генерала Ивана Лазарева. «Все чины здесь наследственны, — пишет он из Тифлиса накануне упразднения грузинского царства, — почему и видно много людей не на своих местах, кои елико возможно стараются поскорее нажиться» (*Дубровин 1897: 65*). В княжестве же Самегрело, сообщает очевидец, «администрация живёт поборами, сама участвует в воровстве и грабежах; правосудие открыто продаётся за деньги» (*Бороздин 1885: 158*). О характере наследственных занятий, собственно, свидетельствуют фамилии ряда знатных родов — Дадиани (наместники), Амирэджиби (вице-министры, камергеры), Эристави (генерал-губернаторы), Амилахвари (коннетабль-шталмейстеры), Лашкаришвили (провиант-мейстеры), Мдиванбегишвили

(полицмейстеры, статс-секретари и надворные судьи) и так далее. Эта старинная традиция «местничества», хотя и кажется анахронизмом, зато в полной мере соответствует социальной структуре и запросам патриархального сообщества.

Дворяне надеялись на реставрацию своего былого положения в системе управления страной. Ведь «дворянским детям становилось все труднее находить источники существования по своим элитным притязаниям, — констатирует американский исследователь, — особенно когда рядом росла конкурирующая элитная группа буржуазии. В ответ на своё оскудение, дворяне, не попавшие или не желающие идти в офицерство, духовенство и чиновничество, начинали превращаться в адвокатов, врачей, инженеров и в творческую интеллигенцию. Отсюда столько поэтов, романистов и особенно публицистов самого разнообразного толка, от крайне реакционных до самых левых прогрессистов» (*Дерлугьян 2013: 182*). Общая убогая картина материального положения низшего дворянства выглядела крайне удручающе. Например, к такой оскудевшей семье принадлежал видный советский функционер Г. К. Орджоникидзе, более известный под псевдонимом «Серго». Его отец имел всего лишь небольшой участок земли в Имеретии, которую засевал кукурузой. Доходов с урожая едва хватало на несколько месяцев, и он, чтобы прокормить семью, вынужден был уходить на заработки (*Орджоникидзе 1967: 4-5*). Оставшиеся не у дел картвельские провинциальные азнауры по своему образу жизни стали ближе к их плебейскому окружению, чем к сохранившей свои вотчины родовитой аристократии. «Само собой разумеется, — пишет очевидец, — что в многочисленном и малоземельном азнаурском сословии нечего было искать особой зажиточности. <…> Они не стеснялись работать в поле со своими крестьянами. <…> Захудалые же князья, кичась своим громким титулом, предпочитали этим скромным профессиям конокрадство, затягивая в него и своих азнауров» (*Бороздин 1885: 316*).

Колониальная зависимость чинила унизительные препоны для социальной мобильности вестернизированных грузин. «Из Европы, — пишет британский автор, — возвращались с высшим образованием грузины, которые, за отсутствием на родине другого поприща, пасли отцовских баранов» (*Рейфилд 2017а: 241*). Революционные идеи нередко приходят в головы молодых интеллектуалов, которые лишены перспективы карьерного роста. Чувство жгучей досады способствовало быстрому распространению национализма в их кругах, часто в самых радикальных проявлениях. Ведь эта идеология весьма кстати объясняла их личные неудачи лишь угнетённым положением всего народа. Национализм звал к непримиримой борьбе и тем самым восстанавливал утраченное самоуважение.

Итак, молодые грузины получали образование в зарубежных университетах, чтобы вернувшись в свою страну, не найти в ней для себя достойного места. Возможностей строить успешную карьеру у них было не так уж много. Слабое развитие промышленности в кавказском регионе серьёзно ограничивало спрос на техническую интеллигенцию. Область административного управления оставалась чуть ли не единственной сферой, где многочисленные молодые представители интеллигенции, порожденной быстрым распадом мелкопоместного дворянства в Грузии, надеялись выстроить своё будущее благополучие. Однако большинство местных претендентов не были приняты как свои в среду колониальной администрации. Инициировавшая засилье русских бюрократов в государственной администрации русификаторская политика официального Санкт-Петербурга, за редким исключением, лишала многих из образованных картвелов карьерного продвижения по службе и доступа к статусным позициям. На отчёте тифлисского губернатора, сообщавшего, что он старается более не допускать грузин и армян к занятию должностей в администрации, а замещать вакансии «преимущественно русским элементом», Николай II оставил многозначительную резолюцию: «Так и следует» (*Дякин 1998:*

28). Разумеется, это были не пустые слова. «Во всём Закавказье, — пишет современник событий, — в высшей администрации между 7 начальниками губерний (5 русских, 2 грузин) нет ни одного армянина, из 8 вице-губернаторов (6 русских, 1 грузин) только один армянин. <…> Во всей же закавказской администрации, при 289 лицах, армян 31 человек, т. е. 10 процентов, и они занимают большей частью второстепенные и третьестепенные должности» (*Джаншиев 1898: 555-556*). К примеру, на совещании в администрации наместника, где в присутствии более чем двух десятков важных должностных лиц (губернаторы и пр.) обсуждался проект реформы поземельных отношений в Закавказье, лишь один армянин да пара грузин из среднего звена чиновничества представляли местные этносы (*Авалиани 1920: 69-70*).

Лишаясь своих родовых вотчин, картвельское сельское дворянство стало интенсивно перебираться в города. Здесь оно вступило в острое социальное соперничество с мокалаками за муниципальные финансовые ресурсы. Крупная буржуазия, фактически управлявшая Тифлисом, сплотилась в группу, именуемую «сололакской партией» (Сололаки — городской квартал, застроенный фешенебельными особняками), которая состояла из купцов и промышленников армянского происхождения. С ней и вёл напряженную электоральную борьбу грузинский нобилитет (*Качарава 1973: 79*; *Очерки 1990: 157-158*).

До 1917 года основной площадкой в жарком состязании между представителями цензовых сословий было самоуправление городов – Гори, Сигнахи, Телави, Ахалцихе и Ахалкалаки. Но главные баталии, конечно же, разгорались в Тифлисе, где в городской думе и в ее муниципальной управе лидирующее положение занимала креатура армянского капитала (Карапетян 2003: 18-22). *Слабо связанная с реальными интересами своего народа армянская компрадорская буржуазия имела плохо скрываемые аппетиты конвертировать свои широкие экономические возможности в выгодные политические дивиденды. Она была сторонницей административной автономии всего Закавказья с центром в Тифлисе, где кроме всего прочего уже господствовала её финансовая олигархия. Эта опасная для политических планов грузинских национал-*

консерваторов (традиционалистов) перспектива заставляла их вести отчаянную борьбу с армянским присутствием в Грузии.

Из-за цензового характера электоральных процедур армянский патрициат занимал крепкие позиции в городском самоуправлении Тифлиса (*Suny 1994: 141*). Это, безусловно, не могло не задеть слабо представленных в муниципальной управе грузинских нотаблей. Разумеется, эта тема неизменно была в центре внимания вождей «тергдалеулеби» (*Николадзе 1920: 108*). Со страниц главного рупора картвельских традиционалистов газеты «Иверия» постоянным рефреном звучали слова о том, что «мы грузины, всей душой сочувствуем армянскому народу и желаем его стране возрождения, но мы не можем держать в доме гостя, который не только надолго задержался, но и вознамерился стать его хозяином»[21]. Таким образом, с точки зрения дворянских интеллектуалов армяне дурны были не сами по себе, а лишь потому, что они — чужаки, приобрели непропорционально большое влияние в Грузии, феодальные традиции которой ими якобы игнорировались.

В обществе, где были сбиты все прежние вехи и ориентиры, ксенофобия многое непонятное делала вполне объяснимым. Причины фрустрации своего сословия дворянские интеллигенты ошибочно искали вовсе не в экономической сфере, а в межэтнических отношениях. Они перекладывали вину за незавидное положение аристократии с нерадивых помещиков на предприимчивых армянских буржуа, все сводя к их «злым» намерениям. Эпитет «сомехи»[22] стал метафорой духа наживы и стяжательства (*Бороздин 1885: 71*). Символическим воплощением в глазах патриархального населения чуждой, непонятной и враждебной стихии, вызванной к жизни капитализмом.

---

[21] «ივერია», 1902, 23 აგვისტო. № 179.

[22] Грузинский термин «сомехи» в своё время мог подразумевать кроме этничности (армяне) и конфессии (григореане), также социальную группу (торговцы).

Ведь общеизвестно, что наилучший способ сосредоточить аудиторию на заговоре — использовать пружины ксенофобии, — доктрину, которую распадающийся феодальный истеблишмент подхватил из-за своего полного морального отчаяния. То, что армянофобия и антикапитализм в Грузии восходили к одному, общему корню, — факт исключительно важный для понимания событий, происходивших в этой стране в эпоху модерна. И этого, как правило, не замечают поверхностные комментаторы.

Более того, ряд великодержавных ура-патриотов (В. Величко, Н. Шавров и др.), верные политике «разделяй и властвуй», также подливали масла в огонь, старались всячески разжечь межэтнические противоречия на Кавказе. Они распространяли разного рода провокационные измышления, утверждали, что армяне якобы «отняли у доблестных грузин их древнюю столицу» (*Ишханян 1914: 37*). Во вспыхнувшей же на страницах прессы (см.: «Тифлисский листок», 1897, 16 марта) полемике трезво оценивающий ситуацию местный житель, тем не менее, им отвечал: «Мы, грузины должны честно и искренне признать, что армяне своим рыночным колоссальным ростом обязаны исключительно личному труду и энергии. Когда они появились в Тифлисе, всё было в наших руках, а у них ничего не было: теперь же они разбогатели, мы же грузины [читай: аристократы — Б. М.] обнищали» (*Тунян 2008: 106*). Полагаем, что вопрос конкурентной несостоятельности находящегося в системном кризисе феодального сообщества, можно считать вполне объяснимым явлением. Успехи же армянского буржуазного элемента в сфере бизнеса, надо прямо признать, в то время были достаточно закономерными. Армянские купцы, которые имели долгий опыт и налаженные торговые связи, обратили к своей выгоде экономические достоинства капитализма. К слову, именитый историк Фернан Бродель резюмирует, что «армяне добились успеха во многом благодаря неустанному труду, упорству, умеренности и неприхотливости» (*Дерлугьян 2017: 110*). Сторон-

ний же наблюдатель тех событий называет армян даровитым и самым деятельным населением Закавказья (*Желиховская* 1885: 63).

Ксенофобские взгляды целого ряда дворянских интеллигентов быстро нашли благодатную почву в головах всё ещё связанного узами феодального мышления тонкого слоя грузинского мещанства. Бурное развитие капитализма выявило его слабые стороны, в том числе недостаточно высокие стартовые возможности, которые в разы уступали армянским компрадорам. По этому поводу имеется дореволюционное высказывание И. В. Джугашвили о том, что «в Грузии есть антиармянский национализм, но это потому, что там есть ещё [sic!] армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, ещё не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму» (*Сталин 1946: 307*).

Таким образом, интересы ещё только нарождающегося грузинского предпринимательского слоя в сфере бизнеса терпели определённый ущерб из-за весьма жёсткой конкуренции с уже разросшимся за предыдущие столетия армянским капиталом. Контроль, установленный армянской буржуазией над большей частью наиболее доходных и прибыльных сегментов рынка в Тифлисе, Батуме и некоторых других городов Грузии, вызывал острые нарекания в картвельском общественном дискурсе. Его участникам казалось, что такое положение вещей якобы торпедирует процесс становления собственно грузинского предпринимательского класса (*Ишханян 1914: 32-33*). Очевидно, что это было намеренным преувеличением. Трения скорее были вызваны узкими рамками периферийного капитализма. Между тем, они не помешали стабильному расширению бизнеса тем не многим грузинским коммерсантам (А. М. Хоштария и др.), которые уже добились видимого успеха на этом весьма нелегком поприще (ავდალიანი 2018: 65).

Успешным предпринимательством в Грузии занимались также евреи, среди которых во второй половине XIX века выделялась группа крупных кутаисских коммерсантов, собрав-

ших в своих руках большой капитал. Богатство их опиралось на контрабандную торговлю, которую они почти полностью контролировали (*Мамиствалишвили 2011: 317*). Ашкеназы, родной язык которых идиш, составляли большинство в самых крупных еврейских общинах страны — Тифлисе и Батуме. Лишь среди евреев Кутаиса, Цхинвала и Ахалциха преобладали грузиноязычные эбраэли. Не вполне точен тбилисский политолог, когда с некоторой долей иронии говорит, что «наши люди очень часто гордятся тем, что в Грузии никогда не было антисемитизма, но одной из причин этого в последние 200 лет явилось то, что у грузин были свои, эксклюзивные евреи — это армяне» (*Аблотия 2011*). Исследователь из Израиля придерживается, однако, кардинально иного мнения. «Распущенность и необузданность грузинских помещиков, — пишет он, — описаны в архивно-нарративных документах весьма красноречиво, и не только по отношению к евреям Грузии. Однако именно к ним, кроме чисто социально-экономического гнета выступал ещё один — религиозный, что вызывало нападки и унижения со стороны князей и помещиков» (*Ицхак Давид 1989: 316*). Очевидно, что факты, действительно, демонстрируют наличие в прошлом некоторой неприязни к иудеям/«*урия*». В ряде районов Грузии в пореформенный период были зафиксированы случаи еврейских погромов. Так, в 1895 году в преимущественно населённом грузинами Кутаисе толпа напала на еврейский квартал. «Вся местная интеллигенция, — свидетельствует очевидец, — была на стороне громил; говорили о ростовщичьем гнете главных еврейских тузов над местными обывателями, <…> и т. д.; антисемитизм был повальный» (*Величко 2003: 37*).

Угроза в будущем вообще остаться без многочисленного класса крупных собственников сформировала в среде картвельских интеллектуалов устойчивое мнение о том, что их народ в жёстких условиях рыночной формации якобы будет полностью порабощён армянским и еврейским капиталом. Вслед за ними В. Л. Величко повторяет, что «насущно необхо-

дим такой класс людей с промышленной энергией, который бы пополнялся не только снизу, но и сверху, то есть представителями [грузинского] дворянства, приспособившимися к новым условиям; в противном случае разорившиеся дворяне будут падать прямо “на дно”, а народная масса будет в кабале у инородных эксплуататоров» (*Величко 2003: 31*).

Грузинская аристократия принадлежала исключительно к родовитой знати — «дворянству шпаги», которое, как показал опыт, ментально бойкотировало среду купцов, живших по законам «власти денег», а не «власти земли». Напомним, что отмеченный красной нитью в творчестве Ильи Чавчавадзе героический «высокий» романтизм, воспевавший любовь к подвигу был антитезой купеческой «низкой» меркантильности. «Где выгода, — с нескрываемым презрением отзывался он о коммерсантах, — там и родина купца» (*Ратиани 1958: 152*). Ведь в Грузии не было феномена подобного английским «джентри», либо французскому «дворянству мантии», которые были рекрутированы из «третьего сословия» в самом начале нового времени и хорошо адаптировались к буржуазным отношениям. В Грузии не сложилась национальная буржуазия, которая, как правило, является продуктом антифеодальных революций. Её благополучие часто опирается на производство отечественной продукции, поэтому она последовательно выступает с позиций укрепления экономического суверенитета своей страны. Полагаем, что не следует отождествлять собственно этническую буржуазию с её креативной частью — национальной буржуазией, которая возникла как антипод компрадоров, богатеющих лишь на экспорте сырья и импорте иностранных товаров.

Шёл неумолимый процесс пролетаризации в низших слоях дворянского сословия, представители которого пока ещё формально сохраняли свои сословные и родовые привилегии. Перед ними стояли весьма конкретные социально-политические задачи — во-первых, банально выжить, а во-вторых, вернуть утраченные позиции. Их расчеты опирались на сохра-

нившиеся в грузинском сообществе реликтовые феодальные институты.

Оскудение помещиков под мощным напором товарно-денежных отношений было вполне очевидным, и они заметались в поисках собственного социального спасения от неотвратимо наступающего, правда, периферийного, но всё же капитализма. В качестве радикального средства избавления от этой, как им казалось, иностранной напасти, была выдвинута программа восстановления самостоятельности Грузии. Эта исподволь вынашиваемая идея приобрела свою актуальность в тот момент, когда на фоне полной дискредитации российского самодержавия, дворянский национализм в своём развитии достиг зрелой политической фазы. Князь Давид Микеладзе, публицист и «тергдалеулеби», был первым, кто осмелился в дворянском собрании в 1901 году громко огласить требование политического самоопределения Грузии[23], после чего эта идея стала активно обсуждаться в среде грузинской интеллигенции (*Островский* 2004: 535; 582). Наиболее радикальные её адепты (Г. М. Ласхишвили и др.) объединились вокруг редакции газеты «Цнобис Пурцели»/«Листок новостей». Наместник Кавказа И. И. Воронцов-Дашков с нескрываемой тревогой отмечал, что уже в период первой русской революции «дворянские собрания Кутаисской и Тифлисской губерний возбудили петиции об автономии Грузии, и умы поместного дворянства были, казалось, исключительно заняты мыслью о совершенно обособленном от [российской] империи управлении» (*Воронцов-Дашков* 1907: 6-7). Дворянские партикуляристы рассматривали Георгиевский трактат 1783 года, как наиболее приемлемую для своего истеблишмента модель протектората России над Грузией. Целью автономистов было восстановление внутреннего суверенитета Грузии в рамках империи Романовых. Эти круги несомненно были патриотами

[23] Напоминаем, что этот словесный демарш стал реакцией феодалов на распоряжение властей о взымании с поместий знати поземельного налога.

своей страны, но одновременно не забывали и держали в поле зрения собственные социальные интересы.

«Грузинские феодалы полагали, — пишет В. Л. Величко, — что Грузия должна была бы присоединиться к России не по манифесту [1801 года], а по двухстороннему договору, т. е. на началах особой автономии» (*Величко 2003: 24*). Картвельские партикуляристы видели на примере статуса «Великого княжества Финляндского» образец той автономии в державе Романовых, которую они сами мечтали получить для Грузии. Тем более что зарезервированные за финнами такие принципы, как обладание отдельными армейскими формированиями, а также использование национального языка в качестве официального в суде, школе и администрации, были предусмотрены и для грузинской стороны согласно общему замыслу Георгиевского трактата. Это, в свою очередь, давало повод картвельской интеллигенции подводить юридическую базу под свои требования, в том числе ссылаясь на пример Финляндии (*Мамулиа 2013а: 33*). Напротив, самодержавие не оставляло настойчивых попыток полностью лишить эту северную страну областной автономии и русифицировать все сферы её административного управления (*Бахтурина 2004: 233, 237, 241*). Таким образом, прожекты получить из рук русского монарха «автономию» для Грузии были не столь очевидны и скорее относились к эфемерным фантазиям.

Одним из важных проявлений борьбы за идентичность картвелов и их самоопределение было также «автокефалистское движение». Это было обращённым к русским властям требованием отменить запрет и воссоздать этническую православную церковь для грузин (*Лагвилава* 2007: 98-102; *Георгадзе* 2009: 395-398). «Естественно, грузины не могли примириться, — пишут авторы посвящённому этому вопросу исследования, — тем более, после утраты всех форм государственности с тем, что родная христианская церковь, на протяжении веков служившая колыбелью для сохранения и укрепления грузинской национальной идентичности, превра-

тилась теперь в горнило денационализации и ассимиляции. Таким горнилом, безусловно, являлся Грузинский Экзархат Русской Церкви» (*Гамахария / Ерохина 2016: 25*). Епископы Кирион (Садзаглишвили) и Леонид (Окропиридзе), архимандрит Амвросий (Хелая), другие лидеры автокефалистов были тесно связаны с национал-консерваторами (традиционалистами) в рамках партикуляристского проекта. И. Чавчавадзе принимал самое живое участие в этом движении, публично обосновывая правомерность автокефалии. В знак признания этих заслуг Грузинская православная церковь канонизировала его под именем Илия Праведный (*Грдзелишвили 2018: 54*). Его идеи трактуются теперь в рамках религиозного национализма, а существующий светский культ постепенно обрастает деталями, свойственными культу традиционных православных святых.

Истинные мотивы, побудившие лидеров грузинского нобилитета вновь высоко поднять древнее знамя[24] самостоятельной государственности, не были тайной за семью печатями для многих их современников. Крупная фигура в истории страны Н. Н. Жордания социально-экономическую первопричину этого политического явления ясно видел именно в уже начавшейся агонии феодальной матрицы. «Новое экономическое развитие, — говорил он, — идет в ущерб дворянству: оно постоянно теряет все экономические и политические преимущества, какими владела раньше, и движется к упадку. <…> [Дворянство] начинает думать о том, как помочь себе, как восстановить прежнее господство при помощи государствен-

[24] Во время спектакля «Самшобло»/«Родина», сыгранного с аншлагом в 1882 году в Тифлисе, на сцену театра под бурные овации и восторг публики было вынесено почти забытое прежде знамя картвельских царей. В кругах, отстаивавших колониализм и русификацию, эта открытая демонстрация национальной идентичности, вызвала сильную аллергическую реакцию. «Это знамя советуем вам впредь не показывать вовсе на сцене, — сказано на страницах газеты «Московские Ведомости», — лучше продать его цирку для покрытия расходов, произведенных театром» (*Вачнадзе/Гурули/Бахтадзе* 2008: 599). За этим безобразным выпадом предсказуемо последовал взрыв возмущения в грузинском сообществе.

ной власти. <…> [Её уже не удовлетворяет] милость державной власти [Романовых], откуда она [привыкла] получать разные подачки. <…> Но с развитием буржуазного хозяйства <…> дворянство <…> не в состоянии улучшить своё положение и начинает думать о другом способе самозащиты. <…> [Дворянство] начинает думать, что действительную защиту своих интересов получит лишь тогда, когда у него будет в руках своя собственная политическая власть, т. е. когда государственная машина очутится в ведении этого сословия. [Оно] начинает также мечтать и думать о восстановлении своего собственного национального государства. Дворянство <…> пропитано историческими традициями и воспоминаниями. [Нобилитет] в борьбе за власть, опирается на былое своё господство <…> стремясь восстановить старые свои привилегии, при совершенно новых политико-экономических условиях. Ему необходима власть для самозащиты от нового экономического строя, для того, чтобы остановить экономическое развитие, ослабить его размах и этим [деструктивным] способом увеличить своё собственное благосостояние. <…> Национальное правительство <…> необходимо <…> дворянству <…> для восстановления старых отживших устоев» (*Жордания 1919: 25*). Таким образом, аристократия нуждалась в надежных механизмах для поддержания своего прежнего элитного статуса. Её мобильность в обществе модерна была серьёзно заблокирована, и только собственное государство могло бы предоставить ей достойное положение. Она мечтала о социальном реванше, требуя доходов и власти, на которые им, по их мнению, давало право принадлежности к феодальному классу.

Посетивший тогда же кавказский регион итальянский публицист Луиджи Виллари оказался достаточно осведомленным, чтобы сделать проницательные для европейца выводы. Он пишет, что грузинские дворяне, мало того, что тосковали по старым временам, когда их класс господствовал в стране, но и ратовали «за возрождение самостоятельной Грузии,

управляемой олигархией» (*Villari 1906: 75*). Часть из них хотела создать адаптированную к реалиям модерна аристократическую республику. Более того, «грузинские общественные деятели, — отмечал в связи с этим П. П. Гелейшвили, — получившие у нас название отцов [нации], и представители грузинского дворянства, это — синонимы. <…> Наши “отцы” как пером, так и словом являются дворянскими идеологами» (*Кариби* 1906: 21). Все их симпатии принадлежали феодальной Грузии.

Вдохновение для возведения своих политических конструкций эти идеологи черпали в уже отжившем прошлом своей страны, которое они преднамеренно романтизировали. Однако ими двигали не только ностальгические чувства, но и, по всей видимости, обычные меркантильные интересы. И. И. Воронцов-Дашков не обошел вниманием также тот важный аспект, что «распространение среди грузинского дворянства автономистских тенденций, обещает им впоследствии возможность поставить местных крестьян ещё в более зависимое положение» (*Авалиани* 1920: 31). Кроме того, «автономия», по мнению советского автора, должна была развязать руки помещикам, дав им возможность расправиться с армянским капиталом (*Драбкина 1928: 35*). Таким образом, стал формироваться этнический проект фундаменталистского характера. Он преследовал цель консервации традиционной структуры картвельского сообщества.

Как видим, интересы грузинской аристократии имели регрессивный характер и объективно не могли способствовать бесконфликтному развитию Грузии. Восстановление же политического господства дворянского сословия грозило стране сохранением самых архаичных форм в социально-экономических отношениях, и, как следствие, полной стагнацией в её общественном развитии. Иными словами, осуществление политической программы дворянского истеблишмента должно было неотвратимо завести страну в безнадежный социальный тупик.

Не имея реальной возможности противопоставить компрадорам-армянам какие-либо серьёзные методы конкурентной экономической борьбы, формируемая дворянской интеллигенцией социально-политическая мысль априори стала уповать на властные рычаги. Они не скрывали, что реставрация грузинской государственности, безусловно, будет «означать смерть армянской плутократии» (*Ишханян* 1914: 73).

Неприязнь в отношении армянской буржуазии отдельные представители грузинской публицистики со временем, так или иначе, пытались перенести на весь армянский народ. Востоковед Н. Марр укорял поэта А. Церетели, что «из его уст нам приходится слышать весьма и весьма несправедливые суждения об армянах [и] мнения Акакия об армянах не выдерживают никакой критики» (*Джаншиев 1898: 560;* Բայրամյան *2013: 5-6*). Таким образом, отдельным картвельским влиятельным интеллектуалам стал присущ синдром армянофобства, элементы которого на рубеже XIX и XX веков были инкорпорированы ими в нарождающиеся грузинские этнонациональные теории. Для их носителей было очевидным, что эффективное противостояние армянскому капиталу и устранение его с экономической арены возможно лишь с использованием административных методов, вплоть до принудительного отчуждения имущества.

Для радикальных дворянских элементов схватка с капитализмом и борьба за возрождение собственного государства казались двумя сторонами одной медали. Более того, они не исключали возможность соединить социализм с национализмом (*Jones 2005: 29*). Нельзя, однако, не напомнить, что намерение уничтожить ещё очень слабые ростки капиталистических отношений, генератором которых являлась буржуазия Тифлиса, с неизбежностью привело бы страну к феодальной реакции.

Для достижения своих целей и задач аристократии необходима была, прежде всего, этническая мобилизация. Грузинское мещанство, которое всё ещё носило печать феодальной

эпохи, в своих общественных настроениях в немалой доле ориентировалось на своё дворянство (*Ратиани 1958: 76*). Выходцы из этих сословий, как правило, испытывали глубокую неприязнь к армянским компрадорам Тифлиса. Те же отнюдь не были органической частью своего этноса, а лишь превратились в некий суррогат местной буржуазии, который был замкнут на свои собственные, корпоративные интересы. Американский автор вполне справедливо отмечает, что «Грузия фактически не имела национальной буржуазии. Функции среднего класса выполняли армяне, которых ненавидели за их богатство и фактическую монополизацию всей коммерческой деятельности в этой стране» (*Kazemzadeh* 1951: 12). Поясним, что торговля местных лавочников часто носила «позднефеодальный» характер, где обман, стремление к сиюминутной выгоде, принцип продать «мало, но дорого» (а не «много и дешёво», как это свойственно развитым рыночным экономикам) были обычными признаками их предпринимательской активности. Кроме того, буржуазные нувориши казались дворянским интеллектуалам символами пошлости и бескультурья, носителями низменной мещанской психологии.

Напомним, что недовольство русским чиновником в картвельской аристократической среде сочеталось с враждой к капитализму в лице армянского ростовщика. К этой теме обращаются грузинские авторы. Они пишут: «Буржуазный класс [в Грузии] в основном был представлен предпринимателями и торговцами армянской национальности». Они же утверждают, что якобы «поэтому его союз с [грузинским] национальным движением был исключен. Армянская [компрадорская] буржуазия поддерживала [русскую] колониальную администрацию и вместе с ней боролась против [грузинского] национального движения» (*Вачнадзе/Гурули 2000: 86*). Однако заведомо было известно, что княжеско-дворянское «национальное движение» уже изначально избрало своей социально-политической целью максимальное ослабление и вытеснение из Грузии армянского предпринимательского класса. Это во многом было чревато стагнацией экономи-

ческого развития и консервацией полуфеодального характера страны. Следовательно, причиной негативного характера тенденций в межэтнических отношениях, с точки зрения объективного освещения фактов, было бы правильно признать корпоративные интересы, как феодального сословия, так и компрадорской буржуазии.

Таким образом, возникший во второй половине XIX века дворянский партикуляризм в своей основе питался преимущественно социально-экономическими мотивами. Тем не менее, проблематика межэтнических трений постепенно превратилась в абсолютно доминирующую тему местного политического дискурса. Как следствие, через неё стали выражаться все ключевые противоречия. Болезненное внимание к этнодемографическому балансу овладело умами и начало пронизывать идеологию самих кавказских элит, всё более осваивающих идеи освобождения именно в этнических терминах.

1.2
ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ЦЕНА КАРТВЕЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

Феодальные отношения и крайняя нищета крестьянства препятствовали интенсивному развитию сельского хозяйства, главного стержня экономики Грузии. Впрочем, и после поэтапной реформы 1864-1865 годов грузинские крестьяне продолжали находиться пусть не в крепостной, но в феодальной зависимости от помещиков[1].

Упразднение крепостной неволи было проведено в Грузии на условиях, несравненно более тяжёлых для крестьян, чем во внутренних губерниях России[2]. Важно, что власти не обязали грузинского феодала уступить бывшим крепостным их «наделы» по сходной цене (*Мочалов 1958: 46*). Более того, правительство не взяло на себя выплату выкупных ссуд. Крестьяне должны были сами платить помещикам за выкуп своих наделов. В своём большинстве крестьяне, не имея этих средств, оказались на положении арендаторов. В результате, получив личную свободу, они были принуждены по-прежнему отбывать денежные и натуральные повинности в пользу помещиков (*Мочалов 1958: 50*). Таким образом, был сохранён целый ряд элементов прежней «сеньоральной системы». Так, сванский князь Тарасхан Дадешкелиани даже в 1913 году был

[1] Помещиками в России продолжали называть во второй половине XIX века тех собственников земель, которым кроме своих угодий принадлежали также крестьянские «отрезки». Более того, в Грузии во владении феодалов сверх того остались «наделы» бывших крепостных. Имея эксклюзивное право на их эксплуатацию, они использовали дармовой труд зависимых крестьян; в отличие от тех землевладельцев, которые изначально имели в собственности лишь свою землю.

[2] Аграрная реформа в Грузии в общих чертах повторяла содержание указа от 1842 года «Об обязанных крестьянах». Его принципы, когда «овцы оставались целы, и волки сыты», предложил граф П. Д. Киселёв. Таким образом, помещики сохраняли свою полную собственность на землю, а крестьяне получали её лишь в пользование с обязанностью платить оброк феодалу и отрабатывать различные повинности, с перспективой в неопределённом будущем выкупа надела в собственность.

в праве требовать денежные штрафы с зависимого населения за нарушение обычаев, якобы предписанных традицией (*Волкова/ Джавахишвили 1982: 69*).

«Аристократия, — пишет тбилисский историк, — получив от правительства щедрое вознаграждение в связи с крестьянской реформой, не использовала этих денег на улучшение своих хозяйств. Она, привыкшая к безделью, в течение короткого времени растранжирила их. Получаемая с владений рента также оказалась недостаточной для безбедной жизни дворян, и они стали влезать в неоплатные долги, взятые под залог имений» (*Адамия* 1976: 25). Таким образом, вотчины знати, будучи оплотом старых, крепостнических традиций в деревне, тормозили социально-экономический прогресс. Зависимость от помещика в пореформенный период оставалась столь сильной, что без его согласия «нельзя даже собрать урожай» (*Авалиани 1920: 36*). Кроме того, за время, прошедшее после раскрепощения, арендуемые крестьянами наделы уменьшились из-за удорожания земли, а повинности увеличились (*Авалиани 1920: 151*).

Большинство крестьян числились «обязанными», т. е. фактически на положении в чём-то похожем на их прежнее феодальное состояние. Закон 1912 года наконец потребовал от грузинского помещика приступить к выкупной операции, хотя он, возможно, желал оставить всё без изменений и дальше получать от «обязанных» крестьян ежегодные платежи. Тем более что их устанавливало само дворянство. Нобили восприняли эту реформу в штыки. Ведь они лишались источника дармового дохода. Пытаясь сохранить своё прежнее выгодное положение, помещики завышали выкуп за «наделы» до такой степени, что это не давало большей части крестьян возможности иметь землю в собственности. Кроме того, со слов очевидца, «вообще здесь земля очень дорогая. Случается, что стоимость десятины превышает 2000 руб.» (*Кривенко* 1893: 288). Положение 80% крестьян было плачевным, так как они из-за крайней бедности не имели возможности выкупить у

помещика даже тот мизерный клочок земли, который остался им после «отрезков». К слову, в Грузии количество «отрезков» достигало 40 % земель, которыми прежде пользовались крестьяне (*Жвания 1978: 61*). Таким образом, общая площадь земельных наделов крестьянства не превышала 418110 гектаров или 6,4 процента всех обрабатываемых угодий (*Качарава* 1973: 63-64).

Многие из землевладельцев-дворян также сдавали земли в наём беднякам с тем, чтобы обеспечить свое хозяйство дешевой рабочей силой. В качестве платы за арендуемый у помещика клочок земли, крестьянин обрабатывал господскую пашню и виноградник с помощью своего примитивного инвентаря и собственного рабочего скота. Эта система являлась по существу скрытой барщиной. В грузинской деревне она издавна была известна под названием «*шромамигеба*»/ «отработки» (*Качарава* 1973: 34). Итак, не была устранена система феодальной эксплуатации, поскольку лично свободный крестьянин остался условным держателем земельного надела от своего сеньора.

Таким образом, положение арендаторов, целиком зависевших от помещика, мало чем отличалось от внеэкономической эксплуатации крепостного. Кроме всего прочего, крестьяне не владели пастбищами и лесами, и за пользование таковыми были обязаны платить помещикам высокие подати.

Сеньоральный строй, реликты которого просуществовали в Грузии вплоть до 1918 года, был жерновом, подвешенным на шее крестьянства. Его тяжесть наносила несравненно больший вред экономике страны, чем та польза, которую получали от своих прав помещики. Без кардинальных преобразований в сфере поземельных отношений, включая полную ликвидацию помещичьего землевладения, разумеется, было бы сложно надеяться на стабильный социальный прогресс в такой аграрной стране как Грузия. Иными словами, сохранение пережитков феодализма обрекало бы её на постоянное экономическое прозябание. Это обстоятельство в своё время

уже было хорошо известно трезво оценивающим ситуацию наблюдателям.

Так, побывавший здесь в своё время этнограф обратил внимание, что «громадные пространства принадлежат знатным грузинским фамилиям, которые настолько богаты, что могут удерживать их за собою и, вместе с тем, настолько скудны хозяйственным знанием и предприимчивостью, что не в силах сами обратить эти зелёные пустыни в цветущие сады и сытые поля. Обширные владения князей Андроникашвили и других тянутся, например, на многие десятки вёрст бесплодною равниною около [реки] Иоры. Трудно сомневаться, что будь вместо этих магнатов масса мелких фермерских хозяйств, вся страна быстро приняла бы другой вид, покрылась бы плантациями, садами, посёлками. Видно, латифундии губят не одну Италию!» (Марков 1887: 442). *Таким образом, архаичное землевладение требовало кардинальных реформ. Основой развития национального капитализма, его генератором в такой аграрной стране как Грузия, могла стать лишь свободная масса фермеров-«кулаков» и их товарные хозяйства, не отягащённые феодальными пережитками.*

Враждебное западному рационализму и крайне консервативно настроенное картвельское провинциальное дворянство, стремилось вытравить в своей стране дух «торгашества». Оно всячески третировало социальные группы занятые в сфере коммерции. Нобели мечтали вернуть грузинский социум к древним добродетелям, когда якобы царили простые и благородные нравы: добрый монарх обеспечивал благополучие подданных, а церковь пеклась о высоких моральных ценностях (*Ramishvili 2006: 100*). Эти обладатели достаточно уже поношенных аристократических титулов были убеждены, что единственным критерием сохранения в качестве господствующего сословия родной им знати, является принципиальная необходимость консервации в Грузии целого ряда важных элементов прежнего феодального устройства. Их усилия, несомненно, были направлены на создание для помещиков тепличных социально-экономических условий. Правда, некоторые из вестернизированных

дворян пытались скорректировать наиболее безобразные пережитки феодализма. Так, «Илья Чавчавадзе, ведя борьбу против крепостников, не ставил вопроса ликвидации привилегий дворянства, он хотел перестройки помещичьего хозяйства» (*Ратиани 1958: 38*). Таким образом, авторитеты «тергдалеулеби» из числа дворян выступали за очищение аграрного строя от наиболее грубых и вопиющих методов полукрепостнической эксплуатации, но при этом для них было важно сберечь неизменной саму систему аристократических иммунитетов.

«Дворянство, — сообщал очевидец, — не может примириться с мыслью, что правительство освободило крестьян» (*Кавелин 1898: 107*). Консерваторы («мтквардалеулеби») отчаянно пытались защитить помещиков, которые «заняты были лишь охранением личных материальных интересов» (*Авалиани 1912: 378*). Так поступил и Д. И. Кипиани, который резко выступил против наделения крестьян землей, что, разумеется, встретило восторженную поддержку у большинства дворян (*Вачнадзе/Гурули/ Бахтадзе* 2008: 543). Лично знавший его современник сообщает, что Кипиани придумал целый комплекс мер «ведущих к бóльшему ещё закрепощению крестьян» (*Бороздин 1885: 405*). Освещающие проблему эксперты делают вывод, что «проекты грузинского дворянства, идеологом которого являлся Дмитрий Кипиани, носили откровенно крепостнический характер» (*Адиньяев 2017: 375*) Он столь усердно отстаивал ведущую роль и сословные интересы своего привилегированного класса, что вскоре был избран официальным предводителем картвельского дворянства (*Качарава 1973: 12*).

В Грузии консерваторы во многом отражали интересы местного поместного дворянства, которое пыталось отстоять утраченные привилегии. В отличии от них «тергдалеулеби» не отрицали социального кризиса, не утверждали безусловной ценности прежнего феодального порядка. И. Г. Чавчавадзе и А. Р. Церетели на корпоративных собраниях знати пробовали

было настаивать, что крестьяне должны также получить свой клочок земли в собственность. Их предложения неизменно вызывали немалое раздражение в среде заносчивых феодалов. Наиболее горячие головы из числа дворян с бранью и угрозами даже пытались расправиться с ними (*Ратиани 1958: 105; Гугушвили 1968: 44; Жвания 1978: 49*). Наконец, Д. И. Кипиани сам повел активную кампанию против «тергдалеулеби», обвиняя их в измене коренным интересам дворянства (*Качарава* 1973: 78). Те же хотя жёстко критиковали самые архаичные черты и дремучие пережитки феодальной системы, тем не менее, не горели особым желанием выступить в качестве инициаторов её полного демонтажа. Писатель Важа-Пшавела (горец, уроженец региона Пшави, где никогда не было феодальных маноров), ретранслируя эти настроения «тергдалеулеби», не был согласен с тем, чтобы с целью удовлетворения требований крестьянства обеднела аристократия. Так как, рассуждал он, «дворянство — это наша буржуазия» (*Очерки 1990: 242*). Более того, «Важа Пшавела, — пишет о нём прославленный поэт Тициан Табидзе, — был свидетелем столкновения средневековой морали с моралью капиталистической эпохи. Он видел, что в этой борьбе ломаются и уничтожаются старые нравы и обычаи, и он, как разъяренный вождь дэвов, у которых разрушают родные очаги, бросился в смертный бой» (*Цурикова 2015: 234-235*). Литераторы из «пирвели даси» не прочь были поверить, что, мол, вполне возможно заменить объективно назревшее и кардинальное упразднение всех феодальных институтов их поэтапной и постепенной трансформацией в нечто более отвечающее запросам современности.

Картвельское дворянство, тем не менее, не ассимилировалось со своим мещанством, не превращалось в класс буржуазии. Как и почему это произошло — одна из интересных проблем для исследователя. Так, в Грузии, как и в любом сословном обществе, занятие торговлей и ростовщичеством не считалось занятием, достойным людей с

уходящей в глубь веков благородной родословной. Тбилисский же культуролог делает вывод, что «у грузинского дворянства с его склонностью к разгулу, с узким временным и пространственным горизонтом, чванливостью, нерасчетливостью, отголосками кодекса рыцарской чести, инфантильным индивидуализмом не было будущего» (*Нижарадзе 1999*). Мы же полагаем, что буржуазной эволюции нобилитета помешали остатки феодального режима. Он был поколеблен в Грузии, однако не был окончательно разрушен. Выкупные платежи здесь взымали вплоть до 1917 года (*Махарадзе 1933: 19*), а до 1918 года сохранялось бремя сеньоральных повинностей («гала», «сабалахо» и др.) для «обязанных» крестьян (*Воспоминания 1957: 7*). Однако капитализации прибавочной стоимости в феодальном хозяйстве не происходило, так как помещики обращались с ней как с рентой. Они зачастую тратили свой доход не на реинвестирование, а на престижное потребление.

Грузинские аристократы вынужденно искали разного рода альтернативные финансовые источники, посредством которых возможно было бы существенно поднять рентабельность их имений, уже пришедших в полное расстройство и упадок. В среде феодальной знати получила широкое распространение идея вскладчину основать собственные банковские учреждения. Илья Чавчавадзе, сам являясь помещиком средней руки (*Ратиани 1958: 108*), согласился возглавить учреждённый в 1874 году Тифлисский дворянский земельный банк, где картвельский нобилитет на льготных условиях мог бы получить денежный кредит. Кроме того, лидер «пирвели даси» намеревался использовать ресурсы этой структуры, собрания пайщиков которой пафосно называли «грузинский парламент», для финансирования национальной школы и культуры. Нико Николадзе, который был главой муниципалитета портового города Поти, напротив, «национальный капитал», аккумулированный на счетах в дворянском банке, предлагал использовать для развития отечественной промышленности и торговли. Вспыхнувшие острые

дебаты (экономика против культуры) серьёзно подорвали прежнее единство в среде авторитетов «тергдалеулеби». Европейский же эксперт отмечает, что, создав собственный банк, дворяне, похоже, не желали вносить свой вклад в более широкую экономическую деятельность (*Brisku 2015: 310*). В итоге, Тифлисский дворянский банк в 1910-1916 годах принял участие лишь в одном крупном инвестиционном проекте — строительстве Кахетинской железной дороги, функционирование которой было крайне важно для развития главных винодельческих районов страны. Правда, была ещё группа нобилей-рантье, которая вложила свои капиталы в Чиатурские марганцевые рудники. Первым, кто начал разработку этого месторождения был князь Акаки Церетели, помещик и икона «пирвели даси» (*Островский 2004: 485*).

Дворянские кредитные учреждения, которые выдавали ссуды под залог недвижимого имущества, тем не менее, во многом не оправдали связанные с ними радужные надежды. Они лишь частично задержали процесс банкротства нобилитета, однако, не смогли помешать ослаблению позиций помещичьего землевладения. Причина заключалась в том, что привыкшие к беспечной жизни грузинские феодалы с чрезвычайной легкостью брали крупные ссуды под залог своих имений, а затем выяснялось, что они не в состоянии выплачивать свои долги по кредитам. В начале 1900-х гг. 2/3 всех дворянских угодий Тифлисской губернии находились в закладе (*Адамия* 1976: 30).

Однако были также приятные для аристократии исключения. Крупный организатор аграрного движения вспоминал, что «гурийские помещики распродали большинство своих земель по отдельным отрезам. И если здесь, в Нигоити [родное село мемуариста – Б. М.], ещё находилось огромное феодальное владение, то это лишь потому, что оно было заложено в дворянском банке. Согласно уставу этого банка, заложенная земля оставалась в руках патрона, но он не имел права ни продавать, ни передать кому-либо. Он обязан был в определенные сроки вносить известную сумму для покрытия долга. И если не вносил — банк имел право

продать землю. Нигоитское поместье принадлежало князьям Мачутадзе, которые регулярно вносили в банк причитающуюся сумму, благодаря чему земля находилась в полном их распоряжении, и они давали крестьянам на известных условиях отдельные участки для обработки. В выработке этих условий банк не принимал никакого участия, и благодаря этим банковским условиям и сохранилось такое огромное поместье не распроданным» (Уратадзе 1968: 32).

Социальная программа И. Г. Чавчавадзе была основана на желании сохранить Грузию в качестве аграрного сообщества (*Suny 1994: 133*). Он находил преждевременным полную ликвидацию сословного землевладения и помещичьей собственности (*Ратиани 1958: 106*). Это, в итоге, привело его в консервативный лагерь. Ему был свойственен аграрный романтизм — желание извлечь сферу поземельных отношений из-под влияния рыночных механизмов. Вожак «пирвели даси» продолжал проявлять завидную настойчивость и энергию «в вопросе защиты интересов разорённого дворянства» (*Кариби* 1906: 36). Тем не менее, для деятелей национального движения уже немаловажным утешением было то, что «имения становились принадлежностью [дворянского] банка, а не армянской буржуазии» (*Вачнадзе/Гурули/Бахтадзе* 2008: 567).

Разумеется, что аристократия, которая увидела в лице Ильи Чавчавадзе своего последовательного защитника и безусловного лидера, в 1906 году делегировала его в члены верхней палаты российского парламента. Там он заявил: «Если я вхожу в Государственный совет в качестве представителя дворянства, это лишь формальная, юридическая сторона дела. Не скрою и скажу, что в совете я буду защитником интересов всей Грузии, всего грузинского народа» (Ратиани 1958: 165). *Не будем забывать, однако, что феодальный нобилитет традиционно всегда позиционировал себя в качестве единственного хозяина своей страны, а её рассматривал как свою наследственную вотчину. Кому, как не его признанному вождю, спросим, тогда было позволено говорить от имени всех картвелов.*

Один из вожаков «тергдалеулеби» — Н. Я. Николадзе, напротив, на определённом этапе своей деятельности пришёл

к убеждению, что дворянство, как сословие, давно отжило свой век и «уже не может выполнить никакой роли в жизни народа» (*Качарава* 1973: 73). Ключевым моментом в этой характеристике является то, что для значительной части феодалов было свойственно некапиталистическое обращение с полученной от поземельной ренты прибавочной стоимостью. Они её тратили, главным образом, в потребительских целях.

Н. Я. Николадзе предлагал заложенные в дворянских банках помещичьи земли распродать по льготным ценам исключительно грузинскому крестьянству (*Brisku 2015: 310*). Он тем самым надеялся стимулировать развитие капиталистических отношений в недрах грузинского сообщества. Этот непростой вопрос вызвал бурную полемику между виднейшими авторитетами «тергдалеулеби». Он предопределил размежевание в рядах прежних соратников и образование нового течения «*меоре даси*»/«вторая группа». Ведь отсутствие своей этнической буржуазии Нико Николадзе и его лагерь приравнивали к общенациональной проблеме (*Ишханян* 1914: 35-39).

Социальная основа и теоретические источники этого течения в основном были те же, что и «пирвели даси», но его представители первоочередной задачей ставили не культурное возрождение, а экономическое развитие своей страны. С их точки зрения надо было не противостоять капитализму, а использовать открывшиеся возможности для буржуазных преобразований. Они также выступали более радикальными выразителями национальных требований. Идейными вдохновителями «Меоре даси» были Г. Е. Церетели, С. С. Месхи и Н. Я. Николадзе. По их мнению, главной целью освободительного движения грузин должно было стать достижение национального самоопределения, в отношение же путей преодоления социальных проблем они давали лишь туманные объяснения. Это направление генерировало ту группу национал-демократов/«буржуазных националистов», которая позже размежевалась с дворянскими традиционалистами, последователями И. Чавчавадзе.

Если же вкратце изложить суть разногласий, то «в условиях отсутствия национальной буржуазии принижение

роли грузинской аристократии Илья Чавчавадзе считал отрицательным явлением» (*Вачнадзе/Гурули/Бахтадзе* 2008: 573). Более того, на страницах своей газеты «Иверия», он уделял заметное место тем комментаторам, которые старались доказать то, что в Грузии не только не существует капитализма, но никогда и не будет (*Уратадзе* 1968: 17). Сам же вождь «пирвели даси», демонстрируя своё отношение к коммерсантам, называл их «пронырами», а принадлежащие им капиталы «лукавыми деньгами» (*Гамахария/Гогия 1997: 362*). Мысль примирения интересов нобилитета с интересами буржуазии решительно им отвергалась. Он понимал, что эти интересы несовместимы, и победа буржуазии приведёт, в конечном счёте к утрате всех наследственных привилегий дворянства. Британский автор резюмирует, что Чавчавадзе хотя не имел определённой политической программы, «он всё-таки был консерватором» (*Рейфилд 2017a: 228*).

По мнению же исследователя Л. Ф. Чиковани, в среде «тергдалеулеби» расхождения не носили принципиального характера и были лишь размолвками в тактических вопросах. Напротив, в главном — защите грузинской идентичности — вожаки движения дополняли друг друга (*Чиковани* 1989: 19, 199). Тем более что в ситуации глухого раздражения, как утверждает британский автор, «в Грузии всех образованных людей, невзирая на их социальное происхождение или политические взгляды, объединяло сопротивление русской власти» (*Рейфилд* 2017b: 14). Поворотным же моментом являются 1880-е годы, когда усилилась политика русификации на фоне «контрреформ» и проекта «национальной империи» Александра III.

Здесь надо отметить, что в своих настроениях картвельский феодальный класс становился всё более прозападным. Так, в грузинской среде, как пишет мемуарист, преобладали германофильские настроения (*Жордания 1968: 68*). Поэтому часть нобилитета ратовала за собственную этническую монархию по прусскому образцу, с безусловным доминиро-

ванием знати. В их умах (Лео Кереселидзе и др.) доктрина «национального возрождения легко смешивалась с идеей реставрации прежней Грузии — царской, дворянской, церковной» (*Кастелянский 1910: 490*). На почве партикуляризма «германофилы» неформально смыкались с «англоманами» (Нико Николадзе и др.), адептами подражательного либерализма. Те же, в качестве удобного примера для заимствования, видели британскую модель парламентской монархии (*Кариби 1906: 64*). Им, импонировала ситуация, когда лендлорды Альбиона продолжали играть не последнюю роль в постфеодальном социуме. Ведь Англия сумела сохранить свою аристократию. Раньше она творила историю, а затем стала её хранительницей. На зависть тем, кто не смог распорядиться своим прошлым с такой выгодой.

Напомним, что фрондирующие аристократы-масоны из традиционалистского объединения «Молодая Англия» не только стойко защищали имущественные иммунитеты знати, но и пламенно бичевали пороки поднимающегося капитализма. Подобно им радикальные последователи «тергдалеулеби» из числа дворянской молодёжи — «молодые иверийцы» (*Asatiani/Janelidze 2009: 226*), по сути, оказались на позициях «феодального социализма». Разумеется, что они пришли к этим идеям совершенно спонтанно, через свои социальные настроения. Они занялись поисками избавления от господства мира наживы и чистогана, имея в качестве примера добуржуазное прошлое. То, что критика капитализма восходит к консервативной традиции, не является секретом для историков. Все предшествующие марксизму варианты социализма, идеализировали те или иные средневековые социальные формы.

Выражая недовольство земельной аристократии ростом экономического и политического могущества класса капиталистов, поборники «феодального социализма» питали иллюзии об общности интересов всех социальных групп, противостоявших буржуазии. Первыми, кто попытался классифицировать это

новое явление были основоположники марксизма. «Феодальный социализм — наполовину похоронная песнь, наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого, наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, язвительным приговором, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории» (Маркс/Энгельс 1955: 448-449).

Нобилитет мечтал о широком антикапиталистическом фронте, подчинённом интересам феодальной знати. Эта тенденция, на наш взгляд, затем в ещё более полной мере развилась, когда зародилось интеллектуальное течение адептов «третьего пути», консерваторов-модернистов, создавших теорию «консервативной революции». Она обладает ярко выраженной антибуржуазной заостренностью, резко порицающей капитализм. Ведь эта теория вид традиционализма, а не консерватизма, её поборники отстаивают традиционалистские ценности, а не консервативные принципы (Григоров 2013). *Термин «консервативная революция» впервые использовал Фридрих Энгельс для описания антирусского восстания в 1830-м на территориях Польши и Беларуси. Под этим понятием он подразумевал движение, которае не является ни социальным, ни либеральным, а выбирает отличный от них третий путь развития. Ныне же под этим термином понимают тип модернизации, которая избегает капиталистического пути развития.*

Одним из первых, кто сформулировал теорию антикапиталистической революции нового, неплебейского (некоммунистического) типа был Освальд Шпенглер. Он надеялся, что «лучшая часть немецкого рабочего класса объединится с лучшими носителями старопрусского государственного инстинкта (читай: с юнкерами-аристократами — Б. М.) в обоюдной решимости основать строго социалистическое государство» (Мочкин 1999: 148). *В понимании ранних теоретиков «консервативной революции» социализм — это власть аристократии с опорой на рабочий класс, который в связке с нобилитетом противостоит капиталистам. Они намечали соединение консерватизма и социализма в борьбе с либерализмом.*

Одной из форм «феодального социализма» в России была т. н. «зубатовщина», система подконтрольных полиции рабочих

организаций. Главной задачей «полицейского социализма», инициатором которого был сотрудник полиции Сергей Зубатов, обычно называют намерение царских властей перебить влияние марксистов и иных радикалов на городской пролетариат. В его среде кураторы «зубатовских» профсоюзов из жандармского ведомства поощряли лишь проповедь незыблемости самодержавной формы правления. Однако, надо понимать, что «полицейский социализм» внедрили также с другой, с не менее важной целью — иметь рычаг давления на толстосумов из городской буржуазии, когда под рукой оказался инструмент, с помощью которого можно было окоротить их социально-политические аппетиты.

Во все эпохи трансформаций, разрушения привычных институтов, потери чувства опоры люди инстинктивно обращаются к прошлому, к традициям предков, к тому, что может восполнить ощущение неуверенности, дать твердую почву под ногами. «Пробуждается глубокая страсть ко всему, что ещё живет старинной, благородной традицией, — утверждает гуру консервативной революции, — капиталистическая экономика опротивела всем до отвращения. Возникает надежда на спасение <…> связываемое с тоном чести и рыцарственности, внутреннего аристократизма. <…> Все, что уцелело для будущего от династической традиции, от древней знати, что сохранилось от благородных, возвышающихся над деньгами нравов <…> т. е. все, что я в противоположность капитализму означил как социализм» (Шпенглер 2014: 929).

Отрицание современного мира — центральная мысль также в «интегральном традиционализме» (консервативном фундаментализме), эзотерическом учении, выступающем против буржуазного устройства и основных его ценностей: эгалитаризма, плюрализма, демократии, секуляризма и т. п. (Носачев 2013: 203-222). *К слову, наиболее ярким примером интегрального традиционализма в действии является «исламская революция» аятолл в Иране и режим талибов в Афганистане.*

Теория «консервативной революции» стала неотъемлемой составляющей традиционалистского проекта (Илларионов 2014: 62). *К числу характерных для неё черт обычно относят: этнонационализм, антилиберализм и идею корпоративного государства. Её первые теоретики были сторонниками аристократических*

принципов устройства общества и верили в то, что «новое средневековье» неизбежно уничтожит модерн эпохи Просвещения. Для них ценности прошлого, очевидно, были важнее ценностей будущего. Они фактически стали отстаивать идеи социальной инволюции. В их представлении реверсивное движение должно было дойти вплоть до добуржуазных укладов. Это было, разумеется, выражением ментальных настроений патерналистски мыслящей части общества, которая жестоко была фрустрированна в результате распада феодальных институтов. Более того, казалось бы, фундаментально чуждые и противоречащие праворадикальному мировоззрению идеи «социализма» не только не отвергались, но и сознательно использовались некоторыми теоретиками «консервативной революции» (А. Мёллер ван ден Брук и др.). Они придерживались резко консервативных взглядов, но в определенный момент обнаружили, что «левые» и «правые» бьются против общего врага — буржуазии. Произошла ассимиляция социальной критики «левых» в «правой» консервативной интерпретации. «Раньше, — говорил Мёллер ван ден Брук, — консерваторы пытались остановить революцию, но теперь мы должны её возглавить» (Дугин 2010: 239). *Это утверждение стало одной из главных его теоретических формул. Он стал горячим поборником «социализма», правда, в его корпоративной версии. Корпорации в представлении консервативных революционеров должны были стать аналогом средневековых сословий либо гильдий. Главным своим врагом эти лица считали в первую очередь не левые политические идеологии, а либерализм, рассматривая его как порождение капитализма* (Терехов 2011: 147-153). *Таким образом, целый ряд радикальных традиционалистов (барон Юлиус Эвола и др.), которые увидели в капитализме якобы источник всех бед современного общества, мечтали полностью изжить его путём «консервативной революции», которая должна была восстановить кастовую, сословную иерархию в обществе* (Юдин 2014: 113-128).

Признанный знаток вопроса Армин Молер смесь национальной и социальной борьбы называет характерным явлением для доктрины «консервативной революции» (Молер 2017: 39). *Проблемы же её теории, в которой подвергнуты фундаментальному пересмотру привычные консервативные ценности, в*

смысле их предельной радикализации, продолжает оставаться открытой и дискуссионной. И вряд ли возможно здесь её окончательное обобщение, ибо мировоззренческие, идеологические и политические взгляды самих «революционных консерваторов» весьма сложны и не поддаются однозначной оценке. Артур Мёллер ван ден Брук называл их «третьей партией», течения адепты которого «больше не стоят ни за левых, ни за правых» (Артамошин 2011: 125).

Очевидно, что революционность и консервативность зачастую совпадают. Пример – Мартин Лютер, с его обращением к истокам христианства. Это реставрация или революция? А ни то, ни другое. Это нечто третье, чем снимается противоречие между реакцией и революцией.

Более того, сама теория «научного коммунизма» в свою очередь также содержит мотивы «консервативной революции», так как обещает возвращение к бесклассовому обществу, ликвидацию института государства и частной собственности, денежного обращения и пр. Всего того, что создано людьми в процессе их архисложной эволюции от первобытного коммунизма к цивилизованному сообществу. Это, несомненно, есть призыв к регрессу, к отказу от многообразия, от достаточно развитых конструкций организации социума в пользу более примитивных форм. Французский автор называет «научный коммунизм» утопической системой. «Маркс, — пишет он, — наследник романтизма в главных направлениях своей критики капиталистического общества. Романтическая же философия была консервативной атакой на индустриальное общество» (Michel Heller 1984: 105). *Это, кстати, подметил теоретик русского традиционализма, который пишет, что коммунистическая доктрина «была контаминирована изнутри мифологической, архаической подоплёкой»* (Дугин 2010: 197, 232). *Для А. Герцена же, идеолога «общинного социализма» идеал обнаружился в далеком, чуть ли не первобытном прошлом. Впрочем, «в самом русском большевизме <…> легко можно обнаружить многие <…> мотивы, имеющие прямое отношение к "консервативной революции". В частности, всё то, что можно называть русским "национал-большевизмом" от сменовеховцев до сегодняшних неосталинистов» (*Вишневский 1996: 50). *Наиболее же масштабной фигурой позднего русского*

национал-консерватизма стал писатель А. И. Солженицын. Он создал свой собственный манифест — «Как нам обустроить Россию», публицистическое эссе, в котором набор традиционалистских идей предъявлялся обществу в либеральной политической упаковке.

Общим же знаминателем для адептов различных форм «консервативной революции», иначе «ностальгической модернизации», которая, по их убеждению, непременно должна избежать капитализма, пожалуй, может послужить девиз — «Вперёд, в прошлое!».

* * *

Внеуверенно вставшей на путь капиталистического развития Грузии, экономическое влияние измерялось наличием финансового капитала, а он, в основном, был сосредоточен в руках денежных мешков —крупной армянской буржуазии. В отсутствие такого лидера, как собственная национальная буржуазия, картвельское мещанство/ «*карачохели*» не в состоянии было эффективно отстаивать свои экономические интересы. Эта ситуация привела к росту социальной дисфункции городского плебса, что, в свою очередь, являлось питательной средой для радикальных сил, как левого, так и правого толка.

Аристократия, проповедуя корпоративистскую теорию «общей почвы», попыталась возбудить этнонационалистические настроения также в массах мелкобуржуазного происхождения и разночинной интеллигенции, дабы отвлечь их от доктрины антифеодальной революции. Тем более что жёсткий натиск армянского капитала и вызванные этим трения в экономической сфере способствовали более тесному сближению политических позиций кругов, лоббирующих сословные интересы, как дворян, так и мещан, консолидации их в общем лагере. «Только что народившаяся грузинская буржуазия, — сообщают тбилисские историки, — взывая о помощи, обращалась к грузинскому дворянству» (*Очерки 1990: 158*). Так что разночинцы не вытесняют дворян в руководстве

освободительным движением, а лишь соединяются с ними в своей отчаянной борьбе с общим врагом.

Таким образом, у грузин в дефеодализации оказался заинтересован один лишь крестьянский класс, так как экономически слабая и крайне малочисленная картвельская буржуазия сама искала политических союзников в среде этнически близких помещиков. Это вынуждало её отказаться от настоятельного требования окончательной ликвидации феодальных пережитков в Грузии. Необходимо отметить, что это немаловажное обстоятельство само по себе серьёзно помешало становлению и уверенному развитию собственно картвельского предпринимательского класса. Это также означало, что в значительной своей части опиравшийся на поземельную ренту дворянский капитал без буржуазной трансформации больше всего тяготел к простому типу воспроизводства.

Оно характерно для доиндустриального общества, где преобладает сельскохозяйственное и ремесленное экстенсивное хозяйство, основанное на ручном труде. Особенность простого воспроизводства заключается в том, что практически весь прибавочный продукт идет на личное потребление.

Феодализм в Грузии был загнан вглубь. Изменилась не его сущность — изменились его формы. «Главным занятием наших окончательно опустившихся и деградировавших аристократов, в котором они достигли подлинного совершенства, — пишет политический эксперт из Тбилиси, — было беспощадное проматывание своего наследства. Оставшись на нуле, они успешно осваивали другую профессию — пускать пыль в глаза» (*Аблотия* 2013). Устойчивое сохранение этих тенденций привело, в сменивший «эпоху великих реформ» консервативный период, к мутации грузинского сообщества в парафеодальный социум, отличие которого от типового феодализма — имитация модерна. Этому способствовала, как уже сказано, тяга господствующих в нём слоёв к некапиталистическому обращению с прибавочной стоимостью вкупе с напускной вестернизацией.

Ситуация с европейским влияним на картвельскую аристократию была довольно парадоксальной. С одной стороны, по мере знакомства с Европой дворянскую молодёжь всё меньше устраивали местные архаичные порядки. С другой стороны, именно эти порядки, в частности, возможность впредь эксплуатировать крестьян, позволяло им быть «европейцами»: путешествовать в Италию, учиться в Германии, одеваться по парижской моде и подписывается на лондонскую прессу и т. д. И это неизбежно делало немалую часть дворянской корпорации самыми верными сторонниками своих сословных привилегий.

Интересную этнографическую зарисовку в своё время оставил побывавший в «стране золотого руна» путешественник. «Кажется, с вами беседует человек вполне европейского воспитания и понятий, безупречно либеральный и прогрессивный, говорящий цивилизованным языком литературы, одетый в фасоны Петербурга. Вы совершенно забываете с ним, что вы в Азии, что перед вами кавказец; но вдруг зазвенела зурна, раздалась грузинская песня, – и как чудом каким преображается мнимый европеец. Чёрные азиатские глаза вспыхивают удалым огнем, книжные фразы внезапно заменяются радостным гиканьем — и вы видите его носящимся в лезгинке, скачущим на коне в отчаянной джигитовке» (Марков 1887: 303). *Конечно же, вестернизация отнюдь не предполагала кардинальный отказ от собственной культуры, традиций и привычек, а лишь их оптимальную диффузию и адаптацию к опыту стран с наиболее рациональным укладом. Речь, разумеется, о преодолении традиционных социальных и экономических барьеров. Замечено, что лакмусом, отличающим общество архаики от эмансипированного социума, является гендерный вопрос. «Отчаянная брань, — пишет коснувшийся острой темы автор, — направленная против самых передовых женщин, превратилась тогда в целенаправленную кампанию, в авангарде которой выступали грузинские мужчины, гордящиеся своим европейским образованием»* (Гогсадзе 2014). *В этом контексте вспомним о княгине Барбаре́ Джорджадзе, даме из высшей аристократии, которую ныне называют первой грузинской феминисткой. Её желание вести на равных полемику с*

корифеями «тергдалеулеби» по актуальным общественным вопросам, вызвало их резкое раздражение и намерение непременно осадить нарушившую рамки принятых в патерналистском социуме условностей женщину. «Если хотите с честью носить славное имя грузинской женщины, — обратились к ней в публичном послании, — выбросьте из головы мечты заделаться врачами и профессорами и станьте просто хорошими матерями. <…> Бросьте равняться на европейских и американских женщин» (Кварцхава 2019). *В представлениях «тергдалеулеби» грузинская женщина должна была быть образованной, но тем не менее обязана была не терять своей связи с местными представлениями о традиционном укладе, и, следовательно, существенно отличаться от «западной» женщины.*

Последующий исторический опыт, с точки зрения тбилисского политического эксперта, показал очевидную «несовместимость грузинского традиционализма с западной цивилизацией» (*Аблотия 2021*). В контексте же мнимой «вестернизации», которая приняла показной характер, политические процессы в грузинском этническом сообществе прошли под знаком условной, отчасти лишь риторической борьбы реформаторов и консерваторов, либералов и фундаменталистов. Секрет заключался лишь в том, что, на первый взгляд, за жёсткими противоречиями, и, казалось бы, антагонистическими позициями, в действительности скрывались социально близкие группы одной и той же, преимущественно дворянской интеллигенции. Она же успела вовремя и уверенно оседлать саму идею самоопределения Грузии и, таким образом, оказалась её безраздельным и, что не менее важно, главным мажоритарным бенефициаром.

Напомним, что И. Чавчавадзе испытывал острую неприязнь к буржуазии, открыто презирал её и называл «плесенью» (*Ратиани 1958: 114-115*). Те, кто в целом разделял его платформу, а это были «молодые иверийцы» («младогрузины»), образовали группу (Г. Ласхишвили и др.), которая в 1901 году сделала газету «Цнобис Пурцели» своей политической площадкой (შველიძე 1993: 57; მაისურაძე 2018: 50;

Shvelidze 2022: 2). Общая враждебность к армянской буржуазии толкнула их на ситуативный союз с коллективом авторов журнала «Моамбе»/«Вестник», рупора разночинской интеллигенции. Другая часть «молодых иверийцев» (князь Кита Абашидзе, князь Михако Церетели и др.) в 1909 г. основала журнал «Эри»/«Народ», по мнению очевидца событий: «лейб-органа разорившихся дворян» (*Ишханян 1914: 44*). С ними идейно были связаны участники группы «Клдэ»/«Скала» (князь Реваз Габашвили, князь Шалва Амирэджиби, князь Дата Вачнадзе и др.), издававшие с 1912 г. одноимённый журнал. Они позже были среди инициаторов образования влиятельной этнической партии национал-демократов (далее НДП). Кроме стратегической цели самоопределения картвелов, этот блок, по-видимому, преследовал тактическую задачу искоренения в пределах своей страны капитала чуждым им компрадоров.

По мнению нашего современника, «национал-демократы являлись в Грузии единственным политическим течением, не разделявшим ни одной из социалистических идеологий и твердо стоявшим на национальной платформе. Они признавали себя единственными истинными идейными наследниками Ильи Чавчавадзе[3] и требовали на первом этапе автономии

[3] Здесь надо дополнить автора цитаты и напомнить, что впервые элементы национал-демократического характера объединились в 1892 г. в организацию «Лига свободы Грузии». Эта структура из-за полицейских репрессий вскоре прекратила свою деятельность. Её участник Ной Жордания в 1893 г. попытался создать национал-демократическую партию, однако он натолкнулся на упорное сопротивление марксистов и в итоге отказался от своего замысла (Suny 1994: 158; მაისურაძე 2018: 75). Ещё одна инициатива политического объединения национал-демократов исходила от И. Г. Чавчавадзе, который в 1905 году предложил своим единомышленникам проект программных тезисов (Ратиани 1958: 196; ჯანელიძე 2002: 46). В 1906 году газета «Цнобис Пурцели» опубликовала «Программу Конституционно-демократической партии грузинских автономистов». Грузинская историография считает её важным документом освободительного движения (შველიძე 1993: 200). В последующие годы были попытки создать ряд структур национал-демократического толка (Грузинская радикальная партия, Грузинская демократическая партия и др.), которые тщетно пытались добиться

Грузии в составе России, а потом [уже] полную государственную независимость» (*Чачава 2014: 42*).

Надо, однако, отметить, что отражавшему в немалой степени интересы дворянства этому политическому объединению было бы крайне затруднительным практическое осуществление непростой задачи достижения национального единства из-за необычайно сильного социального антагонизма между помещиками и крестьянами. Аристократическая элита была отчасти готова к выдвижению на первое место в политической повестке дня «национального вопроса», однако одновременное и резкое обострение «социального вопроса» застало её врасплох. Крестьянам была непонятна и совершенно неприемлема идея примирения сословий, которую горячо проповедовали деятели дворянского освободительного движения. Хотя, немалую часть городского мещанства удалось мобилизовать и сплотить этой тактикой, крестьянство не дало обмануть себя пустыми обещаниями и подвергло фактической

электорального успеха (Asatiani/ Janelidze 2009: 247). Собствено же НДП организационно оформилась лишь в июне 1917 года («საქართველო», 1917, 7 ივნისი. № 121). С самого начала в этой партии проявилось два направления: одно было ориентировано на «аграрные» интересы помещиков, а другое — на «буржуазные» устремления города. Вскором времени она уже испытала глубокое размежевание в своих рядах. Осенью 1917 года от НДП откололось малочисленное «правое» крыло — Радикально-демократическая крестьянская партия (ჯანელიძე 2002: 364). В январе 1919 года фракция «независимых» национал-демократов (Г. Вешапели, М. Мачабели и др.), вобравшая в себя консерваторов традиционалистского толка (группа «Клдэ)», образовала отдельную структуру — Национальную партию (ჯანელიძე 2002: 383). После же слияния с радикал-демократами в ноябре 1920 г. она была переименована в партию землевладельцев. В неё вошли члены действовавшего с 1914 года в Германии «Комитета независимости Грузии» (М. Церетели, Л. Кереселидзе, Г. Мачабели и др.). Ядро же НДП во главе с С. М. Кедия некоторое время сохранялось благодаря зыбкому консенсусу «буржуазных националистов» с частью «дворянских националистов». Эта партия заняла позиции «правого центра». Таким образом, в НДП входили отнюдь не только традиционалисты — идейные наследники И. Чавчавадзе. К ней принадлежали также элементы близкие к теории «буржуазной» модернизации, которые в качестве своего идеолога видели Н. Я. Николадзе. Оказавшись же в эмиграции после событий 1921-1924 годов, актив партии вскоре распался на несколько открыто соперничающих между собой маргинальных групп.

обструкции политические мероприятия дворянских деятелей, их усилия по консолидации всех групп грузин вокруг собственной платформы.

Выступления И. Чавчавадзе и его соратников получили большой резонанс и побудили многих сочувствующих планам «тергдалеулеби» заняться политической деятельностью. Часть из них «встала на новый путь. Они признали революционное движение, но хотели перевести его на свои рельсы. Их возглавлял [князь] Арчил Джорджадзе» (*Жордания* 1968: 40). Эта была группа национал-революционеров традиционалистского толка. Эти элементы («молодые иверийцы») выступали не менее ревностными сторонниками корпоративистской теории «общей почвы» (*Asatiani/Janelidze 2009: 243*) и, следовательно, настаивали, что аграрный вопрос — это не социально-экономическая, а в бóльшей степени межэтническая проблема. Они, по умолчанию, сословные «интересы дворянства объявили интересами всего грузинского народа» (*Кариби* 1906: 36). Их взгляды, напомним, базировались на комбинации социалистических, антикапиталистических и националистических концепций.

Впрочем, идущие вразрез с насущными требованиями развития страны ретроградские настроения аристократической верхушки в своё время оказались под огнём серьёзной критики. На страницах тифлисской печати вполне разумно указывали на тщетность попыток совместить в одном политическом проекте интересы сразу двух крайне антагонистических сословий — помещиков и крестьян. Так, дворянское «общественное мнение, питаемое только имущими классами, ложно предполагало, что неимущие оставят в покое имущих, раз только эти последние всегда будут стоять на страже полной неприкосновенности грузинских национальных особенностей. В такую ошибку впала, главным образом, национали-

стическая часть грузинской интеллигенции»[4]. По мнению же советского исследователя, дворянская интеллигенция, которая старалась найти общую платформу для единения разнородных социальных классов внутри своего народа, утверждала, что «грузинское дворянство владеет малым количеством земли и вместе с крестьянами заинтересовано в решении аграрного вопроса, а поэтому <…> сами условия землевладения в Грузии требуют обязательной постановки аграрного вопроса не как сословного (крестьянского или дворянского), а как общенародного вопроса» (*Мирцхулава* 1978: 250). Здесь, на этом примере, мы можем наблюдать непосредственное влияние взглядов И. Чавчавадзе, который «был принципиально против внесения социального вопроса в программу национального движения» (*Вачнадзе/Гурули/ Бахтадзе* 2008: 572).

Апологеты «общей почвы» убеждали соотечественников, что необходимо бороться дабы «грузинская земля и в дальнейшем осталась во владении грузин [читай по смыслу: в руках помещиков — Б. М.]» (*Мамулиа* 2012: 91-92). «Модус-вивенди» национальной консолидации, как сказано на страницах газеты «Амирани», они видели не в разжигании «внутренней борьбы среди грузинского народа, а наоборот объединения [всех] его элементов»[5]. Носители таких взглядов (князь А. К. Джорджадзе и его группа «Сакартвело») стали также инициаторами создания в 1904 году этнической партии социалистов-федералистов (далее ПСФ).

Эта нелегальная организация, которая старалась сочетать социализм с идеями картвельского этнонационализма, на начальном этапе своего существования приобрела весьма экзотическую форму симбиоза анархо-синдикалистов и эсэров-максималистов с радикалами правого толка. Объединяла же столь пёструю публику, пожалуй, лишь идея тотального отрицания капитализма и буржуазных отношений в обществе. В итоге, однако,

[4] Общественное мнение и партии в грузинской жизни// «Кавказский Вестник», 1905, ноябрь. Тифлис: 53.
[5] «ამირანი», 1908, 3 აპრილი. № 28.

социалисты-федералисты претерпели ряд глубоких расколов. Сперва в 1906 году отделились и ушли адепты местного политического традиционализма (князь М. Церетели и группа «Эри»). В 1907 году размежевались те, кто затем присоединился к национал-демократам (Г. Б. Гвазава и др.). После же наиболее «левое» — плебейское крыло ПСФ дважды (1919 и 1921 гг.) откалывалось от основной структуры, дабы, преодолев довольно извилистый путь, в 1923 году частично раствориться в Компартии Грузии (შველიძე 2018: 30).

Члены ПСФ федерализм понимали «лишь в качестве переходной стадии на пути обретения полной государственной независимости Грузией» (*Мамулиа* 2013а: 38). Этот тренд был серьезной декларацией в условиях, когда официальный Санкт-Петербург был категорически против предоставления народам Кавказа не только каких-либо намеков на политическую автономию, но и даже права на сугубо административное самоуправление.

В 1909 году Пётр Столыпин резко возразил членам посетившей его депутации из числа именитых кавказских общественных деятелей на просьбу распространить земское самоуправление также на родные им губернии. Глава Совета Министров России отказал им с формулировкой: «Вы земство превратите в национальное самоуправление»[6]*. В условиях Грузии, очевидно, контроль над земствами неизбежно перешёл бы в руки дворян, ещё владевших солидной частью земли. Центральные же власти рассматривали их как сепаратистов и с подозрением взирали на картвельскую аристократию.*

Социалисты-федералисты лелеяли надежду, что грузинские аристократы «воспользуются своими дворянскими правами и открыто скажут, что Грузия не может остаться губернией России» (*Шахназарян* 1906: 144). В атмосфере политической нестабильности, вызванной поражением режима самодержавия в русско-японской войне, демарш такого рода не заставил себя долго ждать. «Дворянство высказывает своё глубокое убеждение, — сказано в заявлении,

[6] «Заря Востока», 1925, 21 августа. № 170.

вотированном на корпоративном собрании нобилей, — что мирное и культурное развитие грузинского народа возможно лишь при условии признания за Грузией, <…> права на управление <…> местным представительным собранием» (*Островский 2004: 536*). Картвельская знать недвусмысленно впредь ставила перспективу своей лояльности Романовым в зависимость от предоставления Грузии самой широкой автономии. Это был, разумеется, скрытый ультиматум. Требование политической автономии было реакцией в защиту экономических привилегий знати в поземельных отношениях. Дворяне, пишет очевидец, «играя на патриотических струнах своего народа, хотели составить себе прочное благополучие»[7].

Вожаки ПСФ апеллировали не только к национальным чувствам, но и к социальным настроениям. «Забвение национального идеала принесёт национальную смерть, забвение же социального идеала — социальное рабство, — разъясняла близкая к федералистам газета «Амирани», — в обоих случаях грузинский народ останется навечно вне истории, выход же в объединении национализма и социализма»[8].

Аналогичную доктрину сформулировал Артур Мёллер ван ден Брук в своей книге «Третий рейх» (изд. 1923 г.), библии адептов «консервативной революции». Его основная идея — соединение социальной и национальной революции, субъектом которой является не общественный класс, а народ-этнос (Сидорина 2006: 216).

Как отмечал на страницах газеты «Брдзола» один из первых грузинских социал-демократов Филипп Махарадзе, «с социальной точки зрения социалисты-федералисты представляют собой обанкротившееся дворянство. <…> Эта партия пропитана <…> националистическими стремлениями»[9]. Вожди же ПСФ, бóльшей частью из числа национал-революционеров, попытались исподволь ловко сублимировать социаль-

[7] Общественное мнение и партии в грузинской жизни// «Кавказский Вестник», 1905, ноябрь. Тифлис: 53.

[8] «ამირანი», 1908, 3 აპრილი. № 28.

[9] «ბრძოლა», 1917, 17 სექტემბერი. № 16.

ную напряженность в своей стране в межэтническую проблему. Термин «буржуазия», пожалуй, ими стал употребляться именно как эвфемизм, нередко заменяющий слово «армяне».

«Партия социал-федералистов, — в пылу полемики заявил Ной Жордания, — и не социалистическая и не демократическая. Она чисто националистическая партия» (*Уратадзе* 1968: 93). Очевидно, что иного выбора, пожалуй, тогда было не дано. Этнонационализм, в условиях ползучего колониального поглощения Грузии и её русификации, вполне предсказуемо выступал наиболее востребованным местным противовесом российскому империализму. Кроме того, нобилитет, ясно видя для себя самые мрачные социально-экономические перспективы, стремился посредством этнонационализма сохранить и отстоять незыблемость привычных ему вековых традиций и ритуалов.

К ПСФ примкнуло немало лиц из разночинной интеллигенции, частью образовавшейся из отпрысков обнищавших до нитки мелкопоместных дворян. Потерявший прежний блеск их элитный статус требовал новой конвертации. Менталитет же былой феодальной вольницы теперь давал о себе знать в самых неожиданных формах. Эти «представители привилегированного сословия, в массе своей не считающие для себя возможным работать на своей земле, ни в отхожих промыслах, в сущности, беднее крестьян, дают обширный контингент, как для революционных, так и разбойных организаций» (*Воронцов-Дашков* 1907: 27-28).

Это свидетельство русского наместника не простая абстракция. В качестве иллюстрации вполне можно вспомнить «известного разбойника [князя] Георгия Микеладзе, когда-то офицера русской гвардии, человека с образованием и очень способного, который уже давно прокутил своё последнее достояние и теперь стал промышлять самыми дерзкими разбоями» (*Марков 1887: 383*). Также не будет излишним напомнить некоторые факты из биографии столбового дворянина Иосифа Гедеванишвили, который являясь армей-

ским капитаном, был причастен в 1906 году к громкому ограблению (т. н. «экс») государственного казначейства в городе Душети. Затем он занялся политической деятельностью и стал важной фигурой в партии социалистов-федералистов. После же образования грузинской республики он вновь поступил на службу и вскоре в звании генерала занял высокое положение в военном ведомстве (*Ганин 2014: 233*). В трагическом же для Грузии 1924 году этот аристократ вступил в ряды коммунистической партии.

Князь «Арчил Джорджадзе, — сообщает грузинский автор, — поддерживал и проповедовал национальный социализм, приспособленный и адаптированный к грузинским этническим условиям. <…> Эта теория, конечно, была антимарксистской, что привело к острой полемике с социал-демократами» (მაისურაძე 2018: 58). Выражая недовольство земельной аристократии усилением могущества класса капиталистов, дворянские революционеры прибегали к приёмам социальной демагогии, выставляли себя поборниками прав рабочих, планируя подчинить их своему влиянию. Более того, в связи с втягиванием в активную политическую жизнь плебейских масс, появилось такое явление, как «барин, одевающий демократические рукавицы» (*Михельс 2000: 114*). Это было проявлением аристократического социализма, который, по мнению автора концепции «нового средневековья», противопоставлял себя буржуазному либерализму (*Бердяев 1931: 100*).

Так, И. Чавчавадзе с похвалой отзывался о лорде Рэндольфе Черчилле[10], непримиримом враге либералов. Тот был лидером депутатской группы в британском парламенте, которая называла себя «консервативными демократами». Они отстаивали скромные, но социальные реформы (строительство жилья для рабочих на пособие от государства и т. п.), хотя

[10] «ივერია», 1886, 7 ოქტომბერი. № 215.

были ультраконсерваторами в вопросе защиты поземельных привилегий лендлордов (*Брокгауз/Ефрон 1903: 708*).

Теоретики же марксизма едко иронизировали по адресу спешно надевшего маски «друзей народа», полинявшего, однако не изменившего своим кастовым привычкам нобилитета. Они пишут: «Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса. <…> Так возник феодальный социализм. <…> [Разорившаяся] аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на её заду старые феодальные гербы» (*Маркс/Энгельс* 1955: 448).

К доктрине социализма, как правило, тяготели социальные слои, выбитые из своей привычной жизненной колеи стремительным наступлением капитализма. Эти настроения якобы повлияли также на И. Чавчавадзе, который, казалось, «всё больше убеждался в том, что идеальное общество будущего должно быть социалистическим» (*Очерки 1990: 362; Ратиани 1958: 202*). Он, возможно, пришёл к мысли о необходимости социализма, поскольку капитализм означал для него капитуляцию перед компрадорами. В этих своих представлениях, похоже, он вплотную приблизился к европейским теоретикам «консервативной революции» (О. Шпенглер, Ю. Эвола и др.), мечтавших свергнуть олигархию разжиревших буржуа. Так, «часть немецкой национальной аристократии, завязывает отношения даже с революционным пролетариатом, обещая ему защиту от угнетения со стороны капитала» (*Михельс 2000: 109*). Это был способ, с помощью которого нобилитет надеялся восстановить утраченный социальный авторитет.

Инфильтрация социалистических учений в грузинскую среду, на наш взгляд, была особой почвенической реакцией в тех группах населения, которые продолжали ментально

зависеть от настроений характерных для феодального прошлого. Они всячески противились капиталистическому укладу. Как весьма верно заметил видный российский историк: «Очевидная причина появления социалистической идеологии, — кризисный характер перехода от традиционного общества к индустриальному» (*Шубин* 2007: 10). В этих обстоятельствах вера в «социализм» стала признаком бессознательного страха перед рыночным плюрализмом и горизонтальным гражданским сообществом патриархальной по своему складу части населения. Эта вера оказалась также удобным и действенным антидепрессантом для жаждавшего сохранить патернализм в полной мере традиционного социума.

Единой теории социализма/коммунизма не возникло. Это целый спектор разных и часто взаимно враждебных идеологий. После работ Карла Маркса и его сотрудника Фридриха Энгельса, их «научный социализм» стал обозначать оппозицию капитализму. Эти теоретики «революционного социализма» указывали на то, что в нём предлагались весьма радикальные задачи, такие как: отмирание государства и иерархии в обществе. Однако, как показала практика, «реальный социализм» не только не выполнил этих задач, но даже после крупных политических потрясений (т. н. «социалистическая революция») по целому ряду направлений обеспечил движение вспять, к прежнему традиционному укладу. Он стал откатом в архаику, когда стали вновь актуальными внеэкономические методы эксплуатации людей (ГУЛАГ, колхозы и т. д.). «Реальный социализм по своей сущности не имеет ничего общего ни с предсказанным Марксом коммунистическим обществом, ни с капитализмом. Тем не менее, он следует за феодализмом. Остается проверить еще одну возможность: не является ли реальный социализм продолжением феодализма в некоей специфической форме? Такое предположение дало бы объяснение тому факту, что он возникает только в странах, достигших стадии позднего феодализма. Поддерживает эту версию и то, что при реальном социализме царит типичный для феодализма метод внеэкономического принуждения людей к труду. В пользу такой версии говорит и строго иерархическая структура общества, социальный апартеид, наличие в обществе

привилегированной правящей знати — новой аристократии» (Восленский 1990: 611-612, 621-637).

Как ни хорош был «научный социализм» в теории, он не работал на практике. Культовый русский философ, например, полагал, что после революции 1917 года «чуда рождения новой жизни не произошло» (Бердяев 1955: 105)*, поскольку в большевизме воспроизвелись базовые черты российской социально-политической традиции. К примеру, понятие «приписывание к классу», введённое в научную терминологию американским историком Шейлой Фитцпатрик, раскрывает существование в СССР квазисословной системы стратификации* (Fitzpatrick 1993: 750). *Постсоветский учёный-социолог раскрыл и подробно показал существование в Советском Союзе разветвлённой сословной структуры, где господствовала верхушка партийной номенклатуры* (Кордонский 2008). *Мы же полагаем, что в СССР посредством «консервативной революции» («сталинская реставрация») был осуществлён транзит к «азиатскому способу производства», для которого характерна передача всех, в том числе человеческих ресурсов, в полное и безраздельное владение государством. Американский автор весьма убедительно излагает мнение, что ликвидация «реального социализма» отнюдь не увенчалась переходом в постсоветский период к горизонтальным связям и рыночной экономике. Оказались сорваны лишь коммунистические декорации, которые стыдливо прикрывали парафеодальные элементы советского общества* (Шляпентох 2008).

Синтез между картвельскими социалистами и местными дворянскими революционерами, которые успешно находили общий язык на почве острой критики капитализма, не был отнюдь историческим нонсенсом. «Есть социализм класса, — поясняет “пролетарский” идеолог, — идущего на смену буржуазии, и есть социализм классов, которым идёт на смену буржуазия. Феодальный социализм есть, например, социализм последнего рода» (*Ленин 1961: 103*). Подобные явления, впрочем, характерны для сообществ, которые ещё не успели пережить интенсивную рыночную конверсию.

В обстановке, когда товарно-денежные отношения и свободная рыночная конкуренция закономерно начали

теснить во многом изжившие себя реликтовые феодальные институты, борьба против капитализма и призывы к радикальной ликвидации буржуазии вели, отнюдь, не к надуманному «социализму». Это был путь к консервации пережитков патернализма, ориентированного лишь на сохранение архаики, а не на развитие. Недаром к социалистам с такой легкостью стали примыкать люди из феодального лагеря. Это были «дворяне, — как о них с едкой насмешкой говорит князь З. Д. Авалишвили, — считающие, что по нынешним временам никак не обойдёшься без предиката “социал”» (*Кастелянский* 1910: 490). Они старались не терять связи с идейным наследием И. Г. Чавчавадзе, но в то же время учитывали острую социальную обстановку. Так, своим человеком для национал-революционеров был князь Л. Г. Джандиери. Долгое время он занимал пост уездного начальника, а затем был переведён на должность тифлисского полицмейстера. Почти с самого возникновения ПСФ этот аристократ тайно присоединился к её активу. Более того, сам князь Акаки Церетели, второе лицо в иерархии «тергдалеулеби», фигурирует в картотеке полиции как социалист-федералист (*Островский 2004: 516; 535*). Британский автор резюмирует, что грузинская знать сочувствовала местным революционерам (*Рейфилд 2017а: 234*). Кроме того, в Грузии сопротивление самодержавному режиму приняло националистические формы, что автоматически означало присоединение к демократической повестке традиционалистской составляющей.

Обедневшее грузинское дворянство, — по мнению нашего современника, — обратилось к социализму как к способу бросить вызов ассимиляционной политике русского царизма и экономическому доминированию армянской буржуазии (*Saparov 2015: 35*). Очевидец событий пишет, что «в глазах грузинских социалистов каждый армянин был буржуа, а каждый грузин — пролетарий» (*Onur Onol 2014: 150*). Впрочем, антироссийский аспект грузинского национального

движения был главным и преобладал над антиармянской риторикой.

Креативные представители картвельской аристократии, объявившие себя последователями различных социалистических течений, тем не менее, ценили, прежде всего, свои национальные чувства. Это наглядно продемонстрировал князь Варлам Черкезишвили, статусная фигура среди европейских анархистов, который, скорее, принадлежал к группе романтиков-мечтателей, а не к брутальным приверженцам кинжала и бомбы. *Он* также принял активное участие в собрании, на котором была учреждена партия социалистов-федералистов. Обращаясь тогда к своим соплеменникам, он сказал: «Когда меня пригласили на эту конференцию, передо мной встал вопрос, принимаю ли я в ней участие как член моей партии [анархистов] или сын определенного народа. Как анархист или как грузин?! Я увидел, что моё место здесь было только местом грузина, среди своих соотечественников» (*Мамулиа* 2012: 99).

Вступив в ряды ПСФ В. А. Черкезишвили начал отстаивать совершенно иные взгляды, заявляя, что анархизм — дело далекого будущего, и вместо «борьбы за абстрактные цели» нужно вести «конкретную политическую борьбу» в рамках грузинского национального движения (Рябов 2009: 29). *Позже он принял деятельное участие в реорганизации отколовшихся в 1919 году от ПСФ анархо-синдикалистов в самостоятельную партию «Машвралта»* (შველიძე 2018: 27-28), *которая, впрочем, не имела продолжительную биографию* (არემაძე 2021: 24).

Отметим, что бóльшая часть из тех активистов, кто заложил фундамент ПСФ, принадлежали к избранному сословию. В группу её влиятельных лидеров вошли: князь Кита Абашидзе[11], князь Иосиф Бараташвили[12] и другие рафинированные отпрыски именитой знати. Это была элита тогдашнего

[11] აბაშიძე კიტა (ივანე) გიორგის ძე // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 9.

[12] ბარათაშვილი იოსებ (ოსიკო) ალექსანდრეს ძე // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 62.

грузинского общества, люди из древнейших и некогда богатейших родов. Как весьма верно заметил американский профессор, «грузинские интеллигенты, которые составляли ядро социалистического движения, были в основном представителями обедневшей аристократии» (*Kazemzadeh 1951: 13*). Они испытывали барское презрение к коммерсантам, так как их изысканной аристократической натуре претила вульгарность буржуазных нувориш. Таким образом, учреждение этнического революционного движения в Грузии стало исключительно дворянским проектом.

Феодальный класс всегда отличался непокорным нравом, особенно когда отчаянно отстаивал свои древние вольности перед лицом деспотических монархов. Это сословие накопило богатый опыт буйных мятежей. В период модерна в этом преуспело польское (1794 г., 1830 г., 1863 г.) и венгерское (1848 г.) дворянство. Первая же попытка русской революции, собственно, была также организована потомственными аристократами. Это было декабрьское восстание 1825 года. Капитализм же спровоцировал мощные деформации в патриархальной сословной структуре империи Романовых, особенно в её дворянской касте. Фрустрированный нобилитет пошёл вразнос, а его деклассированные и «пролетаризированные» элементы превратились в точки кристаллизации для самых радикальных, в том числе социалистических течений (Летняков 2012). *Более того, революционеры пользовались содействием столичной аристократии. «Мы, — вспоминал активист РСДРП, — хранили нашу литературу даже в квартирах видных царских сановников, прокуроров, гвардейских офицеров, вплоть до великих князей»* (Островский 2004: 545). *«Таким образом, — резюмирует российский историк, — революционное подполье имело “своих людей” на всех этажах власти, начиная с уезда и кончая столицей, вплоть до императорского двора и департамента полиции»* (Островский 2004: 555). *Эмигрантский автор Иван Солоневич, которого трудно заподозрить в симпатиях к нобилитету, а тем более к революционерам, пишет, что «русский правящий слой раскололся на <…> дворянство, вооруженное розгой, [которое] тянуло страну назад к дворянскому крепостному праву; дворянство, вооруженное бомбой, [которое]*

толкало страну вперед — к советскому крепостному праву. <…> Революцию устроили не Ленин со Сталиным — революцию начали дворянские круги Петербурга» (Солоневич 2010: 161, 410). *Иными словами, одни аристократы хотели страну подморозить, а другие поджечь. Напомним, что «хлебный бунт» в феврале 1917 года и последовавший за ним военный мятеж в столице, создали лишь иллюзию «демократической революции». Известно, что в этих событиях не последнюю роль сыграли оказавшиеся вне привычных для их социальных позиций дворянские элементы — генералитет (Н. В. Рузский, А. А. Брусилов и др.) и великокняжеская фронда (К. В. Романов, Н. М. Романов и др.). Замысленный ими дворцовый переворот был лишь одним из свидетельств глубокого раскола в правящем классе* (Мельгунов 1931), *в следствие чего власти оказались неспособны прекратить стихийно вспыхнувшие беспорядки в Петрограде* (Шубин 2017: 10-12). *Это был удобный предлог для либералов-масонов дабы навсегда покончить с ненавистным им самодержавным правлением дома Романовых и снести их монархию. Патриархальный же характер страны неизбежно толкал охваченную тотальным социально-политическим кризисом Россию к катаклизмам антибуржуазной «октябрьской» революции, за которой последовала кровавая мясорубка, превратившая в фарш большинство политических иллюзий.*

Заметим, что формирование собственной революционной традиции в Грузии связано исключительно с местным дворянством. Мы практически не встречаем среди вожаков грузинских национал-революционеров выходцев из других сословий. Можно отыскать, конечно, отдельные фигуры вроде поповича Силибистро Джибладзе[13], или крестьянского сына Исидора Рамишвили[14]. Но всё это скорее редкие исключения.

Пожалуй, на примере дворянских революционеров мы можем наблюдать одно из проявлений «феодального социализма» (аграрного социализма), учения, представители которого, жёстко критикуя капитализм, видели выход из его

[13] ჯიბლაძე სილიბისტრო გიორგის ძე // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 546-547.

[14] რამიშვილი ისიდორე ივანეს ძე // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 327.

острых противоречий в возвращении к прежним, «доиндустриальным» отношениям.

В качестве носителя схожих с теорией «феодального социализма» (а также близкой к ней доктрины «консервативной революции») взглядов, по всей видимости, возможно, упомянуть князя Михако Церетели. Его называли одним из столпов грузинского интегрального национализма (Цагурия 1939: 7). *Ученый-востоковед, на заре своей политической деятельности он интересовался теориями К. Маркса и первым стал переводить его работы на грузинский язык. Позле же он примкнул к анархистам и ПСФ. Увлечение теорией анархизма, по-видимому, было вызвано заложенной в ней идеей разрушения государства. Национал-революционеры, скорее, на практике это понимали, как упразднение империи Романовых. Затем, М. Г. Церетели круто перешёл в ряды правых радикалов, а в эмиграции 1920-е гг. совместно с потомственным дворянином Лео Кереселидзе создал и возглавил Национал-социалистическую партию «Тетри Гиорги» («Белый Георгий»). Эта структура отнюдь не исповедовала нацизм гитлеровского типа, а принадлежала к идейной традиции, заложенной И. Чавчавадзе. Находясь в Германии, в 1942-м М. Г. Церетели был среди главных учредителей «Союза грузинских традиционалистов», которые лелеяли иллюзии «третьего пути». Таким образом, они хотели проскользнуть между Сциллой русского коммунизма и Харибдой западного капитализма.*

Патерналистская доктрина социализма, которая сама, пожалуй, является продуктом полураспада феодальных институтов, по-видимому, достаточно удачно вошла в сочетание с архаичной структурой картвельского сообщества. Местные национал-революционеры искали пути развития и модернизации своей страны в обход капитализма. Собственно это уже делало замысленную ими «национальную революцию» — консервативной.

Таким образом, целый ряд дворянских революционеров горячо поддержал идеи социального переустройства. Однако, по своей сути, это было с их стороны всего лишь проявлением феодальной реакции, направленной на уничтожение уже набиравшей положительную динамику в Грузии конку-

рентной рыночной экономики. Жгучую свою неприязнь к ней они связывали исключительно с присутствием чужого, прежде всего армянского капитала. Тем самым социальная революция представлялась им вполне удобным инструментом для его полного искоренения. Они надеялись, как пишет американский эксперт, что «социализм даст грузинам возможность положить конец господству в экономике местных армянских промышленников» (*Jones 2014: 65*). Левая же фразеология для дворянских радикалов была всего лишь своеобразной мимикрией, прикрывавшей регрессивный характер их целей. Важно также отметить, что для теории «консервативной революции» характерно, что национализм в ней смыкается с социализмом (*Сидорина 2006: 215*).

В рамках этой же парадигмы строила свою политическую линию ПСФ, которую, напомним, основали «молодые иверийцы», наиболее радикальные адепты традиционалистских идей И. Чавчавадзе. Эти «федералисты, — пишет современник событий, — представители интересов грузинского дворянства» (*Ишханян 1914: 88*). В отрицании же буржуазности они придали ПСФ характер социалистической партии. Кроме того, для многих из них визитной карточкой стал этнонационализм. Газета местных эсеров («Шрома», 1919, № 10) утверждала, что «федералисты всегда были картвельскими националистами» (სართანია 2019: 67). Вместе с тем они были революционерами, которые вели антиколониальную борьбу, которая в их представлениях смыкалась с протестом против капитализма. Таким образом, ядро ПСФ претендовало на роль наиболее активной части дворянского освободительного движения. В отличие от консервативных партикуляристов, пределом мечтаний которых была лишь реинкарнация Георгиевского трактата 1783 года, учредители ПСФ стремились к большему — возрождению своей страны на началах почвенничества И. Чавчавадзе. В их дискурсе речь шла об антилиберальной модернизации. Как результат, ПСФ неизбежно оказалась в системе координат «консервативной революции».

Так, радикальное крыло ПСФ ратовало за социализацию земли, что очевидно было связано с их ситуативным партнёрством с русскими эсерами. Очевидец же полагал, что «этих шовинистов в этом случае интересует не столько улучшение положения крестьянской бедноты, сколько конфискация или отобрание земли у негрузинских землевладельцев» (*Махарадзе* 1921: 110). Независимо от программы и лозунгов этой политической структуры, общая «революционная» риторика не могла скрыть субъективного желания части её дворянских лидеров (М. Церетели, Л. Кереселидзе и др.), увидеть восстановленным в полной мере традиционный грузинский патернализм. Эти «грузины, – сухо констатирует американский профессор, – были субъективными социалистами» (*Kazemzadeh 1951: 13*), которые отражали интересы и чаяния лишь земельной аристократии. В социализме для них воплощалось всё то, что могло быть противопоставлено капитализму. Социализм, в их представлениях, знаменовал собой консервацию институтов доиндустриальных сообществ, что должно было защитить аристократический дух и феодальные традиции старой Грузии.

Подняв знамя борьбы против «плутократии», грузинские социалисты-федералисты как бы исподволь «лили воду на мельницу» своей быстро увядающей знати. Они, как и национал-демократы, пытались ловко сместить центр политического конфликта от борьбы социальных классов внутри грузинского общества (крестьяне против помещиков) лишь к противостоянию с русской бюрократией и армянской буржуазией. Марксист Н. Жордания попытался отмежеваться от феодальных традиционалистов. Он утверждал, что картвельская аристократия намерена была завоевать политическую поддержку в среде своего народа, «изобретая шовинистический, антироссийский и антиармянский дискурс» (*Brisku 2015: 309*). Сложно, тем не менее, также отрицать, что для этого не было никаких оснований.

Нельзя сказать, что между национал-революционерами разных мастей не существовало никакого диалога. Порой они дружелюбно переглядывались, не было также недостатка и во взаимном довольно интенсивном обмене идеями. На словах они могли опровергать тезисы своих сиюминутных оппонентов, но это ничего не меняет в их идеологической близости, в их происхождении из единого архетипического корня — феодального традиционализма.

Эти аспекты нашли своё отражение в исследовании тбилисского автора Дмитрия Швелидзе. По его словам, «отношения между социалистами-федералистами и национал-демократами никогда не были конфронтационными. <…> Между ними гораздо больше было общего. Будучи постоянно солидарны с национал-демократами, федералисты поддерживали с ними связь, выступая с общенациональных позиций» (შველიძე 1993: 256).

Кстати, для удобства межпартийных коммуникаций с федералистами, дворянские элементы из числа марксистов Николоз Чхеидзе и Евгений Гегечкори учредили в Кутаисе тайную масонскую ложу (*Николаевский 1990: 81, 86*).

Секрет же весьма впечатляющей солидаризации правых и левых, фундаменталистов и прогрессистов, возможно, заключался в общем источнике политических настроений, которые во многом генерировала дворянская общественная среда. Более того, оскудевшая аристократия, потеряв материальные ресурсы, сохранила, однако, свой социальный капитал, устойчивую сеть институционализированных отношений внутри архаичного картвельского сообщества. В итоге, дворяне возглавили почти все возникшие на грузинской почве политические течения, вне зависимости от их идеологической обёртки. Особняком, пожалуй, стоят лишь крайне малочисленные эсеры. «В партии социал-демократов числились сотни из этого сословия, — сообщает осведомлённый мемуарист, — и не только простыми рядовыми, но в большинстве лидерами. Так было и в других революционных партиях. А

либеральная (читай: «тергдалеулеби» – Б. М.) партия почти вся состояла из выходцев из [знатного] сословия» (*Уратадзе* 1968: 31-32). Так, князь Мушни Дадиани, потомок клана мегрельских владетелей и офицер Нижегородского драгунского полка, был активистом ПСФ и с начала событий 1905 года примкнул к силам, вовлечённым в революцию (*Джавахишвили 2016: 258*). Впрочем, цитируемых тбилисских авторов мало интересуют эти подробности. Они с особым пиететом лишь упоминают, что «во главе национального движения стояла грузинская аристократия» (*Вачнадзе/Гурули/Бахтадзе* 2008: 560). Таким образом, нобилитет оставался на позиции ведущей и цементирующей социальной силы в картвельском социуме.

Корифеи же дворянской интеллигенции были озабочены, главным образом, лишь поисками благовидного предлога, который позволил бы восстановить в полном объёме прежние социальные права и влияние их класса. Как результат, созданные усилиями дворянских интеллектуалов этнонациональные политические организации, не получили в простом народе необходимой им поддержки.

«Партия <…> социалистов-федералистов Грузии, — сообщал некий полицейский чиновник, — которая стоит далеко от нужд и интересов народа и состоит из интеллигенции, купцов, дворянства и духовенства, мало популярна и мало влиятельна, и к её попыткам добиться с помощью Турции автономии для Грузии народ относится резко отрицательно» (Качарава 1973: 166).

Как видно, тиражируемые ПСФ идеи, оказались глубоко безразличны крестьянству. Этим же обстоятельством Н. Жордания объясняет некоторую сдержанность грузинских марксистов в вопросе демонстративного альянса с федералистами. Он пишет: «Основной доктриной [ПСФ была] борьба за автономию Грузии, для которой предлагалось объединение всех революционных и прогрессивных грузинских сил. Это должно было стать “платформой” для всех слоев и классов населения. Вот эта общая “платформа” была для нас

неприемлема (это было восстановление старых идей Ильи Чавчавадзе: — “<…> мы должны быть вместе, чтобы защищать родину”). <…> [Так как] крестьяне боролись только против своих грузинских помещиков и общего языка между ними и грузинскими помещиками невозможно было найти. Если бы мы приняли позицию федералистов, то крестьяне отошли бы от нас» (*Жордания* 1968: 40).

Таким образом, партнёрские отношения между грузинскими марксистами и «молодыми иверийцами» в начале их политического пути не сложились. Ной Жордания и его соратники, отказались объединиться с группой «Сакартвело» (князь А. К. Джорджадзе и др.) в единую структуру. Они со скандалом покинули учредительную конференцию ПСФ в Женеве (*Asatiani/Janelidze 2009: 244*). Камнем преткновения между сторонами обычно принято называть бурную полемику вокруг вопроса об автономии Грузии (*Paitchadze 2017: 59*).

В грузинском историческом сообществе присутствует точка зрения, что якобы местные «социал-демократы не могли представить себе грузинское государство в независимой, даже автономной форме, и самоотверженно боролись против сил, несших эту идею» (*ჯანელიძე 2015: 17*). Мы в корне не согласны с этим утверждением. Ведь в каверзном вопросе самоопределения картвелов драматургия была более извилистой. Нежелание Жордания открыто выступить в пользу отделения от России имело вполне рациональные мотивы. Напомним, что он был очень осмотрительным политическим деятелем (*Кантемир 1953: 5*), предлагал всячески избегать резких шагов и крайне опасное для его народа лобовое столкновение с русским самодержавием[15].

[15] Так, Н. Жордания в этом вопросе демонстрировал чудеса политической эквилибристики. Его революционный пафос в публичных выступлениях не мешал ему в нужный момент сказать за кулисами несколько формальных фраз о своей лояльности к дому Романовых. «Перед моим отъездом из Тифлиса [в марте 1917 года], — вспоминал Н. Н. Романов, последний наместник Кавказа, — у меня были два социалиста [речь о Н. Жордания и Н. Рамишвили — Б. М.]. Когда они вошли, оба называли меня Ваше

«Доводы, — пишет другой грузинский автор, — что приверженцы марксизма социал-демократы были антинациональными русофилами, являются ошибочными и упрощёными» (*Sabanadze 2009*). Жордания в начале 1900-х годов не мог поддержать вопрос об автономии Грузии, выдвижение которого считал преждевременным. Это нивелировало бы перспективы влияния его группы в полиэтнической среде тифлисских рабочих. Более того, «это означало, — пишет тбилисский историк, — конфликт не только с Лениным и большевиками, но и с Плехановым и меньшевиками, т. е. со всей русской социал-демократией» (გურული 1999: 66). Впрочем, в 1912 году фракции РСДРП достигли консенсуса в вопросе автономии Кавказа. Таким образом, если бы лидер грузинских марксистов солидаризировался бы с традиционалистами, он бы потерял своё солидное положение в верхушке российской социал-демократии. Кроме того, ослабление влияния его группы означало бы подъём большевизма в Грузии. События показали, что Жордания и его ближайшее окружение в этих вопросах оказались бóльшими прагматиками, чем их оппоненты. Они лучше чувствовали конъюнктуру. Кроме того, в их планах более верно были расставлены приоритеты. Они предлагали сперва добиться для грузин культурной автономии (в этом вопросе базой послужили теоретические изыскания «австро-марксистов» О. Бауэра и К. Реннера), а затем уже поэтапного самоопределения. Исподволь ими строились планы грузинского «кантона» в рамках самоуправления Кавказа (*Жордания 1968: 60*). Позже, Луиджи Меркателли, в 1920 году член итальянской военной миссии в Тифлисе, упоминая Ноя Жордания, называет его «сторожевым псом грузинской независимости» (*Shubitidze 2022: 6*). Таким образом, грузинских марксистов нельзя

Императорское Высочество. Они откровенно говорили, что их мечта была конституционная монархия, но не теперешняя анархия. Этого они не хотели и не хотят, и не допустят до республиканского строя правления. Мы не доросли до этого, говорили они» (*Романов 2008: 252*).

упрекнуть в отсутствии патриотизма. Многие из них (С. Джибладзе, И. Рамишвили и др.) не щадили себя ради родной страны.

Известно, что в среде картвельских национал-революционеров в 1900-е гг. уже сложился твёрдый консенсус в «грузинском вопросе». Все они, разумеется, хотели самоопределения. Разногласия между тем касались отнюдь не общей стратегии, а вопросов тактики. Более того, это даже не скрывалось. «Принципиально мы не были, конечно, против автономии, — повествует весьма осведомлённое лицо из социал-демократических кругов, — но мы отвергали её с точки зрения тактики, [так как] народ и слышать не хотел об автономии» (*Уратадзе* 1968: 100-101). Сказано, признаем, прямо и без обиняков.

Наместник Кавказа также подметил, что «тенденции сепаратизма», которые проявились у социалистов-федералистов, не имели, «однако, большого успеха в сельском населении» (*Воронцов-Дашков* 1907: 21). Похожую информацию содержат мемуары другого свидетеля эпохи. Он сообщает, что политики, отстаивающие по сути интересы дворян, «не смогли создать такие организации, в которых приняли бы участие рабочие или крестьяне. <…> Не было ни разу такого собрания в деревнях, где народ пошел бы за партией социал-федералистов» (*Уратадзе* 1968: 100). Это фиаско имело весьма веские причины. У ПСФ не получилось соединить националистическую риторику с чаяниями плебейских низов. Её актив опять же не сумел так ловко эксплуатировать социальные темы, как это удалось сделать грузинским марксистам.

Ной Жордания утверждал, что те картвельские партии, которые размахивают «националистическим флагом» на самом деле представляют узкие, частные интересы дворянства (*Brisku 2015: 309*). Оказалось, что обслуживающие социально-политические интересы нобилитета течения были неспособны кардинально решать даже свои «национальные» задачи. По горькому признанию князя Михако Церетели, дворянский

партикуляризм и «национализм не смогли сплотить народ для осуществления идеала национальной свободы» (*Эбралидзе* 2016). Это мнение разделяет Жордания в своей статье «Грузинский народ и национализм». Он пишет, что «не удалось пробудить грузинский народ под знаменем национализма» (ჟორდანია 2015: 29). Возникает вопрос: почему? Ответ здесь вполне очевиден. Ведь национализм, ориентированный на крестьян, потребовал бы упразднения привилегий дворянства и радикальной аграрной реформы. Это были задачи противоположные целям национал-революционеров. Таким образом, из-за острого социального антагонизма в Грузии не получилось организовать широкое антиколониальное движение.

Кроме того, рядовые картвелы не ощущали своей принадлежности к одной «нации» — не только со своим дворянством, но и с жителями соседних областей. Поясним, что грузины вплоть до конца эпохи позднего модерна никогда не были гомогенной культурной или языковой общностью. Многих мегрелов и сванов с их ближайшими соседями картвелами связывала лишь вековая конфессиональная солидарность как православных христиан, при этом ислам служил одним из определяющих критериев аджарской идентичности. «Грузины, — с досадой говорил И. Чавчавадзе, — их общее название, а общего между ними ничего нет» (*Ратиани 1958: 121*). Крестьяне мыслили не национальными, а региональными категориями и часто называли себя «имеретинами», «кахетинцами», «пшавами» и т. д., но не «картвелами». Уроженцы разных провинций Грузии различались одеждой, диалектом либо особым говором и опять-таки обычаями и традициями. Они просто не подходили под принятые ныне в этнологии определения нации.

Впрочем, крестьянство тогда не горело зримым желанием бороться за самостоятельность своей родной страны, очевидно опасаясь возрождения феодальной анархии. В Грузии все ещё слишком хорошо помнили о временах беспредельного

всевластия и дикого произвола собственных дворян[16]. Колониализм, напротив, разрушил могущество наследственной аристократии, освободил сельское население от многовековой крепостной кабалы. Мемуары очевидца содержат характерное высказывание крестьянина из региона Гурия (Озургетский уезд), который резко возразил против независимости: «Мы не хотим возвращаться к тому времени, когда наших детей [дворяне] продавали в рабство [туркам]» (*Шанин 1997: 409*).

Правда, у феодалов были также свои группы поддержки в среде патриархальных крестьян, которые опирались на традиционные институты. Одним из них, например, был древний обычай аталычества, когда дети знатных родителей передавались на воспитание в семью кормилицы. Её же сыновья становились побратимами/«*дзмакаци*», то есть верными спутниками молодых барчуков. Однако никакие посулы не могли побудить дворянство добровольно отказаться даже от некоторой части своих вековых привилегий и превратиться в равноправных с крестьянами граждан. Тем более когда кавказские власти «увеличели земельные повинности крестьян в пользу помещиков выше существовавшей в крепостное время нормы» (*Воронцов-Дашков* 1907: 88). Многие дворяне по-прежнему вели хозяйство на полуфеодальной основе: сдавали часть земли в аренду крестьянам, которые за это обрабатывали помещичью запашку, используя, как правило, свой инвентарь. Отдельные помещики

[16] Так, в княжестве Самегрело/Одиши в 1857 году вспыхнуло антифеодальное движение. Вожаком мятежников был кузнец Уту Микава, по ироническому выражению местной правительницы – «дедопали» Екатерины Чавчавадзе: «Дантон мингрельской революции». Он страстно обличал крепостнические порядки: «Наши господа, вместо всякой защиты, стали похищать у нас наших детей и продавать османам. <…> Крестьянин, по их мнению, ничего не должен иметь, и они всякое добро его вымогают, если не хитростью, то насилием. <…> По их убеждению, мы хуже всякого животного» (*Бороздин 1885: 144, 186*). Кстати, факт принадлежности к духовенству не освобождал от рабства, что красноречиво свидетельствует о свирепости местных феодальных порядков. Многие рядовые служители церкви также были собственностью знатных сеньоров, которые могли их либо продать, либо обменять (*Абашидзе 2005: 250; Suny 1979: 56*).

сокращали до минимума собственную долю, но крестьяне получали от них землю в аренду на самых кабальных условиях. Оброк же с крестьян в пореформенный период был увеличен в 2,5 раза, с $^{1}/_{10}$ до ¼ доли урожая (*Авалиани 1920: 71*). В сложном положении оказалась категория «хизан» — наследственных копигольдеров, которые не имели своих личных наделов. Причём с удорожанием земли помещики превратили наследственную аренду в срочную, что позволило им без лишних фор-мальностей сгонять арендаторов с их участков. Эта монополия латифундистов порождала неэффективное использование земли, закрепляя экстенсивный характер сельского хозяйства.

В таких обстоятельствах говорить об общих интересах всего грузинского этноса было бесполезно. Грузинские авторы скупо констатируют, что «противоречия между сословиями были обусловлены объективными причинами, устранить которые Илья Чавчавадзе и его единомышленники не могли» (*Вачнадзе/Гурули/Бахтадзе* 2008: 568). Таким образом, их иллюзорные идеи о примирении аристократии и крестьянства ради реставрации суверенитета своей страны, оказались лишь бесплодными мечтами.

Посредством выдвижения этнонациональных задач нобилитет, как уже стало понятно, стремился разрешить накопившиеся сверх меры собственные социальные проблемы. Крестьянство же вскоре раскусило этот трюк и всячески бойкотировало любые исходящие от дворянства политические инициативы. В их числе, прежде всего, был вопрос национального самоопределения. Крестьянство холодно отнеслось к требованию автономии и противилось ей, так как видело в российском колониализме, который обеспечивал внешнюю безопасность страны — меньшее зло, чем восстановление безраздельного господства местных феодалов. Ведь, российские власти не только обрушили владычество земельной аристократии, но и ликвидировали здесь ветхозаветное крепостничество.

«Независимость Грузии, — признавал маститый политик, — означала для крестьян возврат к старому времени [т. е. к феодализму – Б. М.], <…> этот плод для них ещё не созрел, надо [было] разбудить народ на другой почве» (*Жордания* 1968: 28). Поэтому Ной Жордания в 1908 году заявил, что «грузинская социал-демократия требует культурной автономии для своего народа, а не политической» (ჟორდანია 2015: 30). Тем самым, местные марксисты попытались объединить призывы «тергдалеулеби» о культурном возрождении с теориями национального социализма. Идея о нём превратилась в ту оболочку, которую можно было наполнить любым содержанием.

Объявившие себя последователями теорий Карла Маркса грузинские национал-революционеры имели во многом отличные от европейских либо русских социал-демократов взгляды на решение национального, аграрного и ряда других вопросов. «Таким образом, — пишет мемуарист, — в этой сфере произошла национализация марксизма» (*Жордания* 1968: 30). Иными словами, появилось новое политическое течение, в определении известного эксперта Стивена Ф. Джонса — «социализм в грузинских красках» (*Jones 2006: 254*). По общему же его характеру это явление можно скорее поместить в разряд «марксизма с грузинской спецификой», так как идеологические особенности местного социализма создавались акцентами грузинского менталитета.

Нет нужды доказывать, что марксизм есть мало подходящая идеология для земледельческой страны, с подавляющим преобладанием крестьянства, лишь с зачатками промышленности и с крайне немногочисленным пролетариатом. В итоге, грузинский «квазимарксизм» стал своего рода гибридом национализма и социализма, который изобрели и адаптировали к местным локальным условиям ряд деятелей из социал-демократического объединения «Месаме даси»/«Третья группа». Впоследствии, с 1903 года они в

качестве неформальной секции[17] были тесно связаны с меньшевистским крылом РСДРП. Поэтому на страницах этой книги термины «меньшевики» и «социал-демократы» в грузинском контексте будут использоваться как синонимы.

Своё название эта структура получила с лёгкой руки «тергдалеулеби» Г. Е. Церетели, публициста и литератора, владельца газеты «Квали» (Борозда), который стоял у истоков распространения марксистского учения в картвельской среде. Как пишут тбилисские историки, «Георгий Церетели изначально же испытывал влияние социалистической доктрины. К началу 90-х годов XIX века он окончательно встал на позиции национал-социализма» (Вачнадзе/Гурули/Бахтадзе 2008: 604). *К первому поколению грузинских марксистов («месаме даселеби») принадлежат Э. Ниношвили, Ф. Махарадзе, Н. Жордания, С. Джибладзе, М. Цхакая, Н. Чхеидзе и др., которые в 1892 году созвали в г. Квирила (ныне Зестафони) организационную конференцию «Месаме даси». Едва только созданное ядро этой организации в 1893-м распалось и возобновило свою работу лишь в 1897 году. С этого момента редакция легальной марксистской газеты «Квали» стала руководящим центром грузинских социал-демократических кругов, а её редактор Н. Жордания — занял место их лидера* (Островский 2004: 122). *Мемуарист находит его находчивым, умным, а также хитрым и властным* (Демьянов 2021: 42, 55). *Часть «месаме даселеби» обычно было принято ещё ассоциировать с «легальными марксистами» (местный аналог европейских ревизионистов — последователей идей Э. Бернштейна), ключевым тезисом которых было признание прогрессивности капитализма. Их политическая деятельность началась в то время, когда в Грузии собственно картвельский буржуазный класс не представлял существенной величины. Полемизируя с грузинскими традиционалистами, участники группы «Квали» настаивали, что капитализм для Грузии вовсе не бедствие, а историческая необходимость, так как*

[17] Видный социал-демократ С. Т. Аркомед (Г. А. Караджян) называет эту структуру «национальным комитетом», в котором «преобладающее влияние имели месамедисты и “квалисты”, они же диктовали свою волю остальным членам [Тифлисского комитета РСДРП] <…> [и] объявляли veto в тех случаях, когда вопросы решались не в духе грузинского собрания» (*Островский 2004: 571*).

этот новый и более прогрессивный этап общественного развития обуславливает рождение современной грузинской нации (Lang 1962: 127; Шанин 1997: 410; Jones 2005: 59). *Кроме того, была надежда, что капиталистическое развитие страны приобщит её ко всем достижениям европейской цивилизации. Таким образом, вопрос функциональности капитализма либо его полное отрицание, стал той красной чертой, которая кардинально размежевала группу «Квали» (Ной Жордания и др.) от сторонников Ильи Чавчавадзе* (Мисабишвили 1957: 73). *Этот вопрос столь раскалил полемику, что риторические выпады сторон иной раз выходили за рамки пристойности. «Господин Жордания, — объявил вождь грузинских традиционалистов в своём фирменном стиле, — несведущий и невежественный человек, он и не имеет желания знать что-то, не имеет своего мнения, которое не выучил наизусть от других, словно попугай. Научился 5-6 фразам российского марксизма, и то от таких марксистов, о которых сам Маркс говорил: "Называйте меня, как хотите, но не обвиняйте меня в марксизме". Вот так отказался Маркс от таких марксистов, какими сегодня являются у нас г-н Жордания и его окружение»* (Ратиани 1958: 177-178). *Чавчавадзе полагал, что главные усилия следует сконцентрировать на культурном возрождении, а Жордания, он, напротив, воспринимал как безответственного политического агитатора. Однако убойный сарказм признанного мастера пера очевидно уже мало что мог изменить. Жордания и его соратники, в отличие от него, первыми поняли, что политика отныне делается отнюдь не только в аристократических гостиных. Участники «Месаме даси» успешно освоили новый формат — язык митинговой демократии. Менее элитарный, чем у вожака «пирвели даси», однако более доступный и понятный плебейским массам. На этом поприще «месаме даселеби» отчаянно соперничали лишь с крикливыми радикалами большевистского розлива.*

Молодые интеллектуалы, тяготевшие к марксизму в 1890-х годах, не были продуктом городской среды, а скорее неофиты, вышедшие из отсталых сельских районов. Чаще всего они были уроженцами Гурии, маленькой и бедной области на западе страны. Автором главных программных трудов «Месаме даси» являлся гурийский дворянин Ной Жордания, «как публицист далеко не блестящий. <…>

Наоборот, его наивно изложенные статьи вызвали среди грузинской интеллигенции самое пренебрежительное отношение»[18]. Вынужденные принять капитализм как некое исторически неизбежное зло, марксисты не жалели сил для того, чтобы живописать его пороки. Жордания, напротив, в своих теоретических схемах, по мнению британского профессора, «был скорее консерватором, чем бунтовщиком» (*Шанин 1997: 404*). Его видение предполагало постепенную социалистическую эволюцию капиталистической системы и отвергало радикальную доктрину классового антагонизма.

Напомним, что своими союзниками в борьбе с самодержавием русские меньшевики считали не крестьянство, а только городские элементы. Ведь, как известно, идеологи «научного коммунизма» учили, что опорой революционной социал-демократии может быть лишь промышленный пролетариат. Однако в Грузии, где кадровые рабочие представляли собой ничтожно малую величину, была иная картина. Крестьянское брожение стало здесь причиной крупного несоответствия между марксистской теорией и социальной практикой.

Напомним, что с ростом капитализма развивался средний класс. Богатство перетекало от потомственных аристократов к промышленникам и банкирам. Однако всё сильнее был слышен и голос плебейских низов, требовавших большей социальной справедливости. Ясно, что антагонизм между сословными группами предельно ослабил освободительное движение в Грузии, и с этим нужно было что-то делать. Тут, как нельзя кстати, на грузинскую политическую авансцену выступило совершенно новое явление — течение социал-демократии. Его адепты вплоть до 1906 г. (IV съезд РСДРП) не имели внятного мнения по вопросу аграрных преобразований. Русская социал-демократия предполагала либо передачу всей помещичьей земли в распоряжение земских муниципалитетов (проект меньшевиков), либо её полное огосударствление (проект большевиков). В обеих случаях крестьянин, по факту,

[18] Общественное мнение и партии в грузинской жизни// «Кавказский Вестник», 1905, ноябрь. Тифлис: 56.

не мог быть полноправным владельцем своей земли. Грузинские же марксисты, напротив, отнюдь не исключали частную собственность, в том числе в поземельных отношениях (Уратадзе 1968: 101). *Однако их аграрная программа отличалась крайней расплывчатостью и не отвечала на главный вопрос, волновавший в то время крестьян: когда и на каких условиях получат они, наконец, помещичью землю. По мнению местных социал-демократов, следовало безвозмездно передать крестьянам лишь их крохотные «наделы» и дать право им выкупить в частное владение «отрезки» по сходной цене. Они исходили из стремления удовлетворить потребности крестьянства в земле, не сильно ущемляя интересы помещиков* (Ли 2019: 116). *«Мы, — пишет вожак "месаме даселеби" — только опасались решения аграрного вопроса "по-русски"»* (Жордания 1968: 46). *Это значит, что грузинские меньшевики стремились купировать тенденции, ведущие к «чёрному переделу» в их стране. Свою политику они строили на базе социальных компромиссов и аграрный протест крестьянства стремились канализировать путём побуждения феодалов к частичным уступкам.*

Мемуарист, который начинал свою политическую карьеру сельским активистом, сообщает весьма любопытные сведения. На предложение возглавить аграрное движение в Гурии, социал-демократические комитеты, в которых заседали также дворянские элементы, сперва ответили резким отказом. Они, тем самым, продемонстрировали полную растерянность в непревычной для национал-революционеров ситуации, когда нужно было выразить свою солидарность с социальными требованиями крестьян. В их лице дворяне-«пролетарии» (Н. Чхеидзе и др.) видели своего антипода — «мелкобуржуазного» собственника (*Уратадзе 1968: 41*).

Как следует из небрежно брошенной лидером «Месаме даси» фразы, «тремя основными классами» грузинского сообщества для него являлись — дворянство, буржуазия и пролетариат (*Жордания* 1919: 26). Именно их разнородные интересы настойчиво пыталось совместить в одном политическом пакете возглавляемое им течение.

Казус, однако, состоял в том, что из-за малочисленности третьего сословия, в качестве «буржуазии» вожак «Месаме даси» предлагал рассматривать также местное крестьянство (Шанин 1997: 413), *которое в то время насчитывало почти 87% его народа* (Ишханян 1914: 49). *Любопытно, что рабочий класс составлял лишь незначительную часть городского населения. Это был не кадровый пролетариат, а мастеровые начального этапа капиталистического развития, многие из них — вчерашние крестьяне, пришедшие на заработки в город и готовые в любой момент вернуться к сельскому труду. «Наш рабочий владел маленьким клочком земли в деревне: во время безработицы возвращался домой, где имел кусок хлеба», — поясняет мемуарист* (Жордания 1968: 42). *Напомним, что часть крестьян имели в пользовании свой «надел», выделенный им феодальным владельцем за обязательство выполнять различные повинности. Он только номинально находился во владении крестьян. Этот участок представлял такой же пережиток крепостничества, как и помещичьи латифундии. Крестьяне не имели права его продавать, закладывать, дарить. Вынужденная же аренда дополнительной земли для большинства крестьян была кабальной зависимостью.*

Вожаки «Месаме даси», тем не менее, согласились соединить в своём лице дворянское освободительное движение с крестьянским социальным протестом, ловко канализировав его в выгодном для себя направлении. Ведь обычная практика революционеров — найти угнетенных, оскорбленных и обиженных, от имени которых можно повести политическую борьбу. Н. Жордания, прежде других своих соратников сообразил, что национальная/антиколониальная революция может быть успешной только в том случае, если удастся вовлечь в неё крестьянские массы (*Уратадзе 1968: 49-50*). В этом был чисто утилитарный расчёт. Тогда у дворянских революционеров появлялся шанс перестать быть «революционерами без народа».

По мнению американского исследователя, социал-демократия в условиях Грузии решала сразу ряд специфических задач: «давала оружие против русского чиновничества и армянской буржуазии, воссоединяла грузинскую дворян-

скую интеллигенцию со своим крестьянством» (*Дерлугьян* 2013: 183). Сам же Жордания хотел ловко воспользоваться стихийным недовольством «крестьян и повести широкую агитацию среди них против правительства» (*Уратадзе* 1968: 41). Напротив, социал-демократические комитеты пытались «удержать крестьянские массы от нападений на помещичьи усадьбы и расправы с их владельцами» (*Качарава 1973: 120*).

Таким образом, Жордания и команда его единомышленников проявила себя умелым использованием и оптимальным сочетанием социальных и национальных инструментов при достижении своих политических целей. Это позволило им на определённом этапе своей деятельности заручиться также поддержкой мятежного крестьянства в Гурии. Отметим, что не последнюю роль здесь сыграли земляческие связи главных вожаков «месаме даселеби» с этим регионом. Он буквально был нашпигован нелегальными ячейками, которые к концу русской монархии вобрали в себя добрую половину всего актива грузинских меньшевиков (*Jones 2005: 244*). Так возникло заблуждение о плебейском характере этой партии. «Грузинская социал-демократия, — утверждал современник событий, — это партия крестьянства и городских мещанских масс» (*Ишханян 1919: 8*). Это касается лишь её рядового состава. Напротив, важной, влиятельной и де-факто руководящей силой в ней были выходцы из мелкого провинциального дворянства. Верхушка местных марксистов, пишет американский профессор, сплошь состояла из оскудевших помещиков и детей духовенства (*Kazemzadeh 1951: 195*). Они, пожалуй, никогда всерьёз не рассматривали крестьянство в качестве своей надёжной социальной опоры. Это стало очевидно в годы Первой республики. Известное же сотрудничество между ними в период борьбы с русской монархией было лишь случайным партнёрством.

Были ли Н. Жордания, а также его соратники подлинными революционерами? Да, разумеется, были. Однако лишь в вопросе борьбы с русским самодержавием, крах которого,

как они верили, открывал путь к реставрации грузинской самостоятельности. Так, один из них пояснил: «Классовая борьба не относится к грузинам. Мы всего лишь хотим, чтобы русские боролись друг с другом. <…> Мы осуществим революцию, царская империя падет, и Грузия будет свободна» (*Ramishvili 2006: 98*). Таким образом, русская революция для картвельских национал-революционеров была не более чем предлогом для деколонизации собственной страны.

Намерения грузинских меньшевиков были амбивалентны, совмещали антиколониальную и социалистическую программу с демократической риторикой. Их же отношение к социализму было столь сложным, что его нельзя однозначно оценить ни тогда, ни сейчас. Тут были большие зигзаги. Очевидно, что они сперва пытались акцентировать национальную тему в рамках марксистских учений. Позже же тональность в партийных дискуссиях постепенно стали задавать «правые меньшевики — немарксистские социалисты национальной ориентации» (*Ramishvili 2006: 123*). В этом сочетании, впрочем, было заложено потенциальное противоречие, которое позже толкнуло их в лагерь «консервативной революции».

Обладая несомненной креативностью и бóльшей широтой взглядов, чем феодальные традиционалисты, члены «Месаме даси» хорошо понимали, что поднятая дворянством тема самоопределения Грузии, может стать реальностью лишь в общем русле борьбы с автократией Романовых. Они солидаризировались в этом политическом вопросе не только вместе с русскими социалистами, но и близкими им по духу течениями в среде поляков, финнов, украинцев и ряда других крупных этносов царской России, опираясь на формальный «интернационализм».

На заре своей политической деятельности Н. Жордания примыкал также к этнонациональной организации «Лига свободы Грузии», которая была учреждена в 1892 г. в Кутаисе. Своей конечной целью она видела восстановление независимости Грузии,

для достижения которой её члены считали необходимым свержение самодержавия (Paitchadze 2017: 56-57). *Лидер «Месаме даси» особо акцентирует, что в борьбе «против русского самодержавия, маленькая Грузия могла проявить инициативу и одержать победу только в том случае, если бы она была в союзе с другими народами и партиями, которые вели бы такую же борьбу. Всякий отход, идейный или тактический, вёл нас к поражению»* (Жордания 1968: 41). *В чрезвычайно важном для грузинских традиционалистов вопросе достижения собственной независимой государственности, Н. Жордания и после образования СССР придерживался своей прежней тактики. В начале 1920-х годов он вновь вернулся к проверенной временем концепции. В его формулировках она теперь звучала следующим образом: «Украина <…> представляет такую огромную силу, что стоит только захотеть ей отделиться от Москвы, как последняя волей-неволей должна будет признать это. За ней последуют и другие нации. Для нас тем легче будет сделать это, если между нами и Москвой восстанет Украина. <…> Грузинская нация встаёт в рамки национального движения Украины. С этой целью они устанавливают связь со всеми [европейскими] нациями и общими усилиями изолируют Великороссию»* (Кахиани 1927: 79-80). *Этот прозорливый политический прогноз, как известно, получил своё воплощение в декабре 1991 году, когда Верховная Рада Украины приняла решение о выходе своей страны из СССР.*

Иногда «месаме даселеби» тесно сотрудничали также с большевиками. Ведь у них была общая цель — расшатать и свалить русскую монархию. Но, не более того. Закономерно, что после 1917 года пути их кардинально разошлись.

Политические течения, возникшие в грузинской среде, часто по своему характеру весьма далекие от доктрины «научного социализма», тем не менее, принимали социалистическую окраску, поскольку 2-й Интернационал в 1896 г. в теории признал право народов на самоопределение весьма радикально, вплоть до отделения и образования собственного государства (*Фадеичева* 2013: 79, 81).

Ряд участников «Месаме даси», вступив на тернистый путь политической борьбы, в числе своих приоритетов хотели

видеть решение не только социального вопроса, но и своих этнонациональных задач. В чём-то они были идеалистами. Эти политики часто были непоследовательны в своих намерениях. В их практических действиях, «так же как и во многих других вопросах тех дней, — по замечанию британского профессора, — националистические и социалистические цели и риторика соединялись и перемешивались» (*Шанин* 1997: 418). По мнению же Стивена Джонса, грузинские социал-демократы объединили идеи «тергдалеулеби» о национальном возрождении с теориями социализма (*Jones* 2005: 31). Это была сложная смесь из патриотических побуждений и провинциального марксизма.

Таким образом, освободительное движение члены «Месаме даси» понимали как избавление своего народа сразу от двух зол — национального и социального гнёта, чем уже достаточно сильно отличались от своих русских партнеров по РСДРП. Ной Жордания и его ближайшие соратники ни в коей мере не были поборниками русской версии радикального социализма, который был им абсолютно чужд, в том числе, и на ментальной основе. Они тщательно фильтровали теорию о «классовой борьбе», исходя из реалий грузинской среды. По мнению же исследователя революционного движения, эта часть грузинских социал-демократов в своей общей массе выделялась в рядах РСДРП особым идейным настроем, так как «национализм был [их] характерной чертой, что полностью противоречило принципам марксизма» (*Таран* 2014: 47). Кроме того, очень многие из них однозначно рассматривали факт присутствия русской администрации в Грузии как иностранную оккупацию своей родины (*Гейфман* 1997: 152).

В своих мемуарах Ной Жордания определённо говорит, что в самом начале его политической карьеры он уже выдвигал «два главных вопроса: национальный и тактический» (*Жордания* 1968: 17). Надо понимать так, что эта политическая задумка имела форму бинарного заряда, где проблема самоопределения Грузии (т. е. «национальный

вопрос») выступала в качестве основной части, а социальный компонент (т. е. «тактический вопрос») должен был быть использован, по сути, в качестве запала для первого. Социалистические по форме идеи освобождения грузинского народа, стараниями немалого числа членов «Месаме даси» наполнились новым, этнонациональным содержанием. «Грузинские социалисты, — пишет американский автор, — должны были противостоять национализму. [Однако] подобно тому, как грузинская знать ненавидела армянского капиталиста из-за того, что он был армянином, так и социалисты учили ненавидеть его за то, что он был капиталистом» (*Kazemzadeh 1951:* 14). Что же, весьма убедительно. Как известно, от перемены слагаемых сумма не меняется.

После жарких дискуссий большинство в «Месаме даси» отвергло программу радикала Миха Цхакая («революция и социализм») и утвердило альтернативный проект Ноя Жордания («конституция и реформы»). Как сообщает сам Жордания, «в феврале 1893 г. на конференции в Тифлисе социалистические идеи приняли национальный характер. Это были идеи социалистов-интеллигентов, которые ещё не были поняты ни рабочими, ни крестьянами, и <…> мы должны были подойти к крестьянской и рабочей массе и соединить их требования с нашей программой» (*Жордания* 1968: 18). Этот разворот в немалой степени послужил лишь предлогом к последующему размежеванию в среде грузинских марксистов. В 1897 г. М. Цхакая обвинил Н. Жордания в распространении «националистических» взглядов среди грузинских рабочих (*Маилян 1984: 46-47*). Суть спора заключалась в том, что лидер «Месаме даси» старался особое внимание уделять «национальному вопросу», то есть в перспективе видел отнюдь не победу «пролетарской революции» в Грузии, а самоопределение своей страны (*Уратадзе 1968: 160*). На наш же взгляд, пожалуй, ещё одним существенным фактором в их разногласиях было острое обсуждение полезности для Грузии капитализма и буржуазных отношений. Вместо содержатель-

ной дискуссии грузинских социал-демократов раздирали схоластические препирательства между прагматиками и радикалами (*Van Ree 2010: 265*). Следствием того конфликта стал организационный разрыв Н. Жордания и его сторонников с рядом членов «Месаме даси». Ф. Махарадзе и М. Цхакая объединились с новым поколением грузинских марксистов (И. Джугашвили[19], Л. Кецховели, А. Цулукидзе и др.) в отдельную группу, а в 1903 г. влились в большевистскую фракцию РСДРП. Заметим, что ленинцы, однако, вплоть до советизатии Грузии, оставались здесь совершенно маргинальной политической группой.

А там, где замешана политика, всегда есть место индивидуальным амбициям. В сущности, если говорить начистоту, размежевание грузинских марксистов определялось, в основном, не идейными разногласиями, а личностными соображениями[20]. Про острое соперничество внутри этого узкого круга лиц с иронией поговаривали, что «если Жордания объявит себя большевиком, Махарадзе обязательно станет меньшевиком» (*Уратадзе* 1968: 208). Группа лидеров «месаме даселеби» выкристаллизовалась в своей основе из публики, как правило, с дворянскими титулами, а нередко с крохотными, но имениями. Людям попроще, не смотря на их

[19] Как утверждали злые языки, будущий «отец народов» примкнул к марксистам из-за случайного инцидента в редакции газеты «Иверия», где у него произошёл горячий спор по вопросам грузинской словесности. Его визави оказался признанный литератор Лука Разикашвили (1861-1915), который публиковал свои произведения под псевдонимом Важа-Пшавела. Юный поэт-дебютант, которого грубо обругали, не простил нанесённой ему обиды и предложил сотрудничество уже редакции «Квали». В этой «газете писали все, кто не находил места в “Иверии”» (Жордания 1968: 25). Но на этом тема отнюдь не была исчерпана. Спустя годы с подачи Сталина в Советской Грузии была организована позорная кампания против оскорбившего его классика грузинской литературы, в ходе которой творчество Важа-Пшавелы подверглось надуманной критике (Galili 2005).

[20] Тбилисский политический комментатор, правда, по другому поводу (конфликт президента З. Гамсахурдия и премьера Т. Сигуа), называет обычной грузинской историей, когда «одно болезненное самолюбие налетело на другое, подобно бойцовому петуху, а мировоззренческие различия сыграли лишь второстепенную, почти декоративную роль» (Мониава 2020в).

способности, предлагались вторые, а то и третьи роли. На что они категорически были не согласны, предпочитая примкнуть к ленинской фракции, у вождя которой сословных предрассудков не было вовсе.

Как подметил современник событий, интерес в грузинской среде к теориям марксизма очевидно возник также на почве неприязни к армянскому капиталу[21]. Социализм Н. Жордания и его единомышленников во многом являлся гарантом реализации лишь их этнонациональных чаяний. Ими двигали собственные социальные интересы, а не надуманная марксистская утопия. Для Жордания, — как утверждает современный нам автор, — революционный характер марксизма был неприемлем (მაისურაძე 2018: 76). Такой политический прагматизм затем вывел их на путь сотрудничества со своей едва нарождающейся этнической буржуазией, которая выступила тайным спонсором этих национал-революционеров.

Лидер «Месаме даси» откровенно повествует о своих политических контактах в мире капитала. «Самый главный покровитель, который нам оказывал помощь, — вспоминал Жордания, — был [Д. З.] Сараджишвили: крупный промышленник, образованный буржуа и по природе широкий человек. Он помогал нашим партийным организациям, помогал и мне. Почему? — Однажды он мне сказал: — Грузинской буржуазии не существует; если бы нас было сто человек-промышленников, как я, мы стали бы во главе грузинского общественного движения, а вас бы и близко не подпустили. Теперь в нашей стране нет такого патрона. Дворянство — это прошлое, и его правительство не годится и невозможно. В этой роли я никого не вижу, кроме вас и ваших организаций» (*Жордания* 1968: 61).

Впрочем, некоторых предпринимателей толкали в объятия местных национал-революционеров мотивы, которые, пожалуй,

[21] *Казанский М.* Грузино-армянский конфликт // «Наше знамя», 1919, 9 января. № 2.

скорее лежали в сфере недобросовестной конкуренции. Те же, в свою очередь, убеждали рабочих, что у них якобы есть общие, корпоративные интересы с капиталистами лишь своего этноса. «Мы не должны восстанавливать грузина-рабочего против грузина-промышленника, мы должны добиться их согласованных и объединенных действий против проживающих в нашей стране промышленников других национальностей», — призывали на страницах газеты «Цнобис пурцели» лоббисты, связанные с картвельской буржуазией (Качарава 1973: 124). *Однако, это был, пожалуй, лишь поверхностный ребрендинг хорошо известной доктрины традиционалистов об «общей почве».*

Таким образом, в кулуарных связях «Месаме даси» с представителями буржуазии своей этнической группы угадывается завуалированная, но совершенно определенная солидарность, которая более наглядно затем проявилась в их протекционистской политике. Так, современный нам автор полагает, что «идеология [Жордания и его соратников] ориентирована [была] прежде всего на зажиточных людей, так называемый средний класс, в который входили купечество, предприниматели разной масти, мелкие дворяне и [разночинная] интеллигенция. Защита интересов этих людей, поддержание их экономической и политической активности, по мнению социал-демократов, должны были стать определяющими факторами последующего социально-политического развития [Грузии]» (*Лагвилава* 2008: 45). Иными словами, ревизионисты из «Месаме даси» отнюдь не были против капиталистического уклада. В соответствии с их точкой зрения капитализм должен был якобы перерасти в социализм, по аналогии с тем, как в своё время капитализм развился на базе феодализма. В этом вопросе они ориентировались на европейских ревизионистов. Те исходили из того, «что не экономическая гибель промышленного капитализма, а его процветание создаёт наилучшую обстановку для успеха первых шагов социалистического режима» (*Каутский 1931: 595*).

Также поясним, что ряд деятелей социал-демократического толка, которые отстаивали тезис о прогрессивности

капиталистического устройства, попытались использовать марксизм в противовес феодалам из лагеря консервативных политиков. Пресловутый же «социальный вопрос» внутри своего, картвельского этноса, по их мнению, должен был быть урегулирован исключительно мирными методами, путем компромиссов. Вектор их «классовой борьбы», главным образом, был направлен против армянских компрадоров. Западные авторы пришли к выводу, что Н. Жордания подобно «тергдалеулеби» сколачивал «общий фронт», дабы навсегда покончить с доминированием армянского капитала в экономике Грузии (*Jones 2005: 41; Brisku 2015: 311*).

Политическая стратегия грузинских социал-демократов отличалась несомненной гибкостью и часто изменялась под воздействием ситуации. Росла также их популярнасть. Удача сопутствовала им на куцых цензовых выборах, где своим электоральным успехом они во многом были обязаны голосам дворянской курии (*Уратадзе* 1968: 213). Помещики на думских выборах в 1907 и 1912 годов поддержали сословно близких им социалистов (Е. П. Гегечкори и др.), рассматривая их как авангард своего освободительного движения (*Шанин 1997: 409; Рейфилд 2017а: 234)*. Таким образом, это было не только кастовое родство. Здесь присутствовало также единство взглядов в вопросе самоопределения картвелов.

Эта тема объединила всю грузинскую политическую палитру, несмотря на периодические словесные раздоры между феодальными «традиционалистами», конституционными «либералами» и революционными «социалистами». Грузинские «меньшевики» со временем не таясь стали отстаивать ревизионистскую теорию общности этнонациональных интересов (*Воспоминания 1957: 6*). Они следовали формуле, предложенной Н. Жордания: «Если в сфере внутренних вопросов мы боремся, то против внешних врагов мы объединяемся» (*Уратадзе 1968: 95*). В IV Государственной Думе члены фракции социал-демократов А. И. Чхенкели и Н. С.

Чхеидзе[22] в своих выступлениях солидаризировались с представителем федералистов князем Варламом Геловани и фактически поддержали его демарш в части восстановления самостоятельности Грузии (კუპატაძე 1999: 222-234; *Гурули 2006: 60-63*). Ясно, что прежний отказ социал-демократов от формальной коалиции с ПСФ был лишь лукавой уловкой.

Партнёрские отношения между этими партиями со временем лишь укрепились. Это связано было, по-видимому, с притоком в ряды ПСФ новых элементов (Т. Глонти и др.). Историк Д. Швелидзе называет его «вторым поколением» и

[22] Как Николоз Чхеидзе, который имел партийный псевдоним «Карло», был избран в российский парламент, свидетельством является рассказанный Н. Жордания случай. Он пишет: «Начались выборы в Государственную думу. Благодаря реакционному закону, в Тифлисе и в провинции — в большинстве округов прошли не социал-демократы, а либерал-демократы. Их кандидат был [князь] Луарсаб Андроникашвили. Наши противопоставили ему Карла Чхеидзе. Исход выборов решили армяне, которыми руководил А. Хатисов — городской голова Тифлиса. Меня два раза посылали к нему в Городскую думу. У меня с ним были две встречи. Вот что я ему сказал: “Мы социал-демократы, вы — нет. Но за социализм и его осуществление мы в данный момент не боремся. Наша основная цель — добиться политических и человеческих прав. Ваша цель — та же самая. В национальном вопросе наша позиция вам известна. Мы защищаем всех угнетенных в равной мере — ваших и наших [sic! – Б. М.]”. Хатисов был чистосердечный и откровенный человек и он ничего не скрыл от меня. Он согласился со мною, только высказал сомнение в том, удастся ли ему убедить своих товарищей: — “Андроникашвили — кадет, мы тоже кадеты, как можно не дать голос партийному товарищу, а дать его вам? Постараюсь!”. Выборы кончились победой Карла Чхеидзе. Армянский национализм в этом сыграл большую роль: армяне смотрели на Андроникашвили не как на товарища по партии, а как на грузина-националиста, т. е. противника армян» *(Жордания 1968: 55)*. Однако, как выяснилось в последствии, особой разницы между ними не было, когда дело касалось интересов аграрной аристократии. В Госдуме, к слову, Чхеидзе развернул мощную антиармянскую кампанию, основные аргументы которой были взяты из арсенала дворянских националистов. «Чхеидзе впадает чуть ли не в истерику <…> не переставая кричит <…> и обвиняет [Воронцова-Дашкова] в чрезмерном потворстве армянам» *(Бахтурина 2004: 217)*. Разумеется, этот вопрос отнюдь не был частью большой политической повестки российской социал-демократии, спикером фракции которой в Госдуме выступал сам Чхеидзе *(Vatcharadze 2019: 10)*. Он тем самым очевидно лоббировал интересы грузинского дворянства, которое крайне ревниво относилось к протекционизму русского наместника в отношении армянских компрадоров.

приписывает ему бóльшую приверженность социалистическим теориям (შველიძე 2018: 25). ПСФ же покинули многие «молодые иверийцы», лица, тяготеющие к лагерю «дворянских националистов», которые позднее примкнули к НДП (*Мамулиа 2013а: 30-31*). Этот процесс, по-видимому, выровнял кадровый состав групп, фактически выступающих с позиций «национального социализма», что сказалось на их сближении. К слову, на муниципальных выборах в 1918 году одна из фракций ПСФ выступила сообща с меньшевиками, образовав «социалистический блок» (ხვადაგიანი 2017: 158). Газета же «Шрома» констатировала, что «федералисты и социал-демократы меньшевики сегодня заодно и действуют совместно»[23]. Таким образом, различия между грузинскими социалистами постепенно стёрлись, либо изначально имели достаточно условный характер, так как бóльшая их часть держалась позиции «революционного национализма».

В 1910 году на конференции грузинских меньшевиков Ной Рамишвили, член ЦК РСДРП, предложил сделать вопрос о независимости Грузии предметом партийной дискуссии. Эта инициатива, однако, тогда не нашла должной поддержки среди делегатов (*Ramishvili 2006: 125*). Тема, заметим, отнюдь не была закрыта. Нужно было время, чтобы обдумать проблему и найти оптимальные пути её решения.

В среде грузинских социал-демократов была группа во главе с Ладо Дарчиашвили, которая поддержала лозунг об автономии Грузии. Они не разделяли программу РСДРП по национальному вопросу и с течением времени покинули её ряды. Они открыто объявили себя сторонниками самоопределения Грузии (И. Г. Гомартели и др.) и вошли затем в объединение «Алиони»/«Заря» (ორემაძე 2021: 12, 16). *В ноябре 1918 года была образована Социал-демократическая рабочая партия Грузии (далее СДРПГ), центральный комитет которой возглавили Н. Жордания и его ближайшие*

[23] ფედერალისტები და სოც. დემოკრატები //«შრომა», 1918, 6 აგვისტო. № 3.

соратники[24]*. В январе 1919 года «алионисты» полностью влились в её структуры.*

Исходя из тактических соображений сам Жордания вплоть до 1917 года, однако, воздерживался от публичной поддержки популярного в среде дворянства тренда, направленного на самоопределение Грузии. В отличие от влиятельного А. И. Чхенкели, который солидаризировался с требованием территориальной автономии Грузии, Жордания на словах агитировал лишь за культурную автономию своего народа (*Jones 2005: 232*). Однако, в своих мемуарах он утверждал, что «в основном вопросе — независимости Грузии — между [ним и традиционалистами] не было никакой разницы» (*Жордания* 1968: 69).

Эмиссары «Комитета независимости Грузии» князь Михако Церетели, а за ним князь Георгий Мачабели из Берлина тайно прибыли в Грузию с предложением к лидерам всех этнонациональных организаций при поддержке Германии поднять восстание против русских властей. Этот каверзный вопрос обсуждался осенью 1915 года на нелегальном совещании грузинских политиков в Кутаисе (ჯანელიძე 2002: 237-238). Стороны не смогли принять какого-либо определённого и устраивающего всех решения. Напротив, члены «Комитета независимости Грузии», князь Дата Вачнадзе и активист Шалва Карумидзе, занимались организацией повстанческих ячеек. В 1916–1917 гг. они лично контролировали приём оружия и боеприпасов, под покровом ночи тайно сгружаемых с немецких подводных лодок на черноморское побережье Грузии (*Мамулиа/Абуталыбов 2020: 34, 236*). Более того, когда в декабре 1914 года был пущен ложный слух, что русская армия якобы покидает Закавказье, картвельская «интеллигенция заволновалась и поспешно созвала собрание разных общественных деятелей в здании

[24] საქართველოს ს.-დ. პარტიის დაარსების გამო// «ერთობა», 1918, 21 ნოემბერი. № 252.

дворянского собрания. <…> Сочли нужным сейчас же выбрать временное правительство и хотели там же назвать его членов» (*Жордания 1968: 67*). Таким образом, аристократия была готова взять власть в свои руки и ждала лишь удобного для себя случая.

В этих дискуссиях принял живое участие также Н. Жордания, который лично не подвергал сомнению идею самоопределения Грузии. Его разногласия с ПСФ и НДП в этом вопросе основывались только лишь на тактических соображениях. Он пишет: «В это время насчет независимости у нас в партии не было ещё общей установки, и каждый имел своё мнение. И когда я беседовал с М. Церетели и Г. Мачабели, я высказывал только мои личные взгляды, но я знал, что большинство моих товарищей, когда наступит соответствующее время, сделает соответствующий шаг для получения независимости. В конце концов, мы сочли нужным иметь коллективное мнение по этому вопросу партийной массы. Для этого мы созвали в Ланчхутах [Гурия, Западная Грузия – Б. М.], в селении Джунджуати, конференцию представителей всех грузинских социал-демократических партийных организаций. <…> Все лидеры были налицо. Больших споров не произошло. Все сошлись в главном вопросе, а именно: об объявлении независимости Грузии, если наступят соответствующие обстоятельства, т. е. если русские войска оставят [нашу] страну» (*Жордания* 1968: 69).

По свидетельству же другого мемуариста из числа социал-демократов, «в 1915 году, на нелегальной партийной конференции [в Ахали-Сенаки, Самегрело — Б. М.] было вынесено постановление, предусматривающее возможность и даже необходимость в ходе военных событий — объявления независимости Грузии, и даны были соответствующие полномочия центральным органам партии. Официальное объявление этого постановления было признано не целесообразным по политическим соображениям» (Уратадзе 1956: 76). *Видимо, «казначей партии» ошибся, передвинув это событие с января 1917 года на более ранний срок. Однако общая суть решения от этого не меняется.*

Борьба за право самим определять судьбу Грузии, объединила все картвельские общественные течения, несмотря на словесную полемику между ними по тактическим вопросам. В ноябре 1917 года Н. Жордания возглавил Национальный Совет, инициатива создания которого исходила от дворянских элементов. Комментаторы же в этом событии увидели нечто большее, чем коалицию националистов и социалистов. «Его личная эволюция, — пишет по горячим следам о вожаке “месаме даселеби” публицист Геронтий Кикодзе в статье “Ной Жордания и национализация социализма”, — это, по сути, эволюция всей грузинской социал-демократии»[25]. Более того, политик, который прежде якобы противился национальной повестке, стал теперь её самым активным проводником. «Всё что имело место на Национальном Съезде, — рассуждает другой свидетель событий, — доказывает, что Жордания и вообще вся партия меньшевиков сами подошли вплотную к националистам и приняли их программу» (*Махарадзе 1928: 136*). Тем самым, Жордания и его окружение окончательно вступили на путь негласного соглашения и «общей почвы» с собственным дворянством, которое и прежде стойко отстаивало тезис о том, что в деле реставрации своей государственности одинаково заинтересованы все сословия и социальные группы грузинского народа. Так, в грузинской действительности постепенно стала осуществляться доктрина, которая позже была обозначена ёмким термином — «национальный фронт».

Впрочем, подобное завидное единение имело и свою тёмную сторону. Как метко заметил британский профессор, «[хотя] озабоченность грузинских меньшевиков "национальной проблемой" облегчала создание межклассовой коалиции, которой они руководили <...> [однако] это [неизбежно] вело к развитию шовинизма» (*Шанин 1997: 425*). Звонкой шовинистической фразой, однако сложно было заполнить

[25] ქიქოძე გ. ნოე ჟორდანია და სოციალიზმის ნაციონალიზაცია // «საქართველო», 1917, 9 დეკემბერი. № 268.

идеологический багаж партикуляристов. Убаюкивать ею, создавать иллюзии, будоражить сознание масс (смотря по обстоятельствам), безусловно, можно было, но предложить достойную перспективу, воодушевлять людей на нечто большее, шовинизм априори не мог.

Более того, в духе этих тенденций происходила стремительная «эволюция» социал-демократов и постепенное сближение их основных политических позиций с национал-демократами. Концепт же самоопределения Грузии в понимании социал-демократов мало чем стал отличаться от идей тех же социалистов-федералистов. Лидеры обеих групп, во-первых, в качестве переходного этапа были согласны на кантональную автономию (самоуправление) своей страны в рамках «Закавказской Федерации» (*Урατадзе* 1968: 96). Во-вторых, в контексте заявленной задачи были готовы солидаризироваться с любой силой, которая объективно работала на разрушение империи Романовых.

Таким образом, суммируя выше сказанное, можно констатировать, что картвельские политические течения шли разными путями, но к одной общей для них цели — деколонизации их родины. Внутригрузинские же политические дискурсы обычно были лишь суммой вариаций на одну и ту же тему — полного восстановления суверенитета Грузии.

1.3
ПЕРВАЯ ГРУЗИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Возобновление в мае 1918 года традиции собственной государственности стало исключительным по важности событием в жизни всего грузинского народа, чем было дано мощное начало совершенно новому периоду в его многовековой истории. Самоопределение было достигнуто не благодаря широкому народному движению, а, как известно, посредством военно-политического вмешательства кайзеровской Германии. Это была весьма выгодная политическая сделка между грузинским истеблишментом и немецкими эмиссарами, которая позволила избавить страну от османского нашествия. Ведь Грузия в тот момент не располагала достаточной военной силой, способной сдержать натиск турецких войск. По весьма меткому замечанию нашего современника, «помимо [генерала Отто] фон Лоссова, “отцом грузинской независимости” также следует считать блестящего дипломата Фридриха Вернера фон дер Шуленбурга» (*Чачава 2014: 46*). Итак, при решающем содействии Берлина Грузия была восстановлена на политической карте. Крестьянские же массы, на поддержку которых рассчитывали прежде опереться лидеры грузинских социал-демократов, не сыграли в этом деле какой-либо определённой роли. Деревня оказалась перед фактом свалившейся на её голову собственной этнической государственности, практический смысл которой простому народу был не совсем понятен. Более того, декларирование Национальным Советом суверенитета без кардинального решения давно назревшего аграрного вопроса, крупная часть грузинского крестьянства восприняла крайне негативно.

Национальный Совет был образован съездом представителей грузинских общественно-политических и культурно-экономических учреждений, созванного, как сообщала «Эртоба», для

решения прежде всего вопроса «охраны дворянского имущества»[1]. *Прежний, назначенный Национальным Съездом в ноябре 1917 года его состав, в июне 1918 года был переформатирован. По существу, это был совершенно новый орган во главе с Н. С. Чхеидзе, который возник в результате непубличного политического соглашения между лидерами основных грузинских партий. Один из активных участников тех событий (Г. Гвазава) назвал созданную структуру — «случайным собранием»* (ჯონსი 2018: 44). *Национальный Совет присвоил себе законодательные функции, хотя по мнению американского автора, «его полномочия носили сомнительный характер»* (Kazemzadeh 1951: 187). *Социал-демократы были представлены в нём 47-ю голосами, против 16-ти у ПСФ и 15-ти у НДП*[2]. *Кроме того, свою квоту получили социалисты-революционеры, ряд других организаций и беспартийные. Все вместе они занимали 21 место*[3]. *В октябре 1918 года НС был переименован в Парламент и просуществовал в таком качестве до конца февраля 1919 года. Этнонациональные меньшинства Грузии (армяне, тюрки и осетины) получили депутатские квоты и были допущены туда лишь под занавес существования этой структуры, когда уже были вотированы основополагающие законы (о подданстве, языке, администрации и школе).*

Ной Жордания, в качестве председателя Национального Совета, лично вычеркнул из проекта «декларации независимости» обещание конфисковать феодальные владения помещиков (*Жордания 1968: 87*). Летом 1918 года в ряде сельских районов Грузии уже полыхали стихийные аграрные мятежи. «Тёмная деревня, — читаем на страницах местной социал-демократической печати, — стремится просто к захвату всех земель»[4]. Подступившие к Тифлису повстанцы требовали немедленного передела земли в пользу крестьян (*Махарадзе 1928: 187-189, 211*).

В статье «Наша Вандея», опубликованной на страницах официоза «Эртоба», верхи социал-демократов признали, что

[1] «ერთობა», 1917, 14 ნოემბერი. № 196.
[2] საქართველოს ეროვნული საბჭოს წევრები// «ერთობა», 1918, 1 ივნისი. № 111.
[3] Национальный совет Грузии // «Кавказское слово», 1918, 1 июня. № 110.
[4] «Борьба», 1918, 2 июля. № 106.

они «не сумели дать крестьянству землю, и это обстоятельство причина того, что крестьянство не подчиняется правительству»[5]. Всё выше становилась вероятность того, что крестьяне сами возьмут дело в свои руки. Угроза полной дестабилизации, потери социальной элитой своих властных позиций тогда была беспрецедентно велика. «Повстанцы заняли весь Душетский уезд, — вспоминал один из меньшевистских вожаков, — разбили наши регулярные отряды около [села] Натахтари и подошли к Мцхете. Положение было угрожающее» (*Джугели 1920: XX*). На главу правительства Н. Рамишвили посыпались яростные обвинения в слабости. Он якобы противился развёртыванию регулярных войск против мятежников (*ჯანელიძე 2015: 46*). Тем более что премьер сам был выходец из крестьянского сословия. Нобилитет отказал ему в доверии, в знак чего ЦК НДП потребовал у своего представителя в правительстве Георгия Журули, чтобы он оставил портфель министра. В итоге, тот сам покинул партию и сохранил за собой кресло главы финансового ведомства (ირემაძე 2021: 29). Однако 24 июня 1918 года премьер сложил свои полномочия. Со слов его сына, «Ной Рамишвили испугался, что может вспыхнуть гражданская война, и согласился уйти в отставку» (*Ramishvili 2006: 82*). Республиканские власти, сразу же после своего возникновения, оказались зажатыми между молотом крестьянских восстаний и наковальней дворянских заговоров.

Созданное 26 мая 1918 г. путём межпартийного консенсуса «национальное» правительство имело исключительно этнический характер. В нём заседали социал-демократы (Акаки Чхенкели, Григол Гиоргадзе, Ной Хомерики), социал-федералисты (Шалва Алекси-Месхишвили, Гиорги Ласхишвили), национал-демократ Гиорги Журули и эсер Иване Лорткипанидзе (კაჭარავა / დაუშვილი 2012: 26). *Однако их легитимность носила сомнительный характер и ещё требовала дополнительного подтверждения путём электо-*

[5] ჩვენი ვანდეა // «ერთობა», 1918, 28 ივნისი. № 132.

ральных процедур. В их отсутствие кабинету министров не была гарантирована поддержка большинства населения и его авторитет вне столицы приходилось порой насаждать вооружённой силой.

Поразивший Грузию системный кризис, внушал представителям имущих классов самые серьёзные опасения. Власти республики обратились за внешним содействием, дабы взять ситуацию в стране под свой стабильный контроль. Картвельские дворяне с нескрываемым восторгом и радостными возгласами «ва́ша» приветствовали, входившие стройными рядами в их столицу «железные» батальоны кайзера Вильгельма[6]. «Помещики, которых [русская] революция фактически лишила принадлежащих им владений, — пишет американский историк, — до прибытия немцев [в Грузию] жили в страхе и под постоянной угрозой. Когда немецкие каски появились на улицах Тифлиса, <…> они стали верить, что вернулись старые добрые времена» (*Kazemzadeh* 1951: 158). От немцев ждали порядка и покоя. К германскому эмиссару в Тифлисе графу Ф. В. Шуленбургу обратились 200 помещиков, с настоятельной просьбой о защите их фамильной собственности[7]. Инфернальные настроения знати, напомним, были вызваны «чёрным переделом», массовым захватом их земель восставшими кретьянами. Нобилитет терзали сомнения, что республиканское правительство способно умиротворить страну.

Князь Шалва Амирэджиби, член ЦК НДП, публично отказался вотировать декларацию независимости. Та вводила республику, а не объявила реставрацию монархии, как того хотели многие потомственные аристократы. Более того, грузинским роялистам показалось, что германский протекторат надёжно защитит их от плебейской революции. Часть дворянства муссировало мысль о приглашении на вакантный

[6] «ერთობა», 1918, 13 ივნისი. № 121.
[7] «Լրաբեր», 1918, 17 հունիսի: № 5.

грузинский престол какого-либо немецкого принца (*Asatiani/ Janelidze 2009: 270*). Эта тема, к примеру, была поднята в ходе беседы посла кайзеровской Германии в РСФСР с грузинским представителем в Москве Габриэлом Хундадзе. «Округление [границ] Грузии возможно, — сказал граф Мирбах, — при одном условии, если она согласится принять германского принца» (*Хундадзе 1920: 9*). В случае восстановления монархии в Грузии, предполагалось объявить младшего сына германского императора Вильгельма II, — Йоахима Гогенцоллерна, — главным претендентом на грузинскую корону (*Мамулиа 2007: 327*). Согласно плану традиционалистов (Г. Мачабели и др.), немецкий принц должен был жениться на грузинской аристократке, положив начало новой династии в Грузии. На роль королевы была намечена дочь члена Национального совета Грузии князя Михаила Мачабели — Марин (*Daushvili/Janelidze 2019: 32-33*).

В феодальной среде возник монархический заговор во главе с князьями Багратион-Давиташвили[8]. «Заговорщики, — пишет Ной Николозович, — были арестованы, а их планы разрушены. Если бы эта группа победила, то в Грузии произошла бы гражданская война» (*Жордания 1968: 89*). Похоже, что этот инцидент был скорее столкновением разных групп интересов в грузинском нобилитете. С одной стороны — крупная потомственная аристократия с её планами возрождения монархии, с другой же мелкое провинциальное дворянство с идеей этнической республики. Да, противостояние это, вполне вероятно, имело весьма символический характер. Поэтому, эти события закончились без особых последствий для заключенных в Метехском замке заговорщиков. «Их дело, — пишет очевидец событий, — раздували вовсю, но, само собою разумеется, всё оказалось чистейшим пуфом. Вскоре их выпустили» (*Демьянов 2021: 39*).

[8] «Ժողովրդի Ձայն», 1918, 3 հոկտեմբերի: № 25.

Находясь в эмиграции, грузинские роялисты вновь вспомнили о реставрации монархии и хотели заручиться в этом деле поддержкой стран «оси». Они провели в 1942 году в Риме свой съезд, объявили князя Ираклия Багратион-Мухранели наследником престола Грузии, но своей цели не достигли (Широкорад 2010: 314). *В постсоветский период вопрос помазания на царский трон одного из потомков Багратионов снова периодически поднимался и стал темой острых дебатов. «Вариант монархии в Грузии, — вспоминал экс-президент Э. А. Шеварднадзе, — обсуждался ещё в 1992 году, когда я вернулся из Москвы в Тбилиси»*[9]. *Затем Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия Второй, во время проповедей в кафедральном соборе «Самеба» (Святой Троицы), ссылаясь на тысячелетнюю традицию не раз напоминал пастве о возможности возрождения в стране монархии* (Пачкория 2017), *чем неизменно вызывал широкий политический резонанс* (Кобаладзе 2017). *Несколько маргинальных партий, в том числе «Союз грузинских традиционалистов» во главе с экс-председателем парламента Акакием Асатиани, продолжили выступать в поддержку этой идеи. Картвельские легитимисты ссылаются на тот факт, что династия Багратионов никогда не отрекалась от власти и не свергалась самим грузинским народом, но была лишена короны в результате оккупации страны.*

Нобилитету хотелось поскорее разрубить гордиев узел проблем и освободиться от тягостной необходимости искать приемлемый компромисс со своим народом. Отбросив всякие сантименты, старосветская часть помещиков предполагала с помощью иностранных штыков установить свою собственную диктатуру. Им импонировала политика немцев на Украине. (Там, после вмешательства Германии, к власти пришла креатура местных латифундистов гетман П. Скоропадский). По словам немецкого генерала Ф. Кресс фон Крессенштайна, эти дворяне «приветствовали нас с распростертыми объятиями и не скрывали того факта, что они ожидают от нас помощи в свержении правительства социалистов и восстановлении их

[9] Царь всея Грузии: в Тбилиси решили возрождать монархию// «Общая газета», 2007, 9 октября.

в своих старых правах» (*Kress von Kressenstein 2001*). Некоторое время была угроза вмешательства германских эмиссаров в пользу интересов этих помещиков (*Документы* 1919: 382). Надо, однако, отметить, что такого рода санкции из Берлина они всё же не получили.

В ходе борьбы за ресурсы и политическое влияние основная стратегическая цель как у «правых», так и у «левых» картвельских этнических партий оказалась общая: защитить иммунитеты феодальной знати от притязаний непривилегированного большинства населения. По мнению члена ЦК меньшевиков Ираклия Церетели, на должность премьера необходимо было «найти человека, которому доверяют все стороны»[10]. Ведь «Рамишвили, — по словам немецкого эмиссара, — сильно изменил свои убеждения, перейдя от социал-демократов на сторону буржуазии» (*Пипия 1971: 210*). В почти безвыходной ситуации «националисты» вступили в союз с «социалистами» и пригласили на место премьера человека, устраивающего оба лагеря. «На важном совещании наших вождей решено Н. Н. Жордания сделать главой правительства, — читаем в записях меньшевистского функционера, — [эта] идея <…> первоначально принадлежала Е. П. Гегечкори» (*Джугели 1920:* 22). Эти события, впрочем, окутаны завесой тайны. «Что произошло в действительности, на этот вопрос пока нет исчерпывающего ответа, – отмечает грузинский автор. — По мнению сына Рамишвили — Акакия, правительство Грузии в июне 1918 года сменилось насильственным путем, что было запланировано тандемом Жордания-Джугели, и осуществлено с помощью Ираклия Церетели. <…> Со слов [генерала] Квинитадзе, Валико Джугели несколько раз врывался на заседание [кабинета министров] с криком, что не подчинится ни одному правительству, если его председателем не будет Ной Жордания. Так или иначе, имел место некий правительственный переворот»

[10] «ერთობა» 1918, 26 ივნისი. № 130.

(*Эбралидзе 2016*). Похожие суждения разделяют и с версией верхушечного переворота согласны некоторые другие авторы (ჯოჯუა 2010/2013: 445-463).

Мы же полагаем, что эти перестановки были вызваны трениями кабинета министров с заседавшим тогда в Тифлисе «Советом рабочих депутатов». Этот орган плебейской демократии, претендовал на свою долю власти (*King 2021: 78*). Его состав демонстративно игнорировал «национальное» правительство. «Революционные организации, — как пишет тбилисский историк, — даже не признавали его юрисдикцию» (ჯანელიძე 2015: 19). Это соседство тем более было опасным, так как рабочее самоуправление столицы имело в своём активе вооружённые отряды «красной гвардии». Его депутаты открыто угрожали, что дескать «не уступим своих позиций без борьбы» (*Махарадзе 1928: 124*). Совершивший в те дни путешествие из Стамбула в столицу Грузии немецкий консул задокументировал свои впечатления. «Характерным для слабой позиции нынешнего грузинского правительства, — пишет этот иностранный дипломат, — является тот факт, что оно не осмеливается вывесить грузинский флаг на здании правительства, а вынуждено вывешивать красный революционный» (*Пипия 1971: 62*). Сын же отстранённого премьера по этому поводу сообщает свою версию событий. «Как только Ной Жордания пришёл к власти, он снял государственный флаг с Дома правительства и поднял красный флаг революции. Это было особое требование Валико Джугели» (*Ramishvili 2006: 83*).

Берлин склонился, как известно, к признанию «национального» правительства. С ним был заключён договор на борту торгового корабля «Минна Хорн», бросившего якорь в гавани Поти. Фактор присутствия в стране немецкого военного контингента, убедил плебейских радикалов примириться с «национальным» правительством. Ими был достигнут взаимный компромисс, когда Н. Жордания занял кресло премьер-

министра. Важно, что он удержал за собой также место главы исполкома СРД. За Н. Рамишвили же сохранили руководство МВД и де-факто статус вице-премьера. Итак, путем нехитрой политической комбинации была умело преодалена опасная ситуация двоевластия. «Лишь благодаря тому, что одни и те же лица [теперь] были и в этом Совете [рабочих депутатов] и в Правительстве, — вспоминал мемуарист, — острого конфликта не произошло» (*Квинитадзе 1985: 46*). Взамен же СРД и аффилированным с ним профсоюзам была обещана декоративная функция надзора за министрами[11]. Полагаем, что это была одна из тех удачных уловок, посредством которых были введены в заблуждение негативно настроенные к правительству плебейские элементы.

Меньшевики были бесконечно далеки от большевистского понимания системы совдепов как формы «диктатуры пролетариата». На деле, для тех и других эти структуры были лишь обычной ширмой. «Совет рабочих депутатов, — пояснил Ной Николозович, — сдал всю свою власть правительству и Учредительному Собранию. Он ограничивается лишь наблюдением, надзором и суждениями о тех или иных своих взглядах по текущему вопросу»[12]. Этот орган, пишет очевидец событий, «делал только то, что приказывал ему Жордания, состоявший его председателем. Совет [рабочих депутатов] существовал, конечно, на средства грузинской казны. <…> [Он] ныне абсолютно не играет никакой роли [и] существует по инерции» (*Демьянов 2021: 86-87*). Его силовой ресурс — «красная гвардия» была переподчинена лично главе правительства (ჯონსი 2018: 43). Иначе, по мнению британского автора, без этих ополченцев, возглавляемых надежным и способным Валико Джугели, партия меньшевиков очевидно была бы быстро сметена (*King 2021: 79*). Жордания, вступив в должность премьера, немедля распорядился выплатить этому

[11] «Борьба», 1918, 12 июня. № 91.
[12] «Борьба», 1920, 4 мая. № 98.

парамилитарному формированию 50 млн рублей, огромную на тот момент сумму (*Ramishvili 2006: 84*). Этот грузинский «фрайкор» был переформирован в де-факто вооружённую опору СДРПГ, так как все руководящие позиции там заняли люди из меньшевистской партии. Его костяк, под командой кадровых офицеров, нередко из числа провинциальных дворян (Иосиф Гедеванишвили и др.), сразу же был брошен на подавление крестьянских мятежей[13]. Чуть позже, в июле 1918 года последовал ребрендинг рабочей милиции в «народную гвардию». «Последняя, — сообщает немецкий эмиссар, — является господином положения. Она, по всей вероятности, будет находиться на службе у правительства до тех пор, пока ей будут выплачивать неслыханно высокое жалование» (*Пипия 1971: 62*). Кроме того, вокруг этой структуры возник своего рода официально насаждаемый культ (*Кинг 2020: 92*). Её вожака Валико Джугели побаивались, стремились задобрить, заручиться его дружбой и поддержкой.

До кризиса двоевластия меньшевики лишь доминировали в правительстве. После же они взяли его под свой полный контроль. Их вожди удачно провели консолидацию власти и выстроили её вертикаль с опорой на свою партию, которая стала солировать на политической авансцене. Новый премьер убедил подчиниться авторитету своего кабинета как «правые», так и «левые» силы. «С тех пор как я стал председателем, — вспоминал он, — революционные организации постепенно передавали свои функции правительству» (*Жордания 1968: 93*). Вожак «Месаме даси», по мнению американского профессора, всегда умел искусно балансировать на политическом поле (*Suny 1994: 194*). Это позволяло ему обладать решающим голосом. Кроме того, он отличался умением влиять на плебс с помощью различных посулов. Созданная же им архитектура

[13] «Гвардия В. Джугели, — пишет очевидец событий, — и грузинское дворянское офицерство, которое думало только об интересах помещиков, действовали дружно за всё время усмирения крестьянских восстаний» (Махарадзе 1928: 165).

власти была увенчана неформальным триумвиратом. Она состояла из политико-административного тандема Н. Н. Жордания — Н. В. Рамишвили и военно-политического дуэта Н. Н. Жордания — В. А. Джугели[14].

Газета «Эртоба» с удовлетворением подвела итоги этих политических пертрубаций. На её страницах читаем: «Рабочий класс [в Грузии] стал национальным классом, а национальная социал-демократическая партия — его авангардом»[15]. Однако, как язвительно заметили оппоненты её вожаков, «Жордания же, вопреки грузинской пословице, силится доказать, что можно держать в одной руке два арбуза — и социализм, и национализм»[16]. Таким образом, СДРПГ очевидно рвала с наследием традиционного марксизма и переходила на позиции «национального социализма». Как сообщает грузинский автор, началась «картвелизация» этой партии (ირემაძე 2021: 16). Вожди же СДРПГ берегли свои экскурсы в марксистскую теорию для торжественных случаев. Например, для «экстравагантного во времена ужасающей нищеты», как следует из оценки Стивена Джонса, посещения европейскими социалистами Грузии (*Visit 2021: 235*).

Впрочем, благодаря своим преобразованиям в социальной сфере (трудовое законодательство, тарифная политика и т. п.) социал-демократической верхушке, как известно, удалось приобрести популярность в среде мастеровых. Индексацией

---

[14] Сын Ноя Рамишвили кардинально не согласен с подобной трактовкой и яростно её отрицает. «Внутри правительства, — пишет Акаки Рамишвили, — было противостояние. Существовала диктатура партии меньшевиков, программа которой, согласно идеологии Ноя Жордания, основывалась на классовой борьбе и социалистических теориях. Но в партии была и другая линия, которую возглавлял Ной Рамишвили. <…> У отца были постоянные разногласия с Жордания. Поэтому легенда о тандеме Жордания-Рамишвили — ложь, придуманная меньшевиками. На самом деле в Грузии был дуэт Жордания-Джугели» (*Ramishvili 2006: 87*). Ситуация имела тем более пикантный характер, учитывая, что между В. Джугели и Н. Рамишвили были довольно натянутые, если не сказать неприязненные отношения (*Муханов 2019б: 80*).

[15] მუშათა კლასი და ერი // «ერთობა», 1918, 4 სექტემბერი. № 120.

[16] В рядах грузинских меньшевиков //«Кавказ», 1935, № 7-8, с. 41.

денежных выплат и раздачей дешёвых продуктов режим купил лояльность городского плебса. Словом, подобно коммунистам сделали бедность инструментом по политическому контролю за массами людей.

Кроме того, у СДРПГ была монополия на профсоюзное движение, с помощью чего она имела рычаг влияния на социальную повестку. Власти опирались на 113 профсоюзов, полностью аффилированных с режимом. Они объединяли 64000 работников самых разных профессий, от рабочих-ремонтников из железнодорожного депо вплоть до учителей, официантов и домашней прислуги. Более того, из них 90% были членами правящей партии (ირემაძე 2018: 362, 368).

Можно ли называть такую форму корпоративной? Думаем, что да. Ведь за фасадом доктрины «национального фронта всех классов на почве национального суверенитета» (*Жордания 1968: 101*), ставшей фирменным трендом меньшевистского правительства, видимо, скрывалась местная разновидность корпоративизма. Благодаря надклассовой коалиции предполагалась солидаризация различных социальных слоёв картвельского этноса, его объединение в единую нацию. Это был инновационный ребрендинг теории об «общей почве», посредством которой предполагали восстановить сильно пошатнувшуюся социальную устойчивость грузинского сообщества. Кроме того, корпоративная структура парафеодального социума, пожалуй, могла заменить собой привычное для картвелов сословное устройство.

По мнению же историка-кавказоведа, «правительство дворянина Жордания[17], называвшее себя социал-демокра-

[17] Глава первой республики, как и ряд его соратников (Е. Гегечкори, И. Церетели, К. Андроникашвили, С. Девдариани и др.), отнюдь не были избавлены от характерных для местных аристократов ментальных черт. Портрет Н. Жордания оставленный очевидцем, рисует нам человека, при первом же знакомстве с которым «сразу бросались в глаза [его] барский характер и привычки» (*Уратадзе 1968: 11*). Конечно, это уже далеко не те баре, каких знала прежняя феодальная эпоха. Это была замысловатая смесь дворянина и разночинца, когда старые барские претензии ещё живы были в

тическим <…> на самом деле, в своём абсолютном большинстве состояло из тавадов [т. е. аристократов] или же из лиц, близко стоявших к феодальной среде[18]. <…> На вооружении [этого] правительства были в основном громкие лозунги и революционно-демократические заявления, при этом оно оставалось сугубо феодальной конструкцией» (*Блиев 2006: 352*).

Все усилия правительства преследовали задачу не допустить «чёрный передел» — спонтанное присвоение крестьянами помещичьих владений. Пока официальный Тифлис находился в фарватере политики Берлина, он не шёл ни на какие уступки своему крестьянству и силой оружия подавил все его выступления. Ведь социал-демократическая республика без затей наклеила новый ярлык на старую бутылку. Изменились лишь названия. Прежними же остались

памяти. Их западнические симпатии и пристрастия спорили с «антибуржуазностью» и неистребимыми аристократическими замашками.

[18] Поясним, что лица занимавшие кресла министров в первой республике принадлежали к разным сословным категориям. В их числе было 6 дворян, 5 крестьян, 3 мещан и 2 поповичей. Заметим, что среди них напрочь отсутствуют представители буржуазного класса. К исключениям, можно отнести Иосифа Элигулашвили, еврея-эбраэли из Кутаиса, который занимал должность заместителя министра финансов и торговли. Определяющим, однако, было не социальное происхождение членов правительства, а их земляческие связи. Из 16 членов кабинета лишь 3 были уроженцами Восточной Грузии. Остальные являлись выходцами из западных регионов страны, которые стали главным источником пополнения кадровых резервов в столице. Похожую картину можно было наблюдать в Учредительном Собрании, где из 130 народных избранников 78 представляли Западную Грузию (*Makharadze 2020: 63*). «Это обстоятельство, — едко заметил очевидец, — дало повод одному обывателю сострить, что улицы Кутаиси поросли травой» (*Квинитадзе 1985: 380*). Нарушение баланса во власти между этнографическими группами грузин вызвало нарекания тех, кто считал себя и своих земляков обойдёнными при распределении благ. «В грузинском государстве, — читаем на страницах “Клдэ”, газеты картвельских традиционалистов, — всякую работу стремятся поручить приезжим из пары уездов Кутаисской губернии, а грузин Тбилиси находят совершенно негодными» («კლდე», 1919, 18 იანვარი, № 9). Сталин же сделал вывод, что «ошибка Жордания в том, что его правительство состояло почти исключительно из [его земляков] гурийцев и потому не пользовалось сочувствием в Восточной Грузии» (*Ленин 1979: 141*).

традиции власти. Уверенность же интеллигенции в том, что она служит делу прогресса, социализма и демократии, могла быть вполне искренней, но мера искренности не есть мера истинности. Она может отражать лишь глубину иллюзий.

Помещики брезгливо морщились от митингового характера плебейских ужимок меньшевистских вождей. Они, тем не менее, были готовы их терпеть, так как убедились, что ловкие манипуляции социал-демократов позволили удержать в узде крестьянские массы. Кроме того, стало известно о бессудных казнях заключённых повстанцев, убитых конвоирами якобы при попытке их к бегству[19]. Тем более что силовые ведомства всё более были склонны к насилию и жестокости, не опасаясь правовых последствий. Крутые меры, предпринятые министрами-социалистами, резко подняли их авторитет в глазах феодального дворянства.

Окрылённый расправой, учиненной над мятежными сёлами, нобилитет воспрял духом. Помещики в Душетском уезде стали требовать от своих бывших крепостных, чтобы те продолжали платить прежние подати и несли повинности в их пользу (*Джугели 1920: XX-XXI*). Дворяне же Горийского уезда даже пытались создать собственную вооруженную силу («чёрная сотня»), дабы собрать с крестьян оброк/«гала» (*Документы* 1919: 382).

Лидеры же социал-демократов старались балансировать и по возможности учитывать интересы помещиков, дабы ненароком не вызвать острого и безусловно опасного для страны конфликта интересов внутри грузинской социальной элиты. Однако, более открытое признание властями республики всех прежних дворянских привилегий, по заявлению Н. В. Рамишвили, также «вызвало бы анархию во всей стране» (*Документы* 1919: 384). Итак, благодаря искусному маневрированию на политическом поле вожакам социал-демократов

[19] პარლამენტის გარშემო // «შრომა», 1918, 18 აგვისტო. № 11.

удалось избежать худшего для нобилитета сценария событий и закрепить своё доминирование в стране.

* * *

Далеко не все суждения экспертов о первой республике, заметим, имеют исчерпывающий характер. Часто их нарратив ограничен лишь тем рядом событий и теми выводами, которые успели войти в официальный канон (*Janelidze 2018*). Этот шаблон подразумевает эксплуатацию наработанных годами штампов. В изложении этих авторов, Первая республика предстаёт как государство, основанное на стремлении её вождей воплотить в жизнь идеалы западной демократии. Однако между риторикой политиков и практическими их действиями часто пролегает огромная дистанция. Публикации подобные пафосному панегирику, вышедшему в свет из-под пера известного деятеля русского меньшевизма В. С. Войтинского (*Woytinsky* 1921), по сей день вводят иных, даже весьма искушённых исследователей в очевидное заблуждение. К примеру, в статье американского историка присутствует достаточно распространенное мнение, которое «республику меньшевиков» квалифицирует как «случайный пример демократического успеха» (*Суни 1994: 240*). Иные настаивают, что в ней была «создана прогрессивная для своего времени конституционно-правовая система, проводилась демократическая социальная политика, гражданские свободы обеспечивали как права индивидов, так и этнокультурные потребности национальных меньшинств» (*Анчабадзе 1999: 161*). Британский же автор резюмирует, что грузинские меньшевики «смогли создать прочную политическую демократию с многопартийной системой и свободными выборами (причём женщины получили право голоса). Они успешно провели широкомасштабную аграрную реформу. <…> В городах они создали систему социальной защиты и социального партнерства. <…> Их эксперимент показал, что социализм

возможен — и не только “с человеческим лицом”, но и с человеческим сердцем» (*Ли 2019: 11-12*).

При ближайшем рассмотрении общая картина оказывается отнюдь не столь уж розовой. Ведь экс-президент Грузии утверждал, что «подобного опыта здесь никогда не было, мы не понимали, что делать с демократией» (*Шеварднадзе 2009: 28*). Более того, в постсоветский период попытки реинкорнации демократической альтернативы потерпели очевидное фиаско. «Те, — пишет тбилисский политолог, — кто после “революции роз” сдуру начал говорить о “молодой грузинской демократии”, сегодня, всхлипывая, судорожно путаются в терминах где-то между “диктатурой развития” и “режимом авторитарной модернизации”» (*Мониава 2013*). Американский же эксперт обратил внимание на тенденцию регулярного сползания Грузии к авторитаризму. «Парламент, — отмечает он, — несмотря на короткие периоды дебатов и конкуренции, на протяжении большей части своей истории был форумом для одной доминирующей партии. В провинции же самоуправление выхолощено управляемыми выборами» (*Jones 2013: 8*). Очевидно, что в социал-демократической республике, где многое было основано на неформальных связях и перераспределении ренты, контекст был всё тот же. Успешная практика демократических институтов в Первой республике, полагаем, была бы крайне сомнительна. Она опередила бы местную социальную реальность, где есть перманентное «стремление сохранить уже давно отживший архаичный образ жизни» (*Аблотия 2021*).

Копирование внешних признаков западных стран, тем не менее, стало важной доминантой местной жизни. В конструкциях Н. Жордания и его соратников речь главным образом шла о симбиозе опыта французской парламентской республики и швейцарского кантонального самоуправления. Однако все эти институциональные инициативы, увы, были лишь красивой обёрткой, призванной продемонстрировать лидерам западного мира чисто внешнее сходство формируе-

мой в Грузии политической системы с уже устоявшейся в этих странах традицией управления. «В нашей стране, — пишет авторитетный политический эксперт, — нет укоренённых демократических институтов и привычки соблюдать демократические правила; этот дефицит отчасти уравновешивается стремлением быть частью Запада. Мы пониманием, что невозможно быть частью Европы без какого-то уровня демократии. Без этого фактора Грузия, скорее всего, была бы гораздо более авторитарным государством» (*Нодиа 2020*). Итак, игры в парламентаризм, на который отнюдь не было широкого внутреннего запроса, были затеяны в надежде, что они обеспечат поддержку со стороны Запада перед лицом экзистенциальных угроз со стороны России и Турции. Эта имитация демократических процедур призвана была придать налёт респектабельности гибридному режиму, прежде всего на внешнеполитической арене.

Исследования грузинских социологов достаточно ясно указывают, что «несмотря на декларативную ориентацию страны, на построение демократии и развитие институтов и структур гражданского общества, в Грузии, особенно в её регионах, сохраняется и воспроизводится строго иерархизированная властная вертикаль, которая легко подчиняет себе население, и, используя его пассивность, в первую очередь в ходе выборов, весьма успешно воспроизводит себя. На практике можно зачастую наблюдать примеры вполне средневекового клиентилизма, <...> причём феодальные по своему характеру отношения между "патронами" во властных структурах и их "клиентами" на деле ставятся выше декларируемых "демократических" законов и норм. Неудивительно, что преобладание таких отношений благоприятствует развитию коррупции, которая воспроизводится из поколения в поколение» (*Зурабишвили 2003: 43*). Таким образом, «ментальная революция», которая должна была сопровождать структурные преобразования, пока ещё не состоялась. Об этом же пишут трезвые комментаторы, вспоминая короткий опыт

Первой республики. «Сто лет спустя, — сообщает о текущем положении дел в своей стране тбилисский политолог, — мы удивительным образом вновь пришли к фасадной демократии» (*Мониава 2018*). Другой же политический эксперт попытался более глубоко проникнуть в суть проблемы. Надо «понимать, — рассуждает он, — всю феодальную сущность местной власти и то, что некоторое подобие демократии, которая у нас присутствует — не более чем ширма» (*Аблотия 2020*). Кроме того, перенимая у Запада формальные институции, в Грузии неизбежно наполнили их местными неформальными практиками. В похожем контексте освещает проблему греческий политолог, который увидел стойкие квазифеодальные отношения внутри современного грузинского социума. «Это страна, где политика заключается в лидерстве, а не в представительстве. <...> Это политическая система феодального типа, где сети "патрон-клиент" являются основным средством достижения власти. <...> Грузинскую демократию можно уподобить плюралистическому феодализму» (*Roubanis 2009*). Тем более что эту традиционную систему не удалось разрушить прозападным реформаторам — инициаторам «революции роз», так как она проявила удивительную живучесть и способность к регенерации.

Было бы крайне наивно полагать, что Грузия в 1918 году в одночасье, будто по мановению волшебной палочки, преобразилась бы из феодальной периферии в страну универсальной социальной эволюции эпохи модерна. Напротив, дворянские круги искали оптимальные формы защиты неофеодальной системы от посягательств на неё со стороны плебейских масс. В итоге выбор был сделан в пользу «социал-демократической республики», с её имитацией электорального парламентаризма. Она, прежде всего, была подчинена стратегической задаче: удержать крестьянскую оппозицию от серьезной борьбы с неофеодальной системой. Она же позволяла сохранить некоторые иллюзии демократического процесса, которые очень важны были для меньшевистского режима в его играх с

проблемными группами населения, которые таким образом в значительной мере были дезориентированы. Власти постоянно жонглировали терминами «демократия», «социализм», «конституция» и т. п. Они экспериментировали с механизмом политических манипуляций, добиваясь нейтрализации недовольства в гуще рядовых граждан созданием всё новых иллюзорных надежд для них. «Демократический путь, — пишет немецкий социолог о переломной эпохе модерна, — стал теперь единственно возможным маршрутом в движении к новому господству старой аристократии» (*Михельс 2000: 109*).

Важной подушкой безопасности для правящей системы была электоральная тема, буфер, который на время нейтрализовал бóльшую часть недовольства. Пресса сообщала, что «выборы проходят довольно вяло. Везде и всюду заметен значительный абсентизм населения. В выборах принимают участие 20–30 % общего числа населения»[20]. На этом унылом фоне партийный список социал-демократов, который в первой республике неизменно регистрировался под № 1-м (*First elections 2017: 65*), продемонстрировал аномально высокие результаты. Если на выборах в тифлисское муниципальное самоуправление в августе 1917 г. социал-демократы получили 50 из 120-ти депутатских мест (*Jones 2005: 259*), то в феврале 1919-го они заняли уже 69 из 90 кресел в столичном собрании — «сакребуло» (ჯანელიძე/დაუშვილი/ხოსიტაშვილი 2019: 24-31). Теперь можно лишь гадать, каким образом могло тогда повлиять на итоговые цифры электоральной кампании лишение права голоса 54,55% жителей Тифлиса. Так, 60 тысяч из числа 110 тысяч избирателей столицы были произвольно вычеркнуты из списков (*Ментешашвили 1987: 111*).

В провинциальных муниципалитетах меньшевики застолбили такие же прочные, близкие к монопольным, позиции. Тбилисский автор ныне высказывает серьёзные сомнения по поводу триумфальных, от 70 до 98 процентов, якобы собран-

[20] «Борьба», 1918, 10 августа. № 140.

ных в пользу социал-демократического списка. Это касается особенно периферийных уездов Ахалциха и Ахалкалаки (ხვადაგიანი 2017: 160, 174-175). В регионах, где люди испытывали жесточайшие тяготы и лишения от свирепствовавших там войн, голода и эпидемий (*Маилян 2013*), такие результаты чистая профанация. «Грузинский народ, — читаем в прессе того времени, — совершенно не оправдал общих ожиданий и к выборам отнёсся индеферентно. Не проявил к ним никакого интереса и в своей массе участия в выборах не принял. Видимо, народ во многом разочаровался, устал, проникся недоверием к мероприятиям правительства»[21].

Формально все граждане, имеющие право голоса, могли отдать его за кого угодно. Это на словах. На деле же всё могло обернуться иначе. Доминируя в правительстве, меньшевики организовали выборы, но таким образом, чтобы у оппозиции не было никакого шанса добиться внушительного успеха[22]. Так, газета федералистов «Сахалхо-Сакме» прямо утверждала, что итоги муниципальной кампании были грубо подтасованы в пользу социал-демократов. Заранее подобранные ими члены избирательных комиссий сами якобы вбрасывали бюллетени в урны, а затем фальсифицировали протоколы[23].

В наличии были все видимые элементы демократии, за одним исключением — исход выборов, как правило, был предопределен, а от политических настроений рядовых избирателей практически ничего не зависело. Причём выборы были тайными лишь отчасти, так как в отдалённых деревнях подача голосов нередко производилась открыто, что давало широкую возможность для манипуляций. Так, в Ахалкалакском уезде 94,93% электората якобы использовало своё право голоса. Историк Иракли Хвадагиани, автор предметного

[21] К земским выборам// «Грузия», 1918, 4 сентября. № 2.
[22] ერობის არჩევნები ახალქალაქის მაზრაში //«ერთობა», 1920, 9 ივლისი. № 153.
[23] სოციალ-დემოკრატების პოლიტიკა // «სახალხო საქმე», 1918, 22 ოქტომბერი. № 363.

исследования, обосновано сомневается в столь высокой активности избирателей (ხვადაგიანი 2017: 160). Взяв в руки вертикаль власти, социал-демократы похоже не чурались случаем использовать её ресурс в своих электоральных интересах. В Джавахетии они, очевидно, грозили различными карами тем жителям, кто отдаст свой голос не в их пользу[24]. Мемуарист пишет, что члены участковых комиссий ловко дурачили деревенских жителей, видя их неграмотность. Им выдавали лишь бюллетень СДРПГ (список № 1), если избиратель не догадывался требовать иного. Кроме того, в мусульманских сёлах Ахалцихского уезда ни одна женщина не приняла участия в выборах, вместо них голосовали главы семейств (Սիմոնյան 2019: 132). «Нарушений выборного закона, — рассказывает очевидец событий, — было не перечесть. <…> Согласно протоколам, на некоторых участках участвовали в голосовании сто процентов населения. Такое поголовное участие в выборах фактически невозможно. Не стоит объяснять почему. А в Абхазии, где очень большое количество абхазцев уклонялось от выборов, таких участков было несколько» (*Демьянов 2021: 112-113*).

Всегда есть та часть электората (как, наверное, в любой стране с вертикальным контролем), которую можно запутать либо запугать. Там, где в глубинке с убедительным перевесом голосов победили социал-демократы, случалось накануне отметится их парамилитарной милиции[25]. Характерно, что

[24] Վրաստանի Սահմանադիր ժողովի ընտրություններն Ախալքալաքում //«Նոր Աշխատավոր», 1919, 6 սեպտեմբերի:

[25] «Тбилисский совет рабочих, — рассказывает Акаки Рамишвили, — назначил отъявленного бандита Володю Гогуадзе начальником автотранспорта и бронепоездов. Когда Володя Гогуадзе подходил к грузинскому селу, он стрелял из пушек по крестьянским домам. Таким образом, бедные деревенские жители знали, что должны немедленно дать ему много еды и выпивки, иначе они прокляли бы свою судьбу. <…> Наши честные рабочие постепенно превратились в разбойников. <…> Надо признать, что за всю нашу историю грузинский народ никогда не имел такой постыдной военной силы» (*Ramishvili 2006: 111*).

угрозы и акты насилия по отношению к членам нежелательных групп («Дашнакцутюн» и др.) зачастую происходили как раз в ходе реализации электоральных процедур[26]. Бюллетени, отданные в пользу кандидатов неугодных партий, вооруженные народогвардейцы рвали в клочья и побуждали избирателей голосовать за социал-демократов[27]. Самим же активистам соперников СДРПГ дюжие народогвардейцы обешали «выпустить кишки», а бывало, что и били прямо на избирательных участках. Напомним, что имитация лишь демократических процедур без гражданских свобод и их гарантий для всех сторон — это потенциальная диктатура.

«Наши [народо]гвардейцы фактически освобождены от всякой ответственности перед законом»[28], — жаловались на страницах тифлисской печати. Ведь, они «себя считают выше всех законов. Нет никаких гарантий, что распоряжение законного учреждения пройдет в жизнь; всё зависит от того, как на это посмотрит [народная] гвардия»[29]. *По свидетельству очевидца, народная гвардия «быстро превратилась в преторианцев. <…> [Её] боялись трогать. Она доминировала в государстве. Гвардия была учреждением, в руках которого находилась фактическая власть в государстве»* (Квинитадзе 1985: 8, 205). *Вопреки устоявшимся стереотипам не верить этим свидетельствам оснований нет.*

Пресса сообщала, что «местная администрация всюду активно вмешивается в избирательную борьбу, так как все комиссары и милиционеры сплошь состоят из социал-демократов»[30]. Эксперт Стивен Джонс пишет, что «в некоторых районах наблюдалась подозрительно высокая, 100% явка избирателей». Так как «избирательные комиссии и местные органы власти контролировались социал-демократами, — делает вывод цитируемый американский автор, — это

[26] Դրությունը Դուշեթում // «Յառաջ», 1919, 18 փետրվարի:
[27] Выборы в Сигнахе// «Народное знамя», 1919, 9 марта. № 40.
[28] «საქართველო», 1920, 12 ნოემბერი. № 146.
[29] «საქართველო», 1920, 24 დეკემბერი. № 174.
[30] Выборы в Учредительное собрание // «Грузия», 1919, 13 февраля. № 34.

побудило их сфальсифицировать результаты» (ჯონსი 2018: 46).

Итак, на первых в истории Грузии собственных парламентских выборах в феврале 1919 г., СДРПГ тримфально набрала наибольшее число голосов избирателей, что позволило ей сформировать крупнейшую партийную фракцию. В итоге, возникла «полуторапартийная система», когда СДРПГ стала располагать в Учредительном Собрании квалифицированным большинством в 109 мест из 130-ти, достаточным для единоличного принятия любых решений без учёта мнения иных фракций (კაჭარავა / დაუშვილი 2012: 23). Другим партиям пришлось довольствоваться ролью хронической оппозиции в парламенте. Тогда как, по мнению очевидца, «заседания этого законодательного учреждения были простой формальностью» (*Квинитадзе 1985: 380*). Праворадикальный политик Григол Вешапели полагал, что социал-демократы создали «неписанную конституцию», а их партийная верхушка заменила собой «правительство, Учредительное собрание и республику» (Janelidze 2022a: 4).

Таким образом, правящая партия создала не парламентскую республику, а максимально комфортную для себя гибридную систему. На первый взгляд все демократические атрибуты были в наличии, но при ближайшем рассмотрении выборность и самоуправление — всё это оказалось бутафорией. «Поэтому, — как пишет Акаки Рамишвили, — оппозиция могла убедиться, что её взгляды никогда никем не учитывались» (*Ramishvili 2006: 83*). Это была республиканская форма без демократического содержания.

Кроме того, создавались помехи для участия в выборах как самих этнолингвистических меньшинств, так и для баллотировки корпоративных списков их кандидатов. Бакинский правительственный вестник утверждал, что летом 1918 года во время земских выборов в Борчалинском уезде (регион Квемо-Картли) власти не допустили участия в них местного

мусульманского населения. Они объясняли это тем, что тюрки находились в то время на своих сезонных кочевьях. По мнению же очевидцев, их просто не поставили в известность[31].

Известно, что этнические сваны ходатайствовали о своей собственной депутации в парламенте страны, но не получили отдельного представительства[32]. Его не оказалось также у русских. Авторитетные же лица из числа евреев-*эбраэли,* от имени соплеменников сами отказались от выделенных им кресел, мотивируя свою позицию вековым родством с грузинами[33]. Это сепаратное заявление вызвало их громкую перепалку с сионистскими кругами («Поалей Цион»/«Рабочие Сиона» и др.), влияние которых было заметным в среде тифлисских евреев-*ашкенази*[34]. В итоге, сионисты были исключены из местного политического мейнстрима и стали агитировать соплеменников за эмиграцию в Палестину.

В феврале 1919 года население периферийных регинов (Самцхе/Месхетия, Джавахетия/Джавахк, Борчало/Ташир, Самачабло/Южная Осетия, Сванетия и Абхазия) не привлекалось к участию в электоральной кампании для выборов в Учредительное Собрание[35]*. Лишь на состоявшихся в этих районах в августе 1919 г. и марте 1920 г. довыборах получили возможность провести в УС своих депутатов АРФ «Дашнакцутюн» (3 места) и Национальная партия (2 места).*

Во фракцию СДРПГ в УС были включены специально подобранные люди, которые должны были показать представительство армян (4), русских (4), абхазов (3), осетин (2), евреев-эбраэли (2), немцев (2), греков (1) и тюрков (1). Подмена выглядела столь неуклюже, что в грузинской прессе («Ахали Сакартвело»/«Новая Грузия», 1919, № 3) эту назначенную властями креатуру насмешливо обозвали «манекена-

[31] «Азербайджан», 1919, 20 июня. № 126.
[32] Местная жизнь: делегация Сванетии // «Грузия», 1919, 15 февраля. № 36.
[33] Хроника: грузинские евреи// «Кавказское слово», 1918, 11 октября.
[34] Хроника: протест евреев // «Кавказское слово», 1918, 12 ноября.
[35] Парламент Грузии // «Закавказское слово», 1919, 4 февраля. № 14.

ми» и «меньшевистской симуляцией»[36]. По замыслу вожаков правящей партии в своём большинстве эти статисты призваны были продемонстрировать учёт интересов других этнолигвистических групп, помимо картвелов.

Кстати, пять женщин также получили депутатские мандаты по списку СДРПГ (ორემაძე 2021: 16). Остальные же фракции не проявили инициативы в этом вопросе и остались на традиционных гендерных позициях.

Таким образом, целый ряд элементов демократии, которые присутствовали в политической системе Первой республики, скорее всего, имели имитационный характер. Ведь «аристократия удерживает за собой политическую власть не через парламент, — пишет немецкий ровесник событий, — а иными путями. Для этого ей достаточно традиционных зависимостей, семейных связей, интриг, земельной собственности, господствующего положения в армии. Однако в декоративных целях и для того, чтобы повлиять на общественное мнение и склонить его на свою сторону, т. е. в качестве превентивной меры, ей всегда необходимо вызывающее уважение представительство в парламенте» (*Михельс 2000: 110*). Кстати, 38 депутатов (29%) Учредительного Собрания Грузии официально принадлежали к аристократии (*Deputes 2022а*), из них 8 князей и 16 дворян были членами фракции СДРПГ (*Deputes 2022б*). Впрочем, целый ряд парламентариев происходили из столь оскудевших семей азнауров, что были приписаны к другим сословиям. В том числе Бениа Чхиквишвили, который в 1902-1906 годах являлся одним из вожаков аграрного движения в Гурии (*Makharadze 2020: 8*).

Итак, добившись формальной победы на парламентских и муниципальных выборах, меньшевики установили фактический диктат своей партии, что позволило им провести консолидацию власти и выстроить её вертикаль, подчиненную интересам определённых патронажных групп.

[36] Վրաց կյանք // «Նոր Աշխատավոր», 1919, 18 հուլիսի:

Хотя в ЦК СДРПГ тон задавали гурийцы (Силибистро Джибладзе и др.), его состав отнюдь не выглядел монолитным. В нём присутствовала влиятельная группа «правых» (Н. Рамишвили, А. Чхенкели и др.), которые, «как люди дела, игнорировали марксизм» (*Ramishvili 2006: 83, 123*). Рядовой же актив продолжал в своей массе сочувствовать левой повестке, которая для них сохраняла свою привлекательность. Поэтому Н. Жордания нашёл для себя полезным войти в тактический альянс с рекрутированными из плебса «левыми» социал-демократами, под контролем которых находились штабы «народной гвардии». Вместе они демонстрировали свою сплочённость в отношении внешней среды.

Другие партии оказались на периферии политического спектра. Из них лишь НДП имела достаточный ресурс, дабы открыто оппонировать социалистическому проекту. Её лидер Нико Николадзе публично заявил, что в Грузии «социализм не создал ничего, кроме демагогии и деспотизма»[37]. Эта партия, по оценке газеты «Шрома», возникла из «двух социальных групп — феодальной и буржуазной, первая из которых уже обречена историей, вторая же ещё не встала из колыбели»[38]. По мнению профессора истории Отара Джанелидзе, НДП отражала взгляды аристократии, мещанства, интеллигенции, духовенства, генералов и части офицеров, т. е. 10% населения страны, для которых были характерны консервативные и традиционные взгляды (ჯანელიძე 2018b: 73). Актив НДП называл себя грузинскими националистами и напрочь отвергал марксистскую доктрину (ჯოცირიძე 2017: 41).

«У национал-демократов, — говорит очевидец событий, — была программа, амбиция, жажда власти, но народная масса за партией не шла» (*Цагурия 2017: 22*). Тому причиной, пожалуй, были взгляды её вожаков на аграрный вопрос. Они соглашались отдать крестьянам их наделы в собственность

[37] ნიკო ნიკოლაძის სიტყვა // «ჩვენი ქვეყანა», 1919, 5 ნოემბერი. № 193.
[38] ეროვნულ-დემოკრატები და სოფელი// «შრომა», 1918, 13 სექტემბერი. № 28.

лишь после уплаты ими выкупных платежей помещикам (ირემაძე 2021: 30). Социал-демократы, напротив, решили эту проблему в пользу деревенской бедноты. Таким образом, НДП, кроме крупной части нобилитета, на селе поддерживал лишь кулацкий элемент, который и так являлся собственником земли. Со слов же премьера, «социал-демократы систематически наталкивались на непримиримую оппозицию национал-демократов» (*Жордания 1968: 98*). Отметим, что ряд серьёзных трений между фракцией «левых» меньшевиков (В. Джугели и др.) и активом НДП, судя по фактам, действительно имели место. Между тем они касались лишь тактических вопросов. Депутат от НДП А. Асатиани утверждал, что оппозиция его фракции была «деловой и конструктивной. Она не уклонялась от сотрудничества с правящими социалистическими силами» (*Janelidze 2022б: 6*). НДП резко негативно отзывалась лишь на популистскую риторику «левых» меньшевиков и полагала, что она идёт во вред национальной повестке. Было ясно, что с момента обретения Грузией самостоятельности в 1918 году стратегические цели у «правых» меньшевиков (А. Чхенкели и др.) и НДП во многом стали совпадать. Кстати, визуальная агитация праворадикальной оппозиции (см.: «Сали Клдэ», 1919, № 31) изображала СДРПГ и НДП в качестве партийного тандема (*First elections 2017: 79*). Формального партнерства, заметим, между ними конечно же не было. Закулисные контакты, впрочем, имели место. Так, лагерь правоцентристов очевидно увидел в Ное Рамишвили близкого к себе человека, который не разделяет теории марксизма. С их стороны к нему поступило предложение занять место во главе электорального списка НДП (*Ramishvili 2006: 91*). Этот альянс, как известно, не состоялся, так как был чреват расколом СДРПГ. Интрига, напротив, позволила Рамишвили резко усилить свои позиции в правительстве. Премьер Жордания согласился, чтобы он с марта 1919 года наряду с МВД возглавил также военное министерство (*Bechhofer 1921: 54*).

В январе 1919 года общими голосами фракций СДРПГ и НДП в Парламенте было подтверждено право частной собственности на землю. Тем самым, кроме поощрения капитализма в деревне, в первой республике с политической повестки дня, по сути, был снят вопрос о ликвидации мелкого дворянского землевладения в Грузии. Таким образом, был достигнут определённый баланс между интересами «модернизаторов» и «традиционалистов».

Издаваемая в Кутаисе газета «Чвени квекана»/«Наша страна», которая выражала взгляды оппозиции, радостно встретила это событие, оценив его, как решение проблемы «по программе национал-демократической партии»[39]. В прессе её спикеры с восторгом провозглашали, что «таким образом, потерпело поражение социал-демократическое направление, т. е. так называемый марксизм»[40].

Тем более что грузинские социал-демократы подрастеряли в немалой степени свой былой политический багаж. «Шаг за шагом они отступали от своих предвзятых идеологических позиций, — не без патетики говорит американский профессор, — прикрывая каждый раз своё отступление диалектическими формулировками, предназначенными поддержать собственный слабеющий дух» (*Kazemzadeh* 1951: 184). Действительно, Н. Жордания и круг его ближайших сподвижников, после достижения в 1918 году самоопределения Грузии, быстро избавились от своего прежнего революционного имиджа. «Банкротство и распад русского социализма, — пишет в разгар событий публицист Геронтий Кикодзе, — способствовали самоопределению грузинских меньшевиков, их возвращению к традициям своего прошлого, то есть к традициям Месаме даси»[41]. Таким образом, всё более

[39] «ჩვენი ქვეყანა», 1919, 24 იანვარი. № 1.
[40] «ჩვენი ქვეყანა», 1919, 29 იანვარი. № 5.
[41] ქიქოძე გ. ნოე ჟორდანია და სოციალიზმის ნაციონალიზაცია //«საქართველო», 1917, 9 დეკემბერი. № 268.

прорисовывалось очевидное несоответствие программных этикеток и подлинной позиции вожаков меньшевистской партии. Они дистанцировались от привычной марксистской ортодоксии и обнаружили идейное родство с традиционалистскими кругами. Как вспоминал очевидец, идея оживить меньшевизм через национализм, стала заветной мечтой Н. Жордания (*Амирэджиби 1935: 12*).

На взгляд свидетелей событий, акцентируемые ранее различия между СДРПГ и НДП постепенно стушевались (*Ишханян 1919: 17*). Этот важный факт был зафиксирован на страницах прессы. НДП, посредством своего печатного органа «Сакартвело», заявило: «В аграрном вопросе социал-демократы <…> отвергли социализацию, муниципализацию, национализацию и приняли принцип частной собственности. Более того: они приняли принцип продажи земли. После этого, между национал-демократами и социал-демократами по аграрному вопросу нет никакого противоречия»[42].

Итак, лидеры «правых» меньшевиков, у которых было много общего с НДП (*Ramishvili 2006: 99*), начали солидаризироваться и в ряде важных вопросов чуть ли не открыто проводить политическую программу «молодых иверийцев», идейных наследников Ильи Чавчавадзе. «Место дворянских идеологов, — пишет очевидец, — заняла социал-демократическая партия, а [рупор аристократов] “Закавказскую Речь” заменила официальная “Борьба”» (*Ишханян 1919: 29*). В пользу этого, пожалуй, свидетельствует выражение фракцией НДП в Учредительном собрании (1919 г., март) вотума доверия правительству Н. Н. Жордания – Н. В. Рамишвили (*Silogava/ Shengelia* 2007: 220).

Это правительство поначалу можно было смело критиковать не только на кухне, но и на улице, в газетах, в парламенте. Ситуация вскоре стала не столь однозначной. «В нашей демократической республике, — как утверждали на

[42] «საქართველო», 1919, 19 იანვარი. № 14.

страницах грузинской газеты “Сакартвело” (1919, № 161), — не могут жить свободно те люди, которые не думают и не действуют так, как требуют того интересы и настроения правящей партии. <…> Опасно говорить, опасно писать. Нет никаких гарантий для гражданской свободы»[43].

Премьер Жордания угрожал, что «в пределах Грузии не будет выходить ни одна газета, будет ли она русская, армянская или другая, которая не будет стоять решительно на почве независимости Грузии» (Махарадзе 1921: 20). *Пожалуй, эта была уловка, которая по сути вводила де-факто негласную цензуру и должна была пресечь тиражирование нежелательной для властей информации. Такая формулировка открыла широкий простор для административного произвола, когда раздражённые критическими публикациями чиновники оказывали давление на прессу*[44]. *Это фактически обозначило конец любой дискуссии. О чём можно говорить, когда нежелательная критика власти может расцениваться как подрыв государства? Тут уж становится не до принципов свободы слова. Более того, простым распоряжением МВД временно приостанавливало издание ряда грузинских оппозиционных газет («Сакартвело»*[45] *и др.). Под полный запрет попала альтернативная социалистическая пресса («Социал-Демократ», «Знамя революции», «Знамя социализма» и др.), печатные органы РСДРП и РПСР*[46]*, с формулировкой: «за систематическую агитацию против независимости Грузии»*[47]. *«Те газеты, – вспоминал премьер, – как русские, так и армянские, которые не признавали нашей независимости, мы закрыли и не дали права выходить»* (Жордания 1968: 101). *Опечатывались редакции («Тифлисский листок» и др.) и типографии, изымались запасы дефицитной бумаги изгонялись за пределы страны неугодные журналисты. Наконец была введена предварительная цензура. В газетах появились белые полосы. «Свобода печати, — сокрушается*

[43] Վրաց կյանք՝ ճնշումներ մամուլի և խոսքի ազատության դեմ // «Նոր Աշխատավոր», 1919, 5 օգոստոսի: № 156.

[44] თვითნებობა და სასამართლო // «საქართველო», 1919, 25 სექტემბერი. № 207.

[45] გაზეთ «საქართველოს» დახურვა // «ახალი საქართველო», 1920, 11 დეკემბერი. № 1.

[46] Լրատու//«Աշխատավոր», 1919, 15 նոյեմբերի: № 242.

[47] «Кавказское слово», 1919, 15 июня. № 115 (67).

мемуарист, — была сведена на нет. Да, вообще, заодно с нею и все другие свободы» (Демьянов 2021: 47). *Один из очевидцев говорит, что немало вопросов внутренней жизни страны решались тогда устрашением и арестами* (Квинитадзе 1985: 336). *Так, некто К. Туманишвили был подвергнут тюремному заключению, после того как на заседании кабинета министров публично обвинил премьера в кумовстве и непотизме*[48].

Очевидно, что нарастающие как снежный ком социально-политические и экономические проблемы правительство старалось компенсировать всё возрастающим жестким контролем и воспроизводством присущих ещё периоду господства самодержавия полицейско-бюрократических архетипов. «Его метод — это устрашение, — говорит о Н. В. Рамишвили участник событий, — а арест есть всегдашний его способ разрешения всяких трудных вопросов» (*Квинитадзе* 1985: 53). Однажды Ной Рамишвили, сообщает мемуарист, пригласил к себе в министерство представителей столичной прессы и произнёс перед ними речь, очень грозную, в которой запугивал их карами. Суть её сводилась к разъяснению того, что можно публиковать в газетах, а чего он печатать не допустит (*Демьянов 2021: 68*). Итак, когда даже умеренная оппозиция жаловалась на «меньшевистскую диктатуру» она, по мнению британского профессора, имела для этого все основания. Ведь власти «подавляли, часто беспощадно, оппозицию этнических и политических диссидентов. К негрузинам относились с особым подозрением» (*Шанин 1997: 419*).

Летом 1918 года был образован т. н. «особый отряд», силовая структура для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией[49]. Он занимал центральное положение в системе МВД республики. Шефом этой политической полиции был жандарм со стажем Меки Кедия[50]. Аппарат же её был напичкан

---

[48] Хроника: Оскорбление председателя правительства // «Борьба», 1920, 13 октября. № 232.

[49] «საქართველოს რესპუბლიკა», 1918, 31 ივლისი. № 6.

[50] კედია მელქისედეკ (მექი) მიხეილის ძე//ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 220.

членами социал-демократической партии, после чего он стал запросто выступать в роли меньшевистской службы безопасности. Разумеется, что подрывная деятельность большевистских ячеек представляла наибольшую опасность для режима. Агенты «особого отряда» успешно вскрывали и громили большевистское подполье. Одним из самых громких их дел стал арест в полном составе коммунистического ВРК, чем было сорвано масштабное антиправительственное вооруженное выступление в октябре 1919 года (*Воспоминания 1957: 96*). Власти нередко прибегали к крайним мерам и передавали обвиняемых в политических преступлениях военным трибуналам, где основным наказанием была смертная казнь. Там, сообщает мемуарист, «дела решались по полицейским протоколам и без вызова свидетелей. Защиты [адвокатуры] в этом суде не допускалось. <…> То, что делали в этом отношении в [меньшевистской] Грузии мало чем отличалось от того, что делалось в советской России» (*Демьянов 2021: 79*). Дабы подавить вспыхнувший осенью 1919 года просоветский мятеж пришлось расстрелять 300 и заключить в тюрьму тысячу инсургентов. В 1920 году отбывали наказание 224 узника, которых осудили по политическим обвинениям (*Рейфилд 2017а: 251, 253*). Разумеется, эти цифры, в сравнении с массовыми казнями в застенках ЧК в ходе ленинской кампании «красного террора», выглядят сущей мелочью. Таким образом, благодаря репрессивному аппарату, хаотические попытки левых экстремистов вызвать в Грузии революцию по «русскому образцу», удалось не без труда задавить. Напротив, криминальная обстановка в стране оставалась напряжённой. Жёсткие меры против противников режима, однако, «нисколько не мешали ни грабежам, ни воровству, ни даже убийствам» (*Демьянов 2021: 71*).

Обращаясь к депутатам Н. Жордания указывал, что «у нас никто не хочет соблюдать законы, не только чиновник, но и гражданин. Нужно создавать дисциплину, а для этого

необходима твёрдая рука»[51]. Это признание говорит, пожалуй, о намерении правящей верхушки вскоре отказаться от ритуальной демократии. Она, видимо, уже превратилась для них в лишнюю обузу.

Структура власти Первой республики представляла собой «удивительную картину иерархии. На вершине пирамиды находился Ной Жордания, ниже — партийное бюро, затем фракция меньшевиков в парламенте, затем правительство Грузии и, наконец, Учредительное собрание» (*Ramishvili 2006: 119*). В условиях социального кризиса, отсутствия демократических навыков, патерналистская среда благоприятствовала зарождению вождизма. «Жордания, — пишет свидетель событий, — главная пружина всей политической жизни Грузии; без него ничего не делалось, он давал тон всему. <…> Всё в Грузии, как бы, держалось именем Жордания. В самом деле, он был нечто вроде грузинской иконы, которую выставляли на показ, на молитву и преклонение. Ной Жордания был олицетворением Грузии и, по-видимому, никто не хотел, да и никому в голову не приходило, умалять значение его личности в Грузии» (*Демьянов 2021: 52, 55*). Таким образом, режим постепенно был институционализирован вокруг одного человека — Ноя Жордания, который в разной степени, но контролировал все основные рычаги власти. Вспоминая о визите делегации европейских социалистов (Эмиль Вандервельде и др.) очевидец сообщает, что они посетили главные учреждения республики «и всюду Жордания принимал их как председатель. Знатные гости кивали головой и не понимали: в чём дело? <…> Так и уехали от нас, не поняв, что за грузинский богдыхан был господин Жордания» (*Амирэджиби 1937а: 34*). Факт, что вокруг личности Ноя Николозовича начал образовываться культ вождя, когда он приобрёл статус лидера «национального фронта». Так, его портреты стали обязательным

[51] Учредительное собрание//«Слово», 1920, 7 января. № 5.

атрибутом пропаганды: развешивались в учреждениях, изображались на знамёнах и транспарантах. Более того, именитому скульптору Якобу Николадзе была заказана мраморная статуя премьера. Её намеревались установить в зале заседаний парламента[52]. В контексте таких знаковых трендов возникновение персоналистского режима, пожалуй, было уже лишь делом времени. Ведь запрос на харизматиков является устойчивой исторической тенденцией в Грузии. Даже в период постмодерна он куда выше, чем, скажем, в странах западной цивилизации. Это скорее восточная традиция, опирающаяся на патерналистскую субкультуру. Другое дело, что надежды, вкладываемые в харизматических лидеров (к примеру, Звиад Гамсахурдия, Аслан Абашидзе, Михаил Саакашвили и др.), не оправдывают себя.

«Широко распространено мнение, — пишет авторитетный тбилисский политолог, — что, если бы Грузия благополучно пережила 1921 год, игры в демократию вскоре закончились бы приходом к власти стандартного по тем временам диктатора» (*Мониава 2018*). Тем более что некоторые кандидаты на эту роль вполне успели показать себя на практике. По словам писателя и члена ЦК НДП Геронтия Кикодзе: «В правительстве Грузинской демократической республики самой значительной фигурой был министр внутренних дел Ной Рамишвили. Этого худощавого человека никогда не видели с улыбкой на лице. Энергичное движение его руки, лаконичный повелительный стиль и угрюмое выражение лица выдавали в нём диктатора. Он очистил Тбилиси от последних остатков армянской буржуазии, жёстко погасил восстания, организованные большевиками, заставил Учредительное собрание узаконить смертную казнь» (*Эбралидзе 2016*). В среде соратников особо ценились волевые качества в характере главы МВД. Он так органично вошёл в роль эффективного

[52] ნ. ჟორდანიას ქანდაკების პროექტი // «საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 20 ივლისი. № 160.

кризис-менеджера, что снискал для себя репутацию «железного министра» (*ჯანელიძე 2015: 24*). «Рамишвили, — пишет о нём очевидец событий, — известный поклонник немецких методов. Он много сделал, чтобы пруссачество стало инструментом власти. Его личное соперничество с [главой МИДа] Гегечкори было одним из движущих мотивов грузинской политики» (*Bechhofer 1921: 57*).

Авторитарные замашки проявились также у крайне влиятельного Валико Джугели, начальника штаба «народной гвардии». Его голос, вспоминал очевидец, уже «звучал диктаторскими нотами», тем более что, как казалось, реальная «власть в государстве, фактическая, была в его руках» (*Квинитадзе* 1985: 371, 380). Кстати, ещё немаловажная деталь. Джугели всячески ратовал в пользу социалистического выбора (*Джугели 1920: 140*). Прежде он был верным ленинцем, а затем круто переменив свои знамёна, Джугели внезапно примкнул к «левым» меньшевикам (*Джугели 1920: 3; Жордания 1968: 74*). Он, по всей видимости, принадлежал к одной из разновидностей национал-большевизма. Подчинённая ему «народная гвардия» устраивала реквизиции и облавы в зажиточных районах столицы, а задержанных в ходе этих акций тифлисских «буржуев» отправляли на принудительные работы (*Жордания 1968: 97; Квинитадзе 1985: 252; Демьянов 2021: 80*). Явления такого порядка, тем не менее, тогда не приобрели определяющего значения. Однако надо учитывать общие тенденции.

Впрочем, местная версия несоветского социализма, отнюдь не выглядела отталкивающей в Грузии. Побывавший здесь видный британский лейборист Томас Шоу заявил, что она «истинно социалистическая страна»[53]. Тем паче на фоне тоталитарной и откровенно делающей свою основную ставку на неограниченное насилие большевистско-комму-

[53] პირველი სოციალისტური სახელმწიფო // «საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 28 დეკემბერი. № 296.

нистической системы. «В том, что диктатура партии меньшевиков в Грузии не совпадала с тем, что большевики называли диктатурой пролетариата, — пишет исследователь вопроса, — не может быть никакого сомнения» (*Kazemzadeh 1951: 196*). Важно, однако понимать, что различия между этими двумя версиями в их патерналистской основе носили достаточно номинальный характер. Ведь вышедшие из пропитанной патернализмом среды национал-революционеры, никак не противодействовали формированию авторитарного режима парафеодальной этнократии[54]. Более того, они попытались воспользоваться возникшей конъюнктурой и выступили в качестве его главных индукторов. Они дорожили своим местом в системе. Они стали частью этой системы.

Режим Первой республики, разные проявления которого мы можем наблюдать на примере множества красноречивых фактов, скорее всего, на наш взгляд, подпадает под категорию «имитационная демократия» («управляемая демократия»). Главным в ней, как правило, является то, что эта политическая система опирается лишь на одну доминирующую группу, прочие носят сателлитный характер. При таком режиме невозможны выборы, на которых носитель власти может проиграть. Впрочем, в представительных органах, как правило, присутствуют иные партии. Ведь, авторитарный режим «санации» внедрённый в 1926 году в Польше «начальником государства» и экс-социалистом Юзефом Пилсудским, провозглашавшим тезизы о крепкой власти, терпел многопартийность и электоральные процедуры (*Матвеев 2015*).

Со временем, по-видимому, можно было ожидать деградацию в Грузии из очень слабой имитации парламентской демократии, сначала к диктату авангардной партии, а

[54] Этнократия, представляет интересы не всей, а лишь незначительной части «титульной» национальности. Таким образом, это не господство всего этноса в прямом смысле этого слова, а социально-политическая гегемония некой группы, вышедшей из недр этнической элиты. Она захватывает власть в стране как бы от имени «своего» народа, одновременно культивируя урапатриотизм, цинично эксплуатирует его национальные чувства.

затем уже к режиму «сильной руки». Таким образом, идеализация меньшевистских вождей в либеральной историографии не выдерживает никакой критики при сопоставлении с фактами, о которых обычно не любят вспоминать.

* * *

Нация — это прежде всего союз равных. Горизонтальная общность нации, — пишет российский автор, — возможна тогда, когда разрушена вертикальная структура феодального строя. Нации нет до тех пор, пока существуют традиционные социальные барьеры. Преобразование социума в нацию происходит лишь с развитием капиталистической экономики (*Малахов 2005: 64*). Люди же в Первой республике продолжали существовать в системе координат традиционного социума, с его иерархией вертикальных связей. Ведь, как пишет её современник, «грузинский народ выделяется средневековым типом своей общественной структуры» (*Ишханян 1914: 11*). Иначе говоря, «грузинское сообщество было почти полностью феодальным» (*Kazemzadeh 1951: 11*).

Меньшевики, разумеется, лишь отчасти поколебали традиционные институты. При них, заметим, слабо заработали некоторые социальные лифты. Правда, они имели главным образом не экономический, а административный характер. После того как СДРПГ стала правящей в Грузии партией, в её ряды вступали, пожалуй, чаще всего ожидая ощутимых для себя карьерных и материальных выгод. «Захватив власть, — вспоминал грузинский генерал, — социал-демократическая партия всегда в учреждения, даже выборного характера, проводила своих членов. В погоне за этими местами <…> становились социал-демократами. Принадлежность к социал-демократической партии давала право быть администратором, инженером, канцеляристом и судьей, и даже военным стратегом» (*Квинитадзе* 1985: 380). Итак, пригретые властью или мечтающие погреться около неё карьеристы, занимали

ключевые позиции в аппарате управления. Наплыв случайных элементов ослабил партию власти, хотя и многочисленную, но весьма разнородную и отнюдь не состоявшую из одних только подлинно патриотических элементов, что обнаружилось сразу же после насильственной советизации[55]. «В Грузии, — сообщает местный комментатор, — большая часть людей присоединяется к [правящей] партии не по политическим убеждениям, а по материальным, меркантильным соображениям. Пока партия во власти, их дела идут хорошо. Когда же она теряет власть, положение членов ухудшается. В результате они покидают политическую партию, и она постепенно исчезает» (*Кирчанов 2014: 162*).

Если в 1915 году в социал-демократические структуры в Грузии входило не более 1 тыс. человек (*Jones 2005: 244*), то в период Первой республики численность их рядов уже резко выросла до 60-80 тыс. членов (*Махарадзе 1965: 343; Ли 2019: 179*). Налицо был поистине молниеносный прирост партии меньшевиков. Это происходило в условиях, когда, по свидетельству очевидцев, «толпы обывателей, одинаково далеких от социализма, демократизма, либерализма, объявили себя <…> социалистами», «быть социалистом <…> стало просто требованием бонтона, приличия, надо было быть едва ли не парадоксальным смельчаком и циником, чтобы дерзать отмежевываться от социализма» (*Марченя 2008: 72*). Более того, «у всех было стремление прикрыться фиговым листом социализма, причём никто не давал себе отчёта, к чему последний обязывал» (*Булдаков 2010: 126*). Эта пёстрая публика, которая на деле была аполитичным большинством, принадлежала к

[55] Чекисты из ОГПУ в 1923 году в Тифлисе устроили фарс — самороспуск СДРПГ. На этом заорганизованном собрании меньшевиков, ряд изъявивших согласие сотрудничать с советским режимом бывших членов ЦК этой партии (П. Гелейшвили, С. Девдариани, А. Фарниев и др.), раскаивались в своей прежней деятельности и приносили клятвы на верность новой власти (*Официальный отчёт 1925: 280*). Вместе с тем, многих из тех, кто не примирился с большевистским режимом, высылали, сажали в тюрьмы и лагеря, истязали и казнили.

самым разным социальным слоям. Она приняла к сведению пропаганду, но врядли доверяла ей в полной мере. Её, по-видимому, мотивировала не столько идеология, сколько возможность быстрого продвижения по социальной лестнице. Это, конечно, открыло путь к перерождению стоящей у руля власти партии в организацию карьеристов, посмеивающихся в душе над тезисами партийного устава. Ведь принадлежность к СДРПГ сулила бóльшие карьерные перспективы. «Я знаю случай, — пишет грузинский военачальник, — когда один полковник был изгоняем сначала со службы, но затем, записавшись в социалистическую партию, был сделан командиром полка» (*Квинитадзе* 1985: 374). Полагаем, что приобщение к административному ресурсу стало тем весомым фактором, который работал на разбухание СДРПГ. Кроме того, интеллигенция презирающая «делячество», отказалась от свободного предпринимательства, чреватого финансовым риском, и устремилась к бюрократическим должностям с гарантированным доходом, обещавшим ей материальную стабильность.

«[Грузинская] интеллигенция — разночинная и дворянская, сплошь шовинистична, — сообщал секретарь ЦК КП Грузии Мамия Орахелашвили, — национализация государственных учреждений <…>, школы, суда и т[ак] д[алее] поставили её во главе управления страной, у каждого винтика государственного механизма, в земстве, в городских самоуправлениях, кооперативах и в прочих хлебных местах. Независимость Грузии <…> для этих слоёв стала идолом поклонения, которая даёт и сейчас, а в будущем сулит ещё больше реальных материальных благ»[56]. Итак, административная кормушка досталась местной бюрократии, а раздел этого пирога стал её основным занятием.

Любопытно, что термин «*кртами*», вид кормления времён феодальной эпохи, теперь означал взятку чиновникам.

[56] «Жизнь национальностей», 1920, 3 ноября. № 34.

Иначе говоря, собственная страна для этих групп стала «дойной коровой», а властные полномочия средством извлечения прибыли. По этому поводу высказался также «красный прокуратор» Кавказа Г. К. Орджоникидзе. По его мнению, «грузинская интеллигенция <…> арменофобски настроена. <…> В Тифлисе она видит своей конкуренткой армянскую и русскую интеллигенцию, она хочет меньшевиков, надеясь на то, что меньшевики повыгоняют интеллигенцию других национальностей, и грузинский интеллигент станет монополистом чиновничьих и общественных мест»[57]. Кстати, эти круги, не исключено, этнонационалистическую риторику использовали для того, чтобы отвлечь внимание от своей коррупционной деятельности.

Эту же тему затронул князь С. Д. Джапаридзе, социал-демократ и заместитель министра юстиции Первой республики. Он сообщает, что шла «борьба за тёплые места. Поскорее прогнать других и самим занять их должности. <…> Так и произошло по образовании грузинской республики с вопросом о национализации учреждений. Скорее гоните русских, армян и других. <…> Есть ли достаточный контингент подготовленных грузин, могущих сразу заменить удаляемых инженеров, техников, судей и других специалистов, не пострадают от этого интересы молодого государства — это их не касается, свой карман выше всего»[58].

Эти немаловажные свидетельства вполне можно подытожить словами главы германской военной миссии в Грузии Ф. Кресса фон Крессенштайна. Он пишет, что новые власти «немедленно прогнали опытных русских чиновников и заменили их неквалифицированными грузинами, которые за очень незначительным исключением не справлялись со своими задачами» (*Kress von Kressenstein 2001*). Как следствие, провал компетентности во всех сферах управления

[57] «Вестник Грузии», 1991, 19 февраля. № 14.
[58] К национализации суда // «Борьба», 1919, 9 марта. № 55.

практически стал неизбежен. Напротив, в разы увеличилась численность чиновников. Это была попытка количеством решить падающее качество управления. Стремясь оправдать промахи своего правительства, премьер Жордания заявил, что подчинённые министрам его кабинета чиновники оказались негодными администраторами[59].

Хотя институты старого режима были формально уничтожены, ценности, поведение людей оставались прежними. Рудиментами феодализма выступали произвол, клановость и непотизм, что в условиях практически полного отсутствия демократических традиций и гражданского сообщества, смогло гарантировать возникшей в 1918-м году «национальной» бюрократии, возможность бесконтрольного и эксклюзивного доступа к материальным ресурсам своей страны. На фоне тотального обнищания населения выросли масштабы коррупции[60]. Трудно было чего-либо добиться путем законных процедур, зато взятка открывала любые двери вплоть до высоких кабинетов. Власть или близость к ней нередко рассматривались как вполне легитимный способ обогащения. Ведь льготы и привилегии, как официальные, так и нет, включая право на коррупционную ренту, — неотъемлемая часть бюрократической системы.

«Значительное число чиновников, — пишут тбилисские авторы, — из министерств, различных ведомств и учреждений небрежно расходовали, а иногда и преступно расхищали государственные средства. <…> Оказалось, что некоторые чиновники из финансового ведомства, не передали крупную часть собранных налогов в бюджет и истратили их на собственные нужды» (საქართველოს ისტორია 2012: 192). Есть примеры, когда компетентные органы проявляли расторопность и находили виновных. Так, арестован был полковник

[59] Ն. Ժորդանիայի զեկուցումը//«Աշխատավոր», 1919, 25 դեկտեմբերի:

[60] სასამართლოში: მომარაგების სამინისტროში ბოროტმოქმედების საქმე // «საქართველო», 1920, 3 აპრილი. № 72.

Маргания, атташе грузинского посольства в Баку, за растрату 300 тыс. рублей[61].

Посетивший же в 1919 году страны Южного Кавказа глава американской миссии генерал Джеймс Харборд сообщал в Вашингтон, что власти всех трёх закавказских республик «несомненно коррумпированы» (*Ментешашвили 1996: 132*). Тема разложения госструктур, в частности силового блока грузинской республики, прозвучала в сводках П. П. Сытина, советского военного атташе в Тифлисе. Его информации, пожалуй, вполне можно доверять, так как она имела закрытый, ведомственный характер. Он пишет, что «большой процент офицеров наряду со службой занимается спекуляцией, а многие не брезгуют казенными деньгами, вверенными им по службе. Не без греха в этом отношении и помощник военного министра по хозяйственной части ген[ерал А. К.] Гедеван[ишвили], который, как утверждают многие офицеры Ген. штаба, проигрывает в клубах по 100–200 тысяч р[ублей] чуть ли не ежедневно, но пока умело предоставляет оправдательные документы[62].

Одной из наиболее характерных бытовых черт в служебной жизни грузинского офицерства является чрезмерно развитое — кумовство, которое играет здесь первенствующую роль и зачастую офицерский состав части подбирается почти исключительно из родственников.

Упоминая чрезвычайно развитое казнокрадство, приходится отметить, что это явление довольно вредно отзывается на интересах республики, так как все хищения соразмерены с аппетитом не одного лица, а целой группы. Для примера обращу внимание на дело бывшего генерал- губернатора

[61] Լրատու//«Յառաջ», 1919, 23 փետրվարի: № 35.

[62] Со слов другого очевидца событий, за своё «кресло [заместителя министра] он держался всеми правдами и неправдами. <…> Главное для него, это собственное материальное благополучие. На всё остальное он плевал. <…> Вечера он проводил за азартной игрой в клубе "Унион". <…> Его проигрыши и выигрыши, достигавшие крупной цифры нескольких сот тысяч, были на устах у всех в [столице]» (*Квинитадзе* 1985: 259-260).

Шалвы Маглакелидзе и хищение в офицерском экономическом обществе. В первом случае казна пострадала на сумму свыше полумиллиона, во втором — на 2 ½ миллиона» (*Ганин* 2014: 230-231). Таким образом, местное «чиновничество, — резюмирует Павел Сытин, — пристроившееся к доходным местам, набивающее карман при показном патриотизме и под покровом безнаказанности развило до невероятности казнокрадство, взяточничество и своеволие»[63]. Репутации властей был нанесён серьёзный ущерб, которые неизбежно теряли доверие к себе. Ведь «взяточничество, — сказано в агентурной сводке, — в среде [грузинской] администрации достигло своего апогея — часто арестовывают для того, чтобы выжать мзду» (*Муханов 2019а: 480*).

Таким образом, ритуальная имитация демократии выглядела неубедительной, а то и просто циничной, поскольку контраст с реальной практикой и нравами чиновничества был слишком велик, чтобы его можно было скрыть. Эту тему затронул писатель Лео Киачели (Л. М. Шенгелая), депутат парламента и спикер фракции ПСР. «Он, — как пишет тбилисский публицист, — вообще жёг глаголом, как напалмом: “Крестьяне не получили от революции ничего, кроме новых налогов и своевольных комиссаров-взяточников!”» (Мониава 2021). Хотя корруп- ция подобно ржавчине разъедала механизмы управления, упоминания о ней можно встретить крайне изредка. Она находилась в тени общественного дискурса, так как, полагаем, стала негласной нормой и частью банальной повседневности.

Грузинское дворянство усилиями своей наиболее пассионарной части инициировало и возглавило освободительное движение своего народа. Однако сделала всё возможное, дабы направить его в угодном для своих корпоративных интересов направлении. Креативная часть феодального класса, смешав-

[63] Занятие Грузии произойдет без кровопролитий // «Коммерсантъ История», 2020, 29 августа.

шись с разночинной интеллигенцией, в новых исторических условиях смогла эволюционировать в совершенно иную социальную категорию и, в целом безболезненно для себя, трансформироваться в этнократию, которая весьма успешно заменила прежнюю поземельную ренту — на административную.

Эти тренды неизбежно толкали страну в сторону от магистральной вестернизации, в направлении консервативной модернизации. Когда псевдодемократическая шелуха незрелого парламентаризма похоже должна была смениться неофеодальной, милой сердцу потомственной аристократии «инволюционной» реставрацией. Нечто подобное случилось в Венгрии, сразу же после кровавой ликвидации там в 1919 году советской республики. Это был социальный реванш мадьярского дворянства, которое в эпоху развитого модерна ревниво охраняло свои феодальные иммунитеты. В Будапеште в 1920 году торжественно было объявлено о восстановлении венгерского королевства, где «небольшая группа представителей высшей аристократии контролировала всё и вся чисто авторитарными методами» (*Травин/Маргания 2016: 224*).

* * *

В сущности, правящая верхушка грузинской социал-демократии, на наш взгляд, не имела собственного развернутого проекта кардинальных социально-экономических реформ, которые обеспечили бы позитивное развитие страны. Лозунг «через демократию к социализму», который она попыталась сделать гвоздём политической повестки для всей страны, остался приоритетом только для неё самой. Ведь власти не смогли выстроить работующий механизм поощрения мобильных групп населения (промышленников, фермеров и пр.), кровно заинтересованных в национальном государстве. Те же меры, которые она успела осуществить, носили достаточно поверхностный характер. «Экономические решения, — пишет американский эксперт, — не координировались, не выполнялись и не отслеживались»

(*Jones 2014: 68*). В том числе достаточно противоречивыми и спорными являются результаты преобразований в поземельных отношениях.

Напомним, что аграрная программа партии меньшевиков предусматривала муниципализацию земли — передачу конфискованных помещичьих земель в распоряжение органов местного самоуправления (муниципалитетов) для последующей сдачи её в аренду крестьянам. Отметим, что уже в 1912 году меньшевики от требования полной конфискации отказались, ссылаясь на успехи столыпинской аграрной реформы (*Павлов* 2020).

Под впечатлением грозных событий в Петрограде дворяне Грузии, читаем на страницах газеты «Эртоба», на своём съезде в октябре 1917 года декларировали намерение передать грузинскому народу все активы Тифлисского дворянского банка в сумме 30 млн. золотых рублей[64]. По мнению же советского историка, отдавая права на эту часть своего имущества под опеку Национального Совета, где заседало немало нобилей, они в действительности «хотели удержать в своих руках землю» (*Хачапуридзе* 1936: 185). Отречение от части своей собственности, вотированное аристократией под влиянием страха перед антифеодальной революцией, никогда не было бы принято в иных условиях.

В декабре 1917 года Закавказский Комиссариат (краевое правительство) опубликовал декрет, в котором объявлялось, что с целью обеспечения благосостояния безземельных крестьян все земли, ранее принадлежавшие членам царской фамилии Романовых, церкви и частным лицам выше установленной нормы, будут изъяты в пользу государства. За этим декретом в марте 1918 года последовало принятие закона Закавказским Сеймом (краевой парламент). Наиболее крупные поместья должны были быть урезаны, и землевладельцы имели право требовать плату с крестьян-арендаторов только

[64] «ერთობა», 1917, 31 ოქტომბერი. № 184.

за ту землю, которая осталась помещикам после реформы. Кроме того, подати крестьян должны были быть сокращены. Там, где крестьяне прежде платили своим помещикам четвертую часть своего урожая, теперь с них требовалось уплатить только одну пятую, там, где подать составляла одну пятую, теперь она стала одной шестой, и т. д. Минимальная подать была зафиксирована на уровне 10 процентов (*Документы* 1919: 383).

Была устанавлена норма владения землей в различных отраслях сельского хозяйства. В районах, где выращивались такие доходные культуры, как виноград и табак, разрешалось иметь не более 7-10 десятин земли на душу. В зерновых районах норма была увеличена до 15-20 десятин. Те, кто занимался животноводством, могли иметь 40-50 десятин пастбищных земель (*Мещеряков 1921b: 304*).

Очевидец же утверждает, что «7-10 дес. виноградника или плантации табаку, чая и т. д., 15-20 дес. пашни, 40-50 дес. пастбища, — это такая норма для Грузии и Закавказья, которая вполне позволяет эксплуатировать чужой труд, ибо ни средний, а тем более мелкий хозяин с таким участком не справится» (Махарадзе 1921: 39). *Так, 53,55% дворян-помещиков владело до 25 десятин земли, 23,3% от 25 до 100, 6,98% от 100 до 500, а 6,14% более 500 десятин* (Авалиани 1920: 193).

Впредь никто не должен был иметь права владеть землёй сверх установленного законом лимита. Все излишки, которые его превышали, отходили в государственный земельный фонд. Тем, чьи участки были меньше нормы, разрешалось арендовать дополнительно землю у государства. Князь Михаил Мачабели (НДП, группа «Клдэ»), тем не менее, называл эти аграрные законы «разбойничьими» и требовал сполна возместить помещикам стоимость урезанной земли[65]. Таким образом, власти должны были достигнуть компромисса с аграрной аристократией, большинство которой было вообще против реформы. Но тут нужно было пройти по лезвию ножа:

[65] «კლდე», 1918, 20 ოქტომბერი. № 6.

обидишь крестьян – получишь «жакерию», заденешь дворян – схлопочешь дворцовый переворот.

Грузия была единственной из закавказских республик, где эту реформу со скрипом, но попытались претворить в жизнь.

Так, Н. Жордания утверждает, что «наш социализм выразился, главным образом, в аграрной реформе. Она у нас пошла не революционным путем, а реформаторским. <...> Земля была роздана крестьянам в собственность, что противоречило социалистической доктрине. Мы этим хотели показать крестьянам, что независимая Грузия дала им землю. Поэтому аграрная реформа приняла у нас национальную форму» (*Жордания* 1968: 95-96). Уточним, что крестьянам обещанная им норма земли передавалась отнюдь не безвозмездно. 28 января 1919 года Учредительное собрание приняло закон о продаже земель из государственного фонда (კაჭარავა / დაუშვილი 2012: 39). На плодородные участки, которые крестьянство могло приобрести у правительства, были установлены относительно высокие (рыночные) цены. Газета «Сахалхо-Сакме» задала резонный вопрос: «Крестьянство могло купить землю и прежде, это не было запрещено. <...> Но может ли оно купить сейчас больше, чем могло тогда?» (*Мирцхулава 1978: 316*).

Для выкупа участков из поземельного фонда, крестьяне должны были уплатить в общей сложности 252 млн. рублей. Власти предусмотрели для них льготный режим рассрочки платежей, которые в годовом исчислении суммарно расчитали в 233 тыс. рублей. Вместе с тем крестьян обязали ежегодно ещё выплачивать 2,5 млн. руб. — арендных и 802 тыс. руб. — оброчных, а также поземельный налог, который в 1920 году составил 95 млн. рублей (*Качарава 1968: 10*). Эти суммы тяжёлым бременем легли на их хилые хозяйства. Недоимки пришлось выколачивать при участии и вооружённой поддержке силовых структур (*Jones 2014: 70*). Среди сборщиков налогов процветали самоуправство, злоупотребления и реквизиции. Премьер же Жордания досадливо сетовал, что «народ не

осознаёт необходимости платить налоги и не платит их»[66]. Вместе с тем какого-то продуманного долгосрочного плана экономических реформ у команды Жордания изначально не было, они действовали во многом реактивно, под влиянием сложившихся обстоятельств.

Итак, власти передали крестьянам безвозмездно и в собственность 247203 дес. земли (*Мирцхулава 1978: 328*). Это были те крохотные «наделы», которые прежде находились в их пользовании, но принадлежали дворянам[67]. Это освободило сельский элемент от обязательных «сеньоральных» повинностей в пользу помещиков. Крестьянское землевладение, очевидно, редко превышало размер в 3,01 дес. в Тифлисской губернии и в 2,57 дес. в Кутаисской губернии (*Jones 2014: 72*). Провинциальные же дворянские семьи являлись владельцами в среднем около 10 гектаров, что было обычно больше, чем у их соседей-крестьян (*Suny 1994: 199;* კაჭარავა / დაუშვილი 2012: 39).

Так как «аграрная реформа» в Грузии устанавливала лишь норму отчуждения, «Закон о передаче жителям в частную собственность земель из государственного фонда» (1919 г., январь) определял, что участки будут проданы только тем, у кого есть право докупить землю до предельного лимита (ათანელიშვილი 2006: 55). Таким образом, республиканское правительство Грузии согласилось с буржуазной линией Н. Я. Николадзе и, с целью стимуляции капитализма в грузинской деревне, попыталось теперь реализовать её на практике. Власти же смогли пустить с торгов лишь 85419 десятин (*Мирцхулава* 1978: 328). «Расчеты правительства, — пишет очевидец событий, — на покупку земель крестьянами или иначе на пополнение грузинской казны деньгами на деле не оправдались» (*Демьянов 2021: 72*). Это, на наш взгляд, было связано с крайней бедностью общей сельской массы.

[66] «საქართველოს რესპუბლიკა», 1919, 18 დეკემბერი. № 286.
[67] Законодательные акты в Грузии в 1919 году// «Слово», 1920, 1 января. № 1.

Кроме того, «земельная реформа» не разрешила проблему перенаселения деревень. Тем более что зачаточная промышленность не требовала большого притока рабочей силы.

Кампания в аграрном секторе якобы была проведена таким образом, что, как отмечают наши современники, «не оставила без земли ни бывших землевладельцев (дворян, помещиков), ни крестьян. Такая политика помогла избежать столкновений между классами на социальной почве» (*Вачнадзе/Гурули 2004: 92*). Более того, иные из них убеждены, что «бóльшая часть помещичьих земель оказалась в руках крестьян» (*Суни 1994: 232*). Выглядит красиво и пафосно, однако никто из адептов этой концепции не подкрепляет её глубокими статистическими выкладками, а они показывают совсем иную картину.

Если обратиться к цифрам, видно, что на 1900 год дворянство владело в Тифлисской губернии 5884 поместьями[68] (1260406 десятины[69]) и в Кутаисской губернии 12857 поместьями[70] (815321 десятина[71]). Итого, всего 18741 поместье и 2075727 десятины. Порядка 30% дворянских владений, по расчётам советского автора, в 1900-е годы были заложены в банках (*Адамия* 1976: 28). Возможно, часть из них уже были проданы с торгов до 1917 года.

Впрочем, как выясняется, вся эта статистика оказалась весьма капризной. Другой, альтернативный источник утверждает, что по данным того же 1900 года помещики владели несколько меньшим количеством земли, лишь 1914214 десятинами. Этот объем соответствовал 31,3% всей полезной площади страны (Девдариани 1931: 310). *Мы же полагаем, что здесь могли не быть учтены те участки (161513 дес.), которые уже находились в состоянии залога в поземельных банках. К примеру, опираясь на*

[68] *Сборник* 1910: XIX.
[69] *Шахназарян* 1906: 13.
[70] *Сборник* 1910: LXXXIX.
[71] *Шахназарян* 1906: 14.

исследование, которое оценивает дворянское землевладение на 1911 год в 1487341 десятины (Авалиани 1920: 193), *мы вполне можем приблизительно вычислить уже возросший за 10 лет объём заложенной земли — 588386 десятины.*

На 1 июня 1919 года у 2339 помещиков в Тифлисской губернии и у 601 помещика в Кутаисской губернии были конфискованы в качестве излишек земли соответственно 378828 и 69992 десятины. Таким образом, изъято было 448820 десятин у 2940 землевладельца[72]. Впрочем, мелкопоместные феодалы, а это 75% помещиков, вполне могли избежать подобной участи и удержать основную часть своих фамильных угодий. Эта реформа лишь ослабила дворянское землевладение, а не покончила с ним. «Установленные законом нормы, — пишет американский автор, — оставляли дворянам участки (от семи до сорока десятин), достаточно большие, чтобы их можно было обрабатывать наёмным трудом» (*Suny 1994: 200*).

Исследователь же И. И. Мирцхулава берёт за точку отсчёта 1 января 1920 года, исходя из данных, которые предал огласке министр земледелия Ной Хомерики (ხომერიკი 1920: 12). По расчётам советского автора у 3963 феодалов (около 25% от общего числа помещиков) было урезано 621697 десятины земли. В счёт же их «нормы» всем дворянско-княжеским землевладельцам якобы было оставлено в общей сложности 1438058 десятины (*Мирцхулава* 1978: 327). Нам же это кажется ошибочным утверждением. Более того, указанная величина тождественна тому же состоянию дел на 1911 год. По данным другого советского автора, 27971 дворянская семья в 1920 году владела 204785 десятинами (*Жвания* 1987: 178). Поясним, что путаница, пожалуй, возникла из-за полного отсутствия в документальных источниках статистики, зафиксировавшей объём удержанной за нобилитетом земли. В

[72] Ход аграрной реформы // «Кавказское слово», 1919, 8 июля. № 134.

остальном же цифры сильно варьируются в зависимости от авторов публикаций.

Весьма скупо комментирует ход «аграрной реформы» энциклопедия «Демократическая Республика Грузия 1918-1921 гг.». Автор раздела Тамар Атанелишвили обсуждает эту тему как бы осторожно, с некоторой оглядкой. Она сообщает, что на 1 января 1918 года дворянство якобы владело 511538 десятинами в Тифлисской губернии и 110157 десятинами в Кутаисской губернии. Однако текст справки красноречиво молчит об объёмах изъятых у помещиков излишков и удержанной за ними в счёт нормы земли. Лишь сказано, что после преобразований в поземельных отношениях «состояние широких слоёв населения существенно не улучшилось»[73].

Выходит, что социал-демократические лидеры Грузии весьма ловко убедили собственное дворянство безропотно поступиться лишь частью своей фамильной собственности. Кроме того, похоже, что министры-социалисты не хотели всерьёз задевать интересы нобилитета, поскольку некоторые из них сами были дворянами. К примеру, Григол Лорткипанидзе, вице-премьер и военный министр, происходивший из старинного и знатного имеретинского рода (*Morchiladze 2021: 16-19*). Эти тенденции были замечены также крестьянами, которые стали задаваться резонным вопросом: «Если меньшевистское правительство не помещичье, зачем оно оставляет земли помещикам?» (*Suny 1994: 200*). Крестьяне очевидно считали себя обманутыми.

Аграрный закон, который был направлен в бóльшей степени на безвозмездное отчуждение части угодий у наиболее крупных латифундистов, осуществлялся в отношении мелкопоместных дворян крайне избирательно. Более того, они горько жаловались, что, если их лишат «последнего остатка своих земель, тогда обширный класс дворян Тифлисской губернии обратится в бездомный пролетариат» (*Авалиани*

[73] აგრარული რეფორმა// ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 11-12.

1920: 191). Администрация же в итоге вернула этой категории 40 тысяч гектаров в счёт их поземельной нормы (კაჭარავა / დაუშვილი 2012: 39). «В результате реформы, — заключает наш современник, — помещики лишились площадей только сверх установленной нормы» (ორემაძე 2021: 30).

В какой степени властные структуры проявляли снисхождение к феодальным иммунитетам, свидетельствуют их действия в отношении этнически чуждого им абхазского дворянства, в руках которого также была сохранена изрядная часть фамильных доменов (*Куправа* 2013: 60-61). Абхазский же нобилитет, в свою очередь, примирился с гегемонией грузинского правительства, когда убедился, что его сословным привилегиям ничего не угрожает[74].

Аграрные преобразования, напротив, не обошли стороной и существенно задели интересы крупной армянской буржуазии. В государственный земельный фонд полностью были забраны и получили статус «национальных имений» обширные латифундии, которыми прежде владели известные армяне-капиталисты Придонян, Манташян, Арамянц и Ананян (*Silogava / Shengelia* 2007: 213).

В ходе реформы было изъято около 600 тыс. гектаров земли (კაჭარავა / დაუშვილი 2012: 39). Эта цифра включает в себя, кроме пригодной к обработке пашни и садов, также леса и пастбища. Таким образом, аккумулированный в распоряжении правительства земельный фонд, образовался, в немалой его части, за счет частичного передела собственности путем её конфискации, но по преимуществу, у членов фамилии Романовых (127060 дес.[75]), а также у целого ряда русских чиновников и капиталистов-армян. Кроме того, как следует из заявления Н. Хомерики в парламенте, что «на

[74] Напомним, что отдельные кланы абхазских аристократов (Шервашидзе, Анчабадзе, Эмухвари и др.) были тесно связаны узами династических браков с картвельской знатью. Многие из абхазских нобилей активно способствовали интеграционным процессам между Грузией и Абхазией.
[75] Качарава 1973: 62.

конфискованных поместьях лежат долги в банках»[76], в государственный фонд также было отобрано немало фактически уже потерянных помещиками, но всё ещё не распроданных угодий.

Аристократы же прибегали к различным уловкам, дабы избежать даже частичной конфискации своей сеньоральной собственности. Немало дворянских гнёзд, исходя из создавшейся ситуации, фиктивно разделились, дабы получить право на дополнительные наделы (*Суни* 1994: 233). Как сообщала пресса, были характерны случаи, «когда в семье у какого-нибудь помещика для жены отведена отдельная норма, для мужа отдельная, для сестры отдельная и т. д. Имеются примеры, когда для мужа отведена норма в одном уезде, а для жены в другом» (*Мещеряков* 1921b: 307). Более того, в этом им успешно содействовали чиновники из числа самих же дворян, которые преднамеренно оставляли по несколько лимитов в пределах одной помещичьей семьи (*Борьба* 1958: 524). Здесь исподволь сыграли свою роль круговая порука, традиционно крепкие в среде кавказцев родственные, дружеские связи. Кроме того, члены поземельных комиссий, ответственные за реформу на местном уровне, были коррумпированны (*Jones 2014: 72*). Критически настроенные в отношении администрации лица, на страницах газеты «партии землевладельцев» (см.: «Мица»/«Земля», 1920, № 25) утверждали, что «всем известно, что аграрная реформа [министра земледелия] Хомерики вызвала большой шум своей запутанностью и несправедливостью. Кому оставили одну норму, а кому две и три. Не было в распределении никакого принципа» (*Мещеряков* 1921b: 305). Стало известно, что «всё это происходит, с одной стороны, по предписанию министерства [земледелия], а с другой стороны, благодаря махинациям помещиков, которые устраивают [свои] дела с членами [поземельной] комиссии» (*Махарадзе* 1965: 223).

[76] «საქართველო», 1919, 21 იანვარი. № 15.

Так, в примечании к аграрному закону говорилось, что «земельным комитетам предоставляется право увеличивать в зависимости от местных условий определённую норму оставляемой владельцу земли при конфискации имений первой категории до 10 десятин, для второй категории до 20 и для третьей категории до 50 десятин» (Мещеряков 1921b: 304).

Очевидно, что изъяны в нормативных актах и различные хитрые уловки позволили очень многим помещикам в сумме сохранить в своих руках неизмеримо большее количество земли, чем было предусмотрено заранее нормами аграрного законодательства. Власти же смотрели на это сквозь пальцы.

Министр земледелия Н. Хомерики утверждал, что «аграрная реформа разрушила принцип феодальной собственности»[77]. Поместное дворянство отныне лишалось каких-либо прав в отношении крестьянских наделов. Таким образом, проходя сквозь «фильтр» поземельных комиссий, владения бывших помещиков теряли свой прежний феодальный статус, превращаясь в обычную частную собственность, закреплённую законами республики. Напротив, все отношения и обязательства, которые связывали владельцев этих земель с кредитными учреждениями, утратили свою прежнюю силу. Как верно отметил советский историк, «меньшевистская “реформа” освободила помещиков от их банковских долгов» (*Жвания* 1987: 178). Так, от этой акции выиграли, к примеру, «кахетинские помещики, всегда больше всех страдавшие от армянских ростовщиков, захвативших их латифундии в свои сети векселей и неустоечных записей» (*Кариби* 1920: 16-17). Таким образом, правительство Н. Н. Жордания – Н. В. Рамишвили не только лишило банки тех доходов, которые они извлекали из заложенных там дворянских имений, но и постаралось вернуть их прежним нерадивым хозяевам.

Аккумулировав в своих руках государственный земельный фонд, социал-демократическое правительство само превратилось в крупнейшего землевладельца в стране. Оно отказалось

[77] «Закавказское слово», 1919, 24 января. № 5.

отдать крестьянам землю в бесплатное пользование и, наравне с дворянами, стало сдавать участки им в аренду на условиях 1/10 доли урожая (*Чанба* 1977: 131). В своих хозяйственных отношениях с сельским населением республиканские власти продолжали использовать термины феодальной эпохи – «гала»/оброк и «минди»/натуральная плата (*Махарадзе* 1965: 224). Противоречивые результаты такой аграрной реформы признал сам Н. Жордания с трибуны Учредительного собрания республики в декабре 1920 года[78]. «90 процентов крестьянства, — сказал премьер, — по-прежнему вынуждены обрабатывать чужую землю или искать какой-либо другой заработок помимо сельского хозяйства» (*Девдариани* 1931: 325). Вышло так, по образному выражению поэта В. В. Маяковского, что «одному – бублик, другому же — дырка от бублика. Это и есть демократическая республика». Утверждать, что лишь фактор времени помешал пожать богатые плоды аграрной реформы, будет слишком наивно. Ведь печальное фиаско постигли не только этот проект, но и ряд других начинаний меньшевиков. Причина в том, что в Грузии не состоялась антифеодальная революция, которая открыла бы широкий путь к буржуазным преобразованиям.

Модель аграрных перемен, предложенная лидерами грузинской социал-демократии в 1919-1920 гг., представляла собой не коренную ломку прежних отношений, а попытку сочетания дворянского землевладения с интересами развития капитализма в сельском хозяйстве (ათანელიშვილი 2006: 48; *Ramishvili 2006: 88*). Она, как пишет советский исследователь, во многом напоминала столыпинскую аграрную реформу (*Махарадзе* 1965: 225). Похоже, что своими действиями власти также преследовали цель экономической санации бывших помещичьих хозяйств. Аграрную аристократию не разорили, а превратили в мелких землевладельцев. Таким образом, «у помещиков была отнята лишь часть принадлежащих им

[78] «საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 4 დეკემბერი. № 276.

земель» (*Махарадзе 1928: 183*). Размеры оставленных дворянам участков, тем не менее, продолжали превышать средний объём большинства крестьянских наделов. Крестьяне, пишет британский автор, получили только крошечную прибавку к своим маленьким участкам. У бывших помещиков, констатирует он, в итоге часто оказывалось больше земли, чем у их соседей-крестьян (*Ли 2019: 120*).

«Подобные реформы — вполне резонно замечает наш современник, — не редкость для востока Европы от Балтии до Болгарии. Но для этого не нужно приходить к власти марксистам» (*Шубин* 2012: 107-108). Впрочем, как могли мы уже убедиться, для Н. Жордания и ближайшего круга его соратников, марксизм не был абсолютной догмой, а носил всего лишь прикладной характер. Используя теории классовой борьбы, главным образом, против русской бюрократии и армянской буржуазии, пришедшие во власть эти политики, тем самым, хотели они этого либо нет, однако своими мерами объективно нивелировали также социальных оппонентов своей этнической аристократии. Более того, достигнув своих целей, лидеры социал-демократии более не нуждались также в своём прежнем ситуативном партнёре и, по словам британского профессора, приступили к политической маргинализации крестьянского большинства, как социальной силы (*Шанин 1997: 420-421*).

Более того, степень недовольства итогами «поземельной реформы» весьма наглядно демонстрируют крестьянские мятежи осени 1919 года, особенно в Гурии, которая прежде имела репутацию сугубо социал-демократической цитадели (ჩხაიძე/ სიხარულიძე 2018: 84-93). Страна искрилась аграрными беспорядками, которые, однако, не перерастали в общий взрыв.

«Буржуазные революции, — пишет российский учёный, — всегда опирались на широкую поддержку крестьянства, без которой ниспровержение феодальных порядков было бы невозможным. <…> Именно крестьянство обеспечивало

наиболее массовую социальную базу антифеодального переворота» (*Колганов 2012: 356*).

Видимо, когда у национал-революционеров возникло опасение, что грузинская «жакерия» сметёт собственную дворянскую этнократию, власти объявили протестные акции крестьян — контрреволюцией. Ловко используя марксистскую риторику, они на мятежных сельчан поспешно наклеили ярлык «вандейцев» (კაჭარავა / დაუშვილი 2012: 36). Эту политику меньшевиков пост-фактум объясняют якобы их верностью марксизму (*Шанин 1997: 427*). Звучит, скажем так, не слишком убедительно. Ведь вожаки грузинских марксистов отнюдь не были упёртыми догматиками. Напротив, в решении утилитарных вопросов они отличались прагматизмом. Так, один из грузинских министров на вопрос, почему его правительство социал-демократическое, ответил: «Надо же себя как-то называть» (*Bechhofer 1921: 48*).

Меньшевики поспешили переместить идеологический акцент с крестьянства на немногочисленный, но растущий городской пролетариат. Для разгрома сельского движения власти ловко рекрутировали в карательные экспедиции столичный плебс, большей частью мастеровых. «Всем известно, — пишут советские авторы, — что т. н. “народная гвардия”, посредством которой меньшевики подавили крестьянские восстания, целиком состояла из тифлисских рабочих» (*Махарадзе/Хачапуридзе 1932: 240*). На страницах же меньшевистской прессы хвалебными фразами славили свою вооружённую опору. «Пока [народная] гвардия, — громогласно заявлял партийный официоз, — сохраняет связь с родившим её пролетариатом, она останется несокрушимой»[79]. Однако это были лишь штампы пропаганды. Она умалчивала тот красноречивый факт, что власти вынуждены были щедро оплачивать службу волонтёров. Так, Валико Джугели угрожал,

[79] «Борьба», 1919, 12 декабря. № 284.

«что если деньги даны не будут, то [народная] гвардия не выйдет на поле сражения» (*Квинитадзе 1985: 231*).

Дворянская этнократия натравливала городской плебс на деревенских жителей, чтобы обеспечить себе возможность политического балансирования. В газете «Эртоба» читаем, что «социалистическая революция — дело пролетариата, а не во всех отношениях отсталого крестьянства»[80]. Короче, в меньшевистской Грузии впервые начали внедрять проект строительства социализма несоветского типа. Эта модель, по ряду своих параметров, соответствовала теоретическим конструкциям Освальда Шпенглера, который полагал, что социализм — это власть аристократии, опирающаяся на рабочий класс. Местная «феодальная аристократия, — сообщала газета эсеров “Шрома”, — была бессильна бороться против [крестьянской] революции, поэтому она и усвоила тактику меньшевиков»[81]. Таким образом, используя идеологическую кампанию, развёрнутую меньшевиками в среде городского плебса, дворянству сравнительно легко удалось отразить натиск антифеодальной революции и быстро задавить аграрное движение.

Крестьянство испокон веков было аморфной, аполитичной, разрозненной массой. Всегда, во все эпохи и при любых обстоятельствах, стихийные и изолированные от горожан крестьянские восстания, неизменно были обречены на поражение. Прежний опыт европейской истории наглядно показал, что антифеодальные революции в полной мере успешны были лишь там, где крестьянские аграрные движения развивались в тесном союзе со своей национальной буржуазией. В Грузии же из-за полного отсутствия подобной социальной силы, по определению нельзя было ожидать иной динамики в развитии событий. Похожим образом были раздавлены отчаянные попытки поднять антифеодальные революции также в России («антоновщина») и Украине («махновщина»), всё то что известно под «зелёным

[80] ისტორიული აუცილებლობა// «ერთობა», 1918, 27 აგვისტო. № 181.
[81] «Шрома», 1921, 2 январи. № 1.

движением». Верхушке же грузинской социал-демократии с помощью демонстрации показной революционности весьма ловко и не без успеха для себя удалось нейтрализовать антагонистический заряд, в том числе и тех сил, которые противостояли социальным интересам картвельского дворянства.

* * *

По словам крупного советского функционера Мамия Орахелашвили, «дворянство, довольно многочисленное сословие у нас, но в бóльшей части мелкопоместное. В начале, меньшевизм казался им неприемлемым, когда же для всех стало ясно, что на смену меньшевизму в Грузии может прийти лишь советская власть с её полной конфискацией земли <…> дворянство в подавляющей своей массе стало активно поддерживать правительство меньшевиков, оставившее ему норму земли от 7 до 50 десятин»[82]. Впрочем, благодаря пробелам в законах и посредством своих людей в поземельных комитетах, помещики легально либо нелегально оформляли фиктивные разделы имущества в кругу своих домочадцев. Тем самым аристократы смогли сохранить за своими семьями солидную часть прежних феодальных угодий (*Мирцхулава 1978: 296*).

В итоге, республиканские власти пришли к компромиссу с бывшими помещиками, но на реформаторской основе. Хотя сохранялись их основные поземельные права, они лишались прежней феодальной формы и ассимилировались с частной собственностью. «Аграрная реформа» 1919 года, напомним, упразднила в Грузии отнюдь не дворянское землевладение, а последние остатки «сеньоральной системы». Дворяне же продолжали сдавать свои земли крохотными участками в аренду крестьянам, вместо развития собственного товарного хозяйства. Эти отношения превращали «крестьянина в настоящего подданого помещика. Арендные цены росли с головокру-

[82] «Жизнь национальностей», 1920, 3 ноября. № 34.

жительной быстротою»[83]. В качестве же социальной синекуры за аристократией, численность которой была не менее 120-125 тыс. (მაისურაძე 2018: 46), зарезервирован был важный элемент прежних феодальных кормлений — поземельная рента. Знать не могла сменить традиционный рентный ресурс на рыночную экономику без своего полного саморазрушения. Таким образом, архаика не была устранена, а была заложена в фундамент реставрированного грузинского государства.

Провинциальные дворяне, которым вожаки партии меньшевиков позволили уберечь свои хозяйства от полного секвестра, приветствовали аграрную политику правительства. «Все, — предупреждал один из них, — кто посмеет на неё посягнуть, будут безжалостно нами раздавлены» (*Цагурия 2017: 17*). Напомним, что движущей политической силой в первой республике являлось мелкопоместное дворянство. К нему принадлежал Ираклий Цагурия, старший офицер «народной гвардии» (ბახტაძე 2015), который называл себя «убеждённым социалистом, но не марксистом» (*Цагурия 2017: 17*). Интегральный национализм и брезгливое презрение к лавочникам, судя по его публикациям, выступали идеологическими ориентирами для этого потомственного азнаура. Подобные взгляды, конечно же, не были табу для многих членов СДРПГ. Ведь они мечтали, чтобы Грузия построила свой отечественный социализм. Эти настроения, по-видимому, были хорошей закваской для «консервативной революции».

Карл Каутский, посетивший Грузию осенью 1920 года[84], очевидно, ошибочно поспешил объявить первую республику «крестьянской» (*Kautsky* 1921). Хотя без всякого преувеличения вполне мог бы её назвать — «дворянской», так как нобилитет занял в ней позиции доминатного вида.

---

[83] Из грузинской жизни // «Кавказский Вестник», 1905, октябрь. Тифлис: 79.
[84] კარლ კაუცკის ჩამოსვლა// «ერთობა», 1920, 29 სექტემბერი, № 220.

Столкнувшись с малопонятными для европейца грузинскими реалиями, корифей либерального социализма, в целом и в частности, выказал свою полную растерянность, что им же было наглядно продемонстрировано в весьма путаном и поверхностном изложении, посвященном итогам его поездки в Грузию. Эта брошюра, по замыслу автора, в большей степени должна была послужить интересам пропаганды социального реформизма, чем, по-видимому, и вызван крайний дефицит в её содержании конкретной информации о «социал-демократической крестьянской республике». Каутский, который не нашёл серьёзных недостатков у принимающей стороны, создал, на наш взгляд, оторванный от действительности отчёт. «Из-за непогоды, — сообщает Стивен Джонс, — и состояния здоровья Каутский практически не выезжал за пределы Тифлиса. <…> Большая часть информации была собрана из разговоров с грузинскими коллегами или из предоставленных ими статистических материалов» (Visit 2021: 232). *Он не обнаружил ни малейшего понимания пропагандистского назначения источников, из которых черпал свою информацию. Более того, как пишет Стивен Джонс, «большая часть полученной им информации была неточной. Каутский не вник глубоко в неформальные практики, включая взяточничество и коррупцию, которые подорвали веру населения в грузинское правительство и его реформы. Он не смог затронуть самый важный вопрос отношений грузин со своими этническими меньшинствами»* (Kautsky 2018: 51). *Такая близорукость маститого марксиста, по мнению вдумчивого британского автора, была скорее связана «с его личной борьбой с коммунистами в Германии, чем с реалиями жизни в Грузии»* (Кинг 2020: 98). *Заметим, что выбранное Каутским название для своей работы уже само по себе является нонсенсом и оксюмороном, а её повествование изобилует общими рассуждениями о взаимоотношениях труда и капитала.*

Дворянство было основным источником, где черпала свои кадровые и иные ресурсы грузинская этнократия. Этот режим, по сути, был рецидивом уже давно пережившей свой «золотой век» феодальной эпохи. Он опирался на традиционную социальную структуру, которая избежала буржуазной модернизации и законсервировала в себе некоторые дремучие пережитки крепостничества. Это оказало существенное влияние на

политику грузинских социал-демократов «меньшевиков», которые оказались на «общей почве» лишь с частью урезанного, но всё же признанного ими законным дворянского землевладения. Руководство страны всячески ублажало бывших помещиков, щедро раздавая им бюджетные синекуры, чем, по сути, выступало в качестве их непосредственных спонсоров. Хотя крупные «имения были конфискованы, — пишет глава правительства Грузии, — но их владельцы [дворяне] получали взамен разные привилегии и широко принимались на государственную службу» (*Жордания 1968: 101*). Как можно убедиться, стойкие пережитки феодализма тогда сохранились не только в аграрной сфере, в свойственной ему системе вотчинных кормлений. Теперь уже прежние кормления были восстановлены также в форме административных бенефиций. «Упразднение привилегий, — сказано в 1920 году на страницах тифлисской газеты “Ахали Схиви”, — осталось только на бумаге» (*Махарадзе/Хачапуридзе 1932: 235*). Помещики, соглашается британский автор, сохранили своё положение привилегированного класса (*Ли 2019: 122*). Таким образом, проект самоопределения Грузии, претворённый в жизнь дворянской интеллигенцией, во многом, пожалуй, приобрёл очертания банальной реплики феодального государства и, тем самым, неизбежно стал очередным его переизданием.

Похожей, заведомо провальной попыткой реинкорнации парафеодального правления, по-видимому, был этнократический режим, созданный З. К. Гамсахурдия (Тедеева / Фидарова 2013: 3229-3233). *Культовый философ Мераб Мамардашвили тогда же заметил, что «деятельность Гамсахурдия заключается в подрыве демократических преобразований»* (Мамардашвили 2011: 262). *Потомок мегрельских азнауров, Гамсахурдия был пылким и страстным поборником идей Ильи Чавчавадзе. Со слов же лично знакомого с ним диссидента советских времён, профессора Левана Бердзенишвили, «Звиад Константинович действовал очень напористо. <…> Он объявил независимость, но с оттенками фашизма. <…> В самую первую очередь он был против либералов! <…> Он был [за] некие классические грузинские традиционные*

ценности» (Кобаладзе 2016). *Напомним, что возглавляемое им общество Св. Ильи Праведного создало тесный электоральный альянс с «Союзом грузинских традиционалистов». Он продвигал архаику под видом прогресса, пытался повернуть время вспять. По мнению тбилисского комментатора, одержимость прошлым и уничтожила политическое будущее «звиадизма»* (Мониава 2020б). *Более того, попытка авторитарного правления с его стороны вылилась в гражданскую войну.*

В те же годы у кормила власти в Батуми оказался отпрыск другого аристократического клана – Аслан Абашидзе, личность совсем уж уездного масштаба. Однако его древняя родословная, по всей видимости, «произвела впечатление на подверженного феодальной романтике Гамсахурдия» (Дерлугьян 2010**:** 367), *взявшего под свою протекцию «аджарского льва». Управляя Аджарией авторитарными методами, А. Абашидзе превратил её в 1991-2004 гг. в парафеодальный заповедник. Тем более что сходные с феодальной эпохой «алгоритмы воспроизводятся и сегодня, когда постсоветский Кавказ постигла катастрофичная демодернизация»* (Дерлугьян 2013: 173). *Итак, на примере рефеодализации постсоветской Аджарии хорошо видно, как деколонизация может вступать с миром модерна в очевидные противоречия.*

В меньшевистской Грузии дело не дошло ни до аграрной революции, ни до настоящей реформы отношений в сфере поземельной собственности. Масса мелких арендаторов, противостоявшая многочисленному и крайне влиятельному дворянству, продолжала существовать в сложных экономических условиях.

Малоземелье заставляло большинство крестьян, как и прежде, обращаться к аренде. Их карликовые хозяйства, основанные на архаичной агротехнике, не в состоянии были обеспечить устойчивое повышение продуктивности. В аграрном секторе продолжали превалировать экстенсивные формы производства. В условиях экономического эмбарго это обернулось нехваткой и дефицитом продуктов питания в стране, резко усилились тенденции к росту цен на них в городах, жители которых стали страдать от хронического

голода[85]. Заметим, что в ситуации развала экономики снабжение лояльных категорий населения дефицитными товарами по льготным расценкам имело целевой характер. Власти создали распределительную систему, задача которой заключалась в поощрении своих политических сторонников. Например, у членов подконтрольных социал-демократам профсоюзов был приоритетный доступ к дефицитным продуктам, которые выдавались на основе карточной системы (*Jones 2014: 70*). Если же граждане не были включены в верные режиму структуры, то у них, скорее всего, не было доступа к субсидируемым государством товарам. Так, рабочий от находящегося под опекой правительства социал-демократического профсоюза получал фунт хлеба за 5 рублей в то время, как всякий другой обыватель должен был платить 120—150 рублей (*Квинитадзе 1985: 374*). Тут работал принцип кнута и пряника. Если вы за режим, вы — у кормушки, если же против — то для вас создана система бойкота. Крестьяне же отказывались субсидировать эту политику и за бесценок отдавать продукты государству. Иначе у них пропал бы всякий стимул поддерживать производство даже на минимальном уровне. Таким образом, созданные некомпетентными политиками ножницы цен вызвали кризис хлебозаготовок.

«Страна идёт к катастрофе, — сообщил в октябре 1920 года премьер Жордания, — усилился голод. Крестьянин упорствует, не желая продавать хлеб. Он в известном смысле настроен враждебно против города. Если эта вражда деревни к городу разовьется, то <…> мы будем вынуждены либо умирать с голода, либо прибегнуть к насильственным мерам. <…> Мы полагаем взять у крестьян через посредство уездных земств 10 % кукурузы» (*Махарадзе/ Хачапуридзе 1932: 238*). Социал-демократические власти, пожалуй, оказались не способны выстроить рыночные механизмы регулирования экономики. В кризисной ситуации они обратились к большевистским

[85] Голод в Они // «Борьба», 1920, 5 февраля. № 27.

способам изъятия продовольствия. Кроме того, «крестьяне жалуются, — читаем на страницах прессы, — на народогвардейцев и милиционеров, которые реквизируют у них лошадей, сено и пр.»[86]. В провинции «о хорошей администрации мечтать не приходится, — сетовали в закавказской прессе, — нынешние комиссары обирают поголовно. Буквально на каждом посту [милиции] приходится жертвовать несколько барашков. Население стонет от административных грабителей»[87]. Эти методы увеличивали градус недовольства сельского населения, но не протестный потенциал по стране как таковой.

Таким образом, аграрные преобразования в первой республике являются ещё одним красноречивым свидетельством того, как путём самоопределения Грузии аристократия на практике смогла во многом реализовать свои социальные интересы. Успех этот, увы, оказался фатальным для грузинского истеблишмента. Вероятно, это произошло потому, что бедности и несправедливости в стране не убавилось. Положение же сельских арендаторов осталось прежним, а их представления о переменах не совпали с реальными событиями. «Распределение земель, — читаем на страницах тифлисской газеты “Нор-Ашхатавор”, — произошло в пользу помещиков и кулаков, тогда как малоземельные и безземельные крестьяне остались в прежнем сложном положении. Из-за этого велико недовольство властями»[88]. Крестьяне, равнодушные к политическим свободам, идеям парламентаризма, были одержимы мечтой о переделе земли. Они «требовали от помещиков замель и передачи их крестьянству безвозмездно» (*Махарадзе 1928: 211*). Не получив всей господской земли от меньшевиков, крестьяне пошли за ней к большевикам (*Одишелидзе 1936: 32*). Это была реакция на нежелание

[86] Местная жизнь // «Грузия», 1919, 14 февраля. № 35.
[87] Мусульмане Грузии (Корреспонденция из Борчалинского уезда) // «Азербайджан», 1919, 20 июня.
[88] «Նոր Աշխատավոր», 1919, 12 օգոստոսի:

социал-демократического правительства организовать скачёк грузинской деревни в капитализм посредством антифеодальной революции.

Рождённая из чрева феодализма республика дворянской этнократии, в силу своей социально-экономической архаики была крайне слабой и уязвимой. Этот фактор поставил страну перед перспективой политической катастрофы, что наряду с другими не менее вескими причинами, вело к насильственному упразднению Первой республики. Тем более что поразительно быстрый распад выстроенной социал-демократами системы указывает на то, что этот режим с самого начала оказался неспособен всерьёз разрешить главные социальные и этнонациональные проблемы страны.

* * *

В качестве средства лечения кризисных явлений использовалась отвлекающая терапия, которая содержала в себе изрядный заряд этнонационализма, спрятанного за ширмой деколонизации. Тогда же на страницах издания «революционной партии социалистов-федералистов» газеты «Сахалхо-Сакме» (1918, № 433) было замечено, что официальный Ереван «должен забрать армян не только из Азербайджана, но и из Грузии, так как у нас есть недостаток земли, а в Армении населения. Это оздоровит армянское государство, и та же политика окажет большую услугу правительству Грузии. В прошлом была необходимость приглашать армян в Грузию, но сейчас ситуация изменилась, Грузия отныне должна избавиться от армян»[89]. Тем более что в своей основной массе дворяне решительно отвергали осторожные социальные реформы и предлагали вместо этого отвлекать внимание соплеменников шовинистической пропагандой. «Мы ведём против армян настоящую расовую борьбу, — читаем на страницах столичной прессы. — Эта война должна решить, кто

[89] Վրաց թերթերից// «Ժողովրդի Ձայն», 1919, 22 հունվարի.

будет господствовать на Кавказе. На нашей стороне биологическое и культурное преимущество, а также исторические традиции»[90].

Своим трайбализмом особо отметился Григол Вешапели, настроения которого сводились к жгучей неприязни к «метекам». Как спикер Национальной партии землевладельцев, он сделал лозунг «Грузия – для грузин» её официальным слоганом[91]. Это дало повод подозревать правых радикалов в шовинизме[92]. В столичной прессе публично обсуждали их намерения. «Смысл каждой их речи, — читаем на страницах меньшевистского официоза, — сводился к тому, что все армяне, русские, осетины и проч. – враги грузинского народа, что против них надо принимать репрессивные меры. Изгнание армян в Армению, русских в Россию [вот их требование]»[93]. К слову, подобные настроения тиражировала обособившаяся от НДП группа «Клдэ», которая издавала газету «Националист». Впрочем, публикация этого издания была прекращена властями по цензурным соображениям.

В самой правящей партии также не всё обстояло так гладко, как кажется на первый взгляд. В 1919 году крупный деятель грузинской «левой» социал-демократии Валико Джугели поведал общественности, что «национализм начинает решительно проникать в нашу [партийную] среду»[94]. Мы же полагаем, что это явление не возникло спонтанно и присутствовало уже в достаточно латентном состоянии в их среде ещё на заре возникновения этого политического течения. Пока использовался теоретический социализм в его

---

[90] რასიული ბრძოლა // «საქართველო», 1918, 22 დეკემბერი. № 246.

[91] ეროვნული პარტია // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 148.

[92] «Национальная партия, — пишет наш современник, — занимала крайне правую позицию в партийном спектре республики и характеризовалась резкими шовинистическими заявлениями, особенно во время армяно-грузинского и грузино-осетинского конфликтов» (ირემაძე 2021: 29).

[93] Ни одного голоса грузинским шовинистам //«Борьба», 1919, 2 февраля. № 26.

[94] «Борьба» 1919, 12 декабря. № 284.

марксистском изводе, националистические концепции находились в тени. Британский профессор также говорит про грузинский национализм, приукрашенный ортодоксальными марксистскими терминами (*Шанин 1997: 420*). Более того, тбилисский автор ныне с похвалой называет Ноя Жордания, «одним из величайших националистов» (*Shubitidze 2022: 5*).

Хотя ксенофобия в рядах картвельских социал-демократов была «факультативной», то есть не являлась частью партийной идеологии, тем не менее, была задействована стратегия этнического протекционизма. Стал насаждаться «лингвистический национализм», поскольку его адепты видят в языке единственный капитал, который они могут выгодно вложить (*Малахов 2005: 150*). Знание грузинского языка уже в тот период стало использоваться как удобное средство для вытеснения с государственной службы всех негрузин. «Эпидемия национализма распространялась с небывалой скоростью, поражая все государственные органы, — пишет американский профессор. — Единственный язык, который был общим для всех, — русский — был объявлен вне закона. <…> Русские жители Грузии испытывали большие затруднения и проблемы вследствие торжества воинствующего грузинского национализма[95]. Различные правовые ограничения мешали им, как иноземцам, поступать на гражданскую службу; одновременно искусственно воздвигнутые языковые барьеры заставляли их отказаться от профессии. <…> Тысячи русских чиновников, телеграфных и почтовых служащих, даже железнодорожников потеряли работу. Многие покидали Грузию, распространяя

[95] К 1917 году численность русских в Грузии превышала 189 тысяч или 7,5 % от всего населения, в настоящее же время их менее 30 тысяч (*Ионцев 2014: 135, 142*). Известно, что поселившиеся в Грузии русские, которые поколениями жили рядом с грузинами, в своей основной массе игнорировали грузинскую культуру, не декларировали никакой готовности изучать грузинский язык даже на элементарном бытовом уровне (*Кирчанов 2009: 96*). Напротив, поэт В. В. Маяковский, который про себя говорил: «по рождению я грузин, а по национальности русский», как уроженец имеретинского села Багдади, свободно владел устной картвельской речью.

ненависть к новой республике» (*Kazemzadeh 1951: 197-199*). Медийный шум вызвали увольнения рабочих водоканала и врачей городской больницы[96]. Это стало темой обсуждения в стенах парламента. «Как будто умение обращаться с водопроводными трубами, — риторически иронизировал один из депутатов, — требует знания грузинского языка»[97]. Ряд парламентариев, в том числе картвелы, выражали тревогу по этому поводу. Спикер фракции ПСР **Л.** Киачели (Шенгелая) призвал власти не отходить от «политики равноправия национальностей»[98]. Те же не всегда могли либо не хотели сдерживать всплески этнонационализма. Таким образом, фактический запрет на профессии можно суммировать фразой: «Дело совсем не в том, чтобы вы знали язык, нужно, чтобы вы знали своё место». Форсированная картвелизация администрации, образования и т. д., разумеется не всегда была оправдана в регионах с иноязычным гомогенным населением. Так, в Абхазии вызвала нарекания «замена без всякой надобности русских чиновников грузинскими и стремление повсюду ввести грузинский язык, как обязательный»[99]. Но такие меры должны были удовлетворить аппетиты грузинского этнонационализма. Ведь его адепты требовали реальные доказательства расширения суверенитета Грузии[100].

Следует напомнить, что значительная доля русских и немалая часть армян, не получивших статуса постоянных

---

[96] Хроника: Увольнение врачей // «Закавказское слово», 1919, 8 февраля. № 18.
[97] Речь Л. Г. Туманова в Парламенте Грузии// «Народное знамя», 1919, 22 февраля. № 27.
[98] Учредительное собрание Грузии // «Кавказское слово», 1919, 25 марта. № 53.
[99] Об абхазских делах // «Речь», 1918, 15 ноября. № 42.
[100] Вместе с тем был сделан этапный рывок в развитии национальной культуры. Был основан Тбилисский государственный университет, первый вуз в странах Кавказа. Кроме того, был принят закон о всеобщем и бесплатном обучении в начальных школах. В разы выросло издание литературы и учебников на грузинском языке, на котором теперь была доступна разнообразная пресса (ჯანელიძე/ხოსტაშვილი/ თაქთაქიშვილი 2020). В комплексе эти мероприятия решали задачу качественного укрепления этнического самосознания картвелов.

резидентов грузинской республики, были лишены политических и гражданских прав. Подспудно стал набирать инерцию процесс превращения их де-факто в «метеков» (апатридов), с сопутствующей социальной и экономической маргинализацией. В электоральных процедурах, пожалуй, смогла принять участие только часть городского населения[101]. Ведь власти республики предоставляли гражданство выборочно[102]. Они исходили из списков, подтверждающих принадлежность к прежним традиционным сословиям, очевидному реликту феодальной иерархии[103]. Кроме того, институт гражданства в определённой мере был привязан к картвельской этничности. Таким образом, преднамерено отсекали бóльшую часть из тех, кто поселился в Грузии в период российского колониализма.

В своём обращении к депутатам Учредительного Собрания Грузии члены местного Армянского национального совета отмечали: «Закон 16 июля [1918 года] объявляет гражданами республики, за исключением лиц грузинского происхождения, лишь тех из негрузин, которые могли представить доказательства о приписке к [сословию] какой–либо административной единицы бывших Тифлисской и Кутаисской губерний до 19 июля 1914 года. Такое определение понятия подданства означало в отношении в частности городского населения армян исключение более половины их из числа граждан Грузии»; «в порядке же разъяснений Министерства Внутренних Дел, целые группы армянской интеллигенции, служащих и рабочих не только в государственно–общественных, но даже и в частных учреждениях, оказались не–грузинско–подданными и потому зловредными, почему и снимались с мест и мерами администрации выселялись из

[101] Тифлисская Дума в 1919 году // «Слово», 1920, 1 января. № 1.
[102] Закон 16 июля 1918 г. о подданстве Грузинской демократической республики// «Кавказское слово», 1919, 24 июля. № 148.
[103] Հպատակության օրենքը Վրաստանում // «Յառաջ», 1919, 14 հունվարի:

пределов Грузии»[104]; «результатом такого разъяснения явилось исключение из городских избирательных списков по Тифлису и другим городам большинства негрузин и, в особенности армян, благодаря чему последние оказались почти поголовно лишёнными избирательных прав и, Тифлисская Городская Дума оказалась сплошь грузинской» (*Memorandum 1921: 15, 20*). Таким образом, торжественное обещание соблюдать национальное равноправие на практике нередко не соблюдалось.

«Должна быть разрушена, — читаем на страницах столичной прессы, — наиболее сильная цитадель армянской буржуазии — Сололаки»[105]. Власти с большой долей условности признавали частную собственность местных армян и при каждом удобном случае, под надуманным предлогом старались отобрать у них недвижимость[106]. «Правительство, — призывала печать НДП, — должно встать на путь конфискации армянского капитала»[107]. Закон от 11 июля 1920 года дал муниципальным органам законную власть отбирать практически любое имущество (*Jones 2014: 70*). Администрация прибегала к скупке за бесценок и в рассрочку недвижимости, а фактически к присвоению под угрозой её полной утраты у имущих армянских слоев. Так, перешла в собственность столичного муниципалитета фешенебельная гостиница «Мажестик» (ныне «Мариотт»), которую тбилисцы в просторечии называли «дом Арамянца», по фамилии владельца[108]. На заседании же земского собрания Тифлисского уезда было

[104] Депортации подвергались также лица, обладавшие грузинским гражданством, но «без объяснения причин» (Хроника: Высылка из Телава// «Закавказское слово», 1919, 7 марта. № 39). В прессе власти разместили сообщение о разрешении депортируемым вывозить за пределы страны лишь часть своего имущества: «из расчёта один ковёр на одну семью» (К сведению лиц выселяемых из города Тифлиса//«Борьба», 1919, 12 декабря. № 284).

[105] «საქართველო», 1918, 22 დეკემბერი. № 246.

[106] Принудительное отчуждение и практика органов самоуправления // «Слово», 1920, 26 февраля. № 45.

[107] «საქართველო», 1919, 31 იანვარი. № 23.

[108] Хроника: Отчуждение дома Арамянца // «Борьба», 1920, 1 мая. № 97.

объявлено, что для муниципальной управы «необходимо приобрести дом в собственность. На добровольное соглашение рассчитывать не приходится, так как владелец не предполагает продавать, а рыночная цена не приемлема для земства. Приходится прибегнуть к принудительному отчуждению»[109].

В ситуации, когда положение в экономике неуклонно ухудшалось, «национализация» собственности имущих горожан приобрела уродливый характер. Эту тему затронул А. Д. Джамалян, которому властями Армении в 1918 году было поручено представлять их интересы в Грузии. Он пишет, что «притеснения выступали не под национальной личиной, а как обязывающие всех законы либо правила для граждан, занимающихся торгово-промышленными делами, но ни для кого не было секретом, что их главными жертвами должны были быть армяне, так как эти занятия находились главным образом в их руках. <...> С одной стороны, тяжёлым налогам подвергали торгово-промышленные предприятия армян, всячески затрудняли им создание новых, по обвинению в злоупотреблениях на них налагались тяжёлые штрафы, с другой же стороны, оказывалась всяческая поддержка проявляющим деловые экономические наклонности грузинам, дабы они стали способны конкурировать с армянами»[110].

Власти с видимым сочувствием реагировали на требования ещё очень слабой грузинской буржуазии, стремившейся ограничить экономическое преобладание армянских компрадоров. Наиболее ранний историограф «социал-демократической республики» Яков Шафир в свою очередь также отмечал, что «меньшевики в течение своего краткого существования успели, — в этом надо им отдать справедливость, — сделать многое для нарождения грузинской буржуазии. Этой цели содействовали таможенные рогатки, крайне националистический курс политики в связи с системой государствен-

[109] Земское собрание//«Борьба», 1920, 19 февраля. № 39.
[110] «Հայրենիք», մարտ 1929, 119:

ных монополий, известный закон о подданстве, имевший своей целью ослабление сильного местного конкурента в лице армянской буржуазии» (*Шафир* 1925: 30). Однако практика показала, что покровительство собственной этнической буржуазии оказывалось больше на словах, чем на деле. Непосредственной реакцией на такие действия властей стала утечка капитала в серую зону, ликвидация реального производства и бурное развитие разного рода спекулятивных сделок[111]. Кроме того, спекуляция дефицитными товарами, как известно, является прямым следствием административных запретов, ограничивающих сферу свободного предпринимательства и способствующих развитию теневого бизнеса.

Ничуть не улучшило экономическое положение страны, присоединение к ней в июле 1920 года главного хаба транзитной торговли в Закавказье — Батума. Казалось, обладание этим стратегическим портом, через который шёл основной экспорт и импорт, должно было пополнить казну. Напротив, бюджет продолжал сводится с чудовищным дефицитом и в августе 1920 года последовала катастрофическая девальвация национальной валюты. Грузинские боны обесценились, разом потеряв 132 % своей прежней стоимости к британскому фунту[112]. В ноябре же 1920 года он уже котировался на чёрном рынке в 22 тысячи грузинских рублей (*Хачапуридзе 1951: 5*). Вообще, британцы, которые управляли Батумом полтора года, оставили город в цветущем состоянии. Там кипела и била ключом жизнь, а пёстрая толпа разноязычных коммерсантов была его визитной карточкой. Однако официальный Тифлис не смог толком распорядиться этим достоянием, быстро доведя его до состояния полного упадка. Причиной была монополия внешней торговли, отданная на откуп коррумпированным чиновникам. Поэт Осип Мандельштам, оказавшись вскоре после этих событий в Батуме, уловил царящие

[111] Սպեկուլյացիայի սպառնալիքը // «Բանվորի ձայն», 1920, 26 սեպտեմբերի: № 39.
[112] «საქართველო», 1920, 12 ნოემბერი. № 146.

здесь настроения. Город, — записал он, — живёт блаженной памятью об англичанах[113].

Министр труда и снабжения Г. Эрадзе докладывал председателю правительства, что «промышленность <...> та, что осталась, спешит ликвидироваться и направить свои капиталы на спекуляцию» (*Борьба 1958: 490*). Чрезмерное развитие «чёрного рынка», как следствие, потянуло за собой усиление коррупции и взяточничества. Власти пытались поддержать прожиточный минимум лишь членов профсоюзов путём индексаций их доходов. Галопирующая инфляция быстро обесценила эти выплаты, и положение рабочих и служащих, получающих жалование в грузинских рублях, стало критическим. Дабы успокоить страсти, власти провели показательные аресты торговцев, подозреваемых в незаконных валютных сделках и спекуляцией сахаром[114]. Таким образом, не имея внятного плана создания национальной экономики, правительство хотело остановить нарастание негативных тенденций при помощи лишь полицейских методов.

Стагнационная модель в аграрном секторе себя исчерпала, новую же инновационную модель развития всего хозяйства страны социал-демократы предложить не смогли. Более того, они спонтанно разрушили уже сложившийся к этому времени в крупных городах страны периферийный капитализм. В 1920 году только 19 % рабочих было занято в частном секторе, бóльшая же их часть — 52 % работало на государственных предприятиях. Частный же бизнес, напротив, едва сводил концы с концами (*Ли 2019: 143*). Буржуазный класс практически исчез, не успев толком появиться. Экономический режим в Грузии к началу 1921 года скорее напоминал эрзац НЭПа, который вскоре стали внедрять большевики. «Дороговизна у нас растёт неимоверно, — читаем в грузинской прессе, — вместе с дороговизной растёт

[113] «Огонёк», 1923, 12 августа. № 20. С. 2-6.

[114] სპეკულიანტები // «ერთობა», 1920, 28 სექტემბერი. № 219.

спекуляция, в то время, когда одни зарабатывают миллионы, трудящиеся массы голодают, дрожат от холода, нищенствуют их семьи. <…> Спекуляцию породила наша экономика, наш ложный финансовый аппарат. Поэтому борьба с дороговизной путём увеличения заработной платы, индексацией цен на продукты либо арестами спекулянтов ни к чему не приведёт. <…> И всё это происходит в свободной Грузии, в период социальных революций и господства социалистического правительства»[115]. Таким образом, системный кризис экономики прежде всего был обусловлен социальными причинами — стойкими пережитками феодализма. Ведь ради корпоративных интересов дворян республиканские власти не только обрушили бизнес-структуры компрадоров, но и обделили часть своих крестьян землей, тем самым жёстко ограничив пределы роста товарных рынков.

В период разложения феодализма в Грузии, «страна вместо движения вперёд, деградировала» (*Махарадзе 1933: 7*). Причиной, пожалуй, был слабый и крайне медленный процесс формирования капиталистических отношений в гуще картвельского этноса. В Грузии не возникло буржуазное общество равных социальных возможностей. Здесь сохранилась рентная модель собственности, что характерно для обычного феодализма. Это положение дел создавало благоприятные условия для социально-политической инволюции, иначе «консервативной революции».

* * *

Концептуально «управляемая демократия» полностью соответствовала представлениям правящего класса Первой республики о национальном социализме. «Понимание того факта, — пишет немецкий социолог эпохи модерна, — что только [пролетарские] массы способны помочь старой аристократии возродиться, превращает в демократов

[115] «საქართველო», 1920, 12 ნოემბერი. № 146.

даже приверженцев консервативных взглядов» (*Михельс 2000: 109*). Это свидетельство очевидца событий весьма многое объясняет в вопросе повального увлечения демократической и социальной риторикой деклассированных выходцев из феодальных кругов. Нечто подобным отметилась та часть картвельского нобилитета, которая после своей имущественной «пролетаризации», превратилилась в адептов марксистской доктрины. Примечательно, что в постсоветский период возрождения грузинской социал-демократии не произошло. Хотя, казалось бы, громкое историческое наследие могло бы стать той функциональной базой, которая обещала создать наиболее оптимальные условия для кардинальной декоммунизации по примеру стран Восточной Европы, где партии левого центра занимают столь респектабельные позиции. Этот красноречивый факт, полагаем, служит лишним подтверждением того, что в Грузии в эпоху модерна на самом деле ещё не было всех необходимых условий для перехода к институциональной демократии. Местный меньшевизм, признаем, был лишь удачной «демократической» мимикрией части феодального истеблишмента, который канул в Лету вслед за его творцом — дворянской интеллигенцией.

Позиционируя себя как «классических социал-демократов европейского типа», грузинские меньшевики таковыми никак не являлись. Впрочем, для подобного в тогдашней Грузии не имелось ни малейшей опоры. Не существовало ни индустриального рабочего класса, то есть мощных тред-юнионов, ни развитого среднего сословия, ни хотя бы товарных хозяйств фермерского типа. Была лишь огромная масса взбаламученного социальными катаклизмами патриархального населения и оседлавшая в силу суммы случайных совпадений волну событий дворянская интеллигенция, подстёгивавшая эти массы красивыми, но совершенно фантастическими лозунгами, однако решительно неспособная (напомним хотя бы, как буксовала земельная реформа) претворить их в жизнь. Недаром же с момента своего возникновения власть грузинских мень-

шевиков, как мы уже убедились, неуклонно дрейфовала к странному симбиозу идей, как Карла Маркса, так и Ильи Чавчавадзе, которого учителем не считали, но на идеях которого, тем не менее, росли. Они правили, пожалуй, сочетая пропаганду, репрессии и популизм, когда по ходу выстраивались патронажные механизмы внутриполитического контроля и перераспределения экономических активов. Так, британский журналист Карл Эрик Бехофер, побывав в «стране золотого руна», поделился своими впечатления. Он резюмировал, что «свободное и независимое социал-демократическое государство Грузия навсегда останется в моей памяти как классический пример империалистической “малой нации”. Как в захватах территорий во внешней политике, так и во внутренней бюрократической тирании, её шовинизм не знал предела» (*Bechhofer 1921: 14*). Таким образом, апелляция к этнонационализму оказалась чрезвычайно удобной в ситуации, когда это избавило дворянский политический класс от выдвижения каких-либо новых социальных альтернатив.

Впрочем, выступив в качестве главного медиатора рассмотренных нами процессов трансформации грузинского дворянства, социал-демократическое правительство в конце своего пути, по словам З. Д. Авалишвили, «очутилось на столь узком карнизе, что сбросить его вниз оказалось возможным простым щелчком» (*Авалов* 1924: XI). Судьба Первой республики зависела, прежде всего, от того, какую позицию займет самый многочисленный социальный слой Грузии — крестьянство. Оно же было обмануто в своих самых сокровенных надеждах. В критической ситуации, увы, широкие массы продемонстрировали безразличие к суверенитету своей страны. Они заняли место стороннего наблюдателя в тех драматических событиях. Как говорит очевидец, «земельная реформа не удовлетворила крестьян, а в экономическом и финансовом отношениях мы шли к краху» (*Квинитадзе* 1985: 9). Первая республика, пожалуй, не была бы так скоро раздавлена, если бы грузинское общество не пришло бы к

убеждению, что квазифеодальный режим себя исчерпал и обанкротился. Тем более что кризис затронул также сам правящий лагерь. Череда шумных скандалов испортила репутацию меньшевиков, а вместе с ней – покачнула рейтинг правящей партии. В ней начался разброд, усилилась фракционная борьба, которая запустила процесс деструкции парламентского большинства. Валико Джугели, на страницах «Эртобы», досадливо констатировал, что «партия наша распадается»[116].

Группа депутатов (Мухран Хочолава и др.), несогласная с «провальным политическим курсом»[117], покинула фракцию СДРПГ. Они образовали собственное объединение — партию «Схиви» («Луч»), крестьянскую по-своему характеру[118]. Кстати, один из её инициаторов — Кириле Нинидзе и его семья принудительно были выселены из ведомственной квартиры, которую занимал политик. В прессе этот факт был оценён, как преследование, поскольку он резко критиковал промахи властей*[119]*. В то же время меньшевист- ская печать утверждала, что лиц с оппозиционными настроениями не изгоняют из рядов партии, а она открыта для дискуссий*[120]*.

Власти были близки к тому, чтобы признать ситуацию тупиковой. Они ещё пытались спасти положение популистской риторикой. «Ной Жордания ссылался то на Каутского, то на царицу Тамару, — с лёгкой иронией вспоминал известный литератор, посетивший Грузию в сентябре 1920 года. — Жители же Тбилиси ругали меньшевиков, говорили, что их песенка спета» (*Эренбург 2000: 106*). С каждым днём прибывающие экономические проблемы уже казались многим непосильным бременем для страны. На страницах же издания

---

[116] მივხედოთ პარტიას // «ერთობა», 1920, 2 დეკემბერი. № 275.

[117] დამფუძნებელი კრების ფრაქციები // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 124.

[118] «ახალი სხივი», 1921, 13 თებერვალი. № 7.

[119]ადმინისტრაციისა და გვარდიის გაწმენდისათვის // «სამუსლიმანო საქართველო», 1921, 16 იანვარი. № 503.

[120] «ერთობა», 1921, 25 იანვარი. № 17.

федералистов «Сахалхо-Сакме» возмущались: «Наша страна дошла до катастрофического состояния. Хозяйственная анархия, полная путаница и неустройство — вот что характеризует нашу действительность»[121]. Ситуацию усугубила политика полного эмбарго, запрета советскими властями, прежде всего на вывоз бакинских нефтепродуктов в Грузию. Премьер Жордания в октябре 1920 года выступил перед участниками экономического совещания. В своей речи он объявил: «Сегодня всякий видит, что мы изо дня в день приближаемся к экономической катастрофе»[122]. Это признание вызвало немалую бурю эмоций. В своей печати национал-демократы отозвались целой филиппикой, в которой они заявили: «Кризис не только экономический, но и политический, и моральный. Это — полное банкротство. Если не сегодня, то завтра страна наша полетит в бездну»[123]. Создавшаяся печальная ситуация возникла, пожалуй, как результат отсутствия у правящей партии развёрнутой программы социально-экономических мероприятий. Власти большей частью действовали спонтанно, без необходимой экспертизы, плохо представляя последствия своих решений.

Структурный кризис, прежде всего, был продиктован внутренними причинами, а именно неспособностью правящего аппарата преодолеть разъедающую коррупцию, унылую экономическую ситуацию, другие деструктивные тенденции и вывести страну из зоны турбулентности. По оценке американского эксперта, «Грузия не смогла осуществить какие-либо амбициозные реформы из-за отсутствия институтов, ресурсов и честных государственных служащих» (*Jones 2014: 75*). Кроме того, бушевавший в стране экономический кризис нивелировал обещанный социал-демократами «социальный контракт» с плебейской частью городского населения.

---

[121] «სახალხო საქმე», 1920, 21 დეკემბერი. № 1009.

[122] «საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 15 ოქტომბერი. № 233.

[123] «საქართველო», 1920, 16 ნოემბერი. № 149.

Таким образом, власти допустили сползание страны в глубокую хозяйственную депрессию, которая нанесла сильный удар по общей устойчивости режима. Рядовые грузины были измучены, сбиты с толку и разочарованы. Многие простые люди были абсолютно деморализованы и часто впадали в отчаяние. Надломленные, они готовы были сдаться раньше, чем их к этому принудят.

Кроме того, форс-мажор в социально-экономической сфере создал печальный фон, ощущение падения легитимности правительства. Оно, как утверждает очевидец, «среди всех слоёв перестало пользоваться авторитетом и, конечно, популярностью» (*Квинитадзе 1985: 9*). Парламентская оппозиция, и «левая», и «правая», стала дружно призывать к его отставке[124]. Так, на страницах своей прессы («Шрома», 1919, № 56) грузинские эсеры, которые защищали интересы сельских арендаторов, настойчиво высказывались за «ликвидацию меньшевистского господства» (სართანია 2019: 67). Они требовали перемен, но в рамках парламентской системы. Другое дело, что у этих групп отсутствовали харизматические вожаки, способные повести за собой людей. А плебейской революции они боялись, потому что видели, что произошло вокруг после Октября. Им очень не хотелось в своей стране повторять судьбу России.

Хозяйственная разруха, впрочем, наложилась на уже достаточно зыбкую военно-политическую ситуацию. Атмосфера агонии Первой республики обрисована яркими красками в воспоминаниях непосредственного участника тех событий. Мемуарист сообщает, что даже в Имеретии, этой цитадели грузинской идентичности, «местное население держало себя очень угрожающе» по отношению к собственным властям. Военные вынуждены были взять в сёлах заложников и объявить, что те, «при малейшей враждебности жителей, будут расстреляны» (*Квинитадзе 1985: 325*). Причём

[124] რას თხოულობს ოპოზიცია// «ერთობა», 1920, 14 ნოემბერი, № 260.

неповиновение в первую очередь было связано именно с кризисом доверия. Таким образом, утверждения Г. К. Орджоникидзе, что массы крестьян Кутаисской губернии готовы были восстать с вилами против власти (*Жвания 1987: 289*), — это не миф, созданный большевистской пропагандой. Отсутствие лояльности выразилось в массовом (более 50 %) дезертирстве новобранцев[125], что стало хроническим недугом армии. «Никогда, — с досадой говорит Акаки Рамишвили, — у нас не было так много дезертиров» (*Ramishvili 2006: 113*). К примеру, целый пехотный батальон отказался сражаться с аджарскими инсургентами и самовольно покинул боевые порядки. Дабы восстановить дисциплину в рядах взбунтовавшихся солдат, пришлось казнить зачинщиков мятежа (*Квинитадзе 1985: 210*). Крутые меры, однако, не переломили тенденцию разложения армии. Солдаты, голодные, набитые в грязные, завшивленные казармы, роптали. Интенданты их обворовывали нещадно. Войска ещё до начала решающих сражений теряли и воинский дух, и облик. Так, 7-й пехотный полк «весь, целиком бросил свои позиции и удрал. <…> На Сухумском фронте 300 [солдат] мингрельцев со всем своим вооружением перебежали на сторону русских. <…> Все 1100 солдат Сухумского фронта, после отхода за р. Бзыбь, ушли <…> разошлись по домам» (*Одишелидзе 1936: 32*). Князь А. К. Гедеванишвили, заместитель главы военного ведомства, предложил свой рецепт решения наболевшей проблемы. «Чтобы создать [национальную] армию, — размышлял он, — надо сформировать отряды из дворян, а эту сволочь [т. е. крестьян] заставить силой служить» (*Квинитадзе 1985: 256*).

В причинах бойкота собственной власти попытался разобраться один из очевидцев. «Народ, — рассуждал он, — не видит никаких благ для себя от того, что где-то там в Баку или Тифлисе разъезжают на автомобилях его государственные деятели, что где-то существуют парламенты и развеваются

[125] დეზერტირები // «საქართველო», 1919, 2 ნოემბერი. № 238.

наскоро изобретённые национальные флаги. Народ этот не будет отстаивать грудью независимость своих министров» (*Эльде 1919: 16-17*). Хотя это мнение было высказано очевидно враждебно настроенным комментатором, он весьма верно предсказал последующую динамику развития событий.

«Следовало бы задуматься над тем обстоятельством, — пишет грузинский генерал, — как это случилось, что Грузия выставила в последнюю европейскую войну для защиты России не менее 150000 человек, и та же Грузия после 2-3 лет самостоятельного существования при своём всенародно избранном правительстве для защиты своей столицы дала лишь 9-10 тысяч человек?!» (*Квинитадзе 1937: 14*). Эта горсточка грузин оборонялась отчаянно, но переломить ситуацию в свою пользу им было не под силу. Не имея ни откуда помощи, они были предоставлены сами себе. Ясно, что эти скудные силы не могли сопротивляться без конца. Они были быстро исчерпаны. Учитывая, что даже такие мизерные резервы смогли нанести по РККА ряд успешных контрударов и серьёзно потрепать красных на поступах к Тифлису, дело обороны страны выглядело отнюдь не столь безнадёжным. Сложно, тем не менее, не заметить факт саботажа патриотической кампании большей частью населения. Кремль правильно рассчитал, что после падения её столицы Грузия будет завоевана не просто быстро, но и сравнительно малой кровью. При обороне провинциальных центров не было оказано стойкого сопротивления, а большинство их жителей отнеслись к событиям безразлично. Очевидно, что грузинам не хватило тогда внутренней солидарности.

* * *

Агония социал-демократической республики продолжалась, как известно, около месяца (1921 г., февраль-март) и закончилась её насильственным упразднением. Профессор истории А. Микаберизе говорит, что «первая республика была ликвидирована в результате внешнего вторжения со стороны

Красной Армии, а не в результате внутренних факторов» (*Чарквиани* 2017). Напомним, что быстрому успеху РККА дефакто содействовала Ангора, которая открыла «второй фронт» и оккупировала южные районы Грузии. А в том, что Антанта не вмешается, вожди большевиков уже не сомневались. Ведь ни в Вашингтоне, ни в Париже либо Лондоне не пошевелились, когда турки накануне вторглись в Армению и заняли бóльшую часть страны.

Разумеется, что без красной интервенции путч, который намеревались поднять просоветские элементы, практически не имел шанса на успех. Констатация этого обстоятельства есть в ведомственной переписке советских функционеров. «Правительству Грузии приходится туго, — сообщал А. Л. Шейнман, полпред РСФСР в Тифлисе, — но внутри нет сил, которые могли бы его свергнуть. Коммунистические силы обескровлены» (*Жвания 1987: 329*). Поясним. Когда официальный Тифлис заключил договор с Москвой, он обязался легализовать деятельность компартии на своей территории. Это позволило «особому отряду» легко вычислить ячейки большевиков, которые были быстро разгромлены. «Наши силы высланы [из Грузии] либо находятся в тюрьме», — сокрушались советские функционеры (*Жвания 1987: 317*). Ленинцы, прилагали все свои усилия, но оставались маленькой сектой, занимавшей маргинальное положение в грузинской политике.

Впрочем, очевидный внутренний кризис, в результате чего страна стала лёгкой добычей внешнего врага, отрицать тоже довольно сложно. Ответственный за советизацию Закавказья Г. К. Орджоникидзе обнадёживал Ленина: «Положение в самой Грузии таково, что без особого труда мы с ней покончим» (*Муханов 2019б: 151*). Тогда же об этой перспективе предупреждали вдумчивые комментаторы. «Опасна вовсе не внешняя сила, — читаем на страницах газеты “Ахали

Схиви" в декабре 1920 года, — а наше внутреннее бессилие»[126]. Впрочем, достаточно однозначных мнений по этому вопросу нет даже в картвельском интеллектуальном сообществе. На этом акцентирует внимание участник событий князь Шалва Амирэджиби. «Отчего больше погибла Грузия, — писал он в эмиграции, — от внешнего большевизма или от внутреннего меньшевизма, является до сих пор самою злободневною темою споров между грузинскими националистами» (*Амирэджиби 1937b: 17*).

Говорят, что насильственная советизация не позволила социал-демократическим властям довести начатое ими дело до его успешного завершения (*Ли 2019: 244-249*). Наряду с восторженными отзывами, присутствуют также критические выпады в адрес правящей верхушки. *Видный дипломат с укором называет их* «группой партийных вожаков, сбросить [которых] в Черное море оказалось сущим пустяком» (*Авалов* 1924: *XII*). Литературное же наследие замечательного прозаика Чабуа Амирэджиби содержит его собственную оценку тех событий. «Взявшись строить государство, — пишет он, — меньшевистское правительство освобожденной Грузии обратилось к революционной методологии — посулам, лжи, трёпу, пропаганде идей. Результаты не замедлили сказаться: грузинские большевики ввели русские войска, торжественно вернули собственную родину всё тому же поработителю и своё предательство сочли геройством» (*Амирэджиби* 1996: 44).

Без помощи западных союзников, неготовых, впрочем, гарантировать суверенитет Грузии, её правительство не имело достаточных средств защитить свою страну. По мнению же профессора политологии Торнике Шарашенидзе, если даже РККА в 1921-м году не вошла бы в Грузию, в итоге, Первая республика всё равно не смогла бы долго выстоять (*Чарквиани* 2018). Ведь выбор модели «социал-демократической республики», без учёта всего комплекса местных этнических,

[126] «ახალი სხივი», 1920, 12 დეკემბერი. № 33.

культурных и религиозных условий, изначально придал этой конструкции хрупкость. Напомним, что вся периферия, за исключением, разве что столицы и ещё двух-трёх крупных городов, продолжала жить по традиционным устоям прошлых веков. «Грузины, — пишет Ной Жордания, — мужественно защищали свои исконные традиции, но понятия не имели о той европейской культуре, к которой мы хотели, чтобы они двигались» (*Shubitidze 2022: 4*). Откуда тут было взяться ресурсам для вестернизации. Тем более на базе свободной конкуренции? Как правило, без социальной модернизации по западной модели и вестернизированного образа жизни, демократические процедуры превращаются в пустую имитацию. Грузинский парламентаризм, который создавался в спешке и на ходу, отнюдь не был изначально обречён на успех. События говорили о том, что он даже в обозримой перспективе не сможет устойчиво встать на ноги. «В грузинской политике, — пишет американский эксперт, — наблюдается перманентный цикл: "демократический" прорыв быстро возвращается к новой форме авторитаризма» (*Jones 2013: 5*). Таким образом, картвельское сообщество продемонстрировало свою способность также к инволюционному движению, когда политическое время — в отличие от астрономического — катится вспять в прошлое. Причина этого явления, на наш взгляд, кроется в традиционном патернализме, из-за которого после каждого рывка вперед происходит естественный откат назад.

Можно ли через эту призму рассматривать короткий опыт Первой республики? Очевидно, да. Ведь важным симптомом авторитарного разворота стал курс на объединение всех социальных групп в «национальный фронт» во главе с Ноем Жордания. Это был очевидный ребрендинг прежней традиционалистской формулы об «общей почве», популярной в среде этнонационалистов. Кроме того, феодализм при меньшевиках не умирал ни на минуту. Его элементы даже встали на путь частичной реабилитации. Например, аффирмация прав аристократов на поземельную ренту и раздача им

должностных бенефиций, приняла системный характер. Ограничения же для капитала компрадоров путём административных мероприятий стали повседневной практикой. Это был чисто дворянский проект, который не имел ничего общего с крайне необходимой буржуазной модернизацией. Тот же фактор, пожалуй, вызвал острый конфликт с осетинским населением. Он был следствием антагонизма между крестьянами и помещиками, за спиной которых маячило меньшевистское правительство. Это придало, — пишет наш современник, — социальному конфликту этническую окраску — грузинские власти защищали интересы грузинских землевладельцев против осетинских крестьян (*Сапаров 2018: 235*). Тренд этот обусловлен был архаичной социальной матрицей, которая сохранила свои основные базовые характеристики.

По мнению британского учёного, грузинские меньшевики вопреки своей воли «оказались лидерами не социальной, а национальной революции» (*Кинг 2020: 79*). Мы же полагаем, что в первой республике как для первого, так и для второго не было достаточных ресурсов. Объясним почему. Принято считать, что движения этнического самоопределения проходят три основных этапа развития. Во-первых, это фаза культурного возрождения. Во-вторых, наступает фаза интенсивной патриотической агитации. В-третьих, национализм перерастает в фазу массовой мобилизации (*Тишков/ Шнирельман 2007: 8*). Очевидно, что на последнем этапе происходит рождение политической нации в горниле национальной революции. Грузинский же эксперт пишет, что вплоть до советизации «развитие национализма в Грузии преодолело первые две фазы, но так и не достигло третьего этапа» (*Sabanadze 2009*). Ведь здесь практически отсутствовало влиятельное третье сословие, которое взяло бы на себя роль вождя национальной/антиколониальной революции.

Третье сословие, явившееся в Европе двигателем крутых социальных изменений, не было таковым в Грузии. Поскольку, в условиях отсутствия в стране развитого капи-

тализма, мещанство оказалось самым тесным образом связано с нобилитетом. Эти слои нуждались в сохранении прежних социальных порядков и не рассматривали пережитки феодальной системы в качестве тормоза для экономики страны. Напомним, что в феодальной экономике господствующая социальная группа получает рентный доход. Проблема в том, что в её рамках земельная знать не может сменить рентный ресурс на рыночную экономику без своего полного саморазрушения.

Таким образом, речь может идти лишь о русской революции 1917 года, которую в Тифлисе получили из Петрограда, как остроумно заметили грузинские мемуаристы, то ли «по почте» (*Жордания 1968: 73*), то ли «по телеграфу» (*Квинитадзе 1985: 18*). В Закавказье она была чисто инерционной и имела здесь вторичный характер. Эта волна прежде всего держалась на деморализованных солдатах Кавказского фронта, которые местными национал-революционерами рассматривались в качестве враждебной силы (*Kandelaki 2019: 329*). После же их демобилизации и эвакуации вглубь России, плебейская смута быстро исчерпала свою деструктивную энергию. В итоге, она не успела всерьёз затронуть Грузию. Во-первых, из-за отсутствия внутриэлитного раскола в дворянской среде. Во-вторых, из-за несовпадения социальных интересов разноязычного городского плебса и картвельского крестьянства.

Кроме того, гражданское сообщество появляется там, где люди получают право на свободу от всех видов угнетения. Однако грузинское крестьянство, зависимое от помещиков, осталось в той же самой унизительной экономической и социокультурной архаике. Это не позволило перековать феодальный «этнос» в гражданский «демос» — буржуазную нацию. Таким образом, череда событий, связанная с Первой республикой, пожалуй, не была антифеодальной/буржуазной/народной/социальной революцией.

Тогда что же произошло? На наш взгляд, в меньшевистской Грузии случилось нечто очень похожее на польский кризис 1830-1831 годов. Это событие, по мнению Фридриха Энгельса, «не было ни национальной революцией, ни социальной <…> оно ничего не изменило в положении народа. Это была консервативная революция» (*Макс/Энгельс 1955: 492*). Она стала апогеем дворянского освободительного движения в Польше, которое сочетало революционность и традиционализм.

Кризис Первой республики достиг такой глубины, что не мог быть купирован прежними социальными компромиссами. Косметические же методы имели лишь временный эффект. Советский проект был отвергнут, как, впрочем, и буржуазные порядки. Остался «третий путь», о выборе которого с трибуны парламента объявил Ной Жордания. Им же были раскрыты принципы, заложенные в основной закон страны. «Это будет первая конституция, — сообщил премьер, — построенная на демократическом и социалистическом фундаменте, которую мы противопоставим всем существующим буржуазным и большевистским конституциям. Это будет конституция третьего типа (sic!), действительно народная и вместе с тем социалистическая»[127]. В итоге, в конституцию были внесены статьи, которые допускали принудительную экспроприацию имущества (*Ли 2019: 202*). Прогрессивные же её положения демократического жанра имели лишь декларативный характер (*Constitution 2012*). Российский историк верно заметил, что речь идёт о мёртвом документе, но никак о его реализации на практике (*Муханов 2019а: 100-105*). Общий опыт ряда европейских стран (Польша, Латвия, Литва и др.), где конституции с подобным содержанием вскоре были заменены на авторитарные, подтверждает этот вывод.

«Мы, — иронизирует грузинский генерал, — вообще, стремились доказать всему миру, что наша страна в деле устройства

[127] «Борьба», 1920, 8 декабря. № 280.

демократии открыла Америку» (Квинитадзе 1985: 251). *На страницах же меньшевистской прессы читаем смелые заявления, что «Грузия является страной, в которой демократия получила своё завершение»*[128]. *Впрочем, когда речистые пропагандисты убеждали простых грузин, что демократия в их стране победила, битва за её свободу уже была проиграна.*

Российский политический эксперт Елена Пономарёва пришла к убедительному выводу, что эволюция от квазидемократии к авторитарному режиму есть закономерная фаза исторического развития в странах периферийного капитализма. Среди факторов, определивших этот транзит в целом ряде стран Европы в период между мировыми войнами ею названы: отсутствие демократических и парламентских традиций; слабость среднего класса; преобладание крестьянского населения, как правило, равнодушного к демократии; чрезвычайно сложная экономическая ситуация; вождизм; идея построения этнического государства; национализм и т. д. (Пономарева 2009: 11).

Заметим, что все перечисленные выше факторы ясно наблюдались в «веймарской» Грузии[129]. *Не случись навязавшей репрессивные порядки грузинам внешней интервенции, по-видимому, их стране вскоре предстояло самой пройти тернистый путь формирования антидемократического режима. Это тем очевиднее, что тенденции к консолидации местной власти в форме авторитарной этнократии были на лицо.*

Кроме того, печальные рассуждения об «убийстве большевиками грузинской демократии» вдребезги разбиваются при минимальном экскурсе в историю хоть сколько-то сходных тогда с Грузией в социально-экономическом плане европейских стран (Испания, Италия, Португалия и т. д.), где политический традиционализм стал питательной средой для «консервативных революций» (Нестерова 2000). *Там, как известно, произошла стремительная метаморфоза незрелых демократий в персоналистские*

[128] Грузия и К. Каутский//«Борьба», 1920, 13 октября. № 232.

[129] Фраза «веймарская» Грузия здесь употребляется в значении крайне слабой республики парламентского типа, которую, как и Веймарскую Германию, изнутри успешно атаковали разного рода политические экстремисты (*Ли 2019: 174*).

диктатуры[130]. *Тем более что эти страны в своё время уже отметились половинчатыми мерами при внедрении антифеодальной программы.*

Рассматривая эти события в синтазе с грузинской социальной архаикой, пожалуй, можно сделать вывод о прологе «консервативной революции», образ которой наметился в качестве исторической альтернативы для парафеодальной Грузии. Ведь три источника, три составные части её местного аналога — национальный социализм, феодальный традиционализм и дворянская этнократия — были главными маркерами грузинского политического ландшафта. Таким образом, заметный тренд на авторитарный разворот стал реакцией на традиционный патернализм и нежелание меньшевистского правительства организовать буржуазный уклад на основе социальной конкуренции. В итоге Грузия не смогла вырулить на успешный путь развития собственного национального капитализма.

«Мы видели партийную массу, — вспоминал ветеран "народной гвардии", — там, в дни борьбы, и познали её натуру. Эта масса физически и духовно чужда марксизму» (Цагурия 1939: 20). *Кадровый состав СДРПГ стремительно разросся, когда эта политическая сила стояла у руля власти. Однако советизация нанесла по этой партии смертельный удар. Она стала терять прежний вес и вскоре начала быстро дробиться. «Грузинский же марксизм, — пишет очевидец событий, — совершенно разгромлен. У господина Жордания не держится не только "национальный фронт", но разбежалась своя собственная партия»* (Амирэджиби 1935: 12).

[130] К месту, полагаем, вспомнить опыт Веймарской республики, основанной в 1918 году немецкими социал-демократами. По мнению швейцарского автора Армина Молера, она проложила путь для консервативной революции в Германии. Более того, этот термин он сделал базовым в своей программной книге (*Молер 2017*). Выяснилось, что для немецкого социума, с его фрустрированной капитализмом потомственной аристократией и громадной массой разорённых мировым кризисом лавочников, с их патерналистскими ожиданиями, парламентаризм в условиях жёстокой экономической депрессии не представлял жизненной необходимости. Поэтому он оказался слишком шатким, не смог обеспечить стабильное функционирование демократического режима.

Однако это был не разгром, а скорее перерождение. Этот процесс, который начался задолго до советизации, наиболее выпукло проявился в эмигрантских кругах. Часть актива меньшевиков перешла на позиции «неосоциализма»[131] *и образовала организацию «Орнати»*[132]*. Этот крутой разворот в их среде произошёл на почве интегрального национализма. Эти меньшевики противостояли отнюдь не социализму в марксизме, а содержащимся в нём демократическим элементам. И по мере того как становилось всё более очевидно, что эти элементы мешают осуществлению национального социализма, отказавшиеся от ортодоксального марксизма меньшевики постепенно смыкались с традиционалистами. В результате возник союз левых и правых антикапиталистических сил, своеобразный сплав радикального национализма и консервативного социализма.*

В числе ренегатов оказался князь Ладо Эмухвари, видный меньшевистский функционер. Он выступил с заявлением, что «считает грузинский марксизм абсолютно антинациональным фактором»[133]*. Порвавшие с социал-демократией экс-меньшевики в эмиграции объединились с партией «Тетри Гиорги»*[134]*. Эта структура бравировала своими профашистскими симпатиями, так как тогда это был новый и популярный в среде правых радикалов политический тренд. Признаным её спикером стал князь Михако Церетели. Его взгляды сочетали стойкую приверженность монархизму и восхищение персоной Бенито Муссолини. К сменившим свои знамёна меньшевикам примкнул небезызвестный Шалва Маглакелидзе, который возглавил «Фашистское движение Грузии», военнизированное крыло традиционалистов* (Джавахишвили 2009: 175; Кирчанов 2015б: 196). *Ведь одной из базовых основ фашизма является культ прошлого. Отсюда увлечение авторитарными режимами целого ряда участников грузинских эмигрантских*

---

[131] Доктрина западноевропейских правых социалистов (Марсель Деа и др.), которые бесповоротно отвергли марксизм, отождествив это учение с казарменным коммунизмом большевистского типа. В то же время они оставались противниками капитализма. В качестве альтернативы ими выдвигалась концепция «конструктивной революции» — преобразований на основе национальных традиций. Установка на корпоративизм, способствовала эволюции части адептов этой доктрины в направлении фашизма.

[132] «Национальное Единство» // «Кавказ», 1935, № 4. С. 25.

[133] Письмо в редакцию // «Кавказ», 1938, № 2. С. 36.

[134] Слияние «Тетри Гиорги» и «Орнати»//«Кавказ», 1935, № 2-3. С. 35.

объединений. Так, члены «Союза грузинских дворян» (князь А. Амилахвари, князь Э. Вачнадзе, князь Д. Джорджадзе и др.) отправились в Испанию и присоединились к франкистам. Они сражались в рядах терции «Наварра», состоящей из карлистов, чей «религиозный пыл, традиционализм и крайний монархизм, смыкались с тем, во что верили эмигранты» (Ковалевский 2021: 14, 16). *Более того, прозаик Григол Робакидзе, зачастую именуемый в Европе лучшим грузинским романистом, посвятил диктаторам наполненные патетикой свои произведения: «Адольф Гитлер. Взгляд иностранного поэта» и «Муссолини. Отмеченный солнцем»* (Никольская 2004). *Он стал одним из инициаторов и внёс свою важную лепту в учреждение «Союза грузинских традиционалистов», где кресло главы занял князь Ираклий Багратион-Мухранели, потомок правившей некогда в Грузии династии. Концепции же картвельских традиционалистов отражены на страницах парижского журнала «Картлоси», где редактором был Виктор Нозадзе, в прошлом приверженец марксизма* (Нозадзе 1990а: 143-145). *Его переход в лагерь правых радикалов не имел случайный характер, а приобрёл все признаки идейной переориентации тех меньшевиков, которые прежде уже были адептами «национального социализма».*

Таким образом, складывающиеся в Грузии в период первой республики тенденции, по-видимому, вывели страну на путь «консервативной революции». Однако, в силу сложившихся обстоятельств ряд её важных признаков проявили себя в полной мере лишь после фиаско социал-демократической республики. Так, в структуре ведущих грузинских политических сил, вытесненных советским режимом в эмиграцию, стали доминировать группы с ярко выраженной традиционалистской окраской. Их выход на передний план невозможно объяснить лишь разгромным поражением грузинских социал-демократов в смертельной схватке с коммунистическим режимом. Это будет, на наш взгляд, весьма поверхностный вывод. Ведь меньшевики наряду с традиционалистами сами были частью освободительного движения. Те же, в отличие от верных марксистов (И. Церетели и др.), совершенно не зачахли, а, напротив, продолжили отчаянную борьбу, вобрав в

свои ряды перекрасившихся меньшевиков. В виду того, что все эти группы состояли из национал-революционеров, тем проще было осуществить подобную конвергенцию.

Напомним, что дворянский политический класс вынужден был действовать в крайне экстремальных и тяжких условиях. Прежде всего, ему удалось восстановить собственную этническую государственность. Это была мечта, которая не покидала картвельский нобилитет всё предыдущее столетие. Проект же институционализации «социал-демократической республики», который был сформулирован премьером Жордания и его соратниками, оказался недостаточно убедительным для большинства грузин. Он выглядел утопией на фоне местных реалией. Ведь созданный вождями СДРПГ архетип власти призван был решить важнейшие для режима этнократии задачи. Во-первых, реформировать местную феодально-патриархальную систему в «грузинский социализм» (тактика социального компромисса). Во-вторых, противопоставить его «военному коммунизму» — ленинской модели «казарменного социализма» (доктрина социального равенства). Хрупкость всей этой конструкции обнаружилась в ходе принудительной советизации, когда оказалось, что прежние экономические, социальные и этнические проблемы никоим образом не разрешились, а напротив, проступили в ещё более острой форме. На наш взгляд, не последнюю роль в сумме фатальных вызовов сыграли — несовместимость «вестернизированной» формы устройства первой республики с её полуфеодальным содержанием и доминированием дворянской этнократии. Это обстоятельство в свою очередь помешало успешному строительству национального государства, сузив его до рамок этнического проекта.

* * *

«Отношение грузин к первой республике неоднозначное, — пишет известный политический эксперт, — её социал-демократические лидеры не

пользуются статусом героев в современной Грузии. <…> Их обвиняют в том, что они решительно не отстаивали независимость от русских большевиков» (*Nodia* 2009: 94). Напомним, что официальный Тифлис тогда рефлексировал, постоянно испытывая всё возрастающее военно-дипломатическое и экономическое давление Москвы. Важно понимать, что конфликт с РСФСР проходил отнюдь не только по линии демократия–диктатура. Жизнь поставила иные, более жёсткие рамки: либо суверенитет, либо власть иноземцев. В кризисной ситуации Ной Жордания попытался сманеврировать. Он начал сложную и неудачную интригу, когда, наводя мосты с Москвой, выдвинул предложение о преобразовании Грузии из «демократической» в «советскую» республику (*Мещеряков 1921а: 52-53*). Эта была его отчаянная попытка спасти независимый статус своей страны, без которого, как уверяли со страниц «Эртобы», прервётся путь Грузии к социализму[135]. Верить этим утверждениям, увы, можно в той же степени, как передовицам советской газеты «Правда». Ведь меньшевики упражнялись в искусстве пропаганды не менее ловко, чем их оппоненты с левого фланга. В ходе кулуарных обсуждений «левые» меньшевики убеждали местных национал-большевиков отказаться от содействия замыслам «красной интервенции». Жордания якобы обещал им создать «социалистическое» правительство с участием коммунистов (*Ramishvili 2006: 96*). Если он ранее храбро заявил: «предпочту империалистов Запада — фанатикам Востока!» (*Широкорад 2010: 104*), то теперь эти зигзаги демонстрировали его попытки лавирования между Москвой и западным миром.

Местная компартия, разумеется, была лишь «пятой колонной» и очень тщательно выполняла задания Кремля. «Несомненно, — пишет Геронтий Кикодзе, — что Ной Рамишвили жестоко расправился бы с грузинскими больше-

[135] რისთვის გვდევნიან! // «ერთობა», 1920, 13 აგვისტო. № 182.

виками, если бы его не сдерживал Жордания, и, если грузинское правительство вообще не было бы вынуждено подписывать соглашения с московским правительством и считаться с его требованиями» (ქიქოძე 2003: 18). Напомним, что Грузия получила 7 мая 1920 года в Москве долгожданное признание своей политической реинкорнации. Более того, в январе 1921 года начался процесс институционализации Грузии, как субъекта международных отношений, когда об этом сделали заявления внешнеполитические ведомства в Лондоне, Париже, Риме, Токио и ряде других столиц. Она, тем не менее, не получила большего от своих новых партнёров и не смогла обрести национальной свободы. Вскоре правительство Ленина разорвало своё соглашение с грузинами без лишних церемоний. Их договор с РСФСР обернулся «ни к чему не обязывающей бумажкой» (*Муханов 2019а: 620*). В нём пропала необходимость, так как Кремль не собирался упускать из рук свою бывшую провинцию. Он скатился к грубому диктату, который Грузия не могла принять даже под угрозой оккупации.

Более того, вожди большевиков вполне серьёзно рассматривали вопрос перевода российского кризиса в фазу глобального пожара. Почему? Потому что модель «военного коммунизма» быстро обанкротилась и зашла в тупик. Что может быть жёстче красного террора? Только внешняя агрессия, когда проще завоевать новые земли, нежели привести в порядок имеющиеся. Отсюда и ставка на мировую революцию. Вожди Коминтерна (Н. Бухарин и др.) утверждали и активно продвигали тезис, что РСФСР якобы «имеет право на красную интервенцию» (*Коминтерн 1923: 196*). В действительности же это был лишь прежний российский империализм, заботливо завёрнутый ими в глянцевую упаковку курса на экспорт революции. Возможно, что «в январе 1921 года Ной Жордания предложил во избежание военного вмешательства со стороны России принять для Грузии советскую форму правления, обеспечив в [рабочих и крестьянских]

советах преимущество за меньшевиками. Представитель прозападного крыла меньшевиков Н. Рамишвили отверг это предложение, настаивая на сближении с Францией» (*Никольская 2000: 6*). Обрывистые сведения об этих политических планах просочились во внешнюю среду, стали известны властям Армении и т. д. (*Սարդարյան 2002: 191-192*).

Впрочем, этот экспромт грузинского премьера скорее был жестом отчаяния, чем плодом холодного расчета. Тем более что всё пошло затем по наезженному «коминтерновскому» сценарию. Его стандартная схема — инспирированный коммунистический мятеж, обращение самозванного «ревкома» за помощью к РСФСР, интервенция РККА и приветственная телеграмма от «освобожденного народа» в Москву — повторяется с завидной стабильностью. Для ленинского политбюро, очевидно, был более важен сам процесс «советизации», то есть силового возвращения Закавказья в орбиту своих геостратегических интересов. В Кремле же заранее были убеждены в успехе блицкрига и рассчитывали на локальную военную кампанию.

Вторжение армии РСФСР в Грузию, разумеется, было внешним завоеванием. Очевидно также, что оно мало чем повлияло на уже сложившийся в стране патерналистский политический режим. Вышедшая из недр феодализма этнократия, всячески стремилась к его сохранению хотя бы по сути, если не по форме. Как следует из слов Н. Жордания, это «проявилось особенно после оккупации Грузии. Говорили: “До сих пор нами управляли меньшевики, теперь их заменили большевики. Какая же разница между ними?” Наши националисты были увлечены этой мыслью и начали с первых же дней переговоры с большевиками, хотели сотрудничать с ними» (*Жордания 1968: 100*). Эти настроения были связаны, вероятно, не только с тем, что Грузия не успела тогда вкусить в полной мере всех ужасов свирепого режима «военного коммунизма».

Более чем очевидно, что для большинства грузин события, связанные с упразднением «социал-демократической республики» обманчиво выглядели лишь как замена диктатуры одной партии на другую. Кроме того, давая собственную оценку режиму Первой республики, один из её видных деятелей без обиняков признаёт, что «на деле Грузия, конечно, вовсе ещё не удовлетворяла требованиям представительной демократии. Внешние формы последней прикрывали здесь диктатуру грузинской соц.-дем. партии <…>, [которая] являлась [лишь] подготовительным периодом к торжеству в Грузии советской диктатуры» (*Авалов 1924: X, XIV*). Это, отнюдь, не оправдание насильственной советизации. Это всего лишь констатация.

Ленин в марте 1921 г. вернулся к проекту, который предполагал более мягкую «советизацию» Грузии под соусом НЭПа, с формальным сохранением её декоративного, фасадного суверенитета. В дни вторжения в Грузию, под впечатлением отчаянных антикоммунистических восстаний в Дагестане и Армении, он обратился с указаниями к членам марионеточного «ревкома», который находился в обозе советских войск. Глава СНК РСФСР поучал, что «необходима особая политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам. <…> Гигантски важно искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, кои не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях. Прошу помнить, что и внутренние, и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики, основанной на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам» (*Ленин* 1974: 367). Уточним, что речь о т. н. «мелкобуржуазных попутчиках» (левые эсеры, меньшевики-интернационалисты и пр.), институт которых создал и виртуозно применял вождь большевиков. Когда эти элементы выпол-

няли отведённую им роль — он в ходе борьбы за власть избавлялся от них без всяких сожалений. Ленин лелеял мысль тихой сапой провернуть тот же трюк в Грузии. Поэтому Владимир Ильич, известный своей дьявольской изворотливостью, до поры до времени демонстрировал в грузинских делах совершенно не свойственную ему толерантность.

Таким образом, в Советской Грузии, с ведома Москвы и за фасадом НЭПа, верхушкой местной компартии[136], которая тогда в большинстве своём состояла из «уклонистов» (национал-большевиков), на некоторое время была сохранена прежняя, досоветская структура социально-экономических отношений. «Одним из первых актов, — сообщают британские наблюдатели, — было издание декрета о легализации всех партий, отказывающихся от вооружённой борьбы и вступающих на путь конституционной оппозиции» (*Официальный отчёт 1925: 277*). Это предложение создавало фикцию плюрализма и терпимости. Такие игры нужны были коммунистам, чтобы дезориентировать проблемные группы населения и закрепить свою политическую диктатуру. Кроме того, под вывеской «советских партий» было официально разрешено функционирование «левых» фракций социал-федералистов[137] и социал-революционеров[138]. Они покорно согласились признать «диктатуру пролетариата», а проще

[136] Среди учредителей грузинской компартии были некоторые выходцы из дворянского сословия, которые затем занимали места в самом верхнем эшелоне власти этой закавказской республики. К примеру, П. Г. Мдивани (1921-1922), С. И. Кавтарадзе (1922-1923), Ш. З. Элиава (1923-1927), Ф. И. Махарадзе (1929-1930) возглавляли советское правительство Грузии. М. Д. Орахелашвили в 1922-1932 гг. стоял во главе совнаркома ЗСФСР, а его супруга, урождённая княжна М. П. Микеладзе, заведовала Наркомпросом. В числе менее заметных фигур присутствовал князь Давид Багратиони, титулярный наследник престола Имеретии и член ВКП(б), который был функционером среднего звена в местном ОГПУ и аппарате совнаркома Грузии. Однако, в годы сталинских чисток для многих из них прежнее социальное происхождение стало равносильным смертному приговору.

[137] სოციალისტ-ფედერალისტთა პარტია // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 413.

[138] სოციალისტ-რევოლუციონერთა პარტია (ესერები) //там же: 412.

говоря — монополию компартии. Эти группы продолжали издавать собственную прессу — газеты «Трибуна» и «Шрома», где иной раз допускались альтернативные суждения. Их же лидеры (Тедо Глонти[139] и др.) были представлены в верхнем эшелоне советских структур, где активно обслуживали интересы вставшей у руля номенклатуры (*Глонти* 1923: 3). Коллаборантами стали также целый ряд лиц из ЦК меньшевистской партии (Петре Гелейшвили[140], Сеид Девдариани и др.), которых угрозами либо посулами переманили на сторону новых властей (*Лурье/Маляров 2015: 90*). Впрочем, после советизации эти власти пытались заигрывать также со «схивистами» и позволили им выпускать собственную прессу. Однако расчёт на их сервильность оказался неверным, и газета «Ахали Схиви»/«Новый Луч» была закрыта в июне 1921 года из-за бойкой критики большевистской политики.

Навязанный грузинам извне переходный режим, своими общими чертами, пожалуй, напоминал «народную демократию», хорошо известную на примере вошедших в советский блок стран Восточной Европы. Он, хоть и не долго, но позволил Кремлю в 1921-1922 гг. имитировать соблюдение суверенитета Грузии, правда, в своей типичной медвежьей манере. Ведь с момента советизации дальнейшая судьба этой кавказской республики решалась исключительно в Москве.

«Признать советскую систему под диктовку оккупантов, — заявили перешедшие на нелегальное положение меньшевики, — значит признать оккупацию» (*Амия 1926: 37*). Ситуация развивалась на фоне локальных восстаний в Сванетии, Хевсуретии и партизанского движения, вожди которого (князь Какуца Чолокашвили[141] и др.) были связаны с эмигранским правительством. Координировал действия подполья «паритетный комитет», во главе которого стоял представитель ЦК

[139] ღლონტი თევდორე (თედო) ზურაბის ძე // там же: 466-467.
[140] გელეიშვილი პეტრე პავლეს ძე // там же: 88-89.
[141] ჩოლოყაშვილი ქაიხოსრო (ქაქუცა)// там же: 500-501.

СДРПГ князь К. Андроникашвили. Важно отметить, что в борьбу с большевиками втянулись бóльшей частью малочисленные горцы, жители тех районов, где не было помещичьего землевладения. В остальной же Грузии крестьяне приступили к «чёрному переделу». Они отказывались платить дворянам за аренду земли и захватывали их угодья (*Качарава 1968: 10*).

Не менее важным подтверждением консервации в первой республике дворянского землевладения является малоизвестный факт его существования также и в Советской Грузии, вплоть до «аграрной реформы» 1923 года. «Красный прокуратор» Кавказа Г. К. Орджоникидзе настаивая на безусловной конфискации этих угодий. Он утверждал, что якобы «в ряде уездов [даже] самые крупные землевладения до сих пор остались нетронутыми и там продолжают сидеть бывшие князья-дворяне. <…> Помещики живут в своих старых поместьях — дедовских имениях, крестьяне же по-прежнему находятся в полной экономической зависимости от своего старого доброго барина-князя»[142]. *В итоге, от коммунистических властей крестьяне получили в пользование лишь 150 тыс. десятин* (Качарава 1968: 11), *отобранных у дворян*[143]. *Остальные же конфискованные земли, в силу декрета от 6 апреля 1921 г., поступили в государственный земельный фонд. Советская статистика 1925 года зафиксировала относительный рост зажиточности в грузинской деревне — 14,6% кулацких и 44,2% середняцких против 41,1% бедняцких хозяйств* (Антонов-Овсеенко 2007: 44). *Для сравнения, в 1890-х кулаки составляли 4—5% сельского населения, середняки — от 35 до 40% и бедняки — от 55 до 60%* (Очерки 1990: 170). *Впрочем, положительные стороны этой динамики нельзя приписать исключительно мероприятиям ни меньшевиков, ни большевиков. Очевидно, что даже в ублюдочной форме НЭПа капитализм способствовал ограниченной модернизации сельского хозяйства в грузинской глубинке.*

[142] «Заря Востока», 1923, 25 января. № 17.

[143] По сообщению же британских наблюдателей, «всего национализировано около четверти миллиона десятин, из которых около 200000 десятин распределено между беднейшими крестьянами, а оставшаяся часть пошла на обустройство показательных ферм» (*Официальный отчёт 1925: 276*).

Таким образом, фактор вновь разгоревшейся в деревне острой социальной борьбы стал фатальным для сил антисоветского сопротивления. Он внёс раскол, лишил необходимой энергии и обессилил национальное движение. Кроме того, «истинная причина его неуспеха та, — пришли к выводу британские комментаторы, — что в Грузии нет активного недовольства советской системой, и только некоторая неприязнь к ней, в связи с её русским происхождением» (*Официальный отчёт 1925: 279*). Напомним, что рядовым грузинам незачем было всерьёз бороться с коммунистическим режимом, так как для люмпен-пролетарских низов новой властью были созданы небывалые прежде социальные перспективы. Для тех, кто спешил доказать свою преданность системе — открылись все дороги. Отдельные же демарши тифлисских мастеровых против импортированной извне власти не были протестом городского плебса против «социализма» (здесь: государ- ственного патернализма) как такового. Это были лишь вспышки злости, вроде обструкции И. Сталина на митинге железнодорожников *(Рейфилд 2017а: 257)*, вызванной агрессией со стороны РСФСР и превращения Грузии в её сателлита. Национальные чувства грузинских рабочих были куда сильнее пустых призывов коммунистических функционеров к классовой солидарности с русским пролетариатом.

План «автономизации» Грузии в рамках РСФСР (что, к слову, было попыткой перевести в практическую плоскость лозунг о «единой и неделимой») разрушил хрупкую химеру её «советской независимости», чем вызвал острый кризис. Местные «попутчики» стали отчаянно протестовать и громко требовать от Москвы отменить это весьма спорное решение. Константин Гамсахурдия, традиционалист и в будущем обласканный властью советский писатель, обратился к Ленину с открытым письмом, в котором наивно обещал, что Грузия примет коммунизм, если ей позволят сохранить свой суверенитет (*Рейфилд 2017а: 256*). «Мы хотим верить, —

читаем на страницах “Шромы”, — что ревком Грузии и грузинские коммунисты <...> не подпишутся под упразднением независимости»[144]. Ряд функционеров резко высказались против объединения Закавказья в единую «федерацию» — ЗСФСР, советский аналог прежнего царского наместничества. «Мы, — пытался возражать Тедо Глонти посредством газеты “Трибуна”, — отвергаем большевистскую федерацию»[145]. «Уклонисты», по сути, очередное переиздание местной этнократии, отчаянно саботировали любые инициативы по инкорпорации Грузии в состав территориальных структур, жёстко контролируемых Кремлём. Эти коммунисты не желали ни подчиняться, ни тем более подражать Москве в строительстве отечественного социализма. Они настойчиво, но безуспешно настаивали на «сохранении всех атрибутов независимости» (*Pipes 1964: 271*). Возник «грузинский инцидент» — резонансная история, вокруг которой было поломано немало копий (*Жуков 2011: 597-603*).

Спор по политическим вопросам перерос в жестокую личную вражду между членами фракций («сталинисты», «будисты»[146] и «филипписты»[147]) грузинских коммунистов. «Серго Орджоникидзе, — вспоминал один из “уклонистов”, — ловко использовал тогда наши личные счёты и столкнул часть из нас с остальными» (*Харамандарян 1969: 84*). Как известно, «уклонисты» не выдержали накала противостояния со Сталиным и его креатурой. Они были раздавлены и безжалостно вычещены из Совнаркома Грузии и местного ЦК компартии. Один из них, Буду Мдивани, якобы горько жаловался, что он «предал свой народ и помог Сталину и Берии поработить Грузию» (*Антонов-Овсеенко 1997: 27*). Прозрение, увы, пришло слишком поздно, когда репрессивная система сожрала многих из своих соавторов. Им суждено было умереть

[144] «შრომა», 1921, 20 ნოემბერი. № 8 (21).
[145] «ტრიბუნა», 1921, 24 ნოემბერი. № 80.
[146] Группа Поликарпа (Буду) Мдивани.
[147] Группа Филиппа Махарадзе.

мучительной смертью. Впрочем, коммунистический режим стандартного большевистского типа в полной мере утвердился в Грузии лишь после кровавой ликвидации антисоветского восстания в августе 1924 года. Ныне, в современной грузинской историографии это отчаянное, но безнадёжное выступление рассматривается как предмет национальной гордости (*Asatiani/Janelidze 2009: 368-370*). Впрочем, те драматические события отразили глубокий раскол в картвельском сообществе. В том числе эта трещина широко прошла через политически ангажированные круги местного нобилитета.

Среда, из которой вышли дворянские революционеры, а также элементы традиционалистского толка, в своё время отметилась тенденциями несоветского отрицания капитализма. Очевидно, что этот же настрой сыграл определённую роль в сближении отдельных правых радикалов с большевиками. Одним из них был Григол Вешапели, спикер «Национальной партии землевладельцев», который резко перешёл на позиции «сменовеховства» и сотрудничества со спецслужбами СССР. «Точно неизвестно, — пишет грузинский автор, — что подтолкнуло к такому радикальному изменению мировоззрения Григола Вешапели, когда этот крайний националист становится пропагандистом советского режима. Утверждения его биографов, что именно любовь к грузинскому народу и стране заставили его примириться с советской властью, кажутся не совсем убедительными» (Janelidze 2022a: 8). *В основаной им в Париже газете «Ахали Сакартвело»/«Новая Грузия», он настоятельно убеждал находящихся в эмиграции соотечественников согласиться с властью коммунистов и прекратить борьбу с их диктатурой*[148]. *Так, потомственный дворянин Георгий Александрович Тухарели, дельный офицер, после советизации Грузии стал коллаборантом. В 1918-м этот ныне малоизвестный полковник внёс крупный вклад в военные аспекты, позволившие Тифлису удержать Абхазию в сфере своей гегемонии. (Кстати, он весьма часто упоминается в документальных источниках в связи с теми событиями, однако*

[148] ვეშაპელი (ვეშაპიძე) გრიგოლ გიორგის ძე // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 166.

лишь по фамилии, без имени и отчества[149]*). Поступив на службу в РККА, в качестве командира 5-го Кавказского стрелкового полка Тухарели принял самое энергичное участие в подавлении августовского восстания 1924 г. Затем он отметился содействием карательным акциям в Гурии и Сванетии. За проявленное усердие его повысили в должности и назначили начальником 1-й Грузинской стрелковой дивизии. Он, тем не менее, позже сам стал жертвой репрессий и был казнён в 1937 году* (Ларькин 2016: 98-99).

Грузинское интеллектуальное сообщество сегодня делает необходимые, однако, всё ещё робкие шаги по пути осмысления причин примирения с советским режимом и массового коллаборационизма. «Живое переживание прошлого, — пишут тбилисские авторы, — это мучительный процесс нравственного очищения. Мы — и палачи, и жертвы одновременно. Мы ответственны за большевистское мракобесие, за то, что взрастили Сталина, Берия и прочих. Мы не отстояли свою независимость в 1921 году. Мы приняли Грузинскую ССР. 400 000 из нас состояли членами Компартии, да и сегодня мы мало думаем о том, что это был тяжкий моральный компромисс. За редким исключением наша интеллектуальная элита была нахлебником советской власти, иные же — антикоммунисты — ни в грош не ставили демократические ценности. У нас не было движения сопротивления — мы были аутсайдерами и не годились даже в диссиденты. <…> Мы превратили коррупцию в образ жизни. Мы — грузины — были надменны по отношению к абхазам и национальным меньшинствам, руководствуясь образом мышления вассала: когда московский хозяин позволял нам обращаться с ними как с "крепостными" — мы были рады, когда нет — ворчали. <…> Мы же — грузины — позволили себе встать на колени» (Зоидзе/Бердзенишвили 2000).

Советский же корпоративный строй в Грузии, как и повсюду в СССР, был реализован в форме социализма или, если быть точнее, распределительной экономики, которая опиралась на монопольное распоряжение верхушкой компартии всеми без исключения ресурсами страны. В своё время эта смена казалась сломом всего социального уклада, началом новой жизни. Но теперь-то мы знаем, что это была

[149] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 28. Л. 63.

только иллюзия. Впрочем, «учёные до сих пор не могут подыскать точное определение того общественного строя, который был создан под руководством советской компартии» (*Тютюкин 2002: 543*).

Грузинская этническая аристократия в период 1921-1924 гг. была ликвидирована как социальная среда, способная впредь возглавить и вести за собой антиколониальное освободительное движение. «Место [прежней] грузинской элиты, — пишет тбилисский профессор политологии, — заняли карьеристы, антинациональная партноменклатура и палачи-чекисты. Под диктатом этой [коммунистической] элиты совершилось рождение [советской] научной и творческой интеллигенции, воздающей хвалу новому коммунистическому режиму. Сталин фактически отсёк Грузии голову, вынул сердце и заменил их суррогатными протезами» (ვაშაძე 2018).

Таким образом, насильственная советизация в 1921 году и инкорпорация Грузии в СССР де-факто были реставрацией прежнего колониального режима. Правда, в форме уже косвенного управления, в качестве федеративной «союзной» республики. Власть же путём «коренизации» кадров здесь была передана в руки местной советской партноменклатуры, которая получила «ярлык» от Кремля на условное княжение. Потеряв политический суверенитет, грузины в СССР, тем не менее, пользовались широкой культурной автономией. Тем самым была создана иллюзия самоопределения под зорким надзором Москвы, которая ещё долго оставалась хозяином положения в этой кавказской стране. Изменился взгляд грузин и на саму Россию, которой теперь управлял их соплеменник — Сталин. Он стал для картвелов неким символом реванша в отношениях с метрополией, которую заставил с рабской покорностью подчиниться его воле. Эти вехи завершили период дворянского освободительного движения. В ходе тех драматических событий сословие картвельской этнической аристократии исчезло с исторической арены, а её деклассированные потомки более не играли прежней роли в социально-политической жизни своего народа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В поисках новых идентичностей

«Лишь тот достоин жизни и свободы,
кто каждый день идёт за них на бой»

Иоганн ГЁТЕ

2.1
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В СОЧИНСКОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

События 1917 года в России взорвали и без того неустойчивую и нестабильную государственно-административную структуру кавказского региона, что повлекло за собой всеобщий кризис в национальной, социальной, экономической, конфессиональной и других сферах. Октябрьский переворот, последовавший затем разгон Всероссийского Учредительного собрания еще более усугубили атмосферу хаоса в стране, нанесли непоправимый ущерб фундаменту старой российской государственности, и, тем самым, сделали нереальными дальнейшие попытки урегулирования национального вопроса политико-правовыми, конституционными средствами. Смута в центральной России привела к самопроизвольному отпадению ряда её национальных окраин. Озабоченное, прежде всего борьбой за власть в центре страны, большевистское правительство во главе с Лениным оставило на волю случая судьбы народов Закавказья.

Ещё задолго до тех трагических дней целый ряд грузинских национальных деятелей, вынашивая идею политического самоопределения своей страны, априори уже пытались добиться признания этого факта за рубежом. Руководители эмигрантского «Комитета освобождения Грузии» (Л. Кереселидзе, Г. Мачабели и др.) заключили с турецким правительством соглашение, первый пункт которого гласил: «Турция должна признать независимость Грузии, её бесспорное право на историческую территорию, состоящую из следующих областей: на Черном море от Даковска [искаженное название Даховского посада, с 1896 г. – Сочи. – Б. М.]»[1].

Традиционные геополитические оппоненты России мгновенно отреагировали на распад монархии Романовых.

[1] «Кавказское слово», 1918, 6 ноября. № 239.

Используя панисламистские и пантюркистские лозунги, правители Османской Турции двинули свои войска в поход на Кавказ. При самой активной поддержке турецкого правительства в мае 1918 года были провозглашены «независимые республики» — Северо-Кавказская и Азербайджанская, которые должны были послужить лишь обычной ширмой для самых широких интервенционистских проектов младотурок в регионе. По свидетельству видного черкесского деятеля Гайдара Баммата, несмотря на желание получить турецкую помощь, руководство Союза объединенных горцев Кавказа никоим образом не желало оказаться под османским господством. С его слов, «дружеские отношения с Турцией изначально были обречены на неудачу, так как цели, преследуемые турецкой и кавказской стороной, были различными. Правительство Северного Кавказа стремилось получить гарантии и точку опоры своей независимости, маневрируя между Турцией и Германией. Охотно опираясь на Турцию, неизменного врага России, так же как и на влияние оттоманских черкесов в турецком правительстве и армии, оно, тем не менее, опасалось захватнических аппетитов константинопольского правительства» (*Мамулиа* 2013б: *206*).

Экспансионистские цели турок вошли в прямое противоречие с аналогичными намерениями кайзеровской Германии. Эрик Людендорф, начальник германского генштаба, ревниво отмечал, что «задачей Энвера [турецкий военный министр – Б. М.] являлась борьба с Англией, и прежде всего на палестинском фронте. <…> Но Энвер и турецкое правительство больше думали о своих панисламистских планах на Кавказе, чем о войне с Англией» (*Габричидзе 1942: 150*). После захвата Батума и Карса Энвер-паша смело отметал прежние условия Брест-Литовского договора и настаивал уже на присоединении всего Закавказья к Оттоманской империи (*Жордания* 1919: 219-233).

Грузинская политическая элита, в поисках национального спасения, сосредоточила все свои усилия в направлении

создания собственного государства. На закавказско-турецких переговорах в Батуме, грузинский делегат А. И. Чхенкели, как известно, вошел в тайное соглашение с германским посредником генералом Отто фон Лоссовым. Получив лишь первые политические авансы от немецкой стороны, глава грузинского национального совета Н. Жордания уже имел все основания смело заявить на экстренном собрании этой структуры, что «обязательным становится объявление независимости Грузии, так как это единственный путь, который спасет нас с помощью немцев от нашествия турок и захвата нашей страны» (*Гамахария/Гогия 1997: 80*). Национальный совет Грузии, имея уже в своем активе вполне веские политические гарантии от немецких эмиссаров, 26 мая 1918 года провозгласил суверенитет своей страны. Вскоре в Тифлис прибыла германская военная миссия. Казалось лишь недавно Жордания пенял СНК РСФСР, что тот якобы отдал «всю Россию в политическую и экономическую кабалу немецким империалистам» (*Kandelaki 2019: 330*). Однако события менялись с калейдоскопической быстротой. Теперь же приветствуя генерала Ф. Кресса фон Крессенштайна, премьер Жордания заявил, что «когда Грузии пришлось менять ориентацию, то она выбрала германскую, как наиболее обещающую нам светлую будущность»[2]. Это высказывание было связано с тем, что немцы уже были на дворе, и по большому счету грузинам было без разницы, в рамках каких геополитических союзов возрождать свою этническую государственность.

Ранее, 25 мая 1918 года, в Очамчирах и Сухуме уже расположились малочисленные пикеты немецких солдат. Этим шагом германское командование, пожалуй, желало предупредить и пресечь турецкие поползновения в отношении Абхазии, так и, одновременно, обеспечить свободу действий для грузинских военных.

[2] «Возрождение», 1918, 28 июля. № 125.

Германские представители всячески поддерживали намерение грузинского правительства включить в состав своей новообразованной республики также Сухумский округ (Абхазия). Из-за обладания им разгорелась нешуточная борьба с большевистскими силами. 18 июня 1918 года в Абхазию прибыли грузинские регулярные войска под командованием генерала Г. И. Мазниашвили (Мазниев). Перед ним также замаячила перспектива продвижения в регион Сочинского Причерноморья, находившегося под контролем день ото дня слабеющей власти местных большевиков. В то же время Кубано-Черноморская советская республика находилась на грани полного краха под ударами белых и уже не могла организовать достойный отпор. Берлин, поручив грузинам занять северные районы Западного Закавказья, по-видимому, так решил замкнуть связь со своей группировкой на Тамани (*Тамазов 2016*).

У правительства же Грузии не было никаких законных прав для столь дерзких действий в отношении тех территорий, где грузинский элемент составлял самое ничтожное меньшинство. Для проведения подобной военной операции официальному Тифлису, по совету Кресса фон Крессенштайна, необходимо было заручиться хотя бы формальным одобрением Абхазского Народного Совета, представительного органа Сухумского округа[3]. Как свидетельствует видный деятель абхазского национального движения 1917-1918 годов С. П. Басария, центральные власти Грузии «потребовали от Абхазского Народного Совета письменный документ о том, что <…> Туапсе занимается по просьбе абхазского народа, который, дескать, имеет историческое право на него» (*Басария 1923: 92*). По другой же версии, поддерживаемой тбилисскими историками, выдвижение вглубь Черноморской губернии диктовалось лишь необходимостью восстановления прерванного с территории Кубани продовольственного снабжения Грузии

[3] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 37. Л. 1-2.

(*Гамахария/Гогия 1997: 74*). Среди же очевидцев тех событий сложилось, однако, иное мнение, что «стремление любой ценой удержать Сухумский округ заставило продвинуть грузинские войска на север в Черноморскую губернию и создать заслон, тем более что близкое соседство “великодержавных” сил питало в Абхазии отнюдь не прогрузинские симпатии»[4].

Как бы там ни было, 24 июня 1918 года Абхазский Народный Совет «обсудив политический момент <…> постановил: для водворения прочного порядка в Абхазии и разрешения продовольственного кризиса как в Абхазии, так и в Грузии признать необходимым занятие Сочинского и Туапсинского округов, с портом Туапсе» (*Гамахария/Гогия 1997: 415*).

«В период наивысшего могущества единого грузинского государства, Давид IV Строитель официально объявил Никопсию [т. е. Туапсе] – крайний рубеж Абхазского эриставства – северо-западной границей своего царства. Именно с этого времени была выработана формула, которая гласила, что территория Грузии простирается "От Никопсии до Дарубанда и от Овсетии до Арагаца". Исходя из этого и считается район Сочи-Туапсе исторической территорией Грузии», – утверждает тбилисский автор (Мархулия 2000: 120).

Используя территорию Абхазии как плацдарм, грузинским силам удалось к концу июля 1918 года овладеть значительной частью Черноморского побережья Кавказа (северные регионы Западного Закавказья), включая Туапсе. Обращаясь к тем событиям, генерал А. И. Деникин впоследствии писал, что «в первый период – турецко-немецкой оккупации, вожделения Грузии направились в сторону Черноморской губернии. Причиной послужила слабость Черноморья, поводом – борьба с большевиками, гарантией – согласие и поддержка немцев, занявших и укрепивших Адлер» (*Лакоба 1993: 302*). Руководители же «Белого движения» на юге России (Добровольческая армия) достаточно ясно и нед-

[4] *Казанский М.* Очерки Закавказья//«Народное знамя», 1919, 23 марта. № 49.

вусмысленно декларировали свою приверженность Антанте. Как отмечал Людендорф, имея в виду это важное обстоятельство, он настоятельно «ходатайствовал перед имперским канцлером за удовлетворение пожеланий Грузии» (*Габричидзе 1942: 151-152*).

Ещё в период первой русской революции в Сочи получили широкую огласку намерения некоторых лидеров местной грузинской диаспоры, которые якобы заявили, что хотят основать здесь свою «имеретинскую республику», и на основании исторических экскурсов они же настаивали на принадлежности Грузии всего Черноморского побережья Кавказа. По свидетельству очевидца: «Они называли себя социал-демократами, но в действительности, как мне думается, ни к какой партии не принадлежали» (Таран 2014: 86-87).

В первой декаде июля 1918 года Сочинский округ (Джикетия[5]) почти без боя был занят грузинскими войсками якобы «по настоянию местных грузин» (*Воронович 1922: 91*). Успешным действиям грузино-абхазского отряда способствовало выступление части русских крестьян, которые восстали из-за нежелания подчиняться требованиям советского декрета о продовольственной диктатуре. Руководители выступления скоординировали свои действия со штабом Мазниашвили и на позициях у Кудепсты атаковали тылы красных, чем вызвали их паническое бегство. Сотни поддерживавших большевиков русских рабочих-железнодорожников также бежали из города вместе со своими семьями. Другая же часть рабочих-отходников, в большей степени принадлежала к этническим грузинам, на них же опирался окружной комитет социал-демократов.

Немалая часть населения Сочи встретила отряд Мазниашвили с шумной радостью. Буржуазия видела в лице грузин-

[5] Джикетия — историко-этнографический район в междуречье Сочи и Бзыби, который с незапамятных времен был заселен родственными адыгам и абхазам племенами убыхов и садзов-джигетов (джиков). По настоянию российских властей местное автохтонное население в 1864 году было поголовно депортировано в Турцию, а в регион хлынули другие этнические элементы, которые подвергли его сплошной колонизации (Лавров 2009: 93-94; Инал-Ипа 1995; Аргун 2012; Документы 2016).

ского генерала избавление от большевистских конфискаций, а местные умеренные социалисты надеялись, что наконец-то будут претворены в жизнь лозунги Февраля. С их стороны особо горячий прием ожидал уполномоченного правительства Грузии, известного социал-демократа Исидора Рамишвили. Тем более что местная организация РСДРП состояла практически «почти из одних грузин» (*Воронович 1922: 55*). На многолюдном митинге он особо подчеркнул, что его правительство рассматривает Сочинский округ как бесспорно русскую территорию и занимает его временно, до воссоздания всероссийского демократического правительства. Однако наш современник совсем иначе рассматривает этот достаточно щекотливый вопрос и уже уверенно утверждает, что «воссоединение Сочи с родиной приветствовалось всем населением Грузии» (*Мархулия 2000:116*).

В Сочи местные адепты левых политических течений резко размежевались по национальностям, а именно: грузины составили костяк социал-демократической организации, а русские в своём большинстве примкнули к социалистам-революционерам (*Таран 2014:* 78).

Левые элементы поспешили создать «Сочинский объединенный совет социалистических партий», который при негласной поддержке грузинских властей начал играть ключевую роль в местной политической жизни[6]. Определяющие позиции в нём заняли П. Измайлов (бывший депутат Госдумы, который содействовал в Сочи грузинским властям[7]) и Я. Г. Цвангер (редактор газеты «Свободная мысль», издания местного комитета РСДРП).

---

[6] *Чернович Н.* Грузины, добровольцы и Сочинский округ // «Народное знамя», 1919, 25 марта. № 51.

[7] «Грузинам [же] был нужен, — пишет очевидец событий, — [русский] агитатор, которого нельзя было бы упрекнуть в национализме. [Он] говорил [бы] зажигательные речи, пел Марсельезу, был [бы] церемониймейстером» (*Таран 2014:* 75). На роль такого «свадебного генерала», по всей видимости, как нельзя лучше подходил именно Пётр Измайлов.

В заседаниях этого «совета» участвовали также делегаты от местной организации АРФ «Дашнакцутюн», в качестве лоббистов интересов сочинской армянской диаспоры[8]*. Однако, их отношения с местными социал-демократами были изначально натянутыми, так как армяне заявляли, что «комитету мингрел и имеретин помогать не будут»* (Таран 2014: 105). *Их настороженность, по-видимому, можно объяснить поддержкой этим органом этноцентричных тенденций. Армяне-эмигранты, которые арендовали участки у русских землевладельцев, имели серьезные сомнения, что в ходе обещанного передела принадлежащей латифундистам земли, грузинские власти будут всерьез учитывать также их интересы. Они опасались, что при таком повороте дел им придётся покинуть свои уже годами насиженные места.*

Таким образом, назначенная из Тифлиса администрация, широко практикуя политику социальных посулов, главным своим инструментом сделала местных социалистов, для которых социал-демократическое правительство Грузии было всё-таки ближе, чем диктатура красных комиссаров или же белых генералов.

В начале сентября 1918 года в Сочи прибыл Сводно-Кубанский полк, который был набран в Сухумском округе из числа ранее бежавших туда под натиском красных войск казаков. Они уже успели поучаствовать в разгроме турецкого десанта, а затем в экзекуции абхазского населения. Вспоминая о тех событиях, очевидец пишет, что кубанцы, «вооруженные грузинами, начали грабить и опустошать дома абхазов» (*Басария* 1923: 95).

Сводно-Кубанский полк находясь в Сочи оказался замешан в другой скверной истории. Его офицерам был передан проскрипционный список огульно обвиненных в большевизме местных социалистов. Казаки же, увы, не видели существенной разницы между коммунистами и другими «левыми» элементами. Схваченные ими несколько десятков человек

[8] «Հայրենիք», 1931, օգոստոս, 148:

лишь «чудом» избежали казни (*Воронович 1922: 95*). Как говорят, благодаря весьма оперативному вмешательству грузинских властей[9]. Казаки отметились также буйным погромом в помещении армянского землячества, при попустительстве со стороны чинов из местной комендатуры, которые взяли на себя роль сторонних наблюдателей[10].

Эти события ещё более укрепили недоверие и враждебность сочинских «демократов» к Белому движению. Есть версия, которая гласит, что белоказаков «втемную» ловко использовали грузинские функционеры[11]. Подозревали, что этот инцидент мог быть инспирирован с целью закрепления приверженности официальному Тифлису насмерть перепуганных местных «левых» элементов. Трансформации, тем самым, их довольно случайно возникшей ориентации в постоянный фактор, который позволил бы легко манипулировать ими в угодном для властей Грузии направлении.

Тем временем в Тифлисе большие надежды возлагали на представителя Германии в Москве графа Мирбаха в деле поддержки независимости Грузии перед лицом Совета Народных Комиссаров РСФСР. В статье 13-й «Русско-германского добавочного договора» («Брест-Литовск-2») от 27 августа 1918 года Советская Россия весьма неохотно и достаточно косвенно соглашалась с тем, что «Германия признает Грузию самостоятельным государственным организмом» (*Документы 1959а: 443*). Этот пункт для Кремля носил всего лишь характер формальной декларации (*Амбарцумян 2019б*). Вопрос же о делимитации границы между Грузией и Россией тогда даже не рассматривался.

Он усугубился чрезвычайно запутанной ситуацией, возникшей прежде вокруг административных границ между Сочинским и Сухумским округами. На основании царского указа от 24 декабря 1904 года из Сухумского округа был выделен сектор с посёлком

[9] «Народное знамя», 1919, 26 марта. № 52.

[10] Հայոց ազգային խորհրդի թալանը Սոչիում // «Մշակ», 1918, 5 հոկտեմբերի:

[11] «Հայրենիք», 1931, օգոստոս, 149-152:

Гагры (инициатором передела явился зять Николая II – принц Ольденбургский, владелец «Гагринской климатической станции») и присоединен к Сочинскому округу Черноморской губернии. Новая граница была определена по реке Бзыбь. В 1916 году стали уже циркулировать упорные слухи, что намечается присоединение всего Сухумского округа к указанной губернии. В июне 1917 года в Гагры приезжал член Особого Закавказского Комитета (ОЗАКОМ) А. И. Чхенкели. На собрании местных жителей он развивал мысль о присоединении района Гагры к Закавказью (Документы 1919: 409). *Его же собственной властью некто Богоришвили был назначен на должность комиссара — главы местной администрации. Чхенкели от имени ОЗАКОМа обратился к Временному правительству с просьбой положительно решить ходатайство Сухумского окружного комиссариата о возвращении отошедшего в 1904 году района и восстановлении прежней границы* (Ментешашвили 1987: 116-117). *Однако никакого определенного решения из Петрограда так и не поступило. «Передел совершен недавно, — сообщалось на страницах тифлисской прессы, — приказанием данным членом бывшего Озакома г. Чхенкели комиссару Сухумского округа [Д. В. Захарову] об исправлении границы между Сухумским округом и Черноморской губернией. Этот передел совершен, так между прочим, втихомолку, административным распоряжением без обсуждения»*[12]. *Напротив, в начале 1919 году комиссар грузинского правительства в Сочинском округе М. М. Хочолава, учитывая пожелания местного населения, поднял вопрос о возвращении части района Гагры (Пиленковская волость) в подчинение вверенного ему округа*[13].

Как известно, Таманская красная армия, после упорного боя на Михайловском перевале, в сентябре 1918 года выбила грузинские силы из Туапсе[14]. Генерал Мазниашвили поспешил отвести свой уже достаточно потрепанный и деморализованный отряд в район Сочи, а на позициях оставил не принимавших участия в сражении с красными казаков Сводно-

[12] К истории административных делений Закавказья // «Молот», 1917, 15 декабря. № 54.
[13] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 116. Л. 27.
[14] Эти события описаны в достаточно уже позабытом сегодня романе А. С. Серафимовича «Железный поток» (изд. в 1924 г.), экранизированном на «Мосфильме» в 1967 году.

Кубанского полка. Не задерживаясь, вскоре «железный поток» покинул Черноморское побережье. Сводно-Кубанский полк, который первым вошёл в Туапсе, передал этот городпорт в руки Добровольческой армии. Вскоре после этих событий Г. Мазниашили был отозван грузинской стороной с поста руководителя её военных сил в этом регионе.

«Туапсе потеряно нами благодаря вольному или невольному предательству казаков»[15], – жаловался военному министру из Сочи член Национального Совета Грузии Г. Н. Анджапаридзе. В занятом белыми районе тотчас же были распушены власти, ранее назначенные грузинской стороной, что вызвало ее незамедлительный и резкий протест. Новый командующий Приморским фронтом Т. Д. Вашакидзе настаивал на восстановлении юрисдикции грузинской администрации ещё до разрешения пограничного спора между правительствами Грузии и Кубани[16]. В ответ из Екатеринодара поступила телеграмма достаточно недвусмысленного содержания. «Добровольческая армия, — отвечал лидер Белого дижения на юге России М. В. Алексеев, — является верховной распорядительницей занятой ею местности Черноморской губернии. <…> Ваши власти должны быть немедленно убраны. Двух хозяев допущено быть не может: в случае неисполнения, мне придется изменить [своё отношение к] Грузии в отрицательную сторону» (*Шафир 1925: 85*). После такого резкого демарша, скажем прямо, весьма сложно было бы надеятся на взаимопонимание и сотрудничество с Тифлисом.

«Дружеские отношения, налаженные между нами и грузинами, резко изменились после занятия нами Туапсе», – вспоминал впоследствии один из генералов Добровольческой армии (*Лукомский 1922: 103*). Белое командование предложило правительству Грузии незамедлительно вывести за реку Бзыбь все свои силы из Черноморской губернии. Казакам

[15] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 28. Л. 28.
[16] Там же. Д. 27. Л. 51.

генерала Е. В. Масловского был отдан приказ готовиться к скорейшему вступлению в Сочи. Там уже стали распространяться «разные приказы и предписания Черноморского военного генерал-губернатора Кутепова, считавшего себя в праве, несмотря на оккупацию Сочинского округа грузинами, отдавать распоряжения не находящемуся фактически под его властью населению» (*Воронович 1922: 99*).

Направленные ранее в Сочи грузинские эмиссары, будучи не в силах самостоятельно разрешить возникшие проблемы, требовали скорейшего вмешательства центральных властей Грузии. О формате поставленных вопросов можно судить по содержанию адресованного военному министру Г. Т. Гиоргадзе секретного послания Г. Н. Анджапаридзе. «В связи с отходом наших частей от Туапсе, — пишет грузинский комиссар, — возникает весьма серьезный, сложный политический вопрос относительно Сочинского округа. <…> Как сообщают, генерал Алексеев и вместе с ним кубанское правительство всю Черноморскую губернию, в том числе и Сочи, рассматривают как часть Кубани. По точным сведениям, в Новороссийске уже имеется военный губернатор, назначенный на эту должность генералом Алексеевым. Является вопрос: как нам быть в дальнейшем? Думаем ли мы во что бы то ни стало оставить за собой Сочинский округ? Вы понимаете, что речь идет, конечно, не о большевиках, а о генерале Алексееве, ориентация которого враждебна Германии. <…> Могут получиться крупные недоразумения с генералом Алексеевым, которые могут закончится даже конфликтом. От правильного решения этих вопросов зависит наша тактика. Или мы укрепляемся здесь настолько сильно, чтобы с оружием в руках поддержать нашу платформу относительно Сочинского округа, — и тогда необходимо выслать сюда все наши свободные силы, а также, главным образом, несколько батальонов немцев, или же весь центр внимания обратить на на нашу историческую границу [реку Мзымта] на случай каких-либо осложнений, а отсюда начнем немедленно эвакуировать все ценное. <…> Добавлю,

что мною принимаются меры к тому, чтобы население [округа] высказалось за нас, и мне кажется, что это можно устроить»[17]. Само же население Сочинского Причерноморья не определилось до конца со своими симпатиями. Русское/украинское крестьянство в массе своей проявляло ленивое равнодушие, а новые власти с энтузиазмом приветствовали картвелы, греки и эстонцы.

Как русские военные, так и грузинские политики, сперва стремились максимально мирно урегулировать возникшие между ними трения. В начале сентября 1918 года в Сухум приезжал специальный представитель М. В. Алексеева полковник Шатилов, который имел поручение организовать переговорный процесс с грузинской стороной. Та, однако, уклонилась от официальных контактов с руководством Добровольческой армии. Тифлис хотел разговора с Кубанским краевым правительством, глава которого Л. Л. Быч был известен симпатиями к умеренным социалистам и своей «самостийной» позицией. Национальный совет Грузии (парламент), в качестве ответного шага, уполномочил своего члена Е. П. Гегечкори начать переговоры с Екатеринодаром на предмет демаркации границы с Кубанью (*Шафир 1925: 84*).

Е. П. Гегечкори уже находясь в Сочи, 15 сентября 1918 года поставил в известность председателя своего правительства, что местные представители российских социалистических партий «считают возможным и даже необходимым официальное присоединение Сочинского округа к Грузинской республике». Он настаивал также, что «с нашей стороны было бы непростительной ошибкой, если мы не воспользуемся благоприятной для нас конъюктурой. <…> По моему глубокому убеждению мы должны воспользоваться единственным козырем в наших руках – сочувственным отношением к нам местных социал-демократов и эсеров и декларировать присоединение округа. Будет преступно, если мы пропустим и

[17] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 28. Л. 28-30 об.

этот момент. Присоединение округа поставит командующего Добровольческой армией Алексеева перед [свершившемся] фактом»[18].

Судя по всему, этот смелый проект грузинского эмиссара получил необходимое одобрение в Тифлисе. Уже 18 сентября 1918 года на заседании постоянно рефлексирующего перед «белой угрозой» местного совета социалистических партий была принята резолюция, в которой, в частности отмечалось, что присоединение Сочинского округа «к Кубани расширило бы сферу влияния военной диктатуры». Тогда же члены этого совета высказались за «временное» подчинение своего округа властям Грузии (*Документы 1919: 388-389*).

«Считая округ территорией российской республики, большинство сочинских политических партий мирилось с временным занятием Сочи грузинскими войсками и предпочитало относительный демократизм грузинского правительства сомнительной репутации ген. Деникина, восстанавливавшего везде старую власть»[19], – пояснялось на страницах издаваемой партией эсеров в Тифлисе газеты.

20 сентября 1918 года в Сочи состоялось совещание с участием Е. П. Гегечкори, Г. Н. Анджапаридзе, Г. И. Мазниева и начальника главного штаба «народной гвардии» В. А. Джугели. Ими было решено, «во что бы то ни стало отстоять Сочинский округ и спорить о Туапсе»[20]. Затем это постановление было зачитано на собрании сочинской общественности, перед которой также выступил Е. П. Гегечкори. На заседании было «высказано пожелание, чтобы грузинское правительство немедленно особым декретом оформило временное присоединение» округа к своей республике. Это мнение было растиражировано в виде «резолюции граждан г. Сочи о присоединении к Грузии» (*Документы 1919: 390*). Грузинские историки не оставляют без внимания и тот пикантный факт, что все

[18] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 26. Л. 38-40.
[19] «Народное знамя», 1919, 11 февраля. № 18.
[20] «Борьба»,1919, 25 ноября. № 269.

указанные решения были результатом кропотливой работы Е. П. Гегечкори (*Очерки 2009: 466*). Тем самым, он отправился в столицу Кубани имея на руках достаточно серьезные козыри.

Местным социал-демократам из числа этнических грузин, задолго ещё до тех событий приписывали идею присоединения Сочи к Грузии, хотя, по утверждению сочинского краеведа, «свои планы они старались завуалировать» (Таран 2012: 50.). *Следовательно, на основе достоверных фактов, вполне можно сделать обоснованный вывод, что действия грузинских властей в вопросе инкорпорации сочинского региона были отнюдь не спонтанными, а опирались на возникшую уже ранее устойчивую тенденцию.*

«Не будучи связан с Грузией ни исторически, ни в следствие своего этнографического состава, Сочинский округ случайно, в процессе борьбы с большевиками попал в руки преследовавших их грузинских войск, – читаем на страницах издаваемой партией эсеров газеты. Несмотря на всю случайность оккупации Сочинского округа в правительственных сообщениях и официозной прессе неоднократно повторялось, даже, что территория эта чуть-ли не составляет исконную принадлежность Грузии»[21]. Начинающий историк Павле Ингороква, в качестве эксперта правительственной комиссии тогда же утверждал, что вся полоса побережья до Туапсе в своё время принадлежала Грузии (ინგოროყვა 1918). Официальный Тифлис, которому по стратегическим соображениям было выгодно оставить за собой Сочинский округ, не стал вдаваться в подробные исторические экскурсы. Он решил прежде опереться на поддержку местных социалистических организаций и вступить в переговоры с Кубанским краевым правительством на предмет отказа последнего от притязаний на успевшую уже стать спорной территорию.

25 и 26 сентября 1918 года на состоявшихся в Екатеринодаре переговорах, кроме уполномоченных властных структур Кубани и Грузии, присутствовали также представители командования Добровольческой армии (*Документы*

[21] «Народное знамя», 1919, 11 февраля. № 18.

1919: 391-414). Глава казачьего правительства Л. Л. Быч поспешил объявить, что «вся Черноморская губерния по переделу 1905 года должна войти в состав Кубани». Его коллега Н. И. Воробьев шёл ещё дальше и категорически заявил, что российско-грузинскую границу необходимо прочертить исключительно вдоль реки Ингур.

Е. П. Гегечкори, в свою очередь, решительно отказался даже рассматривать поднятые его визави вопросы, под тем предлогом, что «на этом собрании недопустимо решать судьбу народов, на это мы не уполномочены и не имеем права». Отведя уже нависший вопрос о судьбе Абхазии, Гегечкори хотел сосредоточить главное внимание на территориях севернее Гагр. Он предлагал сойтись на его формуле и согласиться «временно Сочинский округ оставить за Грузией», под тем предлогом, что в этом округе 21 % населения якобы составляют грузины[22]. Поэтому официальный Тифлис не имеет ни морального, ни политического права уйти из этого региона. Грузинская сторона утверждала также, что, не поднимая вопроса о Туапсе, она, таким образом, как бы уже создала приемлемые условия для обоюдного компромисса.

Генерал Алексеев же предлагал свой «модус-вивенди». Прежде всего, он неожиданно заявил, что «Добровольческая армия никаких поползновений на самостоятельность Грузии не делает и признает её в полной мере». Лидер Белого движения, тем самым, был готов поступиться «единой и неделимой», чтобы взамен «решить определенно вопрос о границах», имея ввиду отказ грузинской стороны от района севернее Бзыби. Более того, ссылаясь на грузино-абхазское соглашение от 11 июня 1918 года, Алексеев прозрачно намекнул на возможность территориального размена. Он полагал, что, получив Абхазию, Тифлис согласится на восстановление

[22] В 1914 году грузинское население округа не превышало 10, 82 проц. (или 6875 чел.). См.: Իշխանեան 1919: 128-130. Без населения города Сочи в его районе в 1925 году проживало 35 419 жителей. Из них русские составляли 39%, армяне—43% (Артюхов 1997: 95).

русской юрисдикции в полосе Сочи-Гагры. Однако, это предложение осталось без должного внимания. Грузинские эмиссары, не рассматривая белое командование в качестве легитимной силы, добивались соглашения лишь частного характера. Они, по-видимому, полагали, что этот спор должен быть решён с участием третьей стороны. Возможно, на намечаемой тогда конференции в Стамбуле. А. И. Деникин же фактически подытожил всю беседу словами, что «если представители Грузии будут настаивать на Сочинском округе, то, мне думается, мы можем прекратить вовсе все разговоры». Тем самым, он ясно и недвусмысленно выразил общий настрой большинства русских военных.

Разногласия, наверное, можно было если и не уладить, то хотя бы смягчить за столом переговоров. Впрочем, в отношении данного вопроса есть кардинально иное, альтернативное мнение непосредственного участника тех событий генерала Е. В. Масловского. Он, правда, уже в эмиграции утверждал, что в «печальном окончании попытки грузинского правительства установить добрые отношения с Добровольческой армией, главная вина ложится, без всякого сомнения, на генерала Деникина». По словам этого осведомленного мемуариста, командование белых являлось единственной виновницей неудачи переговоров, так как проявив политическую близорукость, «оттолкнуло протянутую ему руку дружбы». Е. В. Масловский также настаивал, что благодаря «бестактности совершенно ненужной в отношении грузинской делегации мы ничего не выиграли, а приобрели вместо полезного нам соседа, лишнего недоброжелателя» (*Пученков 2014: 476-477*).

Таким образом, переговоры в Екатеринодаре зашли в тупик и стороны разошлись, так и не придя к взаимному согласию. Очевидно, что альянс между Белым движением и Грузией вряд ли был возможен, так как цели сторон изначально были диаметрально противоположными. Исходя из такой постановки вопроса, стали развиваться и дальней-

шие, весьма конфликтные, отношения между ними. Кроме того, вожди Белого движения с самого начала, и скажем прямо, не без оснований воспринимались картвельскими политиками в качестве непримиримых противников самой идеи грузинской независимой государственности. Русским же державникам хотелось верить, что «простой народ в Грузии не настроен враждебно против России и не стоит за сепаратизм». А посему, как опрометчиво утверждал генерал А. П. Богаевский в дни переговоров в Екатеринодаре, дескать «этого [лишь] желает кучка авантюристов, составляющая ныне грузинское самозваное правительство» (*Пученков 2012: 84, 92*). В отрицании права картвелов на суверенитет белая контрреволюция полностью смыкалась со своими злейшими врагами. Так, «Ленин и слышать не хочет о независимости Грузии, — сообщил вернувшийся из Москвы грузинский дипломат, — [а его заместитель в СНК] Рыков определённо заявил мне, что стоит за вооружённый разгром контр-революционного грузинского правительства» (*Хундадзе 1920: 27*).

Грузинские парламентёры не прогнулись, не поддались нажиму на них за круглым столом в Сочи. Напротив, они ловко козыряли соглашением с Абхазским Народным Советом и «резолюцией граждан города Сочи». С формальной точки зрения, их позиция выглядела более убедительной, чем у их оппонентов. Однако, по мнению видного грузинского дипломата З. Д. Авалишвили, «на переговорах в Екатеринодаре Гегечкори и Мазниеву пришлось защищать в корне неправильное дело» (*Авалов 1924: 198*). Он также полагал, что «не только в Туапсе, но и в Сочи грузинам нечего было делать. Резолюции различных местных организаций о “временном присоединении к Грузии” ничего в этом отношении не изменили. <…> Зарвавшись куда не следует (в бытность грузинским премьером Н. Рамишвили), потом уже считали, вероятно, неудобным, для престижа демократической республики уходить из Сочи» (*Авалов 1924: 197*). Дело, конечно, было не только и не столько в пресловутом «престиже». На-

против, смелые действия грузинских политиков тогда были обусловлены расчётами на поддержку их планов в Берлине. Шеф информбюро германской миссии в Грузии профессор Э. Цугмайер[23], поспешил тогда же заявить, что «угрозы руководителя русской добровольческой армии генерала Алексеева для Грузии не опасны, что в случае нападения ген. Алексеева на Грузию германские войска в силу обязательств по отношению к Грузии, встанут на защиту её границ, а украинские войска ударят в тыл ген. Алексееву»[24]. Силы ВСЮР, действительно, всячески избегали боевого контакта с грузинами, опасаясь, по всей видимости, своего последующего втягивания в вооруженное противостояние со стоявшим в Адлере внушительным немецким гарнизоном.

Так что, именно обстоятельством германской поддержки, в первую очередь, можно объяснить боевой настрой Е. П. Гегечкори за русско-грузинским «круглым столом». Во-вторых, «для Грузии Сочинский округ имел громадное значение в смысле зоны, отделяющей от Добровольческой армии Сухумский округ. <…> Грузинское правительство опасалось, что <…> непосредственное соседство района, подчиненного Добровольческой армии, с Сухумским округом может повлиять на отпадение Абхазии от Грузии» (*Лукомский 1922: 105*).

В начале октября 1918 года грузинское правительство приняло консолидированное решение ни в коем случае не уступать Сочинский округ – вплоть до вооруженной борьбы[25]. Между Белым движением и Грузией возникло состояние войны, которое, впрочем, долгое время не выливалось в форму вооруженных столкновений и ограничивалось тем, что грузинское командование держало у северной границы Сочинского округа («Лазаревский фронт») довольно сильный отряд войск. Общее руководство грузинскими силами здесь и в Абхазии

[23] До назначения в Тифлис, резидент немецкой разведки в Иране.
[24] «Кавказское слово», 1918, 5 октября. № 213.
[25] «Борьба»,1919, 25 ноября. № 269.

осуществлял А. Г. Кониев, «лично храбрый» (*Квинитадзе 1985: 198*), однако же «совершенно бездарный в военном отношении офицер» (*Воронович 1922: 100*).

В недрах же грузинского правительства уже был подготовлен проект закона о территориальном устройстве Грузии, в числе административных единиц которой указывался и Сочинский округ[26]. Объезжая Черноморское побережье министр земледелия Ной Хомерики открыто заявлял, что этот округ – территория Грузии и там, как во всей республике, необходимо приступить к аграрной реформе[27]. «Если Сочинский округ занят временно, – задавался вопросом современник тех событий, – если Грузия не претендует на него, а оккупировала его лишь с целью защиты интересов грузинского населения, то, с точки зрения международного права допустимо ли производить там реформы. Не создает ли это впечатления, что данная территория занята отнюдь не временно, а тем паче не для защиты завоеваний революции, а просто в целях округления границ»[28].

Сразу же после свержения власти ревкома, сочинский социалистический блок передал представителям грузинского правительства пожелание о скорейшей организации выборов в окружное земство, которого в Черноморской губернии ранее не существовало. Местные социалисты ходатайствовали также о предоставлении округу самой широкой внутренней автономии (*Воронович 1922: 99*). Учитывая тот факт, что бóльшую часть населения округа составляли русские крестьяне, партия эсеров предполагала получить на земских выборах львиную долю их голосов. Однако не раз обещанное земство никак не создавалось. Лишь в августе 1918 года были произведены достаточно свободные выборы в городское самоуправление Сочи. В ней антисоциалистические элементы образовали

[26] Территориальные вопросы в Грузии // «Кавказское слово», 1918, 6 декабря. № 264.
[27] Обзор печати// «Народное знамя», 1919, 23 марта. № 49.
[28] К вопросу о Сочинском округе // «Наше знамя»,1919, 1 января. № 1.

«прогрессивный» блок. Муниципальную управу, как следствие, возглавили кадеты. Главой же городской думы, по паритетному соглашению между фракциями «правых» и «левых», стал член партии эсеров[29]. Обязанности окружного комиссара короткое время исполнял прапорщик Ашот Наджарян, член партии меньшевиков. Он, однако, чем-то не угодил группе грузинских военных, которые подвергли его публичному избиению[30]. Затем в округ, с чрезвычайными полномочиями, был прислан представитель правительства М. М. Хочолава. «Комиссарами и другими административными властями, — досадливо сетует очевидец, — назначались почти исключительно грузины, что очень не нравилось местным»[31]. Так, в Адлере администрацию возглавил некто Е. Перадзе[32]. Со слов же одного из участника событий (Н. Чернович[33]), эти администраторы под разными формальными предлогами пренебрегали интересами населения[34]. С целью укрепления своих позиций в этом регионе они, судя по фактам, лишь активно эксплуатировали фактор страха местных «левых» элементов перед белой контрреволюцией. Видя, что обещания эмиссаров грузинского правительства не приобретают форму конкретных дел, в оппозицию к официальному Тифлису перешли некоторые влиятельные члены местной организации эсеров (Н. Науман и др.)[35]. Причина разлада заключалась в том, что демократическая обёртка была лишь интерфейсом новой власти.

---

[29] Местный краевед пишет, что возглавивший муниципальную думу «Степан Яковлевич Тер-Григорьянц, пользовался уважением депутатов всех фракций собрания. Он приложил много усилий к тому, чтобы в Сочи все вопросы в то сложное время решались мирным путем» (Артюхов 1997: 93)

[30] НАА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 56. Л. 13.

[31] «Народное знамя», 1919, 26 марта. № 52.

[32] «Закавказское слово», 1919, 15 марта. № 45.

[33] У автора данного исследования есть веское предположение, что под этим псевдонимом скрывается Николай Владимирович Воронович, из-под пера которого затем вышла публикация в «Архиве русской революции» с рассказом о тех событиях.

[34] «Народное знамя», 1919, 25 марта. № 51.

[35] В Грузии: в Сочинском округе// «Борьба», 1918, 21 декабря. № 248.

Уже в сентябре 1918 года Е. П. Гегечкори с нескрываемой тревогой сообщал своему премьеру, что в Сочи «в настоящее время отношение к нам изменилось к худшему»[36]. Похожее мнение высказал другой очевидец (*Чернович 1919*), утверждавший, что в течение первых 2-х месяцев местное население успело уже разочароваться в «демократической власти»[37]. Ситуация в округе стала кардинально меняться не в лучшую для всех сторону сразу после замены отряда «народной гвардии», состоявшего бóльшей частью из тифлисских рабочих, на обычные армейские части. Разные источники едины во мнении, что сразу же после прибытия в округ наспех сформированных армейских подразделений, «начались незаконные реквизиции не только продуктов и фуража, но и лошадей и скота. Большинство реквизиций происходило самочинно, без ведома военных и гражданских властей»[38]. Виной тому была, главным образом, низкая организация вооруженных сил Грузии и отсутствие в армии должной дисциплины.

Грузинская сторона, таким образом, установила в Сочинском округе де-факто оккупационный режим. Назначенный ею управляющим санаторием («климатической станцией») в Гаграх Н. В. Воронович свидетельствовал, что «хорошие отношения с русским крестьянством впоследствии были испорчены грузинскими военными властями и некоторыми гражданскими чиновниками, принявшимися за реквизиции» (*Воронович 1922: 93*). Местный же информатор сообщал в тифлисской газете, что «безобразия грузин <…> в первые 4-5 месяцев [вызвали] неприязнь также в среде русских крестьян, но И. Рамишвили, Г. Анджапаридзе, Е. Гегечкори своими частыми посещениями, речами и при помощи различных [местных социалистических] деятелей, которые поступили на грузинскую службу [Петру Измайлову, например, было

[36] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 26. Л. 38-40.
[37] «Народное знамя», 1919, 26 марта. № 52.
[38] Там же.

поручено заведовать всем курортным хозяйством[39]] <…> и трепетали пред Добровольческой армией, ослабили эту ненависть, объясняя, что из двух зол меньшее – грузинский режим, поскольку <…> грузины рекрутов не берут, а Добровольческая армия проводит строгую мобилизацию»[40]. Об усиленной пропагандистской кампании против белых упоминает также Деникин, говоря о «демагогических посулах грузинских комиссаров, обливавших потоками грязи Добровольческую армию» (*Деникин 2005: 223*).

Официальный Тифлис, судя по всему, достаточно хорошо был информирован о состоянии дел в округе. «Особый отдел» грузинского штаба в Сочи ставил в известность начальство, что «недопустимые деяния, хищения, грубое отношение со стороны местных властей в лице районных комиссаров и регулярных воинских частей — противопоставляет население грузинскому правительству» (*Козлов 1972: 79*). Более того, об этом докладывал премьеру комиссар правительства Мухран Хочолава. «Мне самому пришлось лично видеть, — сообщал он, — результаты ряда недопустимых деяний, хищений и грубого отношения к населению со стороны солдат»[41]. В январе 1919 года Сочинский Русский национальный совет обратился в правительство Грузии с жалобой на безобразное поведение грузинских солдат[42]. Вскоре Н. Н. Жордания сам публично признал, что «наши пограничные части не оказались на должной высоте и не оправдали звания демократической армии. Они своим поведением вызвали неудовольствие среди населения» (*Жордания 1919: 205*). При сём надо заметить, что поведение солдат не смогло испортить традиционно добрососедские отношения между местными грузинами и другими национальностями округа. По счастливой случайности, Сочинское Причерноморье оставалось тем ред-

[39] «Речь», 1918, 24 ноября. № 48.
[40] «Աշխատավոր», 1919, 13 մայիսի:
[41] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 116. Л. 22-27.
[42] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 116. Л 15.

ким регионом на Кавказе, где в это смутное время, не смотря на отдельные трения, не произошло ни одного серьезного межэтнического конфликта.

Положение дел в округе, судя по фактам, было в фокусе постоянного внимания лидеров ВСЮР. Деникин был достаточно осведомлен, когда писал: «Шли повальные грабежи и разбои. Десятипроцентный сбор натурой со всех продуктов сельского хозяйства и товаров вызвал прекращение подвоза и торговли и усилил ещё больше голод. Население Сочинского округа целым рядом депутаций и письменных постановлений обращалось в Екатеринодар с просьбой об избавлении от грузин. <…> Прорывавшиеся через грузинский кордон русские и особенно армяне – жители окрестных селений – приносили на наши передовые посты рассказы о творимых над ними расправах и просьбы о помощи» (*Деникин 2005: 222*). Возникает впечатление, что Деникин, как заинтересованная сторона, явно сгущает краски. Однако и Сочинский комитет эсеров 20 января 1919 года передал местной администрации «отношение» с настоятельным предложением — «о назначении следственной комиссии в виду все усиливающихся насилий, грабежей и злоупотреблений власти на местах, вызывающие возмущение и даже вооруженные выступления крестьян, подавляемые властями с жестокостью, напоминающей карательные экспедиции времён царизма»[43]. Впоследствии же экс-глава военного ведомства Г. Т. Гиоргадзе со скрипом, но всё же признал, что в бытность его министром были «отдельные бесчинства» со стороны солдат[44].

Германия, после Компьенского перемирия, поспешила вывести весь контингент своих войск из Грузии. В Екатеринодаре преждевременно показалось, что, лишившись покровительства Берлина, грузинское руководство наконец-то станет более покладистым. Эти планы не оправдали себя.

[43] НАА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 56. Л. 7.
[44] Военный суд // «Слово», 1920, 3 августа. № 174.

Белые генералы тогда же прибегли, казалось бы, к более радикальному средству давления на руководство Грузии – к экономической блокаде. Грузия, находившаяся на грани голода, была жизненно заинтересована в поставках кубанского хлеба. Председатель «Особого совещания» ВСЮР генерал А. М. Драгомиров в записке от 21 ноября 1918 года отмечает, что «главное командование не меняет своего отношения к Грузии, так как ее правительство ещё не отказалось от своих стремлений по отношению к области Сочи – не разрешать вывоз хлеба, запретить товарооборот с Грузией»[45]. Это эмбарго, напротив, способствовало бурному росту контрабандной торговли дефицитными товарами. Нелегальные перевозки между портами Грузии и Юга России производились при активной поддержке и прямом участии коррумпированных лиц из подчинённой ВСЮР администрации (*Муханов 2019а: 536-541*).

Все стороны, разумеется, хорошо понимали, что неопределенное политико-правовое положение Сочинского округа не могло далее оставаться таковым и оно чревато было серьезной эскалацией конфликта. Руководство же Грузии все более опасалось дальнейшей радикализации позиции командования Добровольческой армии. Судя по фактам, намереваясь и впредь контролировать спорную территорию, официальный Тифлис стремился, прежде всего, заручиться на это согласием британцев. Те уже начали оккупацию стратегических районов на Южном Кавказе. Однако для начала грузинским политикам необходимо было иметь достаточно веские аргументы. Дабы получить столь необходимое свидетельство о «народном волеизъявлении», надо было соблюсти все формальные процедуры. В Сочи вновь был командирован Г. Н. Анджапаридзе. Его распоряжением 1 декабря 1918 года был созван окружной крестьянский съезд[46]. Это мероприятие, по сути, прошло под

[45] ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 33. Л. 12.
[46] «Кавказское слово», 1918, 6 декабря. № 264.

сильным грузинским влиянием. Прибывшие из Тифлиса эмиссары выступали с заявлениями, в которых обещали уже вскоре кардинально улучшить культурно-хозяйственное положение в спорном регионе. Анджапаридзе и другие напористые ораторы горячо уверяли делегатов, что «временное» присоединение округа к Грузии является жизненно необходимым именно в интересах самого крестьянства, как «избавляющее его от ужасов гражданской войны» в России (*Воронович 1922: 99*). Самым же громким из всех их заявлений, стало обещание о немедленной организации выборов в местное земство. Сторонники тифлисской ориентации, устроив политический спектакль, в конце концов, вырвали у большинства крестьянских делегатов столь необходимое им, хотя и компромиссное постановление. Съезд высказался за временное присоединение к Грузии, однако до воссоединения отдельных областей России на федеративных началах (*Документы 1919: 414-415*). Это умеренное решение, тем не менее, вызвало взрыв негодования среди тех лиц в Сочи, которые открыто симпатизировали Белому движению. Резолюция съезда тотчас же была названа ими «государственной изменой» (*Воронович 1922: 100*). Местные сторонники «единой и неделимой» поспешили отрядить в Екатеринодар депутацию, которой поручили настоятельно просить командование Добровольческой армии как можно скорее освободить округ от грузинских властей[47]. Это обращение, однако, тогда осталось без серьезных последствий. Но в декабре 1918 года Деникин всё же перебросил в соседний Туапсинский округ порядка 3000 штыков. Это были слабые и разрозненные части из 2-й дивизии (*Козлов 1972: 97*).

Законодательному присоединению Сочинского округа к Грузии помешали, возможно, форс-мажорные обстоятельства. В середине декабря 1918 года произошло локальное вооруженное столкновение между Грузией и Арменией[48]. У властей

[47] «Народное знамя», 1919, 27 марта. № 53.

[48] Этот злосчастный конфликт, который некоторые авторы называют «грузино-армянской войной», разумеется не превратился в противостояние

Грузии возникло намерение сочинский отряд своих войск срочно перебазировать в зону армяно-грузинского конфликта. Но были опасения, что Деникин откроет против Грузии «второй фронт». Официальный Тифлис ошибочно предполагал, даже не имея к тому никаких фактических оснований, наличие якобы военного союза между ВСЮР и правительством в Ереване[49]. Дабы не оказаться в их «тисках», грузинское руководство, в момент наибольшего разгара кризиса, решило все же пожертвовать частью своих прежних амбиций и добровольно уступить Сочи. Этот политический гамбит, по замыслу грузинских лидеров, вероятно должен был в итоге увенчаться банальным разменом на гарантии командования ВСЮР в отношении интересов правительства Н. Жордания – Н. Рамишвили в Абхазии. С этой целью они попытались задействовать в качестве посредника Русский национальный совет в Тифлисе, но тот постарался уклониться от этой сомнительной роли[50].

Оказавшись в крайне затруднительном положении, грузинская сторона обратилась к находящейся в Тифлисе Британской военной миссии. Взявший на себя функции модератора полковник Ричард Прайс Джордан предложил нейтрализовать спорный регион и передать его под власть местного земского самоуправления. Грузинские войска в округе

соседних народов. Известно, что в ЦК правящей тогда в Грузии партии и её фракции в парламенте присутствовал целый ряд этнических армян (М. Вардоянц, Р. Ауштров, Б. Микиртумов и др.), которые поддерживали действия своего правительства. Более того, с грузинской стороны, в рядах «народной гвардии» на фронт отправились, по самым скромным оценкам, десятки добровольцев- армян из Тифлиса, Гори, Сигнаха и Телава. Среди них был также некий капитан Аристакесян, который стал известен тем, что в ходе тех событий проявил особое служебное рвение (Ջամալյան 2011: 188).

[49] «Наш “союз с Арменией”, – едко иронизирует Деникин, – принадлежал к одной из грузинских легенд. Но она сослужила нам, несомненно, большую службу, отвлекая силы и умеряя в значительной степени воинственный пыл Азербайджана и Грузии, считавших свой тыл при наступлении на север открытым для удара армянской армии» (*Деникин 2005:* 253).

[50] По Кавказу: Сочи // «Народное знамя», 1919, 30 января. № 8.

предполагалось заменить контингентом британских военнослужащих (*Воронович 1922: 101*).

15 декабря 1918 года, как пишет Деникин, достаточно неожиданно для белого командования, началась спешная эвакуация грузинских солдат из Причерноморья. «Сочинский округ по соглашению с англичанами признается нейтральным, – пояснил мотивы отхода своих войск генерал Кониев, — [однако] управление в округе остаётся грузинским» (*Деникин 2005: 224*). «Наши части без всякого давления со стороны Добровольческой армии покинули позиции на границе Сочинского округа и отошли к югу. Это передвижение было произведено нашим командованием в уверенности, что неприкосновенность границ округа достаточно гарантировано состоявшимся соглашением»[51], – сообщал официоз грузинских социал-демократов. «Все эти переговоры приняли спешный характер как раз именно к середине декабря месяца, когда на юге республики шла борьба из-за Лори и Ахалкалак, и определенно начали замирать к моменту ликвидации армяно-грузинского конфликта»[52], – отмечала тифлисская пресса.

Об условиях же англо-грузинского «джентльментского» соглашения белому командованию стало известно, как утверждает Деникин, якобы из сочинской газеты «Свободная мысль». Стремясь избежать интернационализации «сочинского конфликта», глава ВСЮР поспешил отдать распоряжение частям своей армии немедленно выдвинуться вперед и, не вступая в бой с грузинским отрядом, взять под контроль оставляемую им территорию. Когда грузинские солдаты покинули станцию Лоо, она была незамедлительно занята 3-м офицерским полком Добровольческой армии. Грузины же,

[51] «Борьба», 1919, 12 января. № 8.
[52] К Сочинскому конфликту// «Народное знамя», 1919, 11 февраля. № 18.

стремясь избежать дальнейшего спонтанного продвижения белых, остановились на речке Лоо[53].

Идея англичан нейтрализовать Сочинский округ, таким образом, обернулась форменным конфузом. После прекращения военных действий между Грузией и Арменией, грузинское правительство в январе 1919 года настоятельно потребовало от белых отойти на прежнюю линию раздела[54]. Прибывший в Тифлис командир 27-й британской дивизии Г. Т. Форестье-Уоккер, обратился к главе парламента Грузии с «тезисами». 21-й из них касался предыдущих событий в Сочинском округе. «Я до сих пор не знаю подлинную причину спора, – пишет британский генерал, – согласно условиям, грузины должны были очистить Сочинский уезд, но и русские не должны были занимать его. Грузинское правительство заявило полковнику Джордану протест, что они выполнили условия эвакуировав уезд, а русские вслед за ними и вопреки достигнутому соглашению заняли уезд. Но я должен указать, что соглашение не было достигнуто. Самое большее были сформулированы условия, на которые надеялись, что ген. Деникин согласится» (*Шафир 1925: 108-109*). Этот британский военачальник тогда же сгоряча поддержал намерение грузинского правительства вывести свои войска из округа. Вскоре, однако, Форестье-Уоккер уже кардинально изменил свое прежнее мнение. Он настоятельно предлагал парламентёру Деникина генералу И. Г. Эрдели иное решение – введение русской администрации в Сочинском округе, но с грузинскими гарнизонами. Но получил категорический отказ (*Деникин 2005: 228*).

Сама же грузинская сторона, по большому счету, и впредь не желала поступаться своими эфемерными геополитическими планами и терять «контрольный пакет» в Западном Закавказье. Уже тогда очевидцами событий было замечено,

---

[53] «Меморандум», Добровольческой армии английскому командованию по поводу взаимоотношений с Грузией // «Кавказское слово», 1919, 5 апреля. № 63.

[54] В Грузии: в Сочинском округе// «Борьба», 1919, 12 января. № 8.

что «грузинское правительство в отношении Сочинского округа всё время вело двойную игру»[55]. Как только было достигнуто перемирие с Ереваном, официальный Тифлис попытался переиграть ситуацию в Сочи и вернуть всё на свои прежние места. Прибывшие из столицы Грузии функционеры 5 января 1919 созвали «пленарное заседание общественно-демократических организаций города Сочи». Резолюция этого мероприятия гласила, что «левая» общественность «считает необходимым, чтобы Правительство Грузии и впредь руководило внутренней жизнью Сочинского округа, пока вопрос о нём в связи с вопросом о всей России, не получит окончательного разрешения на международной мирной конференции» (*Документы 1919: 416*). «Эта идея могущественной и целебной силы ”мирной конференции” и её компетенции разрешать самостоятельно, без самой России, её судьбу, – пишет Деникин, – проводилась чрезвычайно настойчиво всеми союзными представителями на Юге. Она встречала признание среди кавказских новообразований и казачьих самостийных групп и вызывала глубочайшее негодование среди всех национально мыслящих элементов русского общества» (*Деникин 2005: 204*). Таким образом, у грузинской стороны, в какой-то момент, возник сильный соблазн воспользоваться, как им казалось, благоприятной международной конъюнктурой. Как представляется, в этом не последнюю роль сыграли находящиеся в Тифлисе британские генералы, в частности Форестье-Уоккер, который поспешил заявить, что не потерпит никакой агитации в пользу воссоединения Закавказья с Россией (*Деникин-Юденич-Врангель 1927: 91*). Британские силы на Кавказе в немалой степени возглавлялись офицерами, которые были мотивированы защитой колониальных интересов Лондона. Их взгляды определялись глубокой враждой к России, как грозной сопернице Британии в Азии.

[55] От редакции// «Народное знамя», 1919, 27 марта. № 53.

После «январьской резолюции» сочинских организаций в Тифлисе стали уже всерьез поговаривать о том, что район между реками Мзымта и Шахе, который в грузинской традиции принято называть «Джикети», наконец, должен составить неоспоримую и неотъемлемую часть Грузии. 7 января 1919 года Телеграфное Агенство Грузии опубликовало сообщение: «Теперь окончательно выяснилось, что Сочинский округ и в будущем останется в пределах Грузинской республики <…> Грузинские войска останутся в Сочинском округе»[56]. Однако не все были столь оптимистически настроены. Среди комментариев, опубликованных тогда в столичной прессе, можно встретить весьма критические высказывания. «Непонятно стремление нашего правительства, – пишет очевидец событий, – непременно захватить и сделать ‘’бесспорной” эту по всему негрузинскую территорию. В Сочинском округе грузины составляют не более 5-ти процентов населения и ни историческими, ни этнографическими, ни экономическими соображениями нельзя оправдать такую политику правительства»[57].

Практически вся курортная публика, которая наезжала обычно из Петрограда и Москвы, не решилась после октябрьских событий возвращаться в столицы, найдя более благоразумным переждать вихри революции на всё ещё спокойной «Русской Ривьере». Представители имущих слоёв городского общества громко обвиняли сочинских социалистов в измене коренным русским интересам. Этот буржуазный электорат в августе 1918 года обеспечил представителям либеральных кругов (кадетам и октябристам) практически половину мест в местной городской думе. Сочувствующие белым генералам лица настояли, чтобы муниципальная управа выделила на нужды Добровольческой армии 100 тыс.

[56] Добровольческая армия и Грузия// «Закавказское слово», 1919, 14 февраля. № 23.
[57] Там же.

рублей[58]. На перевыборах Русского национального совета, члены правых российских партий надеялись также крепко взять руководство этой структурой в свои руки. Эта более чем ясная перспектива, по всей видимости, была воспринята как угроза политическим интересам грузинских властей[59]. В прессе была опубликована срочная телеграмма, которая сообщала, что «собрание русских граждан для избрания постоянного национального совета, назначенное на 26 января [1919 года], не могло состояться в виду насильственного разгона с участием грузинских солдат. <…> Русское население взволновано»[60].

После занятия англичанами линии Батум – Тифлис – Баку, командование Добровольческой армии получило уведомление от британской миссии в Екатеринодаре, что граница между Россией и Грузией установлена ими вплоть до Туапсе. «В Тифлисе, ген. Форестье Уоккер, с самого начала своего там пребывания, – пишет А. С. Лукомский, – стал определенно на сторону грузинского правительства, поддерживая его в разногласиях с командованием вооруженных сил юга России из-за Сочинского округа. <…> Получалось отчетливое впечатление, что англичане собираются в Закавказье вести особую политику, поддерживая отделение от России образовавшихся там республик, а Батум, как вывозной порт для [бакинской] нефти, насколько возможно сохранить в своих руках» (*Лукомский 1922: 120-121*). Проведение русско-грузинской разграничительной линии вплоть до Туапсе означало, что, исходя из формальной точки зрения — сохранения «статус-кво» — «туманный Альбион» одновременно признал, что Сочинский округ должен, до решения мирной конференции, оставаться во владении Грузии. С этим лидеры Белого

[58] В Грузии: в Сочинском округе// «Борьба», 1918, 21 декабря. № 248.
[59] Хроника: Разгон русского собрания в Сочи //«Закавказское слово», 1919, 1 февраля. № 12.
[60] По Кавказу: Сочи // «Народное знамя», 1919, 1 февраля. № 10.

движения согласиться никак не хотели (*Деникин-Юденич-Врангель 1927: 94*).

5 января 1919 года А. М. Драгомиров обратился с официальным письмом к начальнику британской миссии в Екатеринодаре генералу Фредерику Катберт Пулю, где излагались ряд принципиальных требований русского командования, касающихся отношений с Грузией. Главными условиями были, «немедленное введение войск добрармии в Сочинский округ для установления спокойствия и прекращения вооруженных выступлений местного населения; официальное присоединение Сочинского округа к Черноморской губернии, с заменой грузинской администрации – русской» (*Хроника 1941: 143*). 22 января 1919 года генерал Форестье-Уоккер уведомил русское командование, что он получил инструкции поддерживать грузин, «пока их поведение удовлетворительно» (? – Б. М.). Следовательно, дальнейшее продвижение войск Добровольческой армии в Сочинском округе без предварительного согласования с ним должно быть исключено (*Деникин 2005: 224*). К тому же времени относится и письмо к Деникину от Дж. Ф. Мильна, командующего британскими войсками в зоне черноморских проливов. Этот британский генерал, между прочим, отмечал, что «окончательная судьба Сочинского округа – это, несомненно, вопрос, который должен быть решен по окончании войны, и всякая попытка решить его теперь же силою оружия должна повести к осложнениям с Грузией. <…> Я прошу Ваше превосходительство придти к дружелюбному соглашению с Грузией, по крайней мере в Сочинском округе, и тем избежать военного столкновения с этой страной. Операции против грузин в Сочинском округе никоим образом не способны облегчить ваших операций против большевиков, для каковой цели британское правительство снабжает вас оружием и военным снаряжением» (*Деникин-Юденич-Врангель 1927: 95*). Как пишет А. С. Лукомский: «”Дружелюбного” соглашения с Грузией относительно Сочинского округа достигнуть было невоз-

можно, ибо грузины, поддерживаемые в этом отношении тем же британским командованием в Закавказье, не хотели и слышать о возможности добровольного отказа от округа» (*Деникин-Юденич-Врангель 1927: 95-96*).

Таким образом, английский демарш возымел совершенно обратный результат. Он лишь подтолкнул белое командование на более радикальные действия. Грузинское правительство стало получать сведения о сосредоточении значительных сил Добровольческой армии в уже занимаемой ею полосе Сочинского округа. 29 января 1919 года к начальнику штаба британской миссии в Тифлисе обратились замглавы МИДа К. Б. Сабахтарашвили и заместитель военного министра генерал А. К. Гедеванишвили. Высокопоставленный британский офицер сообщил крайне взволнованной грузинской стороне, что части белогвардейцев концентрируются у границ спорного района «по техническим причинам» и якобы не преследуют никаких агрессивных целей по отношению к Грузии[61]. Секретарь правительства Г. Цинцадзе, в свою очередь, поспешил поставить в известность М. М. Хочолаву и генерала Кониева, что британцы твёрдо заверили, что нападение на Грузию, дескать, будет воспринято ими не иначе, как объявление войны их Соединённому королевству. «Союзное командование гарантирует, — подтверждал Сабахтарашвили, — что Добровольческая армия не предпримет враждебных действий против нас»[62]. Приободрённые грузинские политики распространили преждевременную информацию о том, что «заверения представителей великой державы явились достаточной гарантией для Грузии против посягательств с Севера»[63].

Мелкие стычки между жителями Сочинского округа и грузинскими военнослужащими не были таким уж редким явлением. На хуторе между селениями Верхнее Лоо и Кубан-

[61] Хроника: Добровольческая армия и Грузия// «Закавказское слово», 1919, 30 января. № 10.
[62] ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 2. Д. 81. Л. 2.
[63] Военный суд: Сдача Сочи добровольцам// «Слово», 1920, 3 августа. № 174.

ское 31 января 1919 года произошла драка местных крестьян с группой солдат, занявшихся грабежом их имущества. В итоге один из мародёров получил пустяковое ранение. Старший в ближнем секторе Приморского фронта офицер был заведомо введён своими проштрафившимися подчинёнными в заблуждение о причинах инцидента. Он же опрометчиво не назначил служебное расследование и, тем более, не доложил о случившемся в штаб. Был, прежде всего, поспешно выслан вооруженный отряд, для подавления якобы вспыхнувшего в прифронтовом тылу «восстания».

Конфликт произошел исключительно вокруг сёл Верхнее (оно же Горное) Лоо и Кубанское[64]. *Однако ряд авторов, по тем или иным причинам, допускают досадные оплошности, либо намеренные искажения в описании тех событий. Так, Деникин сообщает, что «вспыхнуло восстание армянских селений, охватившее весь прифронтовой и Адлерский районы»* (Деникин 2005: 224). *Другой же обратившийся к этим событиям автор ошибочно полагает, что «грузинские гарнизоны в Адлере, Лоо, Горном и Верхнем Лоо и в других пунктах подверглись одновременному нападению. На подавление "восстаний" были брошены пехотные и артиллерийские части. В районе селений Горное и Верхнее Лоо завязались бои»* (Козлов 1972: 80). *Н. В. Воронович отрицает сам факт «восстания», когда пишет, что «добровольцы предупредили назревавшее восстание армянских поселян и вскоре сами перешли в наступление против грузин»* (Воронович 1922: 100). *Грузинская же сторона обвинила белых в том, что «они сами спровоцировали в о л н е н и я (курсив мой. – Б. М.) среди армян и оправдываясь ими вторглись в округ»*[65]. *На суде же, где рассматривалось обвинение грузинских офицеров в служебной халатности, повлекшей пленение белыми сочинского гарнизона, ни о каком восстании в тылу грузинских войск вообще не упоминалось*[66]. *Однако Н. Н. Жордания всё же утверждал, что «армяне у добровольцев в передовых частях»* (Красный архив 1927: 163). *В феврале 1919 года несколько сотен армян из ряда сёл сочинского и адлерского районов, ранее особенно*

[64] НАА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 56. Л. 9-9 об.
[65] Добровольческий «меморандум» // «Борьба»,1919, 3 апреля. № 75.
[66] «Слово», 1920, 3 августа. № 174.

пострадавших от грабежей и конфискаций, стихийно примкнули к белым войскам[67]*. Тем самым, они спешили расквитаться со своими прежними обидчиками. Вскоре это ополчение рассеялось по своим домам. В составе же регулярных белых частей армяне никогда не участвовали в столкновениях с грузинской армией. Сочинской Армянский национальный совет решительно воспротивился мобилизации местных армян, которые составляли тогда 30% населения округа, в ряды Добровольческой армии. В составе сил ВСЮР под началом капитана Н. С. Чмшкяна был сформирован из случайных элементов лишь «Особый Армянский ударный добровольческий батальон» (около 300 штыков), который был переброшен из Батума в Сочи и находился там с октября 1919-го по февраль 1920 года.*

Тифлисская пресса опубликовала телеграмму, которая сообщала, что «неоднократно повторяющиеся грабежи и возмутительные насилия, чинимые некоторыми грузинскими солдатами Приморского фронта в Сочинском округе <…>, вызвали в армянском селении Верхнее Лоо вооруженное сопротивление в целях самообороны. Войска республики Грузия немедленно заняли позиции и открыли военные действия»[68]. М. М. Хочолава, напротив, полагал, что конфликт легко было бы предотвратить, «если бы местные власти в лице комиссаров, а также регулярные войсковые части стояли на должной высоте»[69]. Он «яростно бранил военных и администрацию за их произвол, говоря, что [они] эдак не только Сочи потеряют, но и всю Грузию погубят»[70]. По инициативе нацсовета местных украинцев (Громады) 5 февраля 1919 года состоялось спешное заседание представителей различных общественных организаций города Сочи. Собрание постановило: «1) Потребовать прекращения военных действий и других насилий против мирного населения; 2) Избрать комиссию из 3-х человек для расследования совместно с

[67] ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 2. Д. 81. Л. 4.
[68] «Закавказское слово», 1919, 6 февраля. № 16.
[69] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 2. Д. 116. Л. 22-27.
[70] «Հայրենիք», 1931, հոկտեմբեր, 139:

местными властями всех случаев насилий, учиненных как войсками, так и низшей администрацией; 3) Обратится со срочной телеграммой к английской миссии в Тифлисе о направлении в Сочи и округ делегации; 4) Ходатайствовать перед ней об осуществлении плебисцита, чтобы население без всякого давления со стороны войск и администрации могло высказаться об организации местной власти, о политической и экономической судьбе округа; 5) Вывести войска из округа»[71]. Против такой резолюции категорически выступили только П. Измайлов и Я. Цвангер. Представители же Сочинского Грузинского национального совета (М. И. Хоперия и др.) воздержались при голосовании. Власти поспешили подвергнуть аресту горячо осуждавших её действия и пуще остальных жаждавших английского «протектората» ораторов[72]. Ведь сочинские эсеры, по примеру Аджарии, добивались передачи своего региона под контроль британской военной администрации. Каждая из сторон конфликта надеялась, что Англия станет проводником именно её интересов.

С передовых линий Добровольческой армии, тянувшихся вдоль речки Лоо, достаточно хорошо просматривались маневры грузинской пехоты, тщетно пытавшейся овладеть двумя армянскими селениями. Впоследствии генерал Уильям Бич из британской разведки указывал Н. Н. Жордания, что якобы «войска Деникина видели, как грузины расстреливали армян из пулеметов у реки Лоо» (*Красный архив 1927: 145*). Создавшуюся ситуацию белое командование сочло более чем удобным поводом для своего вмешательства в конфликт и поспешило ловко использовать эти драматические события, чтобы установить свой полный контроль над спорной территорией[73]. «К нам доходили вопли о помощи, — утверж-

[71] НАА. Ф. 441. Оп. 1. Д. 56. Л. 4-5.

[72] «Հայրենիք», 1931, հոկտեմբեր, 141:

[73] Появившиеся же впоследствии из-под пера А. И. Деникина детали, что якобы «грузинская артиллерия громила армянские поселки», представляются нам чрезмерными и не подтверждаются другими источниками. К

дал Деникин, — дабы положить конец этому кровопролитию, я приказал войскам Приморского отряда занять Сочинский округ» (*Деникин 2005: 225*). Однако его ближайший соратник, напротив, сообщает несколько иную версию событий. «4 февраля грузинские войска, — пишет А. С. Лукомский, — открыли неприязненные действия против наших войск, и генерал Деникин приказал перейти в наступление и занять Сочи» (*Деникин-Юденич-Врангель 1927: 94*). К моменту начала генерального наступления белых, тем не менее, локальный конфликт вокруг армянских сел был уже исчерпан, а солдаты отведены в казармы[74]. Отметим, что разнобой в свидетельствах русских генералов, по всей видимости, возник в результате поиска наиболее благовидного предлога. Таким образом, напрашивается вывод, что для белого командования не суть важен был сам повод для атаки, будь это «гуманитарная интервенция», либо малоубедительный довод о неких «неприязненных действиях». Главным же мотивом, на самом деле, была настоятельная необходимость как-то сделать легитимным в глазах Антанты своё право на применение силы.

Очевидец мог убедиться «в крайней беспечности грузинского отряда, фланги которого совершенно не охранялись и могли быть в любой момент обойдены противником. В тылу у грузин постоянно появлялись добровольческие разъезды, производившие совершенно свободно фуражировку и разведку грузинских позиций. Между грузинскими и добровольческими офицерами было установлено своеобразное перемирие, и добровольцы открыто приезжали со своих позиций в Сочи, где по несколько дней кутили в “Ривьере” и других ресторанах» (*Воронович 1922: 100*).

сожалению, некоторые малокомпетентные авторы, не разобравшись в теме, продолжают тиражировать эту весьма спорную информацию. Один из них пишет, что «против грузинских притеснений восстали армяне Сочинского округа. Тифлис бросил против них карателей, которые начали сносить целые села артиллерией. Армяне умоляли Деникина спасти их от уничтожения» (Широкорад 2010: 93).

[74] «Հայրենիք», 1931, հոկտեմբեր, 140:

Сумрачным утром 6 февраля 1919 года отряд Добровольческой армии, внезапным ударом смяв передовые посты грузин, сходу овладел посёлком Лоо. В Хосте же белые высадили морской десант, тем самым взяв в плотное кольцо местные гарнизоны неприятеля[75]. Окруженным же грузинским военным начальник Туапсинского отряда генерал-майор М. Я. Бурневич предъявил ультиматум, где сообщал, что получил приказ от своего командования «занять Сочинский округ ввиду грабежей и насилий, творимых в округе»[76].

«Сочинский округ занят нами временно, и мы готовы оставить его, если не пострадают интересы местного населения», – говорил уже 8 февраля 1919 года с трибуны парламента Грузии Н. Жордания. Далее, чуть приоткрыв политическое закулисье, он также сообщил: «Мы предложили английскому командованию занять округ. Не дожидаясь ответа, мы начали отходить, но нам предложили остаться до разрешения вопроса об этом округе на мирной конференции. Пребывание в этой полосе для нас было тяжелой обузой и с политической, и экономической точки зрения, и мы готовы были передать её Кубанскому правительству. Между тем, рабочие, крестьяне и социал-демократическая партия округа заявляли, что Деникин для них неприемлем, и от населения явилось много делегаций с просьбой остаться. Мы думали, что фронт обеспечен британской гарантией и оставили там маленький гарнизон. Слухи о готовящемся наступлении продолжали поступать, но английская миссия заверила, что этого не случится. <…> Представитель английской миссии был удручен, когда мы сообщили ему о вторжении Деникина. Он был уверен, что Деникин не посмеет сделать этого. <…> Англия заинтересована в походе Деникина не сюда, а на север, где господствуют большевики» (*Жордания 1919: 200*). Тем временем, стремительно продвигавшиеся вперед подразделе-

[75] ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 2. Д. 81. Л. 9-10.
[76] «Закавказское слово», 1919, 9 февраля. № 19.

ния 2-й дивизии ВСЮР уже 9 февраля 1919 года вступили в Адлер и Гагры, а затем вышли на линию реки Бзыбь. Последнего обстоятельства грузинская сторона признавать принципиально не хотела. 15 февраля 1919 г. на встрече с Форестье-Уоккером премьер Жордания решительно потребовал, чтобы граница его республики непременно проходила севернее Гагр (*Красный архив 1927: 128*). Позицию грузинского правительства его глава разъяснил уже 18 февраля 1919 года на чрезвычайном заседании Парламента Грузии. «Если отряд Деникина не уйдет из Гагринского округа, – сказал премьер, – мы должны его отогнать силой. Нашей стратегической границей мы считаем ‘‘Гагринские Ворота’’. Река Бзыбь не может быть границей, так как на этой линии мы будем под вечной угрозой» (*Жордания 1919: 205*). Народный Совет Абхазии, в подавляющем числе состоящий из членов правящей в Грузии социал-демократической («меньшевистской») партии, 20 марта 1919 года выступил с требованием о немедленном отводе частей ВСЮР «до исторической границы Абхазии»[77]. Эта новость срочной телеграммой была передана в Тифлис и растиражирована на страницах столичной прессы. В текст сообщения подписанного председателем НСА Арзаканом Эмухвари, увы, вкралась роковая (курьёзная) неточность. А именно: границей указана река Бзыбь (sic!), за которую должны якобы отойти войска ВСЮР[78]. Однако белые так и не форсировали эту водную преграду[79]. Следовательно, речь идет, по-видимому, о реке Мзымта, которую тогда уже неоднократно упоминали в этом качестве (*Гамахария/Гогия 1997: 402*). Эта досадная оплошность, пожалуй, свидетельствует о той растерянности, которая царила в правящих кругах меньшевиков. Ведь, 27 февраля 1919 года в официальной ноте МИД Грузии государственной границей страны была названа речка

[77] «Кавказское слово», 1919, 26 марта. № 54.
[78] «Борьба», 1919, 26 марта. № 63.
[79] ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 2. Д. 81. Л. 20.

Мехадырь, текущая с гор в 16 км к северу от Гагр. В этом документе требовали от русских военных уйти за этот рубеж[80].

В Сухумском округе происходило брожение среди абхазского населения. С сентября 1918 года в Екатеринодаре находились настроенные не в пользу Грузии абхазы. Их спикер князь А. Г. Шервашидзе настойчиво приглашал Добровольческую армию в свою страну. Более того, на юге Грузии в Ахалцихском уезде в феврале 1919 года неожиданно вспыхнул мятеж месхетинских турок. Сложное военно-политическое положение республики, судя по всему, должно было бы способствовать успеху белых. Однако оперативное вмешательство англичан предотвратило очередное столкновение[81]. Белые не исключали для себя возможности выбить грузинские силы также из Абхазии. Где, как утверждает Деникин, «под влиянием нашего наступления начались восстания абхазцев и армян» (*Деникин 2005: 225*). Однако британцы оказали на него самое энергичное давление и пригрозили задержать жизненно необходимые для ВСЮР военные поставки. Начальник 2-й дивизии генерал А. Н. Черепов поспешил выслать грузинской стороне телеграмму, с уведомлением: «о прекращении боевых действий ввиду выполнения поставленной задачи»[82].

Полковник М. К. Уайт был командирован с командой солдат в Сочи, «для разрешения недоразумений»[83]. Это было распоряжение Форестье-Уоккера. Британский парламентёр предъявил требование о немедленном выводе частей Добровольческой армии из Сочинского округа. Он заявил, что там

[80] ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 2. Д. 81. Л. 19.

[81] В октябре 1919 года Деникин направил письмо начальнику британской миссии в Екатеринодаре генералу Герберту Кэмпбелл Хольману, где, между прочим, было сказано: «Когда Грузия в начале текущего года <…> стремилась присоединить к себе непринадлежащие ей части территории, у меня была полная возможность разгромить вооруженные силы Грузии. <…> Но представители британского правительства просили меня этого не делать» (Деникин-Юденич-Врангель 1927: 99).

[82] «Кавказское слово», 1919, 5 апреля. № 63.

[83] ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 2. Д. 81. Л. 7.

«будет установлен английский контроль». Но получил твердый отказ, что «округ очищен не будет» (*Деникин 2005: 226*). Максимум, на что нехотя согласилось белое командование – прекратить дальнейшее продвижение.

Официальный Тифлис назвал действия ВСЮР «вероломным нападением» и возложил всю моральную ответственность за свой конфуз на британцев[84]. Белые же были возмущены не в меньшей степени, по той простой причине, что перед началом операции из британской миссии в Екатеринодаре поступил недвусмысленный сигнал на свободу их действий в отношении Сочи[85]. Форестье-Уоккер, однако, поспешил заявить, что представитель Лондона при ВСЮР генерал Пуль совершенно не осведомлен о направлении «политики Его Величества», после чего тот был отозван из России (*Деникин 2005: 226*). Английская сторона и далее, как пишет Деникин, «хранила в тайне свои намерения и цели, а видимая непоследовательность их заявлений и действий приводила в раздражение и нас, и грузин» (*Деникин 2005: 207*).

Возникшая запутанная и каверзная ситуация, по всей видимости, была следствием противоречий и трений в коалиционном кабинете Д. Ллойд-Джорджа, где У. Черчилль активно лоббировал интересы Белого движения, а Дж. Керзон и А. Бальфур выступали, в большей степени, с позиций поддержки новообразований на Южном Кавказе, «как многим казалось, для создания буферной зоны между Персией и Россией» (Деникин-Юденич-Врангель 1927: 98). *Возрождение же Российской державы, как геополитического соперника Британской империи в Евразии, видимо в целом не входило в долгосрочные стратегические планы большинства многоопытных политиков с берегов туманного Альбиона.*

7 февраля 1919 года глава МИД Грузии Е. П. Гегечкори направил резкую ноту протеста начальнику британской миссии в Тифлисе. «Вашему превосходительству известно, – писал министр, – что грузинское правительство неоднократно

[84] События в Сочинском округе// «Закавказское слово», 1919, 9 февраля. № 19.
[85] «Հայրենիք», 1931, նոյեմբեր, 147:

изъявляло желание очистить Сочинский округ при условии, если означенный округ как спорная полоса будет нейтрализован введением туда английских частей. Только такой способ мог предотвратить столкновение. <…> Правительство не может согласиться, чтобы пограничную линию с Грузией занимала добровольческая армия и предлагает очистить Сочинский округ и нейтрализовать его занятием английскими пикетами впредь до окончательного разрешения вопроса об этой спорной полосе на всемирной конференции. <…> Вашему превосходительству известно, что Сочинский округ занимался нами по согласию и настоянию союзного командования, а потому грузинское правительство было уверено, что это положение не может вызвать никаких недоразумений и осложнений. Нотой от 29 января я уведомил Вас о концентрации добровольцев в Сочинском округе. <…> Правительство Грузинской республики поручило мне выразить Вам самый решительный протест против такого выступления и заявить, что правительство Грузии <…> с оружием в руках защитит неприкосновенность территории Республики»[86].

Выступление Н. Жордания в парламенте Грузии 18 февраля 1919 года в отношении британцев было выдержано в примирительных тонах, что определенно указывает на новую порцию их гарантий. «Представители Англии уведомили нас, – сказал премьер, – что Деникин не представляет для наших границ никакой опасности. В этом они заверили нас не только словесно, но и письменно. Мы придали этим документам большую ценность и были ими совершенно обнадежены. <…> Наступление деникинцев оказалось такой же неожиданностью для союзников, как и для нас. Случилось то, что Деникин не смог оправдать надежд союзников и рано или поздно должен был показать нам свое чёрное сердце» (*Жордания 1919: 203*).

Британские же генералы, в свою очередь, делали всё от них зависящее, чтобы убедить Деникина пойти на попятную.

[86] «Закавказское слово», 1919, 11 февраля. № 20.

Новый начальник британской миссии в Екатеринодаре генерал Чарлз Джеймс Бриггс 19 февраля 1919 года представил Деникину следующее заявление: «Я получил указание военного министерства предложить Вам немедленно прекратить операции против Сочи, затем обратить Ваше внимание на постановление мирной конференции от 24 января [1919 г.], в силу которого захват спорной территории будет серьезно вменен в вину захватчику. Если генерал Деникин не согласится ожидать решений из Парижа и не воздержится от перехода в район южной линии Кизил Бурун – Закаталы и далее по Кавказскому хребту до Туапсе на Черном море, то правительство Его величества может оказаться вынужденным задержать (или отменить) помощь оружием, снаряжением и одеждой» (*Деникин-Юденич-Врангель 1927: 95*). «Все это было уже слишком поздно, – пишет Деникин, – запоздалое вмешательство англичан не соответствовало ни русским интересам, ни достоинству русской армии» (*Деникин 2005: 227*). По утверждению командования ВСЮР события в округе разразились еще до того, как в Екатеринодаре стало известным решение Парижской конференции о вменении в вину захвата спорной территории силой оружия. Деникин наотрез отказался выполнить требование англичан об отводе своих войск на прежние позиции под тем предлогом, что возвращение грузинской армии в Сочинский округ якобы приведёт к возобновлению репрессий в отношении мирного населения[87].

23 февраля 1919 года в Екатеринодар прибыл представитель Грузии при кубанском краевом правительстве Д. В. Вачейшвили. Вскоре он телеграфировал своему руководству о гарантиях, полученных им от командования Добровольческой армии. В Гаграх появилась рота англичан во главе с полковником Файном, занявшая пикетом единственную переправу на реке Бзыбь – мост на Сухумском шоссе. На Сочинском фронте

[87] «Кавказское слово», 1919, 5 апреля. № 63.

возобновилось чреватое новым столкновением положение: ни мира, ни войны.

«Вступление Добровольческой армии в города и деревни, — пишет русский генерал, — встречали колокольным звоном, со слезами на глазах, люди целовали стремена всадников, а по прошествии каких-нибудь двух недель так же ненавидели белых, как и большевиков. Лозунги белой армии народу не были понятны, а поведение её возбуждало ненависть. Многие офицеры Добровольческой армии по своей жестокости мало чем отличались от красных» (*Глобачев 2016: 184*).

Белые ввели в Сочинском округе военно-полицейское управление. Администрация и государственная стража назначалась из чинов прежней жандармерии и полиции. Новое начальство энергично принялось за восстановление старорежимных порядков. Представители «бывших» стали сводить личные счеты с воспользовавшейся «плодами революции» частью населения, вымещая на нем выпавшие на их долю за всё смутное время обиды и унижения. Основу местного управленческого аппарата ВСЮР составляли прежние царские чиновники, постоянно воспроизводившие уже ставшие для них традиционными волокиту, бюрократизм, и, самое главное, коррупцию. Основным же элементом в действиях администрации стала вседозволенность и дикий произвол. Всякое недовольство её действиями, напротив, жестко пресекалось под видом борьбы с большевизмом. В отношении местного крестьянства преобладали мотивы мести, подозрения в нелояльности и враждебности. В итоге на контролируемых белыми территориях Причерноморья установился режим беспощадного террора главным образом тех, у кого в руках была грубая сила. «К великому сожалению, — скупо признаётся Деникин, — окружная администрация Черноморской губернии оказалась в некоторых местах корыстной и преступной; войска злоупотребляли не раз реквизициями; контрразведка вносила своими действиями элемент произвола; карательные экспедиции были суровы» (*Деникин 2005: 666*).

Социалисты, ушедшие в подполье, усиленно внушали местным крестьянам мысль о том, что при содействии англичан округ может быть «нейтрализован», и это избавит их от реквизиций, податей, налогов, вообще от несения всяких государственных повинностей, в том числе и от воинского набора. Когда в конце марта 1919 года была объявлена всеобщая мобилизация, военнообязанные стали уходить в леса, где организовывались в партизанские отряды, щедро снабжаемые оружием с грузинской стороны. Советская историография рассматривала начало «зеленого» движения в Сочинском округе в общем контексте «борьбы трудящихся за власть Советов». Однако первые партизанские группы в округе возникли на этнической основе, из местных грузин, при активной поддержке государственных структур с сопредельной стороны, конечной целью которых было возвращение Сочинского Причерноморья под власть правительства Грузии.

Весной 1919 года в округе были уже две постоянно действующие группы повстанцев. Одна — капитана Г. Э. Учадзе, в районе Сочи — Дагомыс. Другая, руководимая Г. Долбая, в зоне Адлера (*Козлов 1972: 102*). Уклоняющиеся от мобилизации крестьяне провозгласили лозунг: «Долой гражданскую войну, мы против белых и против красных». Тем самым было положено начало «зеленому» движению в Причерноморье. Его центр находился в грузинском селении Пластунское. Мятежники внезапной атакой заняли Хосту и Адлер[88]. Были серьезные подозрения, что они координируют свои действия с грузинской стороной.

«Несомненно, — рассуждает российский автор, — что свою роль при этом сыграла деятельность агитаторов, тайно переб-

[88] Бóльшего разрастания движения тогда удалось избежать благодаря вмешательству Сочинского Армянского национального совета, который выступил посредником и уговорил начальника округа М. Я. Бурневича отменить мобилизацию и объявить амнистию всем участникам восстания. Однако, вскоре, белые нарушили своё обещание и обрушили на крестьян новую порцию жестоких репрессий. Это вызвало острые нарекания от их соседей в адрес армян, руководители общины которых поручились за белых.

рошенных из Грузии. Подтверждением может служить то обстоятельство, что первыми очагами восстания стали сёла, населенные преимущественно грузинами. К тому же обращает внимание удивительная синхронность [последующих] действий восставших и грузинских войск» (*Федюк 2008: 7*).

Белые поспешили распространить сообщение о том, что «военные власти с уверенностью заявляют, что вооруженное выступление жителей русских деревень — следствие созданной грузинами провокации, стремящихся любой ценой присоединить Сочинский округ к Грузии»[89].

Англичане уверяли лидеров ВСЮР, что «ввиду занятия британскими войсками линии р. Бзыби исключается всякая возможность каких бы то ни было наступательных действий со стороны грузин против Добровольческой армии» (*Деникин 2005: 230*). «Получив письменное ручательство ген. Бриггса, – пишет Деникин, – я ослабил значительно Сочинский фронт» (*см.: там же*). Между тем грузинское командование сосредоточило на том фронте крупные силы, в состав которых был также включён сводный батальон ранее интернированных в Грузии русских красноармейцев. К середине апреля 1919 года грузинская сторона имела за Бзыбью 6 батальонов пехоты и 20 орудий. Против этих сил белые держали Кавказский офицерский полк, имевший лишь несколько рот крайне слабого состава. 16 апреля в штаб Добровольческой армии поступило сообщение от Мильна о том, что «грузины предполагают атаковать». Затем получена была также телеграмма от генерала А. К. Гедеванишвили. «Во избежание, — предлагал грузинский главнокомандующий, — возможности кровопролитного столкновения между грузинской и Добровольческой армиями необходимо немедленно разрешить вопрос об установлении пограничной линии, которою, по нашему мнению, является река Мехадырь» (*Деникин 2005: 231*). Внятного ответа от штаба ВСЮР, судя по всему, так и не последовало.

[89] Կովկաս // «Աշխատավոր», 1919, 11 մայիսի:

В ночь на 17 апреля 1919 года грузинские войска беспрепятственно миновали линию английских постов и переправились на правый берег Бзыби. С рассветом они атаковали малочисленный отряд белых в Гаграх. Те были обойдены с флангов и поспешно отошли за реку Мзымта, тем более, что в тылу у них вновь появились «зеленые»[90].

Выступая 17 апреля 1919 года с трибуны Учредительного собрания, глава МИД Грузии Е. П. Гегечкори говорил, что «Правительство Грузии отдало приказ войскам республики на Сочинском фронте перейти реку Бзыбь и занять Гагринский округ и наши стратегические пункты на р. Мехадыр. <…> В отношении Сочинского округа я должен заявить, что мы не отказываемся от своих претензий. Но судьбу Сочинского округа мы считаем вопросом, подлежащим обсуждению на Парижской конференции. Теперь же, до разрешения этого вопроса, мы считаем необходимым занять те границы, которые гарантируют нашу республику от вторжения неприятеля»[91]. Таким образом, публично объявив о намерении вытеснить белых с их передовых позиций на Бзыби («программа минимум»), грузинское руководство ещё целиком не исключало для себя перспективы полностью восстановить «status quo ante bellum» («программа максимум»). Пресса СДРПГ постоянно публиковала сообщения о бедственном положении сочинских грузин[92]. В день начала боевой операции также появилась публикация о насилиях над грузинским населением, что не может быть простым совпадением[93]. В контексте конфликта официальный Тифлис сделал заботу о судьбе соплеменников в Сочи-Джикетии своей «козырной картой». Грузинские военные, по всей видимости, не исключали стратегической задачи овладения всем районом

[90] На Сухумском фронте//«Грузия», 1919, 24 апреля. № 87.
[91] «Кавказское слово»,1919, 25 апреля. № 75.
[92] Насилия добровольческой армии в Сочинском округе // «Борьба», 1919, 11 марта. № 56.
[93] Добровольцы в Сочинском округе // «Борьба», 1919, 17 апреля. № 86.

Сочинского Причерноморья[94]. В связи с этим эпизодом, тбилисский автор косвенно подтверждает это намерение. Он пишет: «Дальнейшее продвижение грузинских войск из-за неконструктивной позиции Англии в отношении Грузии стало невозможным» (*Мархулия 2000: 121*). Прибывшая для участия в Парижской конференции грузинская делегация 14 марта 1919 года распространила заявление, в котором требовала признать северо-западной границей Грузии речку Макопсе, что находится в 14 км к югу от Туапсе[95]. Грузинское же продвижение задержалось на реке Мзымта, несколько севернее «гагринских теснин», заранее объявленных стратегической границей Грузии[96]. Затем грузинские силы, без всякого давления со стороны белых, сами отошли за реку Псоу. На берегах же речки Мехадырь, спешно был возведен укрепрайон, получивший громкое название — «щит демократической республики».

Крайне сомнительной во всей этой истории выглядит роль британских военных. Сперва они настоятельно советовали Деникину «отвести войска к северу как можно дальше» (*Деникин 2005: 231*). Затем «англичане ультимативно потребовали от грузинского правительства прекратить дальнейшее наступление на Сочи» (*Воронович 1922: 108*). Таким образом, утверждение о том, что «инцидент» был ликвидирован исключительно благодаря твёрдой позиции занятой британцами, которые якобы угрожали грузинскому правительству военным вмешательством (*Лукомский 1922: 119*), кажется нам не вполне убедительным. Будь это так, что же мешало британцам

[94] Напомним, что в июле 1918 г. удобным предлогом для движения грузинских сил в глубь Сочинского Причерноморья было намерение помочь своим соплеменникам, о притеснениях которых большевиками тогда было много разговоров. Теперь же местное грузинское население, воодушевленное новой перспективой, не скрывало своего энтузиазма и даже называло срок, 20 апреля 1919 г. — праздник Пасхи («Հայրենիք», 1931, դեկտեմբեր, 152).

[95] Меморандум, представленный мирной конференции делегацией грузинской республики и карта Грузии// «Свободная Грузия», 1991, 13 апреля. № 58/59.

[96] Two successes//«The Georgian Messenger», 1919, May 4. № 9.

сделать внушение грузинской стороне непосредственно до столкновения?

Глава Дефенс-офис У. Черчилль пояснил с трибуны британского Парламента, что военные действия приостановились «после угрозы послать английские войска в Гагры». Кому на самом же деле была адресована эта «угроза», британский военный министр так и не расшифровал[97]. Грузинская же сторона на официальном уровне уклонилась от каких-либо комментариев по этому поводу. Лишь Е. П. Гегечкори ограничился кратким сообщением депутатам Учредительного собрания республики, что отношения с британскими военными обострились после занятия грузинами Гагр[98].

Есть ряд фактов, которые позволяют говорить, что сложившаяся в Сочинском Причерноморье критическая ситуация возможно разрядилась помимо прямого вмешательства британцев.

Так, тифлисская армяноязычная пресса открыто публиковала целую серию репортажей о тех драматических событиях[99]. Автор сообщений без обиняков утверждал, что самооборона местных армян якобы лишила грузинских военных соблазна взять полный реванш над ВСЮР также и за Мзымтой[100]. К сожалению, состояние источниковой базы не позволяет дать ответы на все каверзные вопросы и полностью охватить все аспекты этой сложной темы. С аптечной точностью сегодня ответить на них невозможно. Известно, что при содействии Сухумского Армянского национального совета грузинские функционеры пытались убедить разоружиться армянское население севернее Бзыби[101]. Пиленковская же

---

[97] Запрос о Грузии в английском парламенте // «Кавказское слово», 1919, 21 июня. № 120.

[98] Сообщение м-ра иностранных дел // «Кавказское слово», 1919, 11 мая. № 88.

[99] Վերջին դեպքերը Սոչիում//«Աշխատավոր», 1919, 18 մայիսի:

[100] Պոնտացի Ա. Սոչիի վերջին անցքերը //«Աշխատավոր», 1919, 23 մայիսի:

[101] Պոնտացի Ա. Դրությունը Սոչիի շրջանում //«Աշխատավոր», 1919, 10 հունիսի:

волость (ныне Цандрыпш), где этот трюк удался, затем была отдана на поток и разграбление. Ряд же армянских селений нагорной части Гагринского района (Христофорово и др.), где не поддались нажиму, прибегли к самообороне. В тылу грузинских войсковых частей, как следствие, совершенно спонтанно образовался внутренний фронт[102]. Начальник штаба «народной гвардии» утверждал, что лишь к 3 мая 1919 года он смог сформировать в Гаграх особую колонну подчиненных ему войск, специально предназначенную «для обезоруживания армянских горных посёлков» (*Джугели 1920: 146*). Таким образом, указанные обстоятельства вкупе с британским косвенным давлением, судя по всему, лишили грузинский натиск необходимого темпа. Это позволило командованию ВСЮР выиграть время. Хотя «ослаблять главные фронты не представлялось возможным», сетует Антон Иванович, к началу мая 1919 года ему с большим трудом, но всё же удалось стянуть в район Сочи около 2800 штыков, против 5-6 тыс. у грузин (*Деникин 2005: 230, 232*).

«Войскам Черноморья, – вспоминал глава ВСЮР, — приказано было перейти в наступление и выбить грузин из Сочинского и Сухумского округов» (*Деникин 2005: 232*). Это утверждение Антона Ивановича не кажется нам убедительным, так как грузинские военные на тот момент уже обладали как численным, так и позиционным преимуществом. Мало того, что белые находились в открытой конфронтации с Грузией, существовал риск такой же войны с Азербайджаном. Это заставило русских военных со скрипом, но согласится на посредничество англичан.

Англо-грузинские консультации состоялись во второй половине мая 1919 года. Грузинская сторона была уже в целом настроена на мирное разрешение спорных вопросов. 16 мая в беседе с британским военным атташе в Тифлисе генералом Бичем премьер Жордания выражал уверенность, что достиже-

[102] Պոնտացի Ա. Սոչիի վերջին դեպքերը //«Աշխատավոր», 1919, 5 հունիսի:

ние русско-грузинского соглашения исходит из интересов самого Деникина, поскольку добровольческое командование сможет тогда перебросить свои войска из Черноморья на антибольшевистский фронт. Глава правительства Грузии считал желательным соглашение с ВСЮР, но на условиях договора о неприкосновенности ранее декларированных границ своей республики (*Красный архив 1927: 150, 152*). Официальный Тифлис, таким образом, не оставлял попыток договориться с Деникиным о компромиссе, то есть прекращении поддержки «красно-зеленых» партизан в его тылу в обмен на часть побережья. В столицу Грузии отправился также Чарлз Бриггс, однако, лишь в качестве личного эмиссара Деникина, а не своего правительства[103]. Его прения с грузинскими официальными представителями к тому же «имели чисто академический характер» (*Деникин 2005: 233*). 23 мая в Тифлисе состоялась встреча Бриггса с министрами — Е. П. Гегечкори и Н. В. Рамишвили. В качестве главного условия для начала прямых русско-грузинских переговоров английский генерал назвал отход грузинской армии за линию реки Бзыбь. Вторым же условием было выдвинуто «пожелание» о нейтрализации Сухумского округа, однако оно уже не носило прежнего ультимативного характера. В ходе той беседы глава МВД Рамишвили, в свою очередь, сформулировал точку зрения грузинской стороны. «Мы, — сказал министр, — настаиваем на сохранении за нами стратегической границы р. Мехадыр, которая в то же время является исторической границей Абхазии. Это единственное правильное решение пограничного вопроса — до окончательного его разрешения Парижской конференцией» (*Ментешашвили 1990: 28-33*). 24 мая Н. Жордания вновь лично посетил Британскую миссию. Её менеджер Бич поспешил предупредить грузинского премьера, что в случае нового столкновения с ВСЮР, белые вряд ли ограничатся пространством до р. Бзыбь, а наверняка

[103] ЦГИАГ. Ф. 1864. Оп. 2. Д. 81. Л. 28.

пойдут дальше, в Абхазию[104]. Английский генерал настойчиво убеждал Жордания согласиться на условия, предложенные Деникиным. Аргументируя свою позицию, британец сказал, что «соглашение с Деникиным сильно подняло бы Грузию в глазах цивилизованного мира, борющегося с большевизмом. В Европе сказали бы, что маленькая Грузия в сочинском вопросе настолько проявила способность к мудрой государственности, что во имя борьбы с большевизмом принесла жертву, войдя в соглашение с Добровольческой армией и этим дала возможность Деникину перебросить крупные силы с Черного моря на большевистский фронт» (*Красный архив 1927: 146-149*). Командование ВСЮР уже начинало свой «поход на Москву», и британские военные всячески поддерживали его в этом стремлении. Чтобы исключить возможность дальнейших столкновений, Жордания предложил нейтрализовать территорию между реками Мехадырь и Бзыбь, введя туда пикеты английских либо итальянских «миротворцев»[105].

Угроза общего контрнаступления войск ВСЮР, в случае неудачи «добрых услуг» английских генералов, как и ожидалось, оказалась всего лишь блефом. Дело ограничилось локальным столкновением, случившимся 30 мая 1919 года в районе армянского села Христофорово[106]. Командующий британскими войсками в Закавказье канадский генерал Дж. Кори 11 июня 1919 года поспешил установить новую русско-грузинскую демаркационную линию, на основе которой сектор Гагры всё же должен был отойти под контроль белых[107].

---

[104] Грузинские историки суть разногласий видят отнюдь не в пограничном конфликте, а в планах «захвата Абхазии и Грузии в целях восстановления "единой и неделимой" России» (*Ментешашвили 1990: 28*). Заявления же командования ВСЮР «в отношении Гагры и всей Абхазии, имели конечной целью уничтожение независимости Грузии» (*Гамахария /Гогия 1997:* 86-87).

[105] В те дни совет Антанты намеревался перебросить в Грузию и Азербайджан итальянский экспедиционный корпус (Месхидзе 2007; Муханов 2016).

[106] Перестрелка в Сочинском округе // «Кавказское слово», 1919, 4 июня. № 106.

[107] Письмо генерала Кори к председателю правительства Грузии// «Кавказское слово», 1919, 26 июня. № 124.

Грузинское правительство специальной нотой решительно отвергло этот проект. Оно вновь предложило превратить весь прифронтовой район в нейтральный, заняв его английскими пикетами[108]. Неуступчивая позиция правительства Грузии, в конце концов, увенчалась успехом. Британские военные, с согласия обеих сторон, между реками Псоу и Мехадырь образовали «нейтральную зону» – полосу земли в 7-10 вёрст шириной (*Фавицкий 1924: 52*). На Сочинском фронте вновь воцарилось негласное перемирие.

Летом 1919 года состоялась еще одна попытка примирения сторон. Князь Н. Н. Баратов (Бараташвили) предложил руководству Грузии дать ему политические полномочия для поездки к Деникину, с которым он и прежде был хорошо знаком. Грузинское правительство поспешило откликнуться на эту инициативу. Основными задачами этой миссии являлись: 1. Установление нормальных политических отношений между Грузией и ВСЮР; 2. Урегулирование пограничного вопроса; 3. Возобновление торгово-экономических отношений. В обмен на признание независимости Грузии, грузинское правительство обещало полное спокойствие в тылу ВСЮР. Генералу Баратову удалось склонить Деникина к примирению с Грузией. Из поездки он вернулся уже как представитель ВСЮР в Закавказье. Однако, в сентябре 1919 г. в Тифлисе большевистское подполье осуществило покушение на Баратова, в результате чего он был тяжело ранен и не смог продолжить свою деятельность. Переговоры же продолжил другой офицер, однако, повел дискуссию в таком неподходящем для грузинской стороны тоне, что вместо улучшения отношений ещё более их обострил (Шафир 1925: 129-131). *Мы полагаем, что им был В. Г. Воскресенский. Он уже в эмиграции стал всемирно известным балетным антрепренёром и спрятал своё инкогнито за псевдонимом Colonel W. de Basil* (Суриц 2011).

Лидеры российских эсеров утверждали, что упразднение большевиками завоеваний Февраля требует возврата в русло «демократической революции», для чего необходимо занять

[108] Телеграмма Е. Гегечкори премьер-министру Англии Ллойд-Джорджу // «Кавказское слово», 1919, 29 июня. № 127.

позицию «третьей силы» между ними и Белым движением. Партия эсеров инициировала 18 ноября 1919 года в Гаграх, при активной поддержке грузинских властей, съезд крестьянских делегатов от Черноморской губернии. Его постановлением был образован «Комитет Освобождения Черноморья» (КОЧ). Вдохновителями этой организации являлись В. Н. Филипповский (бывший морской офицер-механик, балтиец, член Комуча) и Н. В. Воронович. КОЧ ставил себе целью путем вооруженного восстания освободить Черноморье от власти белых и образовать там лимитрофную «демократическую республику». Разумеется, под протекторатом Тифлиса, но, как всегда, «на правах самой широкой автономии».

Для руководства Грузии вопрос о том, кто именно победит в российской гражданской войне — красные или белые — был не столь важен, как вопрос о защите независимости собственной страны. Правительство Грузии проводило политику, главным императивом которой было настоятельное желание обеспечить максимально комфортные условия для укрепления своего собственного государства. Мысль о возможности создания «буферных» республик против белой армии — в случае ее победы над Советами — и против Советов — в случае их победы над белой армией — прельщала грузинское руководство, которое стремилось как можно больше отгородиться от России. С этой целью официальный Тифлис щедро выдавал разного рода политические авансы лидерам кавказских горцев и кубанских «самостийников».

Грузинские власти не обошли своим вниманием и КОЧ, с которым общались официальные лица, пусть и не очень высокого уровня. Дабы работа этой структуры не противоречила интересам Грузии, правительство Жордания приставило к КОЧу своего политического комиссара — Лео Рухадзе. Командование грузинских войск имело инструкцию помогать КОЧу — «поддерживая, но не вмешиваясь» (*Шевцов 1960: 19*). Было сделано достаточно, чтобы реорганизовать рыхлую массу «зелёных» повстанцев в боеспособные группы, которым

по закрытым каналам передали значительные суммы денег, наладили поставки оружия и боеприпасов. В составе вооруженных сил КОЧа, названных «крестьянским ополчением», находились два грузинских отряда. В заместители Н. В. Вороновича (командующий ополчением) был командирован офицер грузинской «народной гвардии» – подполковник Глонти.

Между тем в декабре 1919 года, как пишет Деникин, все силы, которые можно было снять со второстепенных направлений, были переброшены на север против Красной армии. Сочинский фронт заняли Сальянский и Ширванский полки, состоявшие почти исключительно из бывших красноармейцев. Предполагалось, что на «пассивном грузинском фронте» эти части, приведенные в порядок, должны были устоять (*Деникин 2005: 670*). Однако, когда 28 января 1920 года отряды КОЧа внезапно атаковали их, большая часть солдат быстро перешла в лагерь «зеленых». Фронт белых моментально рухнул. КОЧ перебрался в Сочи. Затем, в первых числах мая 1920 г. сюда вступила РККА.

7 мая 1920 года в Москве, как известно, был подписан «договор о мире» между РСФСР и Грузией. Большевистские лидеры рассматривали это соглашение лишь как временную политическую уловку. Но даже в таком контексте, тем не менее, удалось в целом разрешить жгучий вопрос пограничного размежевания между двумя соседними государствами.

Позднее, ещё до демаркации российско-грузинской границы, Пиленковская волость, к северу от реки Багерипста (Холодная), волевым решением местного ревкома вновь была возвращена в состав Сочинского округа. В апреле 1922 года ЦИК ССР Абхазии обратился к правительству РСФСР с просьбой «восстановить» границу Абхазии по реке Псоу. Таким образом, абхазское руководство по иронии судьбы апеллировало к границе 1920 года, установленной советско-грузинским договором. Возникла продолжительная тяжба. В октябре 1924 года ЦИК РСФСР принял постановление о присоединении части Сочинского района к ССР Абхазии. Президиум Юго-восточного крайисполкома наотрез

отказался выполнить это указание (Анчабадзе 1976: 124). *Решение вопроса затянулось до начала 1929 года, когда территория в 489 кв. км, с населенными пунктами Пиленково (абх. Цандрыпш, груз. Гантиади), Ермоловка (абх. Гячрыпш, груз. Леселидзе), Микельрипш и Христофорово (абх. Хышхарыпш, груз. Багнари, арм. Демерченц), окончательно была переподчинена в административном отношении к ССР Абхазия. В тот период, по данным переписи 1926 года, население этой территории составляло 11 тысяч человек, в т. ч. 61,4% армян, 10,8% русских/украинцев/белорусов, 9,7% греков, 7,8% эстонцев* (Захарова 2016).

Таким образом, наконец, была поставлена жирная точка в затянувшемся территориальном споре в Сочинском Причерноморье, вызванном стремительным распадом империи Романовых.

2.2
ОСОБЕННОСТИ ИРРЕДЕНТИЗМА В АДЖАРИИ И САМЦХЕ-МЕСХЕТИИ

Месхетия — это название части исторической провинции Верхняя (Земо) Картли, в которую входит субрегион Самцхе. В ряде случаев для них используется также иной собирательный термин — «Самуслимано Сакартвело» (Мусульманская Грузия), который также включает в себя Аджарию (Ачара), Нижнюю Гурию, Шавшетию и Кларджетию.

Вопрос о будущей судьбе этих районов обсуждался еще в самом начале 1-й мировой войны. Но в практическую плоскость вопрос встал в 1917-1918 гг. По словам грузинских министров, «доктор [Хосров-бег] Султанов [деятель Азербайджанской республики 1918-1920 гг., причастен к массовому истреблению армян города Шуши в Арцах-Карабахе — Б. М.] под личиной благотворительности вел пантюркистскую агитацию в Батумском и Ахалцихском районах. Другие агитаторы [Ахмед] Пепинов, Омар Фаик Эфенди [Кипиани]. <…> Их цель районы Батума, Карса, Ахалцихе и Ахалкалаки якобы как автономные присоединить к Турции. Осенью 1917 года в Ахалцихе состоялся съезд мусульман Кавказа, с участием [северокавказских] горцев. Съезд решительно потребовал разорвать всяческую культурную и политическую связь с Грузией»[1]. Относящееся к той же теме свидетельство сообщает, что «как подозревалось, прибывшие из Турции эмиссары давно уже действуют среди их соотечественников в Ахалцихе. Они ведут ту пропаганду, будто бы Ахалцихе с прилегающей к нему округой не грузинский край, а мусульманский, следовательно, во время территориального размежевания он должен войти в мусульманское автономное объединение»[2].

[1] Վրաստանի Սահմանադիր Ժողով // «Աշխատավոր», 1919, 8 ապրիլի: № 68.
[2] «Մշակ», 1917, 31 դեկտեմբերի:

Власти Грузинской демократической республики изначально имели определенные виды в отношении «Мусульманской Грузии». Однако на Батумской конференции официальный Тифлис уступил нажиму турок-османов и был принужден 4 июня 1918 года подписать с ними злополучное соглашение «о мире и дружбе», согласно которому признал этот регион находящимся под эгидой Оттоманской империи.

В контексте турецких планов расчленения Грузии, по сообщению азербайджанского автора, особое место занимает обращение борчалинских мусульман-тюрок, «о выделении [их региона] в полусамостоятельное ханство под названием “Карапапах”, под протекторатом Турции и назначением [его] центра в Тифлисе, или же о присоединении [их] вместе с Тифлисом к соседнему с [ними] государству — Азербайджану» (*Агасиев* 2010: 41).

От дальнейшей турецкой экспансии Грузию, как известно, тогда избавило военно-политическое вмешательство кайзеровской Германии, которая признала её в качестве «chütztstaat»-а («государство под защитой»). Берлин ревниво наблюдал, как в Батуме османское правительство в ущерб своему главному союзнику приобрело несомненные преимущества. Немецкую сторону серьёзно обеспокоило столь быстрое распространение османского влияния на Кавказе. У Германии были свои планы его колонизации, и она не собиралась жертвовать ими ради турецких интересов.

Ф. В. Шуленбург в своём дневнике зафиксировал общий настрой, который в тот период царил в среде высшего истеблишмента в Берлине в отношении Турции. Так, «отмечается полное единодушие относительно того, что турецкая конкуренция должна быть исключена и что турок нужно сдержать и заставить выполнять свои обязательства, вытекающие из [Стамбульского] договора 27 апреля 1918 года [о разделе сфер влияния на Южном Кавказе – Б. М]. Турецкие обещания не имеют никакой цены» (Пипия 1971: 156-157). *С ним был вполне согласен О. фон Лоссов, который также настойчиво предупреждал Берлин относительно опасности турецких экспансионистских планов для*

германских политических и экономических интересов на Кавказе. Его мнение было сведено к утверждению, что «никогда нельзя доверять туркам, верить их словам»[3].

Берлин стал спешно настаивать на том, чтобы была созвана новая конференция по острым вопросам этого региона. Предполагалось, что кроме делегатов от кавказских республик за круглый стол теперь сядут также дипломаты, представляющие интересы всех стран Четверного союза. Немецкие эмиссары в Тифлисе негласно намекали своим местным партнерам, что до этого нового саммита вопрос спорных территорий всё ещё остаётся открытым. Эрих фон Людендорф особо подчеркивал, что соглашения, заключенные Турцией с государствами Закавказья в обход Германии, изначально не могут быть признаны Берлином (*Мамулиа* 2013б: 188). Грузинские руководители, следовательно, стали питать определенные надежды, что с помощью Германии им всё же посчастливится вскоре вывести Аджарию и Самцхе-Месхетию из-под непосредственного контроля Стамбула. Прибывшая в столицу Османской Турции грузинская делегация во главе с Е. П. Гегечкори особенно и не скрывала эти намерения. Это совпадало также с геополитическими интересами Берлина на Южном Кавказе.

По свидетельству видного грузинского дипломата, непосредственного участника тех событий З. Д. Авалишвили, «в разговорах же по этому вопросу, которые пришлось иметь в Берлине, намечалась, естественно, граница компромиссная между границей Брест-Литовского договора (тогдашнее грузинское требование) и границей Батумского трактата 4-го июня 1918 года (турецкая точка зрения). Эта средняя линия возвращала бы Грузии Ахалцих и Поцховский участок Ардаганскаго округа. Германия, несомненно, собиралась настаивать на превращении Батума, который она не бралась

[3] НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 658. Л. 9.

“выцарапать” в пользу Грузии у турок, в вольную гавань» (*Авалов* 1924: 112).

В Брест-Литовском договоре было прописано обязательное условие, в соответствии с которым в фактически завоеванных турками-османами, но всё ещё спорных областях Батума и Карса, должен был быть проведен плебисцит. Поэтому турецкие власти поспешили организовать это мероприятие в июле 1918 года, дабы уже совсем лишить официальный Тифлис возможности выдвигать какие-либо требования в отношении Батума (*Варшаломидзе/ Диасамидзе* 2018:30).

Результаты «плебисцита», на котором наблюдателями выступали лишь вооруженные турецкие аскеры, не позволяют сделать сколько-нибудь обоснованные выводы о том, какой именно процент аджарцев в действительности желал присоединения к Турции. Но определенная часть мусульман Батумской области, как минимум, не была категорически против такого развития событий. Тем более что для большинства мусульманского населения Кавказа принадлежность к исламу являлась доминирующей групповой идентичностью, нивелирующей их этнические различия. Более трех веков пока Аджария была частью Оттоманской Турции, здесь сложилась община мусульман-неофитов, то есть, обращенных из православия, но упорно сохранявших всё это время свою родную картвельскую речь (*Путкарадзе* 2005: 21-24). Правда, она не была утрачена лишь в тех местностях, где турецкие власти согласились на косвенное управление через посредство местных феодалов.

Батумская область в границах 1903-1921 гг. включала в себя исторические районы – Нижняя Гурия, Шавшетия, Кларджетия и т. д. Однако по центральной, относительно крупной её части, регион ещё условно было принято называть Аджарией. Русскими властями указанная область была подразделена на административные округа – Батумский (грузины 63.9 %, русские 10.1 %, армяне 8.1 %, греки 5.3 %, турки 3.6 %) [Гранат 1911: 99] *и Артвинский (турки 73.9 %, армяне 14 %, грузины 9.8 %, русские 2 %)*

[Гранат 1911: 572]. *Как видим, в этнонациональном отношении этот регион демонстрировал чрезвычайно пёструю картину. Грузины-мусульмане были представлены в нём основными этнографическими группами аджарцев и гурийцев на севере, а также шавшетцев на юго-востоке. По свидетельству очевидца, «большинство населения Батумской области говорит по-грузински. Этот язык господствует в Кобулети, Аджарии и Шавшети. По Чорохскому ущелью [Кларджетия — Б. М.] грузинский язык, хотя тоже в употреблении, но, местами, уже в испорченном виде, у многих же вовсе заменился турецким»* (Вейденбаум 1901: 120). *Посетившая Шавшетию в 1880-х годах археолог П. С. Уварова, в свою очередь сообщает, что «жители всей этой местности исповедуют ныне ислам и принимаются часто за турок, что совершенно ошибочно, так как это чисто грузинское племя. <…> Турецкий язык употребляется ими наравне с грузинским. <…> Грузины эти, забыв совершенно веру [своих] отцов, сами называют себя — гурджами и гордятся чистотою своего грузинского говора»* (Уварова 1891: 202). *Этнография принявших ислам картвелов сложна. Она включает в себя также группу «чвенебури», переселившихся во внутренние районы Турции и дистанцировавшихся от своих грузинских соплеменников. Таким образом, наиболее крупными по своему удельному весу народностями в прилегающем к Батуму регионе были грузины (42.9 %) и турки (30.9 %)* [Гранат 1911: 93]. *В 1920 году, по оценкам, здесь было 190 тыс. населения*[4]. *В самом же Батуме проживало 32.5 % грузин, 27.5 % армян и 24.2 % русских* (Хармандарян 1969: 12).

Как утверждала тифлисская пресса тех дней, «лишь [феодалы] беки и крупные землевладельцы заинтересованы в том, чтобы населенные грузинами-мусульманами места принадлежали Турции, так как последняя сохранит за помещиками их земли. <…> Для обмана <…> у беков было одно сильное оружие — религия. <…> Они внушали, что

[4]აჭარის ადმინისტრატიული მოწყობა // «საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 4 აგვისტო, № 173.

принадлежность к республике Грузии равносильна потере религии и принятию христианства»[5].

На Кавказе носители исламской культуры привыкли думать, что турок — это образец правоверного мусульманина. Было очевидно, — пишет турецкий автор, — что население Аджарии помогало турецким войскам и поддерживало их (*Buket Elmas 2019: 74*). Весной 1918 года исповедующая ислам часть населения Батума с восторгом и энтузиазмом приветствовало победное вступление османов в свой город. Однако спустя короткое время имидж турецких единоверцев в их глазах изрядно потускнел. Местным приверженцам ислама пришлось убедиться, что турецкие секулярные военные отнюдь не были ревностными мусульманами. Они, со слов очевидцев, не всегда следовали предписаниям Корана (*Безугольный* 2011: 212).

Религиозное единство аджарцев с Турцией могло лишь слегка заретушировать вызванные господством её военщины безобразия. Османы вскоре уже открыто «сбрасывают свою полуевропейскую личину и показывают свою жадную, бесстыдную рожу. Губернатор, т. е. “вали”, спекулирует на керосине, военный начальник области — тот специализировался на табаке. Все “хозяйство” основано на взятках», — засвидетельствовал русский офицер (*Столыпин* 1992: 77). Правда, другой русский очевидец попытался заметить также отдельные позитивные стороны этой интервенции. Он вспоминал, что благодаря введёным турецкими военными крутым мерам в Батуме очень быстро была ликвидирована уличная преступность (*Etienne Peyrat* 2016: 175-176). С первых же дней турецкого владычества в Аджарии был установлен столь жёсткий режим, что от него стали страдать, без преувеличения, даже местные мусульмане. Османы ввели непомерно высокие нормы реквизиций, которые не под силу

[5] О возвращении грузин-мусульман // «Кавказское слово», Тифлис, 1918, 14 ноября. № 246.

были даже состоятельным людям. Своих же лошадей аскеры кормили конфискованной кукурузой, основным здесь продуктом, в котором испытывали острый недостаток жители Батума. В среде аджарцев серьезное волнение вызвало самое строгое распоряжение турецких военных властей об обязательной их мобилизации[6]. Решительно отказавшись вступать в ряды оттоманской армии, некоторое число непокорных аджарцев, составив вооруженные группы — четы, ушло в горы[7].

Нечто подобное имело место также в 1875 году, когда упрямые аджарцы самым дерзким образом отказались подчиняться распоряжениям султана Абдул-Азиза и вступать в ряды предназначенной для подавления восстания сербов в Боснии его карательной армии. Со своенравным характером аджарцев в своё время пришлось познакомиться также и русским властям. С образованием Кавказского фронта в 1914 году эмиссарам турецкого правительства удалось спровоцировать некоторую часть грузин-мусульман на вооружённое выступление в тылу русской армии (Арутюнян 1971: 160-161). *Этот мятеж вскоре был подавлен силами группировки войск генерала В. П. Ляхова, который, впрочем, сам был убит в Батуме в 1920 году.*

Влияние турок-османов на аджарцев сильно пошатнулось. Их «владычество, — резюмирует весьма информированное лицо, — с сопровождавшими его реквизициями, поборами, воинской и трудовой повинностью и жестокими мерами административного воздействия вызвало большое разочарование у местного аджарского населения, покончив надолго, если не навсегда, с тяготением его к Турции» (*Деникин* 2005: 205). Следует также особо подчеркнуть, что одновременно получило распространение требование об автономии аджарского региона[8].

Ещё до того, как в местностях Нижней Гурии и Аджарии в 1878 году утвердилась русская администрация, там «турецкое правительство имело очень малую фактическую власть и

[6] Աջարիայում // «Հորիզոն», 1918, 6 հունիսի:
[7] Хроника: Мятеж в Аджарии // «Кавказское слово», 1918, 14 июля. № 145.
[8] Աջարացիների անհնազանդությունը// «Հորիզոն», 1918, 14 հուլիսի: № 138.

управляло через посредство местных беков» (Вейденбаум 1901: 121). *Следовательно, требование автономии в этом регионе не было голословным и в своей основе опиралось, по-видимому, на определённую историческую традицию.*

Грузинское правительство, которое намеревалось любыми средствами вырвать Аджарию из цепких рук турок-османов, поспешило поддержать эту тенденцию, особо отметив, что её жители «уже ясно и определенно выявляют свою склонность в сторону самоопределяющейся единицы на этнической основе» (*Документы* 1919: 375). Среди мусульманских групп в Батуме, — сообщает турецкий автор, —«Batum Livası Cemiyeti» («Батумское общество Ливы») демонстрировала наиболее протурецкие настроения. Её актив состоял из сторонников присоединения Аджарии к Турции в рамках широкой автономии (*Buket Elmas 2019: 77*). В сентябре 1918 года в Стамбул отправилась делегация знатных мусульман Аджарии, с просьбой дать им в Османской империи самоуправление в форме автономной провинции. Этот вопрос, который на аудиенции у султана попытался обсудить лидер протурецкого крыла аджарцев Темур-бег Химшиашвили, повис в воздухе (*Tsurtsumia* 2017: 303).

Хотя посетивший Аджарию лидер младотурок Исмаил Энвер-паша самоуверенно заявлял о том, что Батум и его санджак «возвращаются в лоно матери-родины» (*Пученков* 2014: 462), от имени группы местных аристократов-мусульман ему посмел дерзко возразить Мемед-бег Абашидзе. «Мы примем вас как гостей, — сказал он, — но грузинский народ никому не уступит Батум» (*Борьба* 1961: 17). Подобные смелые речи и в целом оппозиционный настрой стали поводом для ареста как М. И. Абашидзе[9], так ряда его единомышленников-грузинофилов. Часть из них депортировали (Х. Лорткипанидзе и др.), других же заперли в тюрьме Трабзона (*Tsurtsumia 2018: 335*). Тем более что они стали открыто

[9] Хроника // «Кавказское слово», 1918, 26 июля. № 155.

демонстрировать своё осуждение грубого и неуважительного стиля поведения турецкой администрации (გოგოლიშვილი 2005: 119).

Ориентированным на Грузию элементам также не удалось с помощью своих местных сторонников сорвать в Аджарии организованный оккупантами в июле 1918 года «плебисцит», более похожий на дурно поставленный фарс. Официальному Тифлису не оставалось иного выбора, как обратиться за арбитражем к немецким эмиссарам и обжаловать многочисленные нарушения, злоупотребления и фальсификации, зафиксированные в его процессе (*Нозадзе 1990а: 169*). В грузинском меморандуме присутствует ряд замечаний, самым убедительным из которых, на наш взгляд, является тот факт, что «голосование не было тайным» (*Документы* 1919: 370-371).

Мемуарист З. Д. Авалишвили сообщает по этому поводу, что «протесты против этого референдума и некоторых других действий Турции в трех пресловутых санджаках [Батума, Ардагана и Карса] заявлены были и грузинским правительством в Тифлисе и нами в Берлине. В конце августа в Берлин приехали даже особые депутаты от грузин-мусульман Зия-бег Абашидзе и Кадир-бег Шервашидзе. Они собирались жаловаться константинопольской конференции на турецкий референдум» (*Авалов 1924: 113*).

Грузинская сторона, прежде чем опротестовать действия турецких властей, разумеется, получила предварительное одобрение на эту акцию от своих внешнеполитических патронов. В официальной переписке немцы обещали поддержать протест грузин, то бишь «германское правительство не могло бы считать такое выступление лишённым законного основания» (*Документы* 1919: 378). Хотя Берлин нашёл вполне правомерным грузинский демарш по поводу нелепой пародии на плебесцит в Батуме, Карсе и Ардагане, турки-османы категорической форме отказались от дальнейшего обсуждения данного чрезвычайно щекотливого для них вопроса. Немцы

же в итоге предпочли замолкнуть, изображая стороннего арбитра.

После некоторой паузы турецкая сторона, под спудом пережитых неудач в войне с Антантой, сама выразила готовность пойти на определенные уступки Грузии. Принимая грузинских представителей в октябре 1918 года, новый премьер-министр Турции Ахмед Иззет-паша заявил, что его страна вскоре намерена вывести свою армию со всех территорий, переданных ранее ей сверх условий договора в Брест-Литовске (*Fadime Tosik Dinç* 2015a: 368). Немецкие же дипломаты в Стамбуле (граф И. Г. фон Бернсдорф и др.), тем не менее, советовали грузинам пощадить гордость турок и, дескать, «не торопиться с разрешением батумского вопроса» (*Авалов* 1924: 140-141). Впрочем, Оттоманская империя была уже в таком смятении, что грузины более не нашли для себя необходимым продолжить дальнейшие переговоры с её властями.

После поражения стран Четверного союза итоги сомнительных сделок в Батуме и Стамбуле фактически потеряли свой прежний смысл, поскольку будущая геополитическая конфигурация кавказского региона должна была определиться уже на международной конференции в Париже.

На борту английского броненосца «Агамемнон» в порту Мудрос была подписана капитуляция Турции. Формально она имела вид перемирия. Антанта выдвинула турецкой депутации жёсткое требование об обязательной эвакуации их оккупационных войск из Закавказья. «Никто не сожалел о турках в Аджарии, — вспоминал очевидец, — им не удалось наладить крепкие узы дружбы или вызвать сильную симпатию среди населения. <…> Даже панисламистские силы Аджарии, которые [прежде] приветствовали турок, были разочарованы, так как не получили никаких существенных преимуществ и [теперь] с безразличием наблюдали, как те уходят» (*Etienne Peyrat* 2016: 181).

Ставка Тифлиса на тесный союз с Германией оказалась преждевременной, в результате чего грузинам пришлось спешно искать поддержки у победившей Антанты. Англо-французская коалиция и её союзники, помня о грузино-германских связях, не испытывали по отношению к молодой кавказской республике никакого доверия. После изгнания османов британцы в декабре 1918 г. сами вступили в Аджарию. Лидеры Грузии были крайне раздосадованы тем, что Альбион не позволил им занять Батум после того, как последний турецкий солдат покинул этот приморский город. Грузинская сторона, скрепя сердце, в очередной раз была вынуждена примириться с тем, что эта территория вновь переходит под управление иностранной державы. В данном случае, под контроль Соединённого Королевства.

В Лондоне, возможно, было решено объявить, что судьба Батума будет вынесена на суд Парижской конференции. Британские эмиссары в Тифлисе, в свою очередь, заранее делали большие оговорки при обсуждении перспективы передачи Грузии этой стратегической гавани. Ещё в марте 1918 года особая комиссия по вопросам Южного Кавказа под председательством лорда Дж. Керзона пришла к конфиденциальному выводу о том, что было бы не лишним в интересах Британии превратить Батум в «вольный город» (Գալոյան 1982: 252). Глава МИД грузинской республики Е. П. Гегечкори был вынужден постоянно напоминать «Форин-Офису» (1919 г., январь-февраль) о том, что эта территория хоть и гипотетически, но все же рассматривается его правительством как неотъемлемая часть своей страны[10]. Он настаивал, что право Грузии на Батумскую область «ни с исторической, ни с политической, ни с моральной точки зрения не подлежат сомнению <…> правительство Грузии надеется, что будет

[10] Учредительное собрание Грузии // «Кавказское слово», 1919, 20 июня. № 125.

восстановлен status quo ante bellum между Грузией и Турцией»[11].

Официальный же Баку, напротив, всячески препятствовал и был категорически против воссоединения Батума и Ахалцихе с Грузией, и эти серьёзные возражения были доведены до сведения британцев посредством особой ноты МИДа Азербайджана (*Попов* 1923: 258). Более того, используя интерес англичан к каспийской нефти, азербайджанские политики попытались ловко использовать этот фактор и получить одобрение Лондона в отношении своей экспансии в Аджарии (კაჭარავა / დაუშვილი 2012: 100). Со слов же местного аристократа Айдара Абашидзе, «агенты Турции и Азербайджана в мусульманской Грузии работают рука об руку»[12].

Стамбул судорожно искал любой благовидный предлог, дабы сохранить в орбите османского влияния хотя бы часть Закавказья, этого стратегически важного для турок региона. Для обозначения его юго-западной окраины они изобрели свой особый термин — «Elviye-i Selâse»[13]. Отдельную тревогу грузин и армян вызвало возникшее в январе 1919 г. в Карсе «правительство Юго-Запада Кавказа» (иначе «Шурá»), которое, по сути, являлось непосредственным детищем закулисной политики турок-османов. За его декоративным фасадом они планировали образовать ряд буферных квази-структур на Южном Кавказе, которые пантюркистами наделялись важной ролью связующего звена между Азербайджаном и Турцией.

Так, в ноябре 1918 года в городе Игдыр была заявлена Аракская (Араз-Тюркская) республика, которую возглавил один из потомков последних феодальных владетелей-мусульман района Нахичевани, в ранге «генерал-губернатора». Эта случайная конструкция, которая претендовала на добрую половину бывшей Эриваньской

[11] Нота министра иностранных дел Е. П. Гегечкори верховному комиссару Закавказья О. Уордропу // «Борьба», 1919, 10 октября. № 230.

[12] ხმა სამუსლიმანო საქართველოდან// «ერთობა», 1920, 10 მარტი. № 56.

[13] В турецкой исторической литературе для территории тождественной округам Батума, Карса и Ардагана, продолжают также употреблять иной традиционный османский термин – «Üç Livâ/Üç Sancak».

губернии, была образована, по словам русского генерала, «татарскими ханами, враждебными России ввиду лишения их некогда феодальных прав и кровно ненавидевшими армян» (Деникин 1991: 140). *Как утверждает азербайджанский автор, в связи с якобы «агрессивным поведением грузинской стороны», тюркоязычные жители Борчало (регион Квемо-Картли, юго-восток Грузии) также были настроены создать в составе Араз-Тюркской республики самоуправляемое образование «Гарапапаг». В заявлении их представителей было сказано, что «исходя из наших намерений, мы обратились к султану и великому везирю с просьбой признать наши права и под покровительством Высокой Порты содействовать воссоединению наших земель с Азербайджаном» (*Ибрагимли 2006: 26-27*).*

Власти в Тифлисе крайне обеспокоены были намерениями мусульманской «Шуры» подчинить себе районы Аджарии и Самцхе-Месхетии. Грузинские министры вовсе не собирались сложа руки, дожидаться арбитражного решения созванного в Версале международного ареопага. Премьер Н. Жордания поспешил обратиться к грузинам-мусульманам с особым посланием, посредством которого побуждал их присоединиться к грузинской республике[14]. Он клятвенно обещал им, что их регион в составе Грузии будет наделен самыми широкими автономными правами[15].

Мысль о возможной автономии «Мусульманской Грузии» впервые прозвучала ещё летом 1917 года на 1-м съезде национал-демократов, что было в полной мере отражено также в декларации этой партии[16]. *Однако, когда соединённые с картвелами достаточно глубокими и крепкими историческими узами мегрелы подняли вопрос лишь культурной автономии, то на страницах официоза социал-демократов газеты «Эртоба» эта несомненно ещё слабая тенденция, сразу же была квалифицирована как*

[14] სამუსულმანო საქართველოს // «საქართველოს რესპუბლიკა», 1919, 5 იანვარი. № 4.

[15]Մահմեդական Վրաստանի ինքնավարությունը //«Յառաջ», 1919, 17 հունվարի: № 5.

[16] «საქართველო», 1917, 22 ივნისი. № 134.

«работа провокаторов»[17]*. Кружки («Мапалу» и др.), которые возникли в Поти и Ахали-Сенаки, тем не менее, не ставили перед собой иных задач, кроме просветительских. Эти инициативные группы предлагали обучение на родном мегрельском языке, издание на нём периодических и других изданий, изучение собственной истории*[18]*. Подобные цели, разумеется, в итоге способствовали бы укреплению отличной от картвелов собственной мегрельской идентичности. Грузинская общественно-политическая мысль ещё в XIX веке априори включила мегрелов в состав будущей грузинской нации. Однако задача последующей этнополитической консолидации грузин оказалась крайне осложненной многочисленностью мегрелов, чей удельный вес в составе современного картвельского этноса, по разным оценкам, доходит до 20—30 процентов* (Крылов 2008: 148). *В конце же 1920-х — начале 1930-х годов некоторые представители провинциальной интеллигенции и местного партийно-советского аппарата из числа мегрелов вновь попытались поднять вопрос об автономии Самегрело* (Blauvelt 2014: 993–1013). *Все эти тенденции были быстро купированы. Ведь среди мегрелов грузинская идентичность подчас может проявиться неменее ярче, чем у самих картвелов. Причина, очевидно, в высокой степени вовлеченности мегрелов в бюрократическую и культурную элиту Грузии. Важно и то, что картвелы вовсе не обособляют мегрелов, считая их своим субэтническим сообществом, а их разговорный язык, не имеющий письменной формы, а посему наделенный функцией лишь бытовой речи, грузины признают одним из своих диалектов. Таким образом, можно судить, что слова об автономии «Мусульманской Грузии» в устах грузинских политиков служили лишь инструментом привлечения к себе своих иноверных соплеменников. Официальный же Тифлис тешил себя надеждой, что тем самым, наконец, можно будет избавить аджарцев от немалого влияния их соседей — турок-османов.*

По словам же сотрудника азербайджанского консульства, «население местностей, расположенных близко к Батуму [находится] под влиянием агитации, коим грузинское

[17] სამეგრელოს ავტონომისტები?!//«ერთობა», 1919, 28 ივნისი, № 141.
[18] «ერთობა», 1919, 18 სექტემბერი, № 211.

правительство обещало [им] якобы полную автономию» (*Попов* 1923: 257). Участники «Комитета освобождения мусульманской Грузии» под председательством М. И. Абашидзе вполне всерьёз восприняли эти уверения.

Эта структура своим появлением обязана группе, называвшей себя «грузинский мусульманский комитет», члены которой собрались в мае 1918 года в Тифлисе (Tsurtsumia 2018: 335) *и заявили, что будут добиваться присоединения Батума и ряда других оккупированных турками-османами районов к Грузии*[19].

Как сообщала правительственная газета «Сакартвелос Республика» (1918, № 105), активисты «комитета» намечали кроме Батумской области включить в состав предполагаемой автономии Ахалцихский и Ахалкалакский уезды[20]. Его эмиссары Кадир-бег Шервашидзе и Айдар-бег Абашидзе приняли самое активное участие в ирредентистской кампании. На съезде делегатов сельского населения Самцхе-Месхетии они агитировали в пользу официального Тифлиса[21]. В его резолюции акцентировался, прежде всего, острый «вопрос об освобождении остальной мусульманской Грузии: Аджарии, Кобулети, Ардагана и Шавшетии» (*Документы* 1919: 494).

В контексте этого вопроса особое место занимает послание некогда занимавшего влиятельные посты в султанском правительстве Махмуд-паши Тавдгиридзе[22]. Он, чьи предки в прошлом были феодальными сеньорами в Нижней Гурии[23],

---

[19] სამუსლიმანო საქართველოს განმათავისუფლებელი კომიტეტი// ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 351.

[20] Կոչ վրացի մահմեդականներին // «Նոր Հորիզոն», 1918, 4 դեկտեմբերի:

[21] ახალციხე // «საქართველოს რესპუბლიკა», 1919, 7 იანვარი. № 5

[22] Мимолётное упоминание о нём содержится в мемуарах З. Д. Авалишвили. В ходе личной беседы с грузинским дипломатом этот сановник заявил, что «он всё готов сделать для Грузии, [однако лишь] в пределах, совместимых с интересами Турции» (*Авалов 1924:* 138).

[23] Другим, равным им по своему значению был феодальный клан Бежанидзе, чьим доменом являлся район Чаквы. Традиционно более высокий статус, однако, принадлежал местной ветви князей Абашидзе, некогда «санджак-бегам» самого Батума. С ними могла соперничать лишь династия Химшиашвили, семьи которых владели обширными землями в Верхней Аджарии и Шавшетии (*Френкель* 1879: 35, 58, 75, 95, 114).

уговаривал и давал настоятельный совет исповедующим ислам своим землякам-кобулетцам, воздержаться от практических шагов по воссоединению с Грузией. Напротив, османский экс-министр обещал в самом ближайшем будущем разрешить вопрос самоопределения «Мусульманской Грузии» совсем в ином контексте. После этого обращения настроения немалого числа грузин-мусульман кардинальным образом изменились отнюдь не в пользу официального Тифлиса (*Попов* 1923: 256, 265).

К судьбе «Мусульманской Грузии» в те же дни обратилось также многочисленное собрание аджарцев, заседание которого состоялось в помещении Батумской муниципальной управы. Здесь находились также представители мусульман Карсской области, которые, без всякого сомнения, были эмиссарами «Шуры», и прибыли сюда с особой миссией — убедить аджарцев подчиниться её власти. Военные структуры Грузии, в свою очередь, располагали информацией, что турки инициировали конфиденциальные переговоры о вступлении в «республику Юго-Запада Кавказа» в качестве федеративной единицы также Аджарии (*Квинитадзе* 1985: 88). Работу совещания, тем не менее, направлял принадлежащий к группе грузинофилов Зия-бег Абашидзе. По его предложению предметом горячих споров стал вопрос немедленного объединения с Грузией, который присутствующими, однако, со всей решительностью был отвергнут. Большинство делегатов высказались в пользу британского управления в Батумской области. Они заявили, что под «протекторатом Англии» им будет гораздо лучше жить, «чем грузинам в собственной республике, [тем более что] о положении других национальностей грузинской республики и говорить не приходится» (*Попов* 1923: 260-261).

Таким образом, местные пангрузинские силы, потерпели очередную неудачу. Впрочем, самосознание аджарцев в своё время отличалось характерной для жителей лимитрофных образований бинарной самоидентификацией и, как следствие,

испытывало сильный дефицит грузинской этнополитической идентичности. Под влиянием ислама у них сформировалось отдельное от картвелов-христиан самосознание. Аджарцы именовали себя «гюрджи» вместо «картвелеби», что они ассоциировали с этнонимом христианских сородичей. Борьба же группировок различных ориентаций выявила внутренний разлад также в среде самих же грузин-мусульман, что создало возможность и позволило британцам укрепиться в Аджарии.

Весьма занятно, что тема покровительства Англии была впервые поднята в 1878 году, когда конгресс держав в Берлине обсуждал судьбу Батума. Местные феодалы тогда же спешно сочинили петицию, адресованную королеве Виктории, с просьбой установить над Аджарией британский протекторат (Френкель 1879: 110). *Итак, «англофильские» настроения некоторой части грузин-мусульман имели предысторию. Напротив, мы возьмём на себя смелость не согласиться с мнением петербургского автора, который определённым образом пытается намекнуть на их «русофильство». Он всерьёз полагает, что аджарцы «симпатизировали Добровольческой армии, которую они ассоциировали с общерусской властью»* (Пученков 2012: 95-96). *Напомним, что аджарцы прежде отметились антирусским восстанием в тылу Кавказского фронта. Когда же генерал-майор Александр (Зураб) Натиев, который содействовал белым и по поручению А. И. Деникина опрометчиво взялся навербовать в Батуме «Закавказский туземный добровольческий батальон»* (Джавахишвили 2012: 36; კუკულაძე 2016: 99*), ни один житель Аджарии не нашел для себя возможным вступить в ряды этого формирования ВСЮР. В воинство А. В. Натиева с большим трудом были рекрутированы лишь три сотни изнывавших от голода беженцев-армян, по словам самого Антона Ивановича: «малопригодного элемента»* (Деникин 2005: 209). *Позже, это подразделение было передислоцировано в Сочи, где усилиями офицеров-армян было приведено в порядок и переформировано в «Армянский ударный добровольческий батальон»*[24].

[24] НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 409. Л. 3

* * *

Непосредственно после удаления османской армии из Ахалцихе здесь был создан «комитет» мусульман Месхетии. Его представители обещали признать власть официального Тифлиса, если их регион получит автономный статус (კუკულაძე 2016: 115).

По всей видимости, такое решение было продиктовано лишь тактическими соображениями. По нашему мнению, эти действия лиц, давно замеченных в туркофильской деятельности, подчинялись достижению главным образом одной цели – любой ценой заполучить в свои руки административный ресурс. Однако с командированными из центра в Самцхе-Месхетию социал-демократическими функционерами им так и не довелось найти общий язык. В дальнейшем, как Омар Фаик Кипиани, так и ряд его соратников-туркофилов (А. Пепинов и др.) весьма успешно сотрудничали с коммунистами и даже приняли активное участие в советизации Грузии, за что и были поощрены номенклатурными должностями (Мамулия 1999).

Грузинская армия, отметим, вошла в Самцхе-Джавахетию не встретив сопротивления. А. Г. Макашвили (Макаев) в качестве генерал-губернатора был объявлен здесь главой военной администрации (სათაძე 1999: 306-324). Он обязался не нарушать права месхетских мусульман и блюсти их интересы (*Fadime Tosik Dinç* 2015b: 354).

Ахалцихский уезд был разделен главным образом по конфессиональному признаку. Большинство населения составляли мусульмане — сунниты (35,1 %) и шииты (18 %), без определенной национальной принадлежности. Христианское же население было представлено армянами (22 %), грузинами (17,7 %) и 3,3 проц. русских переселенцев (Гранат 1911: 335). *В процессе подготовки данного исследования мы столкнулись с весьма каверзным вопросом этнического происхождения выходцев из Ахалцихского региона — месхетинских мусульман, а, следовательно, и их этнонационального самосознания. Одни представители этой этноконфессиональной группы (их большинство) считают себя месхетинскими турками, идентифицируя себя также с соседними анатолийскими турками, другая незначительная часть определяет себя как*

омусульманинные грузины (Джапаридзе 2008). *Бесспорно, что в этногенезе месхетинских турок принимали участие несколько этнических групп, но точное соотношение их доли остаётся вопросом дискуссий. Осознание своей принадлежности к турецкому этносу, по их мнению, объясняется единой конфессией, функционированием в их этнокультурной среде турецкого языка. В постсоветское время часть месхетинских турок зарегистрировалось в качестве азербайджанцев. Относящие себя к грузинам-мусульманам мотивируют общностью территории, так как Самцхе-Месхети входит в состав грузинского государства. Есть и такие представители данной народности, которые характеризуют свой этнос, в зависимости от ситуации, схожим как с турецким, так и с грузинским, что наглядно отражает бинарность их этнического самосознания. Так или иначе, для многих из них по сей день остается нерешенной проблемой вопрос о собственной этнической принадлежности* (Симоненко 2002: 12). *Таким образом, происхождение месхетинских турок крайне запутано, однако, версия о том, что этот этнос сформировался в результате симбиоза переселившихся сюда ранее отуреченных земледельцев-суннитов из Анатолии, кочевников-шиитов из туркменского племени таракама (терекеме) и местных грузиноязычных месхов-мусульман, кажется нам наиболее правдоподобной.*

От военных властей требовалось лишь проявить осмотрительность в своих дальнейших шагах. Однако был арестован литератор Омар Фаик Кипиани (Неманзаде), авторитетная фигура и глава мусульманского «комитета» в Ахалцихе (тур. «Ahıska Hükümet-i Muvakkatasi»)[25]. Ему «ставили в вину связи с турками и поездки в Константинополь. Мусульмане, чтящие своего писателя, умоляли освободить его, пытались выставить его кандидатуру в Учредительное собрание [Грузии], но после снятия её правительством объявили выборам бойкот. После ареста 12 беков население стало открыто роптать, а затем и начались волнения» (*Исхаков* 2014: 605). Кроме того, как утверждает турецкий автор, якобы тогда же «грузинские войска начали грабить мусульманскую собственность, насило-

[25] Sarı Mustafa 2015: 311, 314.

вать женщин, разрушать мечети и убивать тех, кто сопротивлялся» (*Fadime Tosik Dinç* 2015a: 375).

Местные мусульмане восстали и в январе 1919 г. отдали свой уезд под власть Карса, подчинились «Шуре́». Вскоре уже началась целая череда нападений её вооруженных отрядов на расположенные в Месхетии грузинские гарнизоны[26].

По сведениям, которыми располагали русские военные, «[Юго-Западная] республика имела свои “войска” — тысяч 5-6 плохо организованных банд, в изобилии снабжаемых турками оружием и боевыми припасами; в составе их были турецкие офицеры» (Деникин 2005: 210-211).

Бакинская пресса (см.: «Азербайджан». 1919, 19 марта, № 59), тем не менее, попыталась тотчас переложить всю тяжесть вины за эскалацию на Тифлис. Бакинские авторы и поныне продолжают отстаивать прежнюю позицию. В их изложении грузинские военные якобы «обстреляли мирные азербайджанские деревни из орудий, разрушив дома, мечети и убив ни в чём не повинных людей. Мирные азербайджанцы вынуждены были взяться за оружие». Грузинская армия была направлена «в Ахалцыхский уезд на подавление разгоревшегося местного национального движения азербайджанцев под руководством Дурсан бека. Тем временем, азербайджанские повстанцы из числа местных жителей, в том числе и азербайджанцы-терекеме заняли город Ахалкалаки. Всюду азербайджанцы развернули национальную борьбу против грузинских войск, расширив Ахалцыхо-Ахалкалакский фронт» (*Azərbaycan-Gürcüstan* 2013: 210).

Правительство же Грузии поспешно ввело в этом взрывоопасном регионе осадное положение и назначило новым генерал-губернатором в Самцхе-Джавахетии Г. И. Мазниашвили (კაჭარავა / დაუშვილი 2012: 73). Однако вверенные ему войска потерпели неудачу и в феврале 1919 года уступили

[26] Хроника: В Ахалцихском уезде и Ардаганском округе // «Закавказское слово», 1919, 28 января. № 8.

Ахалцихский уезд проникшим сюда из соседнего Ардаганского округа турецким силам[27].

Смещённый же Абел (Бало) Макашвили продолжил свою службу в армии Азербайджана, где занял статусные позиции в местной военной верхушке и был назначен начальником военного училища в городе Гянджа[28]*. Было бы сомнительным нахождение его в этом качестве, если бы он лично потворствовал насилиям в отношении мусульман Месхетии.*

По мнению грузинского автора, «воспитанные пантюркистами потомки месхетских феодалов Омар Фаик Кипиани — ацкурский бег, Ахмед Пепинов (Пипинашвили), Сервер-бег Атабаг Коблианский (Джакели), Али-бег Авалишвили возглавили антигрузинские выступления <…> при подстрекательстве и указке турецких властей [они] устроили в Месхетии в 1918-1919 годах тяжёлые кровопролитные столкновения между мусульманским и христианским населением» (*Блуашвили* 2008: 129).

Что касается разноречивых мнений о причинах мятежа в Самцхе-Месхетии, то, как следует из содержания заявления «комитета» мусульман Тифлиса, «если после взятия Ахалцихе правительство искало бы сближения между собой и беками, и на время отложило бы земельный вопрос, очевидно, что восстания бы не произошло»[29]. На страницах же официоза СДРПГ утверждали, что феодалы-беки «призывали к подчинению карсскому правительству, желая этим удержать за собой земли и доходные должности»[30].

Эмиссары центральных властей активно лоббировали «аграрную реформу» и пытались провести её в жизнь посредством созванного ими 1 января 1919 года собрания

---

[27] К отступлению от Ахалциха // «Закавказское слово», 1919, 20 февраля. № 27.

[28] მაყაშვილი აბელ (ბალო) გაბრიელის ძე//ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 259.

[29] «Հումմեթի» տեսակետը Ախալցխայի դեպքերի մասին // «Աշխատավոր», 1919, 5 ապրիլի: № 67.

[30] Правда о событиях в Ахалцихе // «Борьба», 1919, 11 апреля. № 81.

уполномоченных от сельского населения Самцхе-Месхетии. Документ демонстрирует якобы полное и единодушное одобрение действий назначенной из Тифлиса администрации. В нём сказано, что «выслушав доклад представителя правительства [Лео Рухадзе] о земельном вопросе, съезд выражает радость, что трудящемуся крестьянству передаются земли, чем будет положен конец господству дворян и беков. Съезд от имени крестьян Ахалцихского уезда заявляет, что он всячески будет помогать правительству Демократической Республики Грузии в разрешении земельного вопроса» (*Документы* 1919: 493).

Грузинская сторона пришла к выводу, что причиной мятежа в Ахалцихском уезде стало непосредственное вмешательство Турции и Азербайджана, так как под руководством их эмиссаров в Самцхе-Месхетии велась пропаганда пантюркистского и панисламистского характера [см.: в газете «Кавказское слово» (1919, 10 апреля, № 66) доклад в Учредительном собрании председателя специальной комиссии Г. Анджапаридзе]. Однако, по нашему мнению, все перечисленные обстоятельства отражают лишь внешнюю сторону вспыхнувшего конфликта. Его суть, по всей видимости, лежала в совершенно другой плоскости. Так, в мусульманском сообществе Самцхе-Месхетии не наблюдался тот социальный антагонизм между крестьянами и помещиками, который присутствовал в остальной Грузии. Следовательно, поспешное намерение властей устроить здесь «аграрную реформу» преследовало совсем иные, несомненно, политические цели. По словам командующего грузинскими силами в этом регионе, «наше правительство, получив обратно Ахалцихе, назначило туда своим уполномоченным Лео Рухадзе, который со своими помощниками стал там распространять и насаждать социалистические идеи, столь чуждые этому народу» (*Квинитадзе* 1985: 88). Как представляется, о своём «социализме» некоторые функционеры правящей в Грузии социал-демократической партии вспоминали иногда в том случае, когда надо

было сломить и убрать со своего пути альтернативную силу. Так, например, эффективность таких методов несколько ранее уже была опробована в отношении армянской буржуазии и русской бюрократии. Феодалы же мусульмане, по-видимому, раскусили правила этой политической игры и без промедления поспешили организовать мятеж против власти социалистического правительства.

Депутация мусульман Тифлиса настаивала на встрече с премьером грузинского правительства, дабы сообщить ему о насилиях и произволе в отношении их единоверцев[31]. Целый ряд картвельских праворадикальных деятелей также горячо выступили в поддержку этой жалобы[32]. Так, на страницах издаваемой ими газеты «Клдэ» («Скала», 1919, № 53) было отмечено, что «возмущение местных мусульман возникло из-за негодности грузинской администрации и её разбойного характера»[33]. Нестабильная, ставшая притчей во языцех своими злоупотреблениями работа структур власти, порицалась также периодической печатью других грузинских партий. На страницах издания национал-демократов «Сакартвело»

[31] «Աշխատավոր», 1919, 5 ապրիլի:

[32] Эти лица в своём большинстве принадлежали к тем представителям дворянского истеблишмента (Л. Кереселидзе, Г. Мачабели и др.), которые в 1914 году пришли к антирусскому соглашению с правительством младотурок (*Закарян* 2005: 254-257). Ныне же они искали сближения с Азербайджаном. Одной из самых колоритных фигур этой части грузинского политического спектра был Г. Вешапели, который, как сообщала газета «Клдэ» («Скала», 1918, № 7), с парламентской трибуны призывал: «Заключим союз с Азербайджаном и [северокавказскими] горцами и раз и на всегда положим конец армянской [переселенческой] политике, самым беспощадным образом очистим нашу столицу от свивших здесь гнездо армян и, находящихся на территории Грузии армянских колонистов, прогоним в сторону озера Севан» (Պատերազմ հայերի դեմ// «Հորիզոն», 1918, 3 նոյեմբերի). По мнению этих деятелей, как нам представляется, грузино-турецкие столкновения в регионе Самцхе-Месхетии несомненно препятствовали осуществлению их замыслов. Так, лидер фракции национал-демократов Спиридон Кедия периодически подчеркивал, что Грузии жизненно необходим союз с Азербайджаном и горцами Северного Кавказа — «органическими противниками России» (см.: Чрезвычайное заседание парламента Грузии // «Закавказское слово», 1919, 22 февраля. № 28).

[33] Դարձյալ Ախալքալաքի գավառի մասին// «Նոր Աշխատավոր», 1919, 8 հուլիսի:

(1919, № 205) было замечено, что «представители нашей администрации проявляют везде и всегда безграничный произвол»[34]. Газета же социал-революционеров «Шрома» («Труд», 1919, № 8) сокрушалась, что «наша администрация в упадке. Она в глазах граждан не имеет никакого авторитета»[35].

Пресса пестрела разного рода свидетельствами тех событий («турецкое крестьянство затеррористировано»; «ни к одному правительственному учреждению невозможно подойти без мзды»; «население всего Коплеани и Поцхова [волости Самцхе – Б. М.], даже грузины, питает отвращение к властям» [36]*). «С того дня, когда грузинские войска вошли в Ахалцихский уезд, постоянные грабежи и разбой со стороны солдат, стали обычным явлением», «в нашем районе ныне происходит то, чего не видел наш сельчанин даже в кратковременный период османского господства [лето-осень 1918 г. – Б. М.]»*[37]*. Очевидец же тех дней в своих мемуарах сообщает, что «сменившая турок [османов] власть грузинских меньшевиков не была утешением; вновь чередой прошли горькие дни, анархия, мятежи, разорение и насилие. <…> Достигли громадных пределов мздоимство, национальная дискриминация, избиения, разбой, убийства»* (Սիմոնյան 2019: 125, 129). *Г. И. Квинитадзе отнюдь не отрицает карательный характер экспедиции своих войск в Ахалцихский уезд («грабежи, конечно, шли попутно с поджогами»). Однако эти эксцессы он объясняет исключительно предыдущими действиями неприятеля, так как его солдаты «слышали от грузинского населения про те ужасы и насилия, которые производились над ними в период власти восставших; они слышали, как женщин насиловали на глазах [их] мужчин; они видели церкви ограбленными и осквернёнными»* (Квинитадзе 1985: 101). *От действий мусульманских инсургентов в Самцхе-Месхетии*

[34] Վրաց կյանք՝ անսահման կամայականություն//«Աշխատավոր», 1919, 1 հոկտեմբերի: № 204.

[35] Ադմինիստրացիան ներկա մոմենտում // //«Աշխատավոր», 1919, 24 հոկտեմբերի: № 224.

[36] Վրաց իշխանությունը Ախալցխայում//«Աշխատավոր», 1919, 28 հունիսի: № 128.

[37] Վրաստան՝ դրությունը Ախալցխայի գավառում//«Աշխատավոր», 1919, 22 մայիսի: № 101.

пострадали главным образом грузины–христиане, немалая часть которых, по сообщению газеты «Сакартвело» (1919, № 77), вынуждена была покинуть свои дома и укрыться в Боржомском ущелье[38].

Ахалцихский уезд, из которого были вытеснены грузинские гарнизоны, около месяца находился под контролем мусульманских инсургентов, подчиненных крупнейшему местному феодалу-латифундисту и туркофилу Осману Сервербег Атабег Коблианели и возглавляемому им «комиссариату».

Коблианели (Коблианский) принадлежит также инициатива пригласить уполномоченных местной армянской общины для участия в его «правительстве». Он обещал им ряд немаловажных должностей, в том числе посты «министров» финансов и просвещения. Однако общее собрание армян Ахалцихе с порога отвергло эти посулы[39]*. По мнению ереванского автора, «мусульмане Ахалцихе, по всей видимости, не без ведома Шуры Карса, [сперва] пытались прийти к взаимному согласию с местными армянами, а [затем] посредством их [уже] с правительством РА, и таким образом, [хотели] предотвратить армяно-грузинское совместное выступление против Шуры Карса»* (Կնյազյան 2008: 69).

Для легитимизации мусульманской «Шуры» использовалась ссылка на принцип самоопределения, что встретило резкие возражения на страницах грузиноязычной прессы. Например, газета «Эртоба» (1919, № 59) поясняла, что «события в Ахалцихе вовсе не следствие самоопределения народа, а [лишь его помещиков] беков»[40]. Впрочем, между этими двумя утверждениями, на наш взгляд, не стоит искать какого-либо глубокого противоречия. Немалая часть местного тюркоязычного крестьянства под вывеской самоопределения Самцхе-Месхетии, по совокупности традиций, понимало, как минимум, восстановление там былых административных прав своих феодалов-мусульман, которые обладали над ними

[38] Վրացի փախստականներ // «Աշխատավոր», 1919, 11 ապրիլի:

[39] Հ. Յ. Դաշնակցության Վրաստանի II ռայոնական ժողով // «Աշխատավոր», 1919, 30 մարտի: № 62.

[40] Ախալցխան և Ադրբեջանը // «Աշխատավոր», 1919, 19 մարտի: № 52.

полным всевластием. «Татарское [здесь: тюрки Закавказья – Б. М.] крестьянство, — пишет современник событий,— поныне ещё пребывает в полном подчинении у своего дворянства. Татарское феодальное сословие до сих пор ещё сохранило многие сеньоральные права. Крестьянин подчиняется вотчинной юстиции феодала и его полицейской власти, платит оброк и несёт натуральные повинности в пользу сеньора, на земле которого живет и т. д.» (*Кастелянский* 1910: 520).

По утверждению Е. П. Гегечкори, грузинская сторона немедля предупредила британских эмиссаров в Тифлисе, что «правительство в Карсе не что иное, как турецкая организация. Мы доказали им на фактах, что все это правительство организовано усилиями турецких комиссаров и агентов»[41]. С похожими заявлениями также выступили армянские власти. Англичане, сперва никак не реагировали на эти обращения, однако, после первых же признаков возникновения в Анатолии направленного против целей Антанты турецкого национального движения («миллиетчики-кемалисты»), их настроения стали круто меняться. Кроме того, британцы особенно рассвирепели после того, как им стало известно о желании «Шуры» прикрыться российской ширмой, о чём вёл в Карсе конфиденциальные переговоры специальный представитель ВСЮР полковник Г. Д. Лесли (граф Биленбрич)[42]. Как результат, в апреле 1919 года «Шура́» была разогнана с санкции эмиссаров Антанты, а Карс был передан под управление официального Еревана. Воспользовавшись благоприятной военно-политической конъюнктурой, грузинская армия, возглавляемая Г. И. Квинитадзе, выдавила силы инсургентов, по определению грузинского историка — «ренегатов-пантюркистов» (*Мамулия* 1999), не только из Ахалцихе, но и продвинулась вплоть до Ардагана.

[41] Վրաստանի Սահմանադիր ժողով//«Աշխատավոր», 1919, 13 մայիսի:
[42] Петросян 2012: 191-196.

В этом районе противостоящих грузинской армии инсургентов возглавляли отпрыски именитой аджарской аристократической фамилии Химшиашвили — Джемал-бег и Романбег[43]. Эти военные операции достаточно подробно описаны в мемуарах самого командующего грузинскими силами (*Квинитадзе* 1985: 84-124). Говоря же о результатах действий своих войск, к слову, генерал не раз использует термин «оккупация».

Развернутые грузинской стороной активные действия в отношении мятежных территорий в Самцхе-Месхетии, не замедлили вызвать резкое осуждение со стороны официального Баку. Он видел себя в роли поверенного в делах всех мусульман Кавказа и постоянно пытался отождествить их с Азербайджаном.

В размежевании Южного Кавказа лидеры партии «Мусават»/«Равенство» видели Азербайджан не только состоящим из территорий с преобладающим тюркским и мусульманским населением, но и упорно претендовали даже на те, где оно было в явном меньшинстве (Цуциев 2006: 52. Карта № 18). *Политические трения между Азербайджаном и Грузией отнюдь не ограничивались вопросом Ахалцихского региона. Взаимное столкновение интересов проявилось, например, в отношении района Борчало, части Караязской степи и, особенно, Закатальского округа* (Мустафаева 2009: 97; Хапизов 2011: 216-234; Архипова 2012: 80).

МИД Азербайджана посредством своей дипломатической ноты, ссылаясь в качестве удобного повода на религиозное и кровное родство с мусульманами Ахалцихского уезда, старался обуздать власти Грузии и, тем самым, убедить их признать право месхетинских турок на самоопределение[44]. В инструкциях, которые были даны присутствующим в кулуарах Парижской конференции азербайджанским эмиссарам (А. М. Топчибашев и др.), им напоминали: «Защищайте Ахалцых, Ахалка-

[43] «Борьба», 1919, 24 апреля. № 88.
[44] Азербайджан и Грузия об Ахалцихском уезде // «Закавказское слово», 1919, 15 марта. № 45.

лаки и Борчалы от притязаний грузин» (*Azərbaycan-Gürcüstan* 2013: 215).

Грузинская политическая элита, в немалой степени уязвленная этим демаршем, даже не пыталась скрыть своё крайнее раздражение, которое вскоре в полной мере выплеснулось на страницы официальной прессы. Азербайджанское правительство, утверждала редакция газеты «Эртоба» (1919, № 59), «всего лишь хочет играть с теми демократическими принципами, с которыми оно не имеет ничего общего»[45]. Официальный Тифлис увидел в звучащей из Баку в свой адрес критике не иначе как грубую попытку вмешаться во внутренние дела Грузии[46]. «Только явные враги могут пожелать увидеть оторванными от нас эти местности»[47], — разгневанно говорил грузинский премьер, на поспешно созванном в связи с событиями в Самцхе-Месхетии чрезвычайном заседании парламента.

Стремясь лишить внешних игроков их аргументов и легитимизировать наконец грузинскую юрисдикцию в Ахалцихском уезде, как следует из материалов прессы, центральные власти спешно инициировали здесь съезд «делегатов» местного крестьянства. Им предложили рассмотреть вопрос самоопределения и не откладывая его в долгий ящик немедля вотировать признание Самцхе-Месхетии в качестве неотъемлемой части Грузии[48]. Умиротворение этого региона, безусловно, не смогло бы состояться, если бы в его основе не были бы заложены закулисные политические соглашения с важной составной частью региональной верхушки — феодалами, которые полностью контролировали общественные настроения в среде местного мусульманского населения. Положение тогда было сложное. Скажем так: неоднозначное. Кто там враг, кто друг? Не очень-то разберёшь. Очевидец вспо-

[45] Ախալցխան և Ադրբեջանը // «Աշխատավոր», 1919, 19 մարտի: № 52.
[46] «Борьба», 1919, 15 марта. № 59.
[47] «Մշակ», 1919, 22 փետրվարի:
[48] «Борьба», 1919, 23 марта. № 66.

минал, что некоторые вожди мятежа «не только остались безнаказанными, но и получили от меньшевистского правительства полковничьи звания, были назначены на руководящие посты» (Սիմոնյան 2019: 127). Таким образом, «раздавая бекам военные чины и [разные] должности, [власти] замирили их» (Սիմոնյան 2019: 131).

В этой истории, судя по фактам, ключевую роль сыграли также уверения грузинских министров об их принципиальной готовности придать Ахалцихе статус административного центра «Мусульманской Грузии»[49], что уже подразумевало автономные права. Более того, второе лицо в правительстве — Н. В. Рамишвили, поспешил без обиняков заявить в парламенте страны, что «Ахалцих получил эту автономию, об этом мы категорически объявили народу»[50].

Впрочем, у грузинского правительства была собственная интерпретация термина «автономия», под которым оно понимало обычный тип земского самоуправления, снабженный, правда, более звучным наименованием. Глава МВД полагал, что при урегулировании спорных вопросов вполне можно ограничиться введением местного самоуправления, «поэтому отпадает обвинение в лишении населения окраин прав иметь [собственную] выборную администрацию»[51].

Впрочем, как показали последующие события, эти слова оказались лишь пустой декларацией. Конституция 1921 года обошла своим вниманием Самцхе-Месхетию и не подтвердила обещанный ей автономный статус. Тем не менее, в местных структурах власти в некоторой степени были представлены грузины-мусульмане, а функции её главы (уездный комиссар) исполнял представитель известного аристократического клана

[49] Учредительное собрание Грузии: Декларация правительства // «Закавказское слово», 1919, 23 марта. № 52.
[50] Чрезвычайное заседание парламента Грузии // «Закавказское слово», 1919, 22 февраля. № 28.
[51] Чрезвычайное заседание парламента Грузии // «Закавказское слово», 1919, 25 февраля. № 30.

— Айдар-бег Абашидзе[52]. Кроме того, был принят на службу Бахши-бег Мачабели, властвовавший в курортном Абастумане и владевший его окрестностями. Этот феодал имел хорошо вооруженный и обученный отряд (конный дивизион) состоящий из 150-ти человек. Так как он поддержал воссоединение Месхетии с Грузией, «Мачабели присвоили звание полковника» (*Блуашвили* 2008: 130). Злые же языки утверждали, что он выбрал прогрузинскую ориентацию исключительно из-за межклановой соперничества и давней феодальной распри между семьями Мачабели и Джакели-Коблианели.

Таким образом, некоторая часть исповедующего ислам населения Самцхе-Месхетии отнюдь не была принципиально против присоединения их региона к Грузии. «Мы имеем полное основание, — подводил итоги грузинский комментатор, — быть довольными результатами в Ахалцихском уезде, [так как] нанесли решительный удар влиянию отсталых социальных элементов, являющихся ревностными поборниками возвращения мусульманской Грузии под владычество Турции» (*Исхаков* 2014: 617-618).

* * *

События в Самцхе-Месхетии в известной степени повлияли и, разумеется, оставили свой особый след и в отношении развития ситуации в Аджарии. В её контексте несомненный вес и влияние приобрел щедро финансируемый властями страны «Комитет освобождения мусульманской Грузии».

Факт передачи М. И. Абашидзе денежного транша в 1 млн. рублей был зафиксирован в информационных сводках британской военной миссии в Грузии (Adjara 2008: 620. Doc. 239). *На средства, отпущенные грузинским правительством, в январе 1919 г. он занялся выпуском газеты «Самуслимано Сакартвело/Ислам Гюрджистани» (Мусульманская Грузия) на картвельском и*

[52] «სახალხო საქმე», 1919, 21 თებერვალი. № 462.

османо-турецком языках[53]*. По словам азербайджанского консула в Батуме, противники грузинофилов «из местных аджарцев, решили издавать другую газету, но, не имея материальных средств, обратились ко мне с присьбой, чтобы я ходатайствовал пред [своим] правительством об отпуске некоторой суммы»* (Попов 1923: 264). *Действительно, вскоре появилось периодическое издание панисламистского и пантюркистского толка – «Sadâ-yı Millet» (Садаи Миллет/Голос Нации), выходящее в свет с марта 1919 г. по июль 1920 г. на османо-турецком языке* (გოგოლიშვილი 2005: 122). *«Мы точно знаем, — возмущался местный прогрузинский элемент, — что в распоряжении азербайджанских агентов есть миллионы, которые они тратят на свою чёрную агитацию»*[54].

Тбилисские авторы ныне придерживаются того мнения, что «англичане, как и турки, сильно притесняли население, придерживающееся грузинской ориентации. В это тяжелое время в сплочении сил прогрузинской ориентации большую роль выполнил видный политический деятель Мемед-бег Абашидзе. Бок о бок с ним стояли [его родной брат] Аслан-бег Абашидзе[55], Зия-бег Абашидзе и другие патриоты. По инициативе Мемед-бега Абашидзе и под его руководством 31 августа 1919 года в Батуме состоялся съезд представителей грузинских мусульман. На съезде было выдвинуто требование о воссоединении Аджарии со своей родиной Грузией. Это была большая победа общегрузинского дела» (*Хлынина* 2011: 32). Действительно, на том собрании часть делегатов не только высказалась за присоединение их региона к Грузии[56], но и

---

[53] «სამუსლიმანო საქართველო» // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 349-350.

[54] წერილი ქობულეთიდან // «ერთობა», 1920, 17 მარტი. № 62.

[55] Князь А. И. Абашидзе курировал формирование «мусульманского батальона» и в качестве бонуса от грузинского правительства получил чин генерал-майора, хотя «вовсе не был [кадровым] военным». Когда же «большевики оккупировали Грузию, этот генерал бежал в Стамбул, где <…> умер молодым от запоя» (*Бутбай* 1993: 63). Грузинские авторы, напротив, утверждают, что он был «убит в Турции, предположительно, агентами советских спецслужб (ЧК)» (აბაშიძე ასლან იბრაჰიმის ძე // ენციკლოპედია-ლექსიკონი: 8).

[56] Կովկաս՝ Վրացի մահմեդականների համագումարը // «Նոր Աշխատավոր», 1919, 3 սեպտեմբերի:

поспешила объявить себя новой структурой. Так возник «меджлис»[57]. Его инициаторы (Мемед-бег Абашидзе и др.) намеревались присвоить ему представительные функции, то есть право говорить от имени всего мусульманского населения Аджарии. Объявившая себя «меджлисом» группа лиц, прибыв в Тифлис, вручила текст своей грузинофильской резолюции самому главе правительства[58]. Аджарцами тогда же была официально поднята тема их автономии. Грузинские министры, не переча им, обещали прежде передать этот вопрос в комиссию УС для «более детального рассмотрения» (ჯანელიძე 2018a: 170). Ныне тбилисские авторы объясняют, намерение исламизированной части картвельской аристократии наделить аджарский регион особым статусом, опасениями потерять свои традиционные привилегии (*Asatiani/Janelidze 2009: 355*).

Грузинская историография придает ключевое значение этим событиям, рассказывая о них с особым пиететом. Однако сам лидер Грузии в своих собственных мемуарах, без видимой на то причины, обошёл умолчанием этот, несомненно, важный факт. Вспоминая ряд серьёзных политических передряг, он неожиданно бросает лишь короткую фразу: «Мусульманская Грузия стала ареной английских интриг» (*Жордания* 1968: 94).

Мы же предполагаем, что такая чрезвычайно скупая и скудная информация из уст первого лица Грузинской демократической республики, пожалуй, связана с серьёзным кризисом во взаимоотношениях его правительства с немалой частью населения Батумской области.

Кроме «Комитета освобождения мусульманской Грузии» другой, также обладающей определенным авторитетом в аджарской народной среде организацией, был возглавляемый

[57] Батум // «Борьба», 1919, 2 сентября. № 197.

[58] Լրատու՝ Աջարացիների ներկայացուցիչները Ն.Ն. Ժորդանիայի մոտ//«Նոր Աշխատավոր», 1919, 10 սեպտեմբերի: № 187.

Али Айдаром Джапаридзе «Национальный совет объединенных мусульманских племён Батумской области» (иначе «Джамиет Ислам»). Этой структуре тифлисская провластная пресса старалась приписать исключительно туркофильскую ориентацию[59]. На наш взгляд, это не совсем верно. А. А. Джапаридзе, к примеру, как-то осторожно высказался за возвращение под флаг России, что тотчас вызвало нарекания со стороны влиятельных фигур из Нижней Аджарии[60]. Турецкий автор, тем не менее, утверждает, что эта группа придерживалась идеи реинтеграции Батума и всей Аджарии в рамках Османской империи на началах полной автономии (*Gökdemir Taner* 2014: 791).

О «неприязни [аджарцев к правительству Грузии] не знают разве только в Тифлисе, что связано с действительным положением свободы прессы и мнений в грузинской республике, – не без доли сарказма в своей реляции отмечал некий британский морской офицер. – Это хорошо известно в Батуме, население которого было глубоко оскорблено [фактом] так называемой “аджарской депутации”, отправившейся в Тифлис. Эта делегация была квалифицирована Мусульманским национальным советом [т. е. «Джамиет Ислам» – Б. М.] как “подкупленная” и “позорная”» (*Adjara* 2008: 157-158. Doc. 27). Политические противники грузинофилов, действительно, не замедлили опротестовать смелые шаги М. И. Абашидзе и других своих политических соперников, преследующих цель присоединения их мусульманского региона к Грузии. «Вне всяких сомнений, указанные <…> личности никак не являются истинными выразителями вожделений мусульман Батумского округа, – решительно настаивали А. А. Джапаридзе и его окружение. – Самозваным образом объявившие себя представителями народа, эти лица находятся под сильным влиянием широкой пропаганды тифлисских правителей и, не в меньшей

[59] В Батуме // «Борьба», 1920, 13 февраля. № 34.
[60] «საქართველო», 12 თებერვალი, 1919. № 33.

степени, подвержены соблазну кавказских бон [т. е. денежных знаков – Б. М.]»[61].

М. И. Абашидзе, в завязавшейся острой полемике, в свою очередь утверждал, что «разные темные лица и спекулянты выступают [под] именем “Национального совета объединенных мусульманских племён”»[62].

Лидеры «Джамиет Ислама» обратились в адрес британских оккупационных властей с призывом провести в батумском регионе референдум, дабы окончательно разрешить его дальнейшую судьбу. По утверждению противостоящих здесь официальному Тифлису сил, «мусульмане Батумского округа никогда не пожелают добровольно связать свою судьбу с т. н. “грузинской республикой”, самостоятельное существование которой столь неопределенно»[63]. Впрочем, по заявлению видного деятеля первой республики А. И. Чхенкели, перспектива признания де-юре независимости Грузии сама тесно была связана с урегулированием «батумского вопроса»[64]. На встрече же с членами «меджлиса» он заверил аджарцев, что обещания официального Тифлиса «являются гарантией того, что вы получите автономию»[65].

Делегаты от района Артвина, несколько помещиков-агаларов, 31 августа 1919 года отказались вотировать предложение аджарского «меджлиса» о присоединении к Грузии. Они затем демонстративно покинули зал заседаний[66]. Инцидент, по всей видимости, заставил перенести работу собрания также на следующий день. 1 сентября 1919 года был принят ещё один, не менее важный документ о самоопределении

---

[61] Բաթումի շրջանի մահմեդականների բողոքը //«Նոր Աշխատավոր», 1919, 10 սեպտեմբերի: № 187.

[62] სამუსლიმანო საქართველოს მეჯლისის მამართვა ო. უორდროპისადმი // «ერთობა», 1920, 2 მარტი. № 49.

[63] «Նոր Աշխատավոր», 1919, 10 սեպտեմբերի: № 187.

[64] Батумский вопрос в Учредительном собрании// «Слово», 1920, 26 марта. № 69.

[65] ბათომის მეჯლისი // «ერთობა», 1920, 6 მაისი, № 100.

[66] Թյուրքաց մամուլ//«Նոր Աշխատավոր», 1919, 12 սեպտեմբերի: № 189.

Аджарии. Нельзя исключать, что такой ход событий был продиктован желанием уладить миром возникшие на съезде разногласия организаторов форума с их разъярёнными оппонентами. Тем более что грузинофилы некоторым образом сами были разделены в своих мнениях. Одни (Мемед-бег Абашидзе) предлагали образовать союз (унию) между Грузией и Аджарией, другие же (Хасан Лорткипанидзе[67]) высказывались за автономию батумского региона под протекторатом Грузии (*Adjara* 2008: 559. Doc. 228). В итоге участники «меджлиса» сформулировали, условно говоря, «декларацию суверенитета» – требование собственного правительства, законодательного органа и судебных инстанций, которые предполагалось сделать абсолютно независимыми в вопросах «широкой автономии» региона. Было решено также инициировать консультации с британскими эмиссарами по вопросу передачи «меджлису» всех функций власти в аджарском крае (*Adjara* 2008: 606. Doc. 232). Грузинские же авторы ныне резко порицают М. И. Абашидзе за эти тенденции, в которых они видят лишь сепаратизм и намерение создать своё «государство в государстве» (კაჭარავა / დაუშვილი 2012: 77). Тем более что в его обращении к своим соплеменникам-аджарцам сказано: «все наши внутренние дела мы будем решать сами»[68].

В случае успешного осуществления этих планов, самоуправление Аджарии вполне могло бы приобрести необходимую ему легитимность. Это произошло бы помимо вмешательства властей Грузии, по желанию Британии, более могущественной силы, решение которой не могло бы быть уже подвергнуто пересмотру. Такой поворот событий вряд ли вызвал бы прилив энтузиазма у официального Тифлиса, так как при таком развитии ситуации ему пришлось бы иметь дело с достаточно

[67] Один из активных деятелей «Комитета освобождения мусульманской Грузии», председатель Меджлиса АССР Аджарии в июне-сентябре 1921 года.

[68] სამაჰმადიანო საქართველოს გამანთავისუფლებელ კომიტეტის მოწოდება // «საქართველოს *რესპუბლიკა»,* 1918, 10 დეკემბერი. № 236.

самостоятельной администрацией в Батуме. Грузинское руководство поспешило с порога отвергнуть эти перспективы. Устами заместителя главы своего МИДа К. Б. Сабахтарашвили оно выдвинуло британцам иные условия: «Грузии передают Батумскую область, в которой она организует (sic! – Б. М.) власть. Муниципальное управление города [Батума] организуется на выборных началах» (Девдариани 1931: 93). *Таким образом, позиция правительства Н. Н. Жордания – Н. В. Рамишвили в этой ситуации была вполне очевидной – образование «автономной республики» в Аджарии «причинит разочарование грузинскому народу»* (Авалов 1924: 259).

Компромиссные решения отнюдь не урезонили круги, бросивших вызов грузинофилам. Они выступили с кратким заявлением, что «главное желание нашего народа – независимость под покровительством султана [османов]», «после чего [вполне] можем заключить союз с Азербайджаном и Грузией, такой же, какой уже существует между этими двумя странами» [69]. Речь идет о подписанном в Тифлисе 16 июня 1919 года грузино-азербайджанском антирусском соглашении[70]. Как видим, в среде грузин-мусульман витала идея о собственном государстве. Диссертант из Батуми полагает, что «они стремились создать “республику”, которая была бы полностью независимой как от Грузии, так и от османского государства» (კუკულაძე 2016: 119). Впрочем, нельзя также исключать, что эта мысль была подброшена им с целью реанимации проекта уже ликвидированной «республики» Юго-Запада Кавказа, случайного детища турецко-азербайджанских геополитических интересов.

Конфликт, разгоревшийся в среде грузин-мусульман из-за вопроса реинтеграции с Грузией, вызван был диаметрально

[69] Մի այլ բողոքագիր//«Նոր Աշխատավոր», 1919, 11 սեպտեմբերի: № 188.

[70] Текст договора был опубликован в прессе (см.: Соглашение между Грузией и Азербайджаном // «Кавказское слово», 1919, 20 июня. № 119). Позже глава МИД Грузии Е. П. Гегечкори заявил, что «мы [т. е. грузины] знали [истинную] цену нашего союзника — Азербайджана, нам удалось [лишь] на время парализовать его ориентацию на Турцию» (В совете рабочих депутатов // «Слово», 1920, 5 мая. № 99).

противоположными взглядами. На уже упомянутом нами съезде аджарцев, курируемом Мемедом Абашидзе и его соратниками, не было представителей от целого ряда крупных поселений. Так, не прислали своих делегатов Кеда (Нижняя Аджария) и Хуло (Верхняя Аджария), а также Кобулети (Нижняя Гурия). Напротив, они провели свой форум. В сентябре 1919 года, — пишет турецкий автор, — «Мусульманская лига Батума», поддерживаемая турками, провела свой съезд и решила передать аджарскую часть «Elviye-i Selâse» Турции, тотчас после того как британцы покинут Батум (*Buket Elmas 2019: 78*).

Туркофильское издание «Садаи Миллет» развернуло на своих страницах отчаянную антигрузинскую кампанию (გოგოლიშვილი 2005: 122). Редактором этого издания выступал депутат азербайджанского парламента Ахмед Пепинов[71]. Желая играть на религиозных чувствах людей, туркофилы преднамеренно противопоставляли приверженных исламу грузин их соплеменникам-христианам. На страницах этой газеты пытались выступать также от имени проживавших в Батумском «санджаке» других мусульман — турок, лазов, абхазов, черкесов и армян-хемшилов, которые якобы уже высказались летом 1918 года в пользу «воссоединения» с Турцией. «Мы мусульмане, – с пафосом из Баку взывал к единоверцам некий “защитник” Аджарии, — полагаем бесчестием, избрав в качестве повода [свою] национальность, отдаться правительству христианской Грузии, и честью считаем умереть за свою религию»[72]. Похожие заявления заставили члена «меджлиса» Айдар-бега Абашидзе выступить на страницах

[71] «В 1919 году после восстановления юрисдикции Грузии в Самцхе-Джавахети, действующая там группа пантюркистов во главе с Омаром Фаиком (Кипиани) и Ахмедом Пепиновым (Пипинашвили) укрылась в Азербайджанской республике, [где] при поддержке Османской Турции, руководители этой группы получили большие государственные должности», — сообщает наш современник (*Мамулия* 1999).

[72] Կովկաս՝ Բողոք «վրաց ազատագրության ընկերության» դեմ//«Նոր Աշխատավոր», 1919, 11 սեպտեմբերի: № 188.

правительственного вестника «Сакартвелос Республика» (1920, № 57) с резкими упрёками в адрес азербайджанских агентов. Он жёстко обличал их в разжигании внутригрузинских противоречий (*Tsurtsumia* 2017: 307-308).

В «столице керосина» более чем вольготно чувствовали себя лица, непосредственно причастные к антигрузинской деятельности. Этот факт чрезвычайно болезненно воспринимался их визави на берегах Мтквари. Стало также известно, что официальный Баку через своих эмиссаров всячески лоббировал проект «независимого Аджаристана» (*Asatiani/Janelidze 2009: 312, 318*). Назначенный блюсти интересы Азербайджана в Батуме генеральный консул Махмуд Эфендиев наладил тесные контакты с лидерами «Джамиет Ислама». От имени своих властей он обещал оказать финансовую поддержку их затее созыва местного «парламента» (*Manvelidze* 2018).

Тифлисские газеты с ядовитой иронией напоминали своим читателям, что «наш “друг” Азербайджан – эта “Турция номер второй”, как его справедливо называют – ведёт страшную агитацию против Грузии»[73]. В связи с этими трениями выступила организация М. И. Абашидзе, члены которой заявили, что «меджлис с чувством возмущения отмечает недопустимую нелояльность азербайджанского правительства по отношению к Грузии в Батумской области, выражающуюся в работе его официальных и неофициальных агентов в Батуме и его области»[74]. Надо заметить, что столь резкий тон этого документа, без всякого сомнения, не мог заранее не быть одобрен ответственными функционерами в Тифлисе. Они были крайне раздражены позицией бакинских политиков, которые делали многое наперекор и вопреки интересам властей Грузии. «Особенно возмутительным было отношение [к нам] Азербайджана, – заключает Н. Жордания. – Оказа-

[73] О чём пишут: Продают Батум // «Слово», 1920, 21 марта. № 65.
[74] «Борьба», 1920, 27 апреля. № 93.

лось, что Азербайджан представлял собой агентуру Турции и действовал по её указаниям» (*Жордания 1968: 106, 108*).

Глава МИД Азербайджана Фатали Хан-Хойский, в свою очередь, не остался в стороне от дискуссии, развернувшейся вокруг вопроса о судьбе Батума. Министр заявил, что главные морские ворота Закавказья не могут «находится в исключительном и безусловном обладании одной какой-либо силы», и потребовал для своей страны «беспрепятственного и свободного пользования батумским портом, как <…> конечным пунктом керосинопровода»[75]. Кроме того, азербайджанская сторона, не вполне уверенная в успешных перспективах антигрузинских сил в Аджарии, для собственной перестраховки настаивала, что «вопрос об экономическом будущем Батума должен быть решён независимо от его политической принадлежности»[76]. Любая активность официального Баку по «батумскому вопросу», неизменно вызывала самую острую и взрывную реакцию в грузинском политическом истеблишменте. «Правительство Азербайджана не мыслит Батум грузинским портом, – констатировал официоз правящей партии, – ясно, что его политика в батумском вопросе – политика враждебная интересам и стремлениям грузинского народа»[77].

В начале 1920 года в самой Аджарии усилилось течение, направленное на создание собственной государственности. «Джамиет Ислам» и Русский национальный совет в Батуме в лице их глав (А. А. Джапаридзе, Р. И. Термен) выступили с инициативой образования «независимого Аджаристана», законодательные, административные и иные органы управления которого должны были иметь исключительно мультинациональный характер (*Adjara 2008: 440-442. Doc. 149*). Это заявление получило достаточно горячий приём в мусульманской среде аджарского региона. Было объявлено о пред-

[75] Ф. Х. Хойский о Батуме // «Слово», 1920, 4 марта. № 51.
[76] Министр иностранных дел Азербайджана о Батуме // «Борьба», 1920, 4 марта. № 51.
[77] «Борьба», 1920, 5 марта. № 52.

стоящем созыве «парламента» Аджаристана, на который местные сепаратисты хотели возложить функцию вотирования вопроса независимости[78]. С особым энтузиазмом откликнулись на это жители Кобулети, которые в своём большинстве уже ранее публично высказались против воссоединения с Грузией[79]. Их подзадоривала также находящаяся в Батуме французская военная миссия, члены которой «призывали аджарцев противостоять грузинам, обещая, что Франция будет защищать их независимость» (*Adjara 2008: 674. Doc. 250*). В итоге, франко-британское соперничество в Закавказье, сильно затрудняло и делало практически невозможным достижение странами Антанты согласованной политики в вопросе Батума.

Руководство Грузии с особым постоянством отслеживало ситуацию в Аджарии. Оно готово было молниеносно реагировать на любые угрозы в этом чрезвычайно важном для её интересов регионе. В издаваемой М. И. Абашидзе газете было опубликовано сообщение: «С целью устранения всяких недоразумений, правительство грузинской демократической республики решительно заявляет, что оно предоставит мусульманской Грузии автономию»[80]. Официальный Тифлис периодически призывал аджарцев к благоразумию и убеждал их не участвовать в «авантюрах», под которыми, конечно же, подразумевались любые действия, идущие вразрез с его политикой. С парламентской трибуны Е. П. Гегечкори поспешил вновь всем напомнить, что «достаточно будет Грузии закрыть свои границы, и от “государства” Аджаристана останется лишь одно неприятное воспоминание»[81].

Проекты самоопределения Аджарии вполне могли иметь даже самый экзотический характер. Так, феодал Джемал-бег Химшиашвили «поднимал народ, организовывал вооруженные четы и

[78] Заявление Мусульманского общества г. Батума и его области//«Азербайджан», 1920, 7 марта.
[79] В Батуме и Аджарии // «Слово», 1920, 18 марта. № 63.
[80] «სამუსლიმანი საქართველო», 1920, 14 იანვარი. № 355.
[81] Батумский вопрос в Учредительном собрании // «Слово», 1920, 24 марта. № 67.

предлагал город Батум и свои услуги сначала Грузии, потом Турции, с тем чтобы остальная территория Аджарии стала автономной областью под его наследственным управлением» (Деникин 2005: 205-206).

На конференции в Лондоне (1920 г., февраль-март) страны-члены Верховного Совета Антанты приняли решение об особом международном статусе Батума[82]. Было объявлено, что он, с прилегающим к нему прибрежным сектором, станет «вольным городом» («порто-франко»), под мандатом Лиги Наций[83] и защитой франко-итало-британского контингента[84]. Лидеры этих стран намерены были передать Армении незначительный район Артвина[85]. Бóльшую же часть Батумской области получала Грузия (*Авалов* 1924: 257). Грузинская сторона с раздражением отклонила эту инициативу. Несмотря на её бурные протесты, обсуждение вопроса было продолжено.

1 марта 1920 г. в Батуме были подведены итоги прошедших накануне выборов городского самоуправления[86]. В его представительном органе этническим картвелам удалось получить наибольшее число мест[87]. Электоральный успех грузин, по-видимому, в немалой степени был вызван PR-кампанией в прессе, о том, что турецкие войска вскоре намереваются войти в Аджарию[88]. «Турки, — вспоминал грузинский генерал, — разговаривали с нами, как друзья, но действовали, как враги» (*Квинитадзе 1985: 332*). Перед лицом турецкой угрозы в единый избирательный блок («грузинская демокра-

[82] Дипломатическая переписка по батумскому вопросу// «Слово», 1920, 23 марта. № 66.

[83] სამუსლიმანო საქართველოს ავტონომია // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 351.

[84] ბათომის გარშემო // «საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 17 მარტი. № 62.

[85] Район этот частично населён был армянами-католиками. Предполагаемые территориальные приобретения Республики Армения, однако, носили чисто умозрительный характер, так как она не обладала надёжно контролируемым коридором к границам Батумской области и, тем самым, не могла, собственно говоря, всерьёз претендовать на выделенную ей долю.

[86] ბათომის საქალაქო არჩევნები // «ერთობა», 1920, 3 მარტი. № 50.

[87] Результаты выборов в Батуме // «Борьба», 1920, 3 марта. № 50.

[88] Батуму грозит анархия // «Борьба», 1920, 22 февраля. № 42.

тическая группа») даже объединились прежде соперничавшие и споривши между собой группы местных грузин[89]. А. А. Джапаридзе поспешил сделать важное заявление, в котором сообщал, что «до сего дня мы были против присоединения Батумской области к Грузии, то лишь потому, что мы в некоторых вопросах расходились с [её] правительством. Ныне [же] мы пришли к полному соглашению. <…> Наш край с нетерпением ждёт [ввода] грузинских войск»[90]. Это сугубо городское муниципальное событие с помощью газетной шумихи немедленно было раздуто до значения «плебисцита»[91]. Кампания явно дирижировалась сверху. Так, очевидец пишет, что тифлисские рабочие, принявшие участие в шумных патриотических манифестациях, «получали полную плату» (*Bechhofer 1921: 247*).

Успех на выборах, однако, был всего лишь информационным поводом, вне зависимости от которого, грузинские власти заранее уже приняли решение о своем кардинальном вмешательстве в «батумский вопрос». «Независимо от исхода выборов, — сообщает Джугели, — мы входим в Батум. Это решено твёрдо, безповоротно! <…> Если мы не войдём теперь в Батум, мы можем его навеки потерять. Потерять в пользу Турции. И этого мы не можем допустить. <…> Армения признала наши права на Батум. Азербайджан [же] косноязычествует» (Джугели 1920: 187). *Правда, в апреле 1920 года официальный Баку со скрипом, но снял свои возражения. Хотя ещё накануне глава азербайджанского парламента говорил британскому дипломату Роберту Ванситарту: «Мы не отрицаем, что аджарцы по происхождению грузины, но если спросите их, то они скажут, что хотят быть с нами, а не с грузинами» (*Топчибаши 2016: 386*).*

«Меджлис» неизменно стал ссылаться на волю большинства населения Аджарии, которое, по словам входящих в него грузинофилов, с нетерпением ожидало объединения с Грузией. Он обратился к британскому верховному эмиссару в

[89] По Грузии // «Борьба», 1920, 4 марта. № 51.
[90] «Борьба», 1920, 23 марта. № 66.
[91] Учредительное собрание Грузии // «Борьба», 1920, 4 марта. № 51.

Тифлисе лорду Оливеру Уордропу[92] с настоятельным требованием передать Батум под контроль Тифлиса[93]. Однако англичане всячески тянули время, тем самым успешно нейтрализуя дипломатические усилия грузинской стороны. Таким образом, в арсенале правительства Грузии остался лишь последний козырь – аргумент голой силы, которым оно без дальнейших колебаний решило воспользоваться. Тем более что газета «Эртоба» публиковала написанные как под копирку якобы обращения мусульманского населения к правительству Грузии, с настоятельным призывом ввести свои войска в Артвин, Борчху и другие районы Батумской области[94].

Ной Жордания в своих мемуарах практически обходит молчанием эту особо острую фазу борьбы за Батум, уделив ей лишь несколько незначительных фраз. «Большое совещание у нас было по вопросу — ввести ли наши войска в Аджарию, где хозяйничали англичане. – Далее он сообщает, – [что] после долгого размышления и взвешивания обстановки, я дал приказ войскам перейти границу» (*Жордания 1968: 101-102*). 10 марта 1920 г. грузинская армия вошла в Батумскую область, продвигаясь сразу в нескольких направлениях — север: от Озургет к Кобулети, центр: от Ахалцихе к Хуло, юг: от Ардагана к Артануджи[95].

Войска 3-й пехотной бригады генерала Вардена Цулукидзе весьма успешно выполнили задачу на юге региона — в Кларджетии и Шавшетии[96], где основной массой населения были гурджи-потурченцы и армяне-католики. Весь парадокс возникшей затем ситуации заключался в том, что в то же время грузинская армия накрепко завязла на северных и

[92] Картвелолог, заложил основы грузиноведения в Англии.
[93] Хроника: Меморандум меджлиса мусульманской Грузии // «Слово», 1920, 3 марта. № 50.
[94] «ერთობა», 1920, 23 მარტი, № 66.
[95] Батумский вопрос в Учредительном собрании // «Слово», 1920, 24 марта. № 67.
[96] «საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 19 მარტი. № 63.

центральных участках операции — в Аджарии. Здесь она встретила неожиданно отчаянное сопротивление своих же соплеменников. Мемуарист Г. И. Квинитадзе свидетельствует, что идея воссоединения с Грузией не вызывала особого энтузиазма в среде аджарцев. Он сообщает, что «население Аджарии в большей массе относилось к нам враждебно, особенно ее северная часть. Эта враждебность подогревалась турецкими эмиссарами, духовенством и большею частью беков, а также английскими властями, которые даже назначили главнокомандующим аджарскими войсками некоего [Мамед] Кискин-Заде. Такая враждебность привела к столкновениям вооруженной силой в районе к югу от Озургет и в Хуло. <…> Наши войска, стоявшие вдоль аджарской границы, повсюду имели перед собой аджарцев, сидевших в окопах. <…> Эти [наши] соплеменники открыто и с оружием в руках не хотели присоединения к нам» (*Квинитадзе* 1985: 209, 212-213).

Интересные сведения об этих событиях оставил молодой репортер – эмигрант из России, который некоторое время проездом находился в Батуме. «Правительство Его Величества [было] вконец раздражено грузинскими требованиями Батума, – пишет он по горячим следам, – из Лондона пришло распоряжение попытаться создать месопотамскую обстановку – использовать местные распри. Мусульмане-аджарцы должны восстать против христиан-грузин. Налицо имеется [Мамед] Кискин-Задэ; сведения о нём неважные. При царе отбыл два срока арестантских рот, зарегистрированный на всём Кавказе разбойник, [однако] среди аджарцев, [особенно] в аулах Верхней Аджарии весьма популярен. Предлагает свои услуги на случай необходимости испортить Тифлисскую жел[езную] дорогу, припугнуть грузин кемалистами или большевиками и т. п. <…> [Губернатор Батума, полковник] Гаррис <…> отдаёт распоряжение: подготовить приказ об утверждении британскими властями Кискин-Задэ в должности "главнокомандующего войсками независимой Аджарии"» (Ветлугин 1921: 162-163). *Кроме того, к мусульманским формированиям М. Кискин-Заде в Кобулети и Артвине, которые из рук англичан получали необходимое им снаряжение, в качестве инструкторов*

были приставлены также британские офицеры (Tsurtsumia 2017: 305).

Известно, что аджарцы в своё время демонстрировали амбивалентную идентичность, когда, например, ислам выступал матрицей для конфессиональной солидаризации с турками, а картвельский язык, напротив, служил основой для их этнической интеграции с грузинами. Это положение иллюстрирует характерное мнение, высказанное местным аксакалом: «Если пожалуют наши господа турки, мы с ними, но если турки не придут, мы с нашими кровными братьями — грузинами» (*Джугели 1920: 165*).

Оппонентам политики официального Тифлиса удалось остановить движение его войск «на Батум, создав из восставших аджарцев довольно внушительный кобулетский фронт, что незамедлительно было использовано турецкими националистами, и ряды аджарцев пополнились многими турецкими офицерами»[97]. Враждебные целям властей Грузии в Аджарии местные силы были объединены в панисламистское движение «Садаи Миллет» (тур. «Sadâ-yı Millet»)[98]. Оно было образовано в мае 1918-го при поддержке турецких властей (*Tsurtsumia 2018: 335*). В эту структуру вошли ряд влиятельных феодалов, в том числе из клана Химшиашвили, которые «имели большой авторитет во всей Аджарии» (*Surguladze 2018: 8*). Грузинский автор, ссылаясь на прессу («Самуслимано Сакартвело», 1920, № 356) пишет, что протурецкое движение «Садаи Миллет» имело филиалы и вооруженных боевиков в районах Аджарии. Оно выступало якобы с позиций объединения с Османской империей и организовывало террористические акты против местных прогрузинских сил (*Tsurtsumia 2018: 335*).

Британский источник констатировал, что «аджарцы и турки твердо определились сопротивляться враждебной

[97] «Жизнь национальностей», 1920, 1 октября. № 30.
[98] კუკულაძე 2016: 156.

грузинской оккупации, и это, несомненно, произойдет, поскольку и те, и другие мусульмане» (*Adjara 2008: 463. Doc. 157*).

Таким образом, «блицкриг» грузинской армии не только не достиг своих изначальных целей, но и вызвал небывалую до тех пор консолидацию общих усилий аджарцев и турок против Грузии.

Негласное «джентльменское» соглашение с британской администрацией в Батуме позволило грузинским войскам остаться на уже достигнутых ими позициях в Хуло (Верхняя Аджария) и Артануджи (Кларджетия)[99]. Однако грузинским военным под давлением аджарцев всё же пришлось покинуть наиболее важный для успеха всей операции плацдарм — район Кобулети (*Хачапуридзе 1934: 71*).

Официальный Тифлис был вынужден взять тайм-аут для перегруппировки и дальнейшего наращивания своих сил. Очевидно, имела место оперативная пауза. Властям Грузии надо было разобраться в причинах своих неудач, выработать новые подходы, определить, что делать дальше и на кого ставить. В качестве же политического прикрытия были организованы закулисные обсуждения эмиссаров грузинских властей с лидерами оппозиционных им групп в Аджарии — «Джамиет Ислам» и «Садаи Миллет». В итоге, Али Айдар Джапаридзе подтвердил, что не будет противодействовать объединению с Грузией на началах автономии. В прениях же с Мемед Кискин-Задэ, который был креатурой британцев, аналогичного результата достичь не удалось (*Tsurtsumia* 2017: 307). Более того, связанные с ним сепаратисты созвали съезд в Кобулети, на котором было решено добиваться независимости Аджарии[100]. Тифлисская пресса, напротив, тиражировала сообщения из соседней Шавшетии[101], мусульмане которой

[99] ბათომის გარშემო // «ერთობა», 1920, 21 მარტი. № 65.
[100] წერილი ქობულეთიდან // «ერთობა», 1920, 17 მარტი. № 62.
[101] «ერთობა», 1920, 10 მარტი. № 56.

якобы приветствовали объединение своего региона с Грузией[102]. Ясно, что каждая из заинтересованных сторон ссылалась на свои группы поддержки, в борьбе за симпатии населения спорных районов.

В апреле 1920 года на конференции в Сан-Ремо в повестку саммита Антанты вновь был включен вопрос о будущей судьбе Батума[103]. На параллельных грузино-азербайджанских консультациях в Париже, Али-Мардан Топчибашев заговорил было «о необходимости для Грузии прислушиваться к мнению мусульманского населения Батумской области, представленному тамошним меджлисом» (*Авалов* 1924: 279). Эта случайная оговорка главы азербайджанского парламента оказалась, пожалуй, вполне на руку правительству Грузии. Тем более что оно тогда очень опасалось неблагоприятного для себя вердикта в Сан-Ремо. Вероятно, желая поставить Антанту перед свершившемся фактом, судя по логике событий, Тифлис инспирировал обращение «меджлиса» к себе о немедленном военном вмешательстве[104].

Было опубликовано заявление, в котором призывая членов «меджлиса» к решительным действиям, депутаты Учредительного Собрания Грузии априори называли Батумскую область, что не менее важно, «автономной частью» своей страны, хотя ещё не был законодательно подтверждён этот заранее обещанный ими статус Аджарии[105]*. Таким образом официальный Тифлис выдавал политические авансы «автономистам» в аджарской среде и подзадоривал своих сторонников.*

В мае 1920 года грузинская армия сделала ещё одну, однако тщетную попытку продвинуться к Батуму[106]. Эта акция вновь взбудоражила население Кобулети, которое, по

[102] «საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 11 მარტი. № 57.
[103] ბათომის საკითხი სან-რემოს კონფერენციაზე // «ერთობა», 1920, 15 მაისი. № 108.
[104] Резолюции, принятые меджлисом грузин-мусульман // «Борьба», 1920, 27 апреля. № 93.
[105] «Борьба», 1920, 24 апреля. № 91.
[106] Батумская область: Вступление войск Грузии // «Слово», 1920, 4 мая. № 98.

сообщению батумской прессы («Голос труда», 1920, 4 мая), спешно собравшись в мечети, категорически высказалось «против стремления грузинского правительства к насильственному присоединению Батумской области к Грузии» (*Борьба 1961: док. № 186*). Активистам «Садаи Миллет» удалось в самые сжатые сроки провести мобилизацию ополченцев. «Таким образом, — поясняла газета “Эртоба”, — всем должно быть ясно, что ситуация в Кобулети — дело агентов Мустафы-Кемаль-паши»[107]. В пограничной зоне (село Мухаэстате и др.) между армией и инсургентами завязались спорадические вооруженные стычки. Под открытым с грузинского бронепоезда огнём случайно оказался кортеж британского генерала Дж. Мильна, который с инспекцией спешно прибыл в зону конфликта (*Adjara* 2008: 509. Doc. 181). Англичане были не на шутку взбешены. Более того, Мильн не скрывал, что отнюдь не испытывает симпатий к народам Закавказья. «Эта страна, — заявил в порыве откровенности британский военный, — и её обитатели одинаково мне омерзительны, мир много не потеряет, если они перережут друг другу глотки» (*Ли 2019: 95-96*). Теперь он метал громы и молнии по поводу грузинского вторжения и предостерёг, что даст распоряжение о полномасштабной военной оккупации Аджарии (*Ованнисян 2003: 415*). В своей реляции в Дефенс-Офис он сообщает: «Правительство Грузии попыталось укрепить свои позиции путём отправки нескольких [армейских] колонн для создания опорных пунктов в провинции Батума, однако перейдя её границы, эти колонны сразу же вошли в непосредственное соприкосновение с враждебно настроенным аджарским населением. Эти действия со стороны Грузии я счёл необходимым пресечь и для исполнения моего распоряжения придётся [туда] направить британские войска» (*Adjara 2008: 58. Doc. 2*). Действительно, вскоре рота солдат-индийцев из 89-го Пенджабского полка вошла в Кобулети. Она была

[107] ბათომი // «ერთობა», 1920, 14 მაისი. № 107.

размещена на позициях между грузинской армией и ополчением «Садаи Миллет» (*Tsurtsumia* 2017: 308). Демонстрация «Юнион Джека» имела отрезвляющее воздействие на противоборствующие стороны. Напротив, мусульманский дивизион Бахши-бега Мачабели вскоре вступил в город Артвин в Кларджетии, который мирно и без происшествий перешёл под контроль грузинских властей[108].

На вооруженные акции правительственных сил аджарские инсургенты ответили в июне 1920 года собственным «генеральным» наступлением, целью которого было вытеснение неприятеля за пределы Аджарии. Тифлисские газеты сообщали, что там «появилось много турецких офицеров, которые обильно снабжают население Аджарии оружием. <…> Кроме того, они всеми силами стараются вызвать в аджарцах злобу и ненависть ко всему грузинскому»[109]. Турецкие агенты, вспоминал Виктор Нозадзе, в те годы сотрудник «Эртобы», устраивали в Аджарии собрания, которые выносили резолюции в пользу присоединения к Турции. «Азербайджанские деятели, — сообщает он, — принимали в этой работе самое активное участие» (*Нозадзе 1990а: 175*). Батумская же пресса («Самуслимано Сакартвело», 1920, № 321) утверждала, что «азербайджанские агенты подкупают [местных] разбойников, дабы организовать нападения на грузинские войска» (კუკულაძე 2016: 128). Сражение за Хуло закончилось пленением грузинского гарнизона[110], после чего силы «Садаи Миллет» установили свой полный контроль над районом стратегической важности — Годердзским перевалом[111]. За ним лежала Самцхе-Месхетия, и панисламисты вполне могли начать

[108] «ერთობა», 1920, 6 მაისი. № 100.
[109] В Аджарии // «Борьба», 1920, 9 июня. № 127.
[110] В связи с этим начальник народной гвардии сделал в своём дневнике сухую и, на наш взгляд, лишённую особых эмоций короткую запись: «Наш отряд в Хуло, расстреляв все патроны и истощив запасы, сдался аджарцам» (*Джугели* 1920: 226).
[111] Оперативная сводка генерального штаба // «Борьба», 1920, 10 июня. № 128.

строить планы для дестабилизации зыбкого мира в этом регионе.

«Мы знаем, — пишет очевидец, — какие демонстрации и ожесточённая пропаганда велись в Грузии против Англии. И это тогда, когда министр иностранных дел Евгений Гегечкори прилагал все усилия для того, чтобы убедить Англию оставить в Грузии хотя бы небольшой контингент войск» (*Нозадзе 1990b: 172*). В июле 1920 года Лондон, однако, круто изменил свою политику в отношении Южного Кавказа и официально передал контроль над Батумом и его районом в руки правительства Грузии[112]. Наш современник объясняет это тем, что «британское терпение лопнуло, [так как] грузины угрожали взять Батуми силой» (*Рейфилд 2017a: 251-252*). Разумеется, корень зла лежал отнюдь не в англо-грузинских трениях по поводу судьбы этого портового города. Очевидно, что Альбион, учтя хроническую нестабильность в Закавказье и растущую в перспективе мощь РСФСР, отказал Грузии в покровительстве.

«После крушения, – вспоминал З. Д. Авалишвили, – [на консультациях в Сан-Ремо] идеи закавказского блока и ввиду проникновения советских войск за Кавказский хребет <...> никто [на Западе] не собирался теперь вступать в военное столкновение с Советами из-за независимости закавказских республик. И, так как республики эти [сами] не обнаруживали вкуса к согласованной, твердой самообороне общими силами против грозившей [им] опасности, и в Сан-Ремо кавказская политика лорда Керзона понесла поражение, то дальнейшее пребывание английских войск в Батуме и Батумской области оказывалось излишним: войска эти были оттуда выведены; причем благодаря нетерпеливому рвению, с которым грузинское правительство старалось поскорее получить в свои руки Батум с областью, сильно облегчалась для Англии задача — уйти с честью из Батума. <...> Это был по форме вполне

[112] საქართველოს დეპეშათა სააგენტოს ცნობა// «ერთობა», 1920, 8 ივლისი. № 152.

элегантный выход из положения. На оставлении Батума настаивали, вдобавок, в Лондоне все сторонники экономии, радовавшиеся прекращению ещё одной оккупации; и меру эту одобряли все вообще противники активной английской политики в Закавказье, т. е. противники Керзона и сторонники Ллойд Джорджа» (*Авалов* 1924: 288).

В мае 1920 года в Москве был заключён договор о взаимном признании РСФСР и Грузинской демократической республики. Лидеры Советской России, разумеется, рассматривали это соглашение лишь как политическую уловку и с легкостью согласились внести в текст документа упоминание о правах грузинской стороны в отношении ряда спорных территорий. В числе их был назван Батум и его область[113]. «На самом деле, — с досадой пишет Акаки Рамишвили, — это было в большей степени равносильно нашему поражению, чем победе» (*Ramishvili 2006: 119*). Разумеется, это так. Советская дипломатия с виртуозной ловкостью вбила очередной клин в отношения между Лондоном и Тифлисом.

«Соблазн скорейшего объединения под своей властью, — исчерпывающе пишет З. Д. Авалишвили, — всех частей Грузии, а особенно столь важного для неё Батума, оказался сильнее, чем способность заглядывать в будущее — даже ближайшее. Политика по батумскому вопросу грузинского правительства, говорившего, в деликатной форме англичанам (“империалистам”): “вон из Батума”, подкрепляла и в Англии сторонников скорейшего оставления Батума» (*Авалов* 1924: 253). Тем более что очень многие в британском истеблишменте относились с вежливым равнодушием к судьбе народов Южного Кавказа. Позиции этих кругов особенно усилились после оккупации Азербайджана силами РККА (РСФСР) и, как следствие, прекращения работы нефтепровода Баку-Батум (*Lang* 1962: 222). Им удалось склонить своё правительство к

[113] ზავი საბჭოთა რუსეთთან//«საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 11 მაისი. № 103.

мысли о политической и экономической нецелесообразности дальнейшего нахождения британского контингента в Грузии. Что, как показали дальнейшие события, было большой ошибкой. И в Ангоре, и в Москве поняли, что у них теперь развязаны руки.

Таким образом, в создавшихся обстоятельствах Кремль достаточно искусно сыграл очередную свою шахматную партию. «Нам выгоднее, — рассуждал советский дипломат Левон Карахан, — чтобы англичане были изгнаны из Батума руками буржуазной Грузии, чем втянуться в войну с англичанами. Грузия нужна нам как временный буфер» (*Амбарцумян 2019а: 94*). Её народ оказался в положении пешки в игре крупных держав на большой геополитической доске.

Британское правительство не имело единой политики по поводу событий в Закавказье. Палата Общин, напротив, все более настойчиво требовала свернуть затянувшуюся, не сулящую никаких новых перспектив и утратившую какую-либо популярность военную операцию в Грузии. Молниеносная советизация Азербайджана произвела эффект разорвавшейся бомбы и заставила колеблющихся британских политиков окончательно расстаться с Закавказьем. Кроме того, в Лондоне находился ловкий кремлёвский эмиссар Л. Б. Красин, а на берегах Темзы деловые круги были настроены на торговое сотрудничество с РСФСР. Очень скоро «ястребы» (лорд Керзон) были посрамлены, а инициатива, как известно, перешла в руки «голубей» (премьер Ллойд-Джордж). На Даунинг-Стрит дежурно выразили свою глубокую обеспокоенность большевистской угрозой, поспешно признали геостратегические интересы Москвы в Закавказье, умыли руки и согласились без борьбы уйти из этого региона. В Кремле поняли, что смогут теперь безнаказанно сокрушить Грузию.

Узнав о начале эвакуации англичан, аджарские аристократы, которые разделяли идеи сепаратистов, решили опередить события и захватить Батум в момент торопливого

исхода британцев из Аджарии. С этим намерением они стали концентрировать отряды феодального ополчения в его окрестностях (*Широкорад 2010: 102*). Накануне же Мамед Кескин-Задэ и в его лице «командование вооружённых сил Аджарии» сделало последнюю, отчаянную попытку спасти своё незавидное положение. Они обратились через аккредитованных в Батуме иностранных консулов с просьбой к их странам, «признать Аджаристан как независимое государство»[114]. Ситуация висела на волоске. Однако грамотные действия властей Грузии нарушили эти планы. Правительство объявило о полной амнистии своих политических оппонентов в Аджарии и обещало впредь их не преследовать[115]. Бегство же англичан полностью деморализовало верхушку «Садаи Миллет», что позволило грузинской армии без единого выстрела войти в Батум.

Поставленная в крае грузинская администрация всё же была встречена глухим ропотом мусульманского большинства, что было подчас чревато вооруженными инцидентами. Дабы сразу же взять ситуацию под контроль, генерал Г. И. Квинитадзе грозил мятежникам жестокими карами. В своём сообщении он обещал, что всякий, кто посмеет оказать малейшее сопротивление войскам, будет расстрелян. Кроме того, имущество инсургента и его ближайших родственников, подлежало конфискации. Семья же бунтовщика должна была быть депортирована за пределы Батумской области (*Kazemzadeh 1951: 202-203*). Власти проводили насильственное разоружение, требуя от мусульманского населения выдачи заложников и подвергая его тяжелым штрафам за неподчинение грузинской администрации[116]. Таким образом, в Аджарии «создалось кошмарное положение — состояние гражданской войны», и «аджарцы теперь начинают ориентироваться в сторону Турции» (*Махарадзе* 1921: 74).

---

[114] НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 607. Л. 3.
[115] «საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 2 ივლისი. № 146.
[116] Положение в Батумском округе // «Борьба», 1920, 13 октября. № 232.

Власти пытались оправдаться и выдвигали свои доводы. «К сожалению, мы не имели пока времени, — читаем в газете «Батумская жизнь» (1920, 19 ноября. № 114) — а, значит, и возможности осуществить политику [реформ] и в Батумской области. Прошло лишь 3–4 месяца, как [она] присоединена к Грузии. Мы не успели наладить административного аппарата, не успели в достаточной мере упрочить порядок в области, как перед республикой вновь встала турецкая опасность. <…> В то же время здесь ещё сильно влияние паразитических элементов [речь, по-видимому, идёт о местных феодалах — Б. М.]. Мы не успели в достаточной степени ослабить их социальное могущество и политическую силу. Их провокационная работа здесь гораздо более опасна для республики. <…> Батумская область должна быть очищена от иноземных агентов и враждебных республике элементов; энергичное поведение власти должно внушить населению сознание, что для пресечения враждебных республике выступлений она не остановится перед самыми решительными мерами» (*Исхаков* 2014: 617-618).

Вопрос же уже не раз обещанной аджарцам административной автономии завис в воздухе и по-прежнему оставался открытым, что «вызвало много пересудов и много гнева в Батуми» (კუკულაძე 2016: 165). Как один из вариантов решения вопроса рассматривалось предложение о религиозной автономии Аджарии, когда исполнительный аппарат остался бы в компетенции светских властей, а конфессиональная сфера (шариатские суды, медресе и пр.) перешла бы под полный контроль шейх уль-ислама, выборного главы местных мусульман[117]. Эта тема также не получила своего продолжения.

В июле 1920 года Ангора решила, что пришло время показать зубы и выступила с резким протестом по поводу

[117] ბათომის ოლქის მდგომარეობა//«საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 8 აგვისტო, № 177.

«оккупации» Батума и его области грузинской армией (გოგოლიშვილი 2005: 160; *Buket Elmas 2019: 79*). Красные дипломаты, в свою очередь, заигрывали с турками и глава НКИД Г. В. Чичерин, в обход уже состоявшегося соглашения с Грузией, заявил представителям кемалистов, что вопрос этого региона дескать ещё ждёт своего окончательного разрешения путем всенародного плебисцита[118]. Резонно полагая, что не грех воспользоваться таким карт-бланшем, «турки через своих эмиссаров возбуждали аджарцев» против грузинских властей (*Квинитадзе* 1985: 188). Опасаясь эксцесов, батумский губернатор Б. Г. Чхиквишвили ввёл в регионе военное положение[119]. Напряжённость, напротив, постоянно росла. Бунтовали сёла Кобулетского района, где произошло ряд серьёзных инцидентов. Один из них в сентябре 1920 г. перерос в вооруженное побоище инсургентов и полицейских сил в селе Кохи, в ходе которого были погибшие с обеих сторон (*Tsurtsumia* 2017: 308).

Острая ситуация, сложившаяся в «Мусульманской Грузии» беспокоила общественность, которая по этому поводу стала требовать более внятных объяснений от властей. В официозных же изданиях, как следствие, стало муссироваться мнение об «отсталости» этого региона и «неразвитости» его населения. На наш взгляд, этот трюк надо признать попыткой заболтать злободневную тему и уйти в сторону от самой сути проблемы. Так, на страницах печатного официоза ЦК правящей партии газеты «Эртоба» утверждалось, что «отсталый уголок с неразвитым населением почти всегда цепляется за остатки средневековья и с ними связывает свою судьбу. Таковы часто поступки Аджарии-Кобулеты. <…> Омусульманившаяся Аджария считает себя Турцией, и в этой отсталости вся трагедия Батумской области. <…> Перед ней стоит дилемма: либо по пути прогресса с Грузией, либо с турецким

[118] «Правда», 1920, 9 июня.

[119] სამხედრო წესები ბათომში და ოლქში // «ერთობა», 1920, 13 ივლისი. № 143.

варварством[120]. <…> Мы должны открыто заявить, что в Батумской области социальный вопрос, т. е. аграрный, не стоит так резко[121], как национальный и религиозный. Объединение с национальной точки зрения для аджарцев означает объединение со всей остальной Грузией, приобщение к новой жизни, к той свободе и реформам, которые имеют место у нас[122]. <…> Мы знаем, что велико число тех, которые живут консерватизмом прошлого и, благодаря непониманию своих собственных интересов, продолжают оглядываться на юг, но исторически они обречены» (*Девдариани* 1931: 251-252). Похоже, что некоторые сентенции в этом тексте вполне могли бы принадлежать перу Редъярда Киплинга, с его социокультурной идеомой «бремени белого человека».

По суждению американского автора, «за год или два Грузия прошла [немалый] путь от колонии России до самостоятельной маленькой империи. Различие <…> состояло не в принципе, а в масштабе. На своих собственных задворках грузины оказались такими же империалистами, как и русские. Красивые фразы о социалистической солидарности наций, самоопределении и т. п. [в их устах] были прочно позабыты, оказались пустыми обещаниями» (*Kazemzadeh 1951:203)*.

Таким образом, официальный Тифлис подверг кардинальной ревизии и напрочь позабыл о своих прежних гарантиях «самой широкой автономии грузинским мусульманам», ка-

---

[120] Кемалисты продолжали претендовать на всю Батумскую область, согласно «Национальному пакту», торжественно объявленным в 1920 году Великим национальным собранием Турции. В состав этой структуры была включена внушительная группа делегатов, которая выступала от имени аджарского региона (*Sarı Mustafa* 2017a: 480-481).

[121] Эта многозначительная оговорка демонстрирует, что власти хорошо усвоили уроки своего недавнего конфуза в Самцхе-Месхетии. Они уже старались лишний раз не раздражать местных феодалов угрозой аграрных преобразований.

[122] Эти утверждения, разумеется, носят пропагандистский характер на фоне целого массива информации прямо противоположного свойства. Громкая риторика о свободе и демократии, надо признать, не могла прикрыть собой факт постепенного формирования в Первой республике авторитарного режима этнократии.

тегорически отказываясь даже о них вспоминать. «После восстановления в Аджарии юрисдикции Грузии, – пытаются аккуратно подать информацию тбилисские историки, – из-за ошибок, допущенных центральной властью, силы прогрузинской ориентации продолжали работать в неблагоприятных условиях» (*Вачнадзе/Гурули/Бахтадзе* 2008: 693). Проще говоря, в результате очевидного обмана со стороны правительства, общественные симпатии в аджарской народной среде вновь сильно качнулись в сторону соседней Турции. Однако, «для турок аджарцы были прежде всего “гурджи”, грузины, то есть чужие» (*Etienne Peyrat* 2016: 181).

Тот факт, что установленный властями режим был в тягость населению Аджарии, подтверждает датированный октябрём 1920 года секретный доклад Батумского комитета СДРПГ. В нём в частности утверждается: «Не будет преувеличением, если скажем, что Батумскую область нельзя считать органической частью Грузии. <…> Во всех районах население бойкотирует нашу администрацию. <…> Группа грузин-мусульман, которая была объединена как в Меджлисе, так и Комитете освобождения [мусульманской Грузии] в настоящее время <…> находится к нам в оппозиции. Хотя она открыто против Грузии ещё не выступает, но по целому ряду причин уже не ведёт никакой работы в интересах Грузии. Оппозиция этой группы вызвана тем, что с приходом грузинских властей в Батум они ожидали немедленно получить большие привилегии. В действительности же эта группа обманулась в своих расчётах» (*Хачапуридзе* 1936: 332).

Речь в документе, разумеется, идет об окружении М. И. Абашидзе, мусульманизированные предки которого на протяжении нескольких столетий были феодальными сеньорами — «санджак-бегами» прибрежной Аджарии. Наследники заседавших в «меджлисе» ряда именитых аджарских аристократических фамилий (Реджеп Нижарадзе и др.), хорошо помнили историю господства своих кланов в этом регионе и, по-видимому, тешили себя надеждой на реставрацию совсем ещё не позабытой народом феодальной традиции. В пользу способности к реинкарнации

подобных патерналистских конструкций, напомним, свидетельствует факт нахождения в 1991-2004 гг. у руля аджарской автономии Аслана Абашидзе, который весьма метко был назван: «самовластным феодалом, пришедшим из средних веков» (Зедгенидзе 2013). *Появление на политической арене А. И. Абашидзе, в качестве потомка прежних феодальных владетелей прибрежных районов — Батума и Чаквы, было отнюдь не случайным. Ведь тогда же его основным электоральным соперником оказался отпрыск другой аристократической фамилии — Иосиф Химшиашвили, кандидат от нагорной Аджарии. Несомненно, это была ярко выраженная тенденция, вызванная патриархальными настроениями аджарцев, весь советский период бережно хранившими традиции предков и, по мере возможности, проявлявшими должное почтение к остаткам своей этнической аристократии.*

«В Батуме все негрузинские элементы, — жаловались назначенцы властей, — а частью и грузины являются нашими противниками. Таким образом, в настоящее время ни в Батуме, ни в области, грузинская государственность не имеет опоры ни в одной более или менее значительной общественной группе» (*Хачапуридзе* 1936: 332).

Сложная ситуация, возникшая в батумском регионе, во многом, на наш взгляд, была связана с конфликтом социальных интересов представителей местных и пришлых элит. Стержнем его, безусловно, являлась борьба за контроль над ресурсами — материальными и административными. Во время оккупации Аджарии британский военный губернатор осуществлял лишь общий надзор над всем краем, фактическая же власть в сельской местности продолжала находиться в руках традиционных кланов. На местах привыкли, что всеми делами там всегда безраздельно заправляли их феодалы-беки. Так, по словам очевидца, «беки пользуются большим влиянием на народ. Крестьянин, прежде чем идти к участковому начальнику по какому-бы то ни было делу, считает долгом предварительно посоветоваться с беком» (*Вейденбаум* 1901: 117). Грузинское же правительство, напротив, сломало прежнюю схему и везде стало расставлять в качестве комиссаров провин-

циальных администраций свою собственную креатуру (Б. Г. Чхиквишвили[123] и др.), большей частью уроженцев других регионов Грузии. В рекордные сроки они завоевали крайнюю непопулярность в Батуме с его областью, так как все прежние обещания об автономии региона новой администрацией были накрепко позабыты, а местная знать полностью оттеснена от реальной политической власти. Это немедленно вызвало самое острое противостояние между официальным Тифлисом и аджарской аристократией. Впрочем, даже лояльные прежде члены «меджлиса» стали резко протестовать и бурно выражать своё недовольство присутствием получивщих конфортные должности назначенцев из Тифлиса (თურმანიძე 2012: 86). Как верно заметил американский профессор, их «общий интерес заключался в защите своей маленькой провинции от нахрапистых пришельцев» (*Дерлугьян* 2010: 365).

Б. Г. Чхиквишвили с октября 1918-го по март 1919 года исполнял обязанности губернатора («чрезвычайного комиссара») Абхазии. Это назначение не прошло мимо внимания прессы, в том числе на неё откликнулась и периодика русских кадетов. На её страницах было высказано интересное суждение, что «до [прежнего] назначения господина Чхиквишвили кутаисским губернским комиссаром, он занимал кресло сухумского городского головы и председателя местного исполкома, и в этих ролях менее всего зарекомендовал себя человеком, обладающим хотя бы минимальным административным тактом. <…> Не для господина Чхиквишвили деликатная роль, выпавшая на его долю в Абхазии, – и, тем более, в Абхазии, где имя его среди части населения весьма одиозно. И мы боимся, что господину Чхиквишвили вряд ли суждено оказаться в Сухуме фактором гражданского мира»[124]*. В дальнейшем, депутаты от оппозиционных фракций представительного органа Абхазии — Народного Совета, попытались уже*

[123] ჩხიკვიშვილი ბენიამინ გრიგოლის ძე // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 507-508. Это назначение, наш современник называет «непродуманным решением», которое вызвало резкую реакцию и жалобы со стороны «меджлиса» (Tsurtsumia 2018: 336).

[124] К событиям в Абхазии // «Речь», 1918, 18 октября. № 18.

пост-фактум дать оценку результатам работы этого функционера. В их заявлении говорилось: «Переходя к деятельности бывшего чрезвычайного комиссара гражданина Чхиквишвили <…> мы не можем обойти молчанием <…> [что] убытки, причинённые [им], выразились в миллионах» (Лакоба 1993: 316). *Некто под псевдонимом «Мегобари» (Друг) в 1931 году опубликовал в Берлине свои мемуары на страницах эмигрантской газеты картвельских традиционалистов «Тетри Гиорги» (Белый Георгий), в которых попытался разобраться в вопросе причин обострения абхазо-грузинских отношений. По мнению весьма критически настроенного мемуариста, тому поводом стала «бандитская система грабежа и разбоя, которой руководствовалось меньшевистское правительство через посредство своих невежественных и ненасытных чиновников, [она] была более [чем] гнусной. Бесконечные конфискации, реквизиции переходили всякие границы. Беспрерывно производились реквизиции лошадей и крупного скота для нужд то гвардии, то милиции. <…> Такой же была политика социалистического правительства Грузии и во всех других уголках, как и в Абхазии, так и в Самцхе и вообще в мусульманских районах Грузии, [что] оттолкнуло население»* (Гожба 2009: 90- 91).

Осенью 1920 года в Аджарии побывал заместитель министра земледелия Петре Гелейшвили, который обнаружил, что «в этой области, за исключением Батума, мы не обрели ни одного нового сторонника и оттолкнули даже тех, кого имели. <…> Наших сторонников, человека нашей ориентации, во всей области не встретишь и десяти. <…> Народ просто бойкотирует нашу администрацию.

<…> Первое, что здесь услышите — это [слово] автономия. Большой или малый, крестьянин или бег, учёный или неуч — сразу же бросают вам в лицо [слова] об автономии. Этим начнёт и этим закончит разговор с вами. <…> Потом выясняется, что многие говорящие об автономии [крестьяне] даже не знают, что это такое. <…> Слово автономия здесь является выброшенным в народ интеллигентским лозунгом» (*Борьба 1961: док. № 209*). Таким образом, в условиях тотального проникновения в Аджарию грузинской этнократии, вопрос достижения статуса собственной автономии для

многих местных феодалов стал равносилен их социально-политическому выживанию как господствующего сословия.

Тема Аджарии оказалась самым тесным образом связана также с внешнеполитическим дискурсом в грузинских верхах. Дипломат З. Д. Авалишвили вполне резонно полагал, что сохранение британского военного присутствия в Батуме было бы продиктовано, прежде всего, интересами безопасности самой Грузии (*Авалов 1924: 253*). Понимание этого важного обстоятельства оказывало определенное влияние на риторику грузинских министров. В своей беседе с О. Уордропом глава внешнеполитического ведомства Е. П. Гегечкири особо акцентировал, что «мы великолепно понимаем, что без могущественного союзника Грузии трудно будет добиться признания своей независимости <…> это осознание продиктовало нам определённую ориентацию на Англию <…> при создавшейся конъюнктуре Грузия не может одна без поддержки пройти сквозь горнило испытаний, она просит помощи у Англии <…> мы официально просили мирную конференцию и Лондон и здешнее британское командование оставить хотя бы часть английских войск в Закавказье» (*Девдариани 1931: 89-90*). Грузия, исходя из этих соображений, подала заявку на вступление в Лигу Наций, которая также рассматривалась как гарант её независимости. Стержнем же этих международных гарантий, как представляется, должно было стать британское присутствие в Закавказье. Официальный Тифлис ещё в августе 1919 года предлагал в обмен на признание его прав на Аджарию, передать британцам батумский порт, как военную базу (*Девдариани 1931: 93*). Эту тему, судя по всему, поднимал в Лондоне осенью 1920 года сам Е. П. Гегечкори (*Авалов 1924: 293*). Альбион, тем не менее, с холодной вежливостью уклонился от серьезного обсуждения[125]. Британия очевидно не могла забыть тесное сотрудничество Грузии с Германией.

[125] ე. პ. გეგეჭკორი ლონდონში//«საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 7 დეკემბერი. № 278.

Хотя грузинская инициатива потерпела полное фиаско, просочившаяся о ней информация вызвала переполох в Кремле. Первым паническую волну поднял в октябре 1920 года Сталин, который телеграфировал председателю Совнаркома: «Грузия собирается сдать Батум Антанте» (*Борьба 1961: док. № 223*). Глава же НКИД Г. В. Чичерин попытался проверить у грузинского посла в Москве Герасима Махарадзе достоверность этой информации. Однако, в провокационной форме. Он пишет: «Радиограммы стран Согласия [т. е. Антанты] приводят нас к убеждению, что официально обсуждается уже план занятия Батума военными силами Англии или каких-либо других стран Согласия. <…> [Это] попытка создания для нас на юге нового фронта» (*Борьба 1961: док. № 228*). Похоже, что в фантом новой британской интервенции на Южном Кавказе поверил сам Ленин. Он стал утверждать, что «Грузия отдаст Батум Антанте и, что Антанта пойдёт на Баку» (*Борьба 1961: док. № 224*). Лишь из-за мощного нажима Москвы на Тифлис, по мнению азербайджанского автора, «не состоялась сделка о передаче порта Батуми англичанам за крупный денежный заём в октябре 1920 года» (*Агасиев 2010: 42*).

Окончательный отказ британской стороны от планов возвращения своих «дредноутов» в батумскую гавань, повлек за собой в декабре 1920 года и отрицательный ответ Лиги Наций также в вопросе приёма Грузии в страны-члены этой организации. Это был акт равнодушия, скрываемый за маской лицемерного сочувствия.

Международные осложнения, по всей видимости, повлияли на изменение общего характера политики центрального руководства в Аджарии. Основным трендом осени 1920 года стало умиротворение аджарского региона путем компромиссных соглашений с верхушкой местных феодальных кланов. П. П. Гелейшвили настоятельно советовал: «Принятие на службу [оставшейся не у дел аджарской] интеллигенции и включение её в аппарат управления, разом разрешит все

недоразумения» (*Борьба 1961: док. № 209*). Эту мысль сразу же подхватила партийная печать: «Мы хотим положить конец этому недоразумению между правительством и местными передовыми элементами [т. е. М. И. Абашидзе и его «меджлисом» – Б. М.] и осуществить [наконец] принцип солидарности и сотрудничества с ними»[126]. Частью этих усилий стал отзыв склонного к силовым методам губернатора Б. Г. Чхиквишвили[127], у которого возник острый конфликт с «меджлисом» (კუკულაძე 2016: 169). Суть упрёков состояла в том, что он «не знал должным образом положения мусульманской Грузии, нравов и характера её жителей»[128]. Его сменил другой важный партийный функционер[129], бывший военный министр Г. Т. Гиоргадзе (*Хачапуридзе 1936: 331*). Эти номенклатурные рокировки, а также учреждение «консультативного совета» из трёх человек с участием М. И. Абашидзе[130], должны были, по-видимому, создать иллюзию перемен. В британских источниках, тем не менее, отмечено, что «насколько Батум доставляет беспокойство [видно по тому, что] Гиоргадзе делает все возможное, чтобы восстановить управление [здесь], сделав его действительно представительным. После составления предварительных предложений вопрос о будущем правительстве Батума будет внесён в Учредительное собрание в Тифлисе» (*Adjara 2008: 706. Doc. 268*).

Ряд сил, скорее всего, оппозиционного характера, настаивали на его безусловном решении. Их призыв на своих страницах поместила газета Национальной партии (см.:

---

[126] აჭარისათვის// «ერთობა», 1920, 9 ნოემბერი. № 255.

[127] Весьма показательно избиение им оппозиционного депутата Учредительного Собрания и профессора Тбилисского университета Шалвы Нуцубидзе, что вызвало громкие протесты в студенческой среде и бурную демонстрацию учащейся молодёжи («სახალხო საქმე», 1921, 1 თებერვალი. № 1041).

[128] უკულმართი პოლიტიკა// «სამუსლიმანო საქართველო», 1920, 29 ოქტომბერი. № 447.

[129] «ბათომის ფურცელი», 1920, 17 ნოემბერი. № 57.

[130] ბათომი// «ერთობა», 1920, 28 ნოემბერი. № 27.

«Мица»/«Земля», 1920, № 3). «Мы требуем от правительства и Учредительного собрания, чтобы немедленно же был обнародован акт об автономии мусульманской Грузии, и чтобы временно автономная власть была передана там меджлису» (*Мещеряков 1921а: 44-45*). Однако общая картина настроений была настолько пестра, что подчас ныне может быть превратно истолкована. Так, правительственный вестник опубликовал мнение Джемал-бега Химшиашвили, вероятно, чтобы осадить строптивых «автономистов». Он уверял, что «Аджария ни прежде, ни сейчас не желает автономии»[131]. Более того, этот влиятельный аристократ призвал власти распустить «меджлис», который якобы не имеет права выступать от имени народа.

Члены же «меджлиса» в январе 1921 года предложили свой проект закона, в котором был уже зафиксирован политический статус автономии[132]. Однако среди депутатов УС на сей счёт не наблюдалось единства мнений. Например, федералист князь Самсон Дадиани заявил, что в вопросе определения прав Аджарии излишне выходить за пределы сферы земского самоуправления, так как все прежние обещания были лишь вызваны «политической конъюнктурой» (ჯანელიძე 2018а: 174).

«Правительство Грузии, — пишет наш современник, — не поддержало требования аджарцев о политической автономии. Оно намекнуло, что может продолжить переговоры по этому вопросу, и объявило, что стороны могут договориться о правах административной автономии. Хотя грузинский парламент под влиянием Мемеда Абашидзе и его соратников на заседании 19 декабря 1919 года [заранее] объявил о предоставлении Аджарии автономии, было понятно, что речь идет о местной административной, а не политической автономии» (*Tsurtsumia 2018: 336*).

---

[131] აჭარის საქმეები//«საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 29 ივლისი. № 168.

[132] «სამუსლიმანო საქართველო», 1921, 5 იანვარი, № 496.

«Мы можем принять все их требования относительно автономии, — ещё ранее утверждал грузинский премьер, — как бы велики они ни были. Мы не можем принять только одного — отделения от нас» (*Жордания* 1919: 201-202).

По всей видимости, аджарцам обещали, как, впрочем, и абхазам, что вопрос об их статусе будет разрешён конституцией Грузии. Она же скупо продекларировала, что Батумская область имеет право на «автономное управление в местных делах»[133]. Её же форма и объём полномочий должны были быть дополнительно ещё закреплены отдельным нормативным актом. Но это решение уже не имело какого-либо политического значения, так как Грузия вскоре пала под неумолимым натиском вторгшихся сил РККА.

* * *

16 марта 1921 года в Москве, как известно, был заключён советско-турецкий договор, который без участия Грузии и Армении определил их границу с Турцией. РСФСР признала право правительства Анкары на владение районами Карса, Ардагана и Артвина. Впрочем, кемалистам было решительно отказано в их претензиях на Батум. Турция нехотя согласилась уступить Грузии «сюзеренитет» над Батумом и части его области, при условии, что «население этой территории будет пользоваться местной автономией в административном отношении» (*Документы* 1959b: 598). Тем не менее, кемалисты всё же сверх того пытались овладеть всей Аджарией и Самцхе-Месхетией (*Sarı Mustafa* 2017b: 1238-1239). Со слов очевидца, «вступление турецкого отряда в Батум местным мусульманским населением было встречено с большим энтузиазмом» (*Шафир* 1921: 125). Ряд частей грузинской армии на последнем дыхании мужественно сдерживали

[133] სამუსლიმანო საქართველოს ავტონომია // ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018): 351.

натиск турецких аскеров до тех пор, пока в Батум в качестве третьей силы не вошли части армии РСФСР.

Одним из ярких образцов вероломства и политики двойных стандартов коммунистических лидеров РСФСР, на наш взгляд, является нота Г. В. Чичерина главе «Форин-Офиса» лорду Керзону. Так, руководитель молодой советской дипломатии в ноябре 1920 года ложно уверял Уайт-Холл, что его «правительство не предполагает никаких действий, которые хоть отдалённо посягали бы на независимость Грузии. <…> Русское правительство всегда останется верным признанию независимой Грузии и ни в коем случае не будет нарушать её суверенных прав ни оккупацией Батума, ни иным каким-либо путем» (Борьба 1961: док. № 234).

Ситуация и далее продолжала оставаться взрывоопасной (*Sarı Mustafa* 2017a: 496-498). «Кемалисты оставили город, но ещё находятся <…> в Аджарии, они <…> призывают мусульманское население Аджарии вооружиться и не пускать [вновь] сюда грузин. Они говорили массам, что автономия дарована аджарцам [Мустафой] Кемалем [и] кемалисты скоро займут Батум обратно» (*Борьба 1961: док. № 269*). Для осуществления этих намерений, как казалось, им был необходим лишь формальный повод. У Ангоры была цель превратить Батум в «вольный город», где были бы признаны её экономические сервитуты (*Хармандарян 1969: 188*). С целью заручиться поддержкой своих планов, кемалисты направили в Аджарию делегацию, которая обратилась к М. И. Абашидзе, дабы он инициировал петицию «меджлиса» о турецком вмешательстве. Ангора якобы пообещала в этом случае предоставить Аджарии автономию (*Tsurtsumia 2018: 337*). «Следует напомнить, что в тот период некоторые влиятельные беги из Верхней Аджарии были активными сторонниками присоединения к Турции, – пишет один из представителей фамилии Абашидзе. – Таким образом, установилась очень напряженная ситуация. В случае положительного ответа со стороны аджарского меджлиса Турция получала бы правовую основу для новой оккупации территории Аджарии. <…> На встрече с делегацией Турции М. Абашидзе

отказался вынести турецкое предложение на рассмотрение меджлиса, сославшись на отсутствие у него полномочий рассматривать данный вопрос. Тем самым, М. Абашидзе сделал всё возможное для предотвращения нового вторжения турок в Аджарию, лишив их каких-либо юридических оснований для оккупации края» (*Абашидзе* 2020).

Глава Грузревкома Ф. Махарадзе, в свою очередь в марте 1921 г. обещал «меджлису», что «Аджария получит полную автономию»[134]. М. И. Абашидзе и его окружение, встав на путь сотрудничества с коммунистами, вскоре также поспешили заявить о своём признании советского режима[135]. Они объявили о роспуске прежнего «меджлиса» и созыве уже нового его состава «на основе всеобщего избирательного права»[136]. М. И. Абашидзе и его соратник Р. Д. Нижарадзе, в свою очередь, были вовлечены в число членов батумского ревкома (*Tsurtsumia 2018: 337*). Эта структура, пожалуй, не без их влияния вынуждена была примириться с проведеными в мае 1921 г. без согласия компартии (по определению советских органов: «стихийно») выборами в «меджлис». Затем коммунистическая номенклатура, спохватившись, поспешила восстановить свой контроль (по терминалогии советских документов: решила «взять инициативу») над крайне зыбкой ситуацией. Вышло постановление ревкома, в котором попытались объявить «этот меджлис временным» органом[137]. Большевистский актив, тем не менее, был вынужден ещё некоторое время заигрывать с «меджлисом», в котором беки и их сторонники наперекор желанию коммунистических властей всё же получили своё представительство. Советские функционеры вынуждены были потакать интересам местной знати, чтобы избежать восстаний и сохранить контроль над регионом. Глава ревкома С. А. Губели как бы в знак

[134] Революционные комитеты Аджарии. Док. № 9.
[135] Там же. Док. № 21.
[136] Там же. Док. № 50.
[137] Там же. Док. № 57.

компромисса сам открыл первое заседание его нового состава. Спикер «меджлиса» Хасан Лорткипанидзе публично поддержал идею создания в аджарском регионе «автономии на широких началах»[138] и вскоре отправился в Тифлис «договариваться» с коммунистическими лидерами об «основных принципах взаимоотношений»[139]. Грузревком, разумеется, учитывая интересы внимательно наблюдавшей за развитием событий соседней Турции, 16 июля 1921 года декретировал образование АССР Аджарии и согласился до съезда советов этой автономной республики всю власть передать в руки «меджлиса»[140]. Более того, его наделили формальным статусом «революционного комитета» (*Asatiani/Janelidze 2009: 357*). Коммунисты, в силу обстоятельств вынужденно признавая авторитет избранного народом этого представительного собрания, из тактических соображений сделали вид, что временно примирились с его существованием, как органом «национально-религиозного самоуправления» (*Мерквиладзе* 1969: 165). Таким образом, создание аджарской автономии было продиктовано не этническими, а конфессиональными причинами, когда исламский фактор, очевидно, выступал в качестве весомого противовеса коммунистической «советизации». Это осложнило отношения ревкома и «меджлиса».

Советский аппарат сравнительно надёжно контролировал лишь Батум, тогда как остальная часть региона продолжала оставаться под влиянием традиционных кланов. Так, в Верхней Аджарии неформальная власть по-прежнему находилась в руках аристократической семьи Химшиашвили (*Blauvelt/Khatiashvili 2016: 366*). Как следствие, неминуемо должна была сложиться ситуация двоевластия. Наконец большевикам надоело играть в эти игры и в июле 1921 г. компартия решила начать вооруженное подавление своих

[138] Там же. Док. № 63.
[139] Там же. Док. № 64.
[140] Там же. Док. № 69.

политических оппонентов — беков[141], которых обвинили в желании «отгородиться высокой стеной автономии от советской власти»[142]. В августе коммунисты инициировали образование «комитетов бедноты», которые были использованы ими в качестве противовеса строптивой части «меджлиса»[143]. Из-за жёсткого давления со стороны ревкома и угрозы репрессий, среди депутатов «меджлиса» возникли разногласия[144]. Х. Лорткипанидзе и его окружение проявили себя, по-видимому, в качестве заурядной коммунистической креатуры (т. н. «попутчиков»). Было объявлено, что эта часть «меджлиса» договорилась с ЦК «комитетов бедноты» («красный меджлис») о признании батумского ревкома вновь в качестве верховного органа власти в Аджарии. Беки же впредь лишались всякого права участвовать в выборах, контроль над которыми всецело переходил в руки коммунистов[145]. Большевики, которые старались выстраивать свою политическую линию в регионе на лицемерной критике прежних силовых методов правительства меньшевиков, наконец-то сбросили и свои маски.

НКВД ввел на территории аджарского региона военное положение и запретил любого рода собрания, митинги и демонстрации оппозиционного характера[146]. В Аджарии коммунистами был осуществлён, по сути, полноценный государственный переворот. В сентябре 1921 г. «меджлис» был официально разогнан, а некоторые его депутаты отправлены в заключение[147]. М. И. Абашидзе также был взят под арест, а затем выслан в Баку, где находился под строгим надзором ВЧК и «получил совет держаться подальше от политики» (*Tsurtsumia 2018: 338*). Компартия грубо захватила абсолютно

[141] Там же. Док. № 67.
[142] Там же. Док. № 122.
[143] Там же. Док. № 75.
[144] Там же. Док. № 87.
[145] Там же. Док. № 80.
[146] Там же. Док. № 88.
[147] Там же. Док. № 113.

все доминирующие позиции на политическом поле Аджарии, что собственно было закреплено в январе 1922 года созданием СНК и ЦИК этой АССР.

Тем не менее, до конца НЭПа советская администрация продолжала ещё мириться с религиозной самобытностью Аджарии. Местное мусульманское духовенство сохраняло свои льготы и привилегии почти в полной неприкосновенности вплоть до 1929 года, когда произошли вооруженные выступления аджарцев, протестовавших против закрытия медресе и запрета на ношение чадры (*Blauvelt/Khatiashvili 2016: 359*). Силам ОГПУ удалось сравнительно быстро справиться с аджарскими повстанцами. Непримиримая же их часть, во главе со своим предводителем Али-Султаном Болквадзе, горными тропами ушла в Турцию. Их антисоветская деятельность развивалась там до 1931 года, когда по настоятельному требованию соответствующих структур СССР, турецкие власти выслали из приграничных с Грузией районов главных вожаков аджарской эмиграции (*Широкорад 2010: 126-127*).

Таким образом, стандартный коммунистический режим смог утвердится в Аджарии лишь после продолжительной и изнурительной борьбы. С помощью грубой силы и политических манипуляций советские функционеры разгромили аджарскую оппозицию и лишили, наконец, сословие помещиков-беков их прежней руководящей роли. Идея же автономии аджарского региона с ликвидацией класса местных феодалов утратила свой корпоративный характер. Кроме того, под спудом советской системы была снята с повестки дня набиравшая прежде определённую силу тенденция панисламизма и турецкой ориентации. Тем более что проводимая компартией настойчивая политика всесторонней секуляризации («культурная революция») очень скоро избавила Аджарию от значения лимитрофного конфессионального образования.

Тем не менее, появление аджарской автономии на географической карте, по единодушному признанию грузинских авторов, стало лишь следствием «некоторых внешне-

политических обстоятельств, вытекавших из советско-турецких взаимоотношений» (*Менабде 1970: 137*). Она, отнюдь «не являлась национальной республикой, созданной на основе осуществления права наций на самоопределение» (*Менабде 1970: 138*). По их мнению, «существование отдельной аджарской автономной республики <…> является анахронизмом, ибо нет отдельной аджарской нации, культуры, языка» (*Ментешашвили 1987: 195*). Впрочем, эта негативная позиция стала менее актуальной в наши дни, чему способствовало обретение современной Грузией своей прочной независимости. Тем более что уже давно, полностью исчерпали себя былые политические и социальные аллергены, которые некогда препятствовали реинтеграции Аджарии с остальной Грузией. Таким образом, надо признать, что поднятая в нашем исследовании проблема этнополитического единства грузин, безусловно и навсегда отошла в область исторического знания.

2.3
ВОПРОС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЮЖНЫХ ОСЕТИН

Стремительно формирующиеся после упразднения российской самодержавной монархии кавказские элиты освоили новые идеи, в том числе, собственной институционализации исключительно в этническом контексте. Императивом для них стал острый вопрос самоопределения своих этнолингвистических групп, который потянул за собой небывалый прежде рост напряженности в регионе, когда этнонациональная проблематика превратилась в доминирующую тему местного политического дискурса. Через нее в немалой степени стали выражаться также главные социальные противоречия. На этом фоне постепенно стал складываться собственно осетинский этнонациональный проект, который находился тогда лишь в зачаточном состоянии.

В марте 1917 г. в Тифлисе был создан «Осетинский революционный комитет». Этот общественный орган, образованный социалистами разных мастей, обратился к тифлисскому губернскому исполкому с просьбой передать ему власть над «Юго-Осетией» (*Плиев* 1977: 33), лежащем на южных склонах Кавказа периферийном районе. Там размещалась наибольшая часть южных осетин (субэтнические общины туальцев, этнографические группы кударцев и др.). Территория их основного заселения уже тогда охватывала северную часть грузинской провинции Шида Картли, полностью включала высокогорные районы Двалети и Ксани, а также восточные окраины области Рача и Земо Имерети. Живописные и глубокие ущелья, занятые исключительно южными осетинами, относились к наиболее социально отсталым и экономически слаборазвитым частям Центрального Закавказья.

Грузинские авторы настаивают, что «в истории не существовало “Южной Осетии” ни как географической, ни как политической реальности» (Бакрадзе 1994: 3). *Нет необходимости*

развернуто рассматривать эту идеологему, так как, на наш взгляд, понятие «Южная Осетия» исторически не несло в себе иной, кроме как этнографической смысловой нагрузки, являясь исключительно собирательным топонимом. Однако все же надо отметить также тот непреложный факт, что указанный термин возник ещё задолго до образования юго-осетинской советской автономии в Грузии. В 1830 году в русскоязычном издании «Тифлисские ведомости» была опубликована статья анонимного автора, в которой он использовал собирательные термины «южная» и «северная» Осетия (Крыжановская / Петрова 2012). *С того времени понятие «Южная Осетия» постепенно вытеснило из обращения другие термины (к примеру, «Картлийская Осетия», «Закавказская Осетия») не только у русских авторов, но и обосновалось в грузинских изданиях. Приведем в качестве примера школьный учебник известного грузинского педагога и общественного деятеля Якова Гогебашвили «Врата природы» («Бунебис кари»). Впервые он был издан в 1868 г. и ко времени советизации Грузии выдержал свыше двадцати изданий. В разделе «Соседние страны» автор пишет: «Осетины являются горским народом. Они занимают срединную часть Кавказского хребта, от Хевсуретии до Сванетии. Одни из них живут по ту сторону хребта, на его северных склонах, другие на этой стороне, на южных склонах. По этой причине Осетия разделяется на две части: Северную Осетию и Южную Осетию»* (გოგებაშვილი 1912: 540-541). *Автор же другого учебника географии Грузии отмечает: «Хотя Осетия не представляет собой настоящей части Грузии, однако она столь близка нашей стране, что знакомство с ней для нас весьма полезно. <…> Потустороннюю Осетию называют Северной Осетией, посюстороннюю — Южной Осетией»* (როზაქიძე 1917: 81). *В тоже время некоторые авторы, понимая несколько натянутый характер этого топонима, и, тем не менее, избегая употребления наиболее старого грузинского исторического названия этой области — «Зена Сопели», попытались поставить знак равенства между неологизмом «Южная Осетия» и локализуемом на её северных окраинах древним регионом Двалетия* (Бубенок 2007: 144-152). *Тем более что субэтническое самоназвание части осетин — туалы* (Топчишвили 2019: 11), *нередко отождествляется с их вайнахоязычными предшественниками —*

горцами-двалами, населявшими некогда эту территорию (Ванети 1936: 270-278). *Вероятно, что множество двалов со временем переняли также картвельскую речь и стали грузинами. Позже произошла взаимная ассимиляция крупной части двалов с осетинами, способствовавшая этногенезу их южной ветви* (Топчишвили 2019: 23).

«Осетинский революционный комитет» распался в ноябре 1917 г. из-за внутренних политических расхождений и острой межфракционной борьбы. Радикально настроенным элементам, тем не менее, удалось спровоцировать аграрные беспорядки в «цхинвальском регионе». Предлогом были попытки взыскать в пользу местных помещиков (князья Эристави и др.) недоимки за «сабалахо» (пастбищные платежи) и «гала» (поземельный оброк). В марте 1918 года контингент полицейских сил во главе с этническим осетином Костой Казиевым, объявленным «диктатором», вошел в зону осетинских селений с задачей разоружить население. Для отряда правительственных войск эта кампания в итоге обернулась полным фиаско и гибелью всего его командования (князь Г. З. Мачабели и др.), в развернувшемся на улицах Цхинвала сражении (*Воспоминания 1957: 15*). «Разворачивается страшная картина, — читаем сообщение прессы, — с четырёх сторон в Цхинвали с дикими воплями и криками врывается озверевшая толпа. Начинаются погромы, грабежи, громят лавки, взрываются гранаты. Слышны крики: бейте, убивайте. Толпа вооружена. У них винтовки и бердянки. У многих окровавленные кинжалы, ножи и штыки на палках. В грабеже и погроме принимают участие [местные] грузины»[1]. Лишь более значительным силам, под началом другого осетина — генерала А. Г. Кониева, удалось войти в Цхинвал. Затем они сделали попытку преследования бежавших в горы мятежников, но возле Джавы остановились[2]. Начались переговоры. Это позволило, наконец,

[1] «სახალხო საქმე», 1918, 30 მარტი. № 208.

[2] Видный политик Валико Джугели, один из тех, кому летом 1920 года было поручено возглавить вооруженную экспедицию грузинских войск против

взять «цхинвальский регион» под относительно устойчивый контроль заседавших тогда в Тифлисе закавказских властей (*Никонов 1956: 27-34*). Они, учитывая беспокойный характер горцев-осетин, согласились с мыслью их умиротворения. В итоге, «восстание 1918 года не было подавлено. Оно было ликвидировано путём переговоров» (ჯანელიძე 2018а: 189).

В административных границах Горийского уезда (историческая провинция «Шида Картли») расселение осетин носило комбинированный — как дисперсный, так и компактный характер. Решением Тифлисского губернского исполкома в северной его части был выделен район с гомогенным населением — «Горная Осетия»[3]. Там на должность «комиссара», главы местной исполнительной власти, был назначен этнический осетин (*Плиев 1977: 34*).

Первый национальный съезд южных осетин состоялся в июне 1917 г. в поселке Джава, в центре «Горной Осетии». Большинство его участников поддерживали идею предоставления этому наиболее компактно населенному осетинами региону в Закавказье национальной автономии (*Плиев 1977: 130*). Делегаты съезда внесли в свою резолюцию пожелание, в которое отмечали, что «если кавказские народы получат территориально-национальные автономии, то осетинам, объединенным в одну национальную единицу, предоставляется право свободного самоопределения» (*Дзидзоев 2004: 95*). На том же форуме был избран I Юго-осетинский национальный совет (далее ЮОНС).

Были предприняты известные усилия по объединению разных частей осетинского народа в рамках единой национальной организации. С этой целью в ноябре 1917-го был уже

осетинских инсургентов, пишет, что «Джава – южно-осетинская столица. Это очень богатая и живописная деревня. Она – сердце Южной Осетии» (*Джугели 1920: 234*).

[3] По данным на 1917 год в целом по Грузии проживало 95587 осетин, в основном же регионе их расселения – Горийском уезде, их было 61604 человека (*Дзидзоев / Дзугаев 2007: 62-63*).

созван общий съезд всех осетин в посёлке Ардон (*Плиев 1977: 128*). Однако эта первая попытка не получила своего дальнейшего продолжения. Политические процессы на Южном и Северном Кавказе имели абсолютно разные, и даже совершенно противоположные векторы развития. На Осетию претендовало «правительство» чеченского аристократа Абдул-Меджида (Тапа) Чермоева, созданное Союзом объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (СОГК). Картвельские же политики, в свою очередь, преследовали собственные выгоды в вопросе будущего территориального размежевания на Кавказе. Углубление интеграционных процессов в осетинской среде, по всей видимости, отнюдь не входило в их дальнейшие планы. Грузинский истеблишмент волновал не только политический, но и территориальный фактор. Ведь они опасались утратить изрядную часть считавшейся своей территории в случае, если осетины изъявят желание объединить районы своего проживания по обе стороны Кавказского хребта, что они тогда уже стали неоднократно и открыто демонстрировать.

Второй съезд южных осетин был созван в декабре 1917 г. в Цхинвале (*Очерки 1985: 199*). Образованный на этом форуме II ЮОНС поддерживал идею земского самоуправления осетин и выступал за выделение «Южной Осетии» в отдельную административную единицу (*Плиев 1977: 131*). II ЮОНС избрал местом своего пребывания — Тифлис, чем, пожалуй, выявил свою ориентацию на силы, лоббирующие проект закавказской федерации (*Очерки 1985: 273*). Его члены, в большинстве своем эсеры, распространили специальное заявление (1918 г., январь), в котором отмечали свое горячее желание сделать ЮОНС «высшим руководящим органом Южной Осетии» (*Плиев 1977: 132*).

В Закавказском Сейме тогда же активно обсуждалась злободневная тема раздела Южного Кавказа на автономные кантоны. Однако эта затея не имела своего продолжения, и тот проект остался лишь на бумаге. Осетинские эсеры, которые

занимали в ЮОНС относительно умеренные позиции, в процессе самоопределения народов Кавказа попытались добиться для своих соплеменников наиболее приемлемого для них политического статуса. Ими была поднята и громко артикулирована тема собственной автономии. Часть осетинских социал-демократов (А. И. Фарниев и др.), которые имели тесные связи со своими грузинскими коллегами и, во всем следовали их политической линии, напротив, решительно выступили против самой идеи автономизации осетин в Грузии[4]. Эти возражения, как водится, внесли свою существенную лепту в межпартийные разногласия. Они стали серьезной препоной на пути к национальной консолидации, сильный дефицит которой, увы, испытывали осетины. Грузинская сторона, разумеется, на сей счет была достаточно хорошо информирована. Дабы купировать нежелательные для себя тенденции в «осетинском вопросе» картвельские социал-демократы, пожалуй, хотели бы руками своих друзей-осетин непременно потеснить «сепаратистов» в ЮОНС. Рассуждения об этом можно прочесть на страницах меньшевистской прессы[5]. Осетинская социал-демократия, однако, была расколота на ряд маргинальных групп. Одна из них, которая не симпатизировала большевикам, после размежевания в РСДРП сохранила своё единство с грузинской социал-демократией. Другая же часть, формально не порывая с дезинтегрированной РСДРП, оказалась де-факто на положении «независимых» социал-демократов.

Вызовы того времени требовали достаточно адекватной реакции. В том числе и от южных осетин. Тем более что ситуация во всем регионе была весьма шаткой и не внушала оптимизма в мирном разрешении наиболее спорных и каверзных вопросов. Она весьма круто изменилась после

[4] ფარნიევი ა. ოსები საქართველოში (შესაძლებელია თუ არა ოსების დამოუკიდებლობა საქართველოში და ვინ მოითხოვს მას?)//«ერთობა», 1918, 11 ივნისი. № 119.

[5] «ერთობა», 1918, 24 *მაისი.* № 104.

упразднения Закавказской Федерации (ЗДФР), что потребовало экстренно созвать 28 мая 1918 года третий съезд южных осетин (*Плиев 1977: 140*). На том собрании наиболее ожесточенная полемика развернулась между когда-то единомышленниками, а теперь непримиримыми оппонентами — коммунистом (большевиком) Филиппом Махарадзе и социал-демократом Исидором Рамишвили (*Цховребов / Санакоев 1981: 199*). Жаркий спор между ними разгорелся по основному пункту повестки дня, из-за чего собственно и был созван съезд — вопросу признания провозглашенной всего лишь за два дня до того независимой Грузии и власти ее правительства. Эмиссар большевиков не только призывал в корне отвергнуть саму идею отделения от РСФСР, но и самым активным образом агитировал за вооруженное выступление осетин против грузинского правительства[6]. Очевидно, что раскол тогда проходил по политической, а не по этнической линии; и с той, и с другой стороны действовали как осетины, так и грузины.

В марте 1918 г. в «цхинвальском регионе», напоминаем, началось сильное крестьянское движение. По поводу тех событий очевидец констатировал: «Так как большинство населения здесь состояло из осетин, и они руководили восстанием, то движение приобрело национальный характер. <…> Осетины решительно <…> требовали автономных прав» (Махарадзе 1928: 165-166). *Осетины из Душетского и Шорапанского уездов, вместе со своими грузинскими односельчанами, летом 1918 года также приняли деятельное участие в активно раздуваемых большевиками крестьянских восстаниях. Эти выступления были обусловлены сильным антагонизмом между помещиками и крестьянами, который приобрел хронический характер в Грузии. В случае же с осетинами их социальные противоречия с грузинским дворянством имели также все признаки национальной розни. Ещё до возникновения Грузинской демократической республики это немаловажное обстоятельство уже акцентировалось в прессе. «Ещё нет у нас автономии [в Грузии], сообщает корреспондент “Искры” с Кав-*

[6] «Борьба», 1918, 7 июня. № 87.

каза, а наше дворянство и идущая за ним интеллигенция уже поднялись на осетинских крестьян и готовятся предать их огню и мечу. И знаете почему? Потому, кричат нам, что они не грузины. По мнению дворян, не грузин можно безнаказанно грабить, а если и они потребуют человеческих условий существования, то грузин призывают идти на них с криком: "бейте этих пришельцев"» (Шахназарян 1906: 115). *В свою очередь, по словам осетинского автора среди его соплеменников тогда расхожей являлась идея о том, что «необходимо физически уничтожить всех дворян и князей, не взирая на [их] возраст и пол»* (Блиев 2006: 348). *Так, перебиты были помещики Херхеулидзе, Палавандишвили и др.* (Воспоминания 1957: 124). *О максимальном напряжении в отношениях между сословиями, усугубленной к тому же крайней этнической нетерпимостью, сообщала газета «Эртоба» (1918, № 69), на страницах которой утверждалось, что «осетинские националисты желают изгнать грузин [дворян] из цхинвальского района, когда как грузинские националисты жаждут прогнать осетин из Грузии»*[7]. *В то же время в источниках отсутствуют какие-либо ссылки на этнические трения между осетинскими и грузинскими крестьянами.*

Съезд же осетин, выслушав аргументы всех сторон, открыто не поддержал радикалов, хотя воздержался от немедленного признания Грузинской демократической республики. Та часть осетинских социал-демократов, которая уже выразила свою солидарность с её властями, в знак протеста, покинула это важное мероприятие. Они, таким образом, оказались лишены возможности предложить свою часть кандидатов в очередной состав ЮОНС. В нём стали преобладать эсеры и их креатура (*Воспоминания 1957: 111*). Самоустранившееся от решения этнонациональных задач своих соплеменников прогрузински настроенное крыло осетинской социал-демократии, тем самым, само расчистило широкое поле деятельности для своих оппонентов. Чем они сразу же воспользовались, образовав в новом, уже третьем по счету ЮОНС, абсолютное большинство. Большевики, которые в

[7] Օսերի շարժումը//«Հորիզոն», 1918, 29 մարտի:

известных целях использовали ЮОНС как свою политическую трибуну, также делегировали в его состав немало своих сторонников (*Плиев 1977: 141-142*). Напомним, что в рамках большевистской политической практики верхушка этой партии пыталась искусно канализировать движение осетин в пользу своей доктрины «пролетарского интернационализма», которая позволяла ленинцам осуществлять любую выгодную им стратегию в национальном вопросе.

Надо отметить, что грузинское правительство, оказавшись летом 1918 года перед фактом стихийных аграрных восстаний своего крестьянства, пыталось спешно найти некий модус-вивенди в непростых взаимоотношениях также с южными осетинами, однако, исключительно на своих условиях. С этой целью на 4-й юго-осетинский съезд (июнь 1918 г.) в село Цунар прибыл один из самых ярких представителей грузинской социал-демократии — Ираклий Церетели. Он горячо уговаривал и настойчиво убеждал участников форума, признать власть официального Тифлиса. Взамен же, от имени своего правительства, И. Г. Церетели сулил в недалеком будущем предоставить полное самоуправление населенным осетинами местностям Грузии (*Бутырина 1934: 34*). Тем более что они жили на Южном Кавказе в тесных контактах с картвелами и находились под их непосредственным социокультурным влиянием. Делегаты, тем не менее, отклонили все уговоры о передаче территории с компактным осетинским населением под грузинскую юрисдикцию. В резолюции форума было сказано, что «окончательное решение вопроса самоопределения осетинского народа [следует] отложить до следующего съезда. <…> Войти в сношение с Северной Осетией по вопросу о самоопределении. Просить правительство Грузинской Демократической Республики, чтобы оно при выработке [своей] конституции вопрос о Юго-Осетии оставило открытым»[8]. Это заявление отнюдь не имело, как нам кажется, «про-» либо

[8] «ერთობა», 1918, 21 ივნისი. № 127.

«анти-» направленности. Основным посылом для участников съезда стала исключительно идея создания «единой» Осетии.

Идея объединения обеих Осетий в составе Грузии вновь всплыла в 1925 году (Тедеева 2012: 138-139). *Многие обстоятельства того дела все ещё покрыты густым туманом тайной интриги. Полагают, что негласным инициатором обращения осетинской верхушки по тому поводу был сам Сталин. Впрочем, эту инициативу особенно активно стал лоббировать его назначенец — «красный прокуратор» Закавказья Г. К. Орджоникидзе* (Умеренков 2006; Жирнов 2011: 56). *Собствено же грузинские круги без особого энтузиазма, крайне прохладно и насторожено встретили известие о проекте интеграции всей Осетии с Грузией. Они вполне понимали, что этот шаг существенно закрепил бы осетинский этнический контроль в Южной Осетии и резко усилил бы сам осетинский фактор внутри Грузии, для нивелирования и абсорбции которого картвелы не обладали в полной мере достаточными демографическими ресурсами. Назначенная же управлять Северным Кавказом партноменклатура (А. И. Микоян и др.), неожиданно для «кремлевского горца» заартачилась, и постановила, что «против объединения Северной и Южной Осетии не возражать, но признать целесообразным такое объединение лишь в случае перехода Южной Осетии из Закавказской Федерации в РСФСР»* (Архипова 2007: 201). *Таким образом, чаша весов по вопросу, куда входить объединённой Осетии, стала склоняться в сторону РСФСР. Но и такое решение было чревато рядом негативных последствий, например, возникновением внутрипартийной склоки, которая вполне могла бы стать детонатором очередной дестабилизации на Кавказе. Г. К. Орджоникидзе поспешил круто сменить свою риторику и уже полагал, что «более никчёмного и неосуществимого решения трудно придумать, а здесь [в Тифлисе] даётся пища для всякой болтовни о том, что Россия хочет отнять у Грузии Цхинвал»* (Орджоникидзе 1956: 63). *В итоге, генсек сам серьезно засомневался в политической целесообразности поднятой проблемы и резко свернул дискуссию на ту весьма щекотливую тему.*

Южные осетины настойчиво добивались более выгодного для себя политического статуса, чем им могла предложить грузинская сторона.

Во Владикавказ была направлена делегация IV ЮОНС, которой было поручено обсудить в практической плоскости вопрос будущего единства обеих частей осетинского народа. Более того, к главе германской дипломатической миссии в Тифлисе графу Ф. В. Шуленбургу, вскоре, обратилась уже единая осетинская делегация, которая просила немцев содействовать объединению Осетии под протекторатом кайзеровской Германии. Кроме всего прочего, вся Осетия, по словам участников той депутации, не возражала бы на федеративных началах войти в состав Грузии[9]. Та же сама крепко, казалось, находилась в орбите германского активного военно-дипломатического влияния. Дальнейшее развитие событий, однако, только подтвердило всю иллюзорность этого проекта.

Так как стратегический вопрос единства обеих частей осетинского народа не был разрешён, эсеры согласились предпринять шаги тактического характера в отношениях с официальным Тифлисом. Они, во-первых, предложили создать отдельный уезд на территории «Южной Осетии», во-вторых, потребовали гарантировать культурную автономию тем осетинам, которые жили в иных районах Грузии (*Плиев 1977: 148*). На пятом съезде южных осетин в Джаве (1918 г., август) была принята резолюция о признании ими власти грузинского правительства[10]. Сам же документ гласит: «Оставить Осетию в составе республики Грузии на принципах территориального самоопределения»[11]. Делегаты ожидали, что в качестве ответного жеста Тифлис официально подтвердит устные обещания своих эмиссаров «о широком самоуправлении осетин» (*Плиев 1977: 160*). Грузинский партийный официоз «Эртоба» (1918, 11 августа) не без радостных интонаций отмечал, что осетинские «националисты потеряли свой

---

[9] Хроника: Ходатайство осетин // «Кавказское слово», 1918, 15 июня. № 121.
[10] «საქართველოს რესპუბლიკა», 1918, 1 სექტემბერი. № 31.
[11] Օսեթիայի ինքնորոշումը//«Հորիզոն», 1918, 9 օգոստոսի: № 157.

[прежний] энтузиазм [и] утверждают, что они даже не думают об отделении от Грузии, а лишь требуют широкого самоуправления» (*Cory Welt 2014: 11*). Власти же ограничились лишь тем, что уступили в парламенте Грузии два кресла для осетинского национального представительства, которые в октябре 1918 г. были переданы аффилированным с правящей партией лицам[12]. Один из них, Георгий Гаглоев наряду с другим своим соплеменником — Сандро Фарниевым, в марте 1919 г. был включён в состав Учредительного собрания Грузии по списку социал-демократической партии. Было бы весьма сомнительно видеть их в таком качестве, если бы они не старались поддержать интересы правительства.

Позже, в своем обращении к представителям держав Антанты, руководство ЮОНС утверждало, что «Южная Осетия под давлением грузинско-германской вооруженной силы была вынуждена <…> временно и условно объединиться с Грузией на принципах широкой территориальной автономии. Теперь же, с приходом союзников на Кавказ, эта вооруженная угроза уже не существует. Южная Осетия на своем шестом конгрессе аннулирует решение, силой навязанное пятому конгрессу, и громко заявляет, что она составляет часть единой и неделимой Осетии и что она не желает объединения с Грузией» (Туаллагов 2019: 288*).*

Члены V ЮОНС (11 социал-демократов, 8 большевиков и 7 эсеров) в октябре 1918 г. настойчиво просили грузинское правительство дать определенный и однозначный ответ по вопросу создания «Южно-Осетинского уезда» (*Плиев 1977: 150*). Власти же Грузии, в свою очередь, ныне уже предлагали осетинам довольствоваться исключительно несколькими мелкими земскими единицами — «те́ми» (*Плиев 1977: 149*). Они соответствовали уровню лишь волостного самоуправления, которое в то время в массовом порядке внедрялось по всей Грузии. В Горийском уезде «те́ми» были образованы в 1919 году, в том числе и для крестьянских общин в «Горной

[12] «Հորիզոն», 1918, 20 հոկտեմբերի:

Осетии»[13]. Таким образом, центральные власти согласились лишь легализовать традиционные сообщества горцев-осетин, которые были бы интегрированы в грузинское государство с резко доминирующим картвельским этническим фактором.

6-ой съезд юго-осетин, собравшийся в Цхинвале (1918 г., декабрь), вновь поднял жгучий вопрос об институционализации для южных осетин отдельной административной единицы. Она должна была получить, по мнению делегатов, особый статус «округа» (*Плиев 1977: 151*).

Для справки: в качестве прецедента, скорее всего, послужил факт существования с 1843-го по 1859 год в пределах Тифлисской губернии отдельного Осетинского округа, который затем полностью был интегрирован в Горийский уезд (Крыжановская / Петрова 2012).

До решения этой злободневной проблемы участники съезда принципиальным образом отказались давать согласие и вводить земские муниципалитеты в «Южной Осетии». Они также вновь обратились к важной для них теме объединения северных и южных осетин[14]. Новый VI ЮОНС в большинстве своём был укомплектован уже из коммунистов (19 мандатов из 30-ти). Этот состав ЮОНС избрал местом размещения своей штаб-квартиры Цхинвал (*Плиев 1977: 152*).

По поводу решений 6-го съезда южных осетин развернулась острая политическая полемика. На собрании рабочих-осетин в Тифлисе заместитель председателя VI ЮОНС эсер Н. З. Джиоев настаивал, что «выделение Осетии в самостоятельный округ <…> является необходимым условием [дальнейшего] развития осетинского народа». Однако там же его оппонент из среды осетин-«меньшевиков» А. И. Фарниев, политик, наиболее близко примыкавший к верхушке правящей в Грузии партии, поставил тот же вопрос несколько иначе. Как заметил этот влиятельный социал-демократ,

[13] Земство в Осетии // «Борьба», 1919, 12 апреля. № 82.
[14] VI южно-осетинский съезд и насущные интересы осетинской демократии//«Борьба», 1919, 12 января. № 8.

«когда шестой южно-осетинский съезд выносит постановление о выделении Осетии в самостоятельный округ и одновременно выбирает делегатов для переговоров по вопросу об “организации объединенной власти южной Осетии с северной”, тогда требование выделения округа получает другой смысл, тогда выделение округа превращается в отделение Осетии»[15]. Отношение же грузинских политиков к «осетинскому вопросу» было неоднозначным. Круги из НДП, отличавшиеся этническим радикализмом, поправляли своих оппонентов. «В Грузии есть только осетины, а не Осетия, — инструктировал Григол Вешапели, — в Грузии можно говорить об осетинах, а не об Осетии»[16].

Центральные власти, напротив, старались занять более примирительную позицию. «Правительство Грузии, — пишет тбилисский автор, — рассматривало Осетинский национальный совет как полностью легитимную организацию и без колебаний сотрудничало с ней» (ჯანელიძე 2018a: 181). По устному соглашению грузинских властей и ЮОНС, администрация в «Горной Осетии» утверждалась горийским уездным комиссаром, однако кандидатов на замещение вакантных должностей выдвигала сама осетинская сторона. Пресса сообщала, что грузинские «комиссары в Осетии [имеется в виду ее южная часть — Б. М.] бездействуют, народ не оказывает им доверия»[17]. Большевики, искусно воспользовались создавшимся неоднозначным положением и, прикрываясь лозунгом самоопределения юго-осетин, в явочном порядке стали прибирать власть в свои руки в северных, нагорных районах Горийского уезда. ЮОНС, без ведома и разрешения горийской уездной администрации, отстранил правительственного комиссара «Горной Осетии» и самовольно назначил свою креатуру (*Плиев 1977: 153*). Более того, был

[15] Голос осетинских рабочих г. Тифлиса// «Борьба», 1919, 18 марта. № 61.
[16] «საქართველოს რესპუბლიკა», 1918, 27 აგვისტო. № 26.
[17] «Борьба», 1919, 22 января. № 16.

создан собственный, осетинский «временный чрезвычайный народный суд». Однако грузинская сторона, в свою очередь, не стала накалять ситуацию, тем более что лишь недавно возникшая республика в тот период переживала один из самых сложных этапов своей непростой истории. Он был связан с целой чередой вооруженных конфликтов в Лори-Ташире, в Сочи-Джикетии и в Самцхе-Месхетии. Оказавшись в форс-мажорной ситуации, правительство Грузии в большей степени стало проявлять признаки лавирования в «осетинском вопросе». Посредством своей прессы официальный Тифлис стал распространять информацию, что теперь он отнюдь не против институционализировать «Южную Осетию» в качестве единой земской единицы[18]. Это, по всем признакам, был определенный зондаж настроений в осетинской среде. В остальном же обещания властей продолжали оставаться весьма туманными и расплывчатыми. Осетины же приняли проект объединения с Грузией на этнотерриториальной основе, при условии децентрализации управления в населенном ими регионе. Эсеро-большевистский блок в ЮОНС шёл ещё дальше, и уже настаивал на политической (национальной) автономии южных осетин. Все осетинские течения, с тревогой сообщал тифлисский официоз, «кроме социал-демократов, стоят за автономию»[19].

Против осетинской автономии в Грузии, однако, категорически и решительно выступил практически весь спектр грузинских политических сил. В развернувшейся по этому поводу горячей дискуссии, с самого начала, особенно критически высказывалась влиятельная партия национал-демократов[20]. Один из членов её ЦК, депутат парламента Геронтий Кикодзе на страницах своей партийной прессы весьма жёстко комментировал политические инициативы ЮОНС. Так, он пишет: «Мы не знаем, где будет решён

[18] «Борьба», 1919, 28 февраля. № 47.
[19] «Борьба», 1919, 15 апреля. № 84.
[20] Осетинское движение//«Кавказское слово», 1919, 21 мая. № 96.

осетинский вопрос — в парламенте или на поле боя. Во всяком случае, несомненно, что этот вопрос — внутреннее дело Грузии. Наш государственный суверенитет [распространяется] на всю нашу историческую территорию. Осетины Джавского ущелья также живут на этой территории, как абхазы Сухумского округа или татары Борчалинского уезда. <…> Поэтому невозможно говорить об осетинской территориальной автономии. Тем более невозможно устройство отдельного осетинского государства, которое по плану джавских фантазёров должно быть федеративно связано с Грузинской республикой. Основание отдельного государства не такое уж лёгкое дело, как это представляется осетинским гуртовщикам. <…> И достаточно парламенту и правительству Грузии действительно “оставить открытым вопрос Южной Осетии”, как Джавское ущелье остро почувствует всё несчастье оставленной без присмотра первобытной общины»[21].

По сей день это весьма распространенная точка зрения в грузинском общественном дискурсе. Так, известный этнограф, профессор Роланд Топчишвили пишет: «Осетинский национальный совет обратился к правительству Грузии с просьбой предоставить осетинам автономию, но в ответ получил отказ. Историческая справедливость была на стороне грузинских властей: с какой стати Грузия должна была предоставлять автономию народу, переселившемуся всего каких–то два–три века назад с Северного Кавказа и никогда не имевшему на территории грузинского государства административного образования» (Топчишвили 2009: 232–233).

Дворянская интеллигенция, из числа которой была рекрутирована подавляющая часть правящего слоя в Грузинской демократической республике, постоянно диктовала свои настроения официальному Тифлису также в «осетинском вопросе». Правительство шло на их поводу и, судя по фактам, отстаивало сословные интересы картвельских дворян. Тем паче, что в случае создания осетинского самоуправления в

[21] ოსების საკითხი // «საქართველო», 1918, 23 ივნისი. № 124.

районах их компактного расселения, с землевладением грузинских помещиков не на словах, как в других регионах, а на деле, пожалуй, было бы покончено. Этого, конечно же, правительство дворянина Н. Жордания допустить никак не могло. В этом, а не в межэтническом антагонизме, на наш взгляд, содержалась истинная причина разногласий.

ЮОНС в феврале-марте 1919 года воспрепятствовал участию избирателей-осетин в выборной кампании «гласных» (депутатов) Горийского уездного земства[22]. Более того, «Юго-Осетинский Национальный Совет своим авторитетом и действиями подорвал авторитет правительства Грузии и тем самым помешал осуществлению в Южной Осетии выборов в Учредительное собрание Грузии»[23]. Таким образом, ЮОНС выбрал тактику всестороннего бойкота общегрузинских институтов, требуя от них, прежде урегулировать весьма каверзный вопрос политического статуса осетин в Грузии.

В Учредительном Собрании Грузии, в отличие от существовавшего в стране в октябре 1918 - феврале 1919 годов Парламента, не было предусмотрено особого представительства для уполномоченных от этнолингвистических групп, не принадлежащих к титульному населению. Это обстоятельство, по всей видимости, в свою очередь вызвало раздражение и нарекания в ЮОНС.

В контексте проблемы картвело-осетинских отношений, ЮОНС также намеренно избегал вести свою переписку с властями на государственном (грузинском) языке[24]. Правда, для этого осетинская сторона нашла благовидный предлог. «Южно-Осетинский Национальный Совет, — читаем в корреспонденции канцелярии правительства, — просит вас не отказать сделать распоряжение подведомственным учреждениям и должностным лицам о том, чтобы переписка с осетинскими обществами велась на русском языке, так как

[22] ოსეთის ეროვნული საბჭო // «ერთობა», 1919, 9 აპრილი. № 79.
[23] «ერთობა», 1919, 28 თებერვალი. № 47.
[24] «ერთობა», 1919, 15 მაისი. № 105.

знающих грузинский язык в учреждениях Осетии почти нет, а о содержании переводчиков за отсутствием средств не приходится и говорить»[25]. Используя последнее обстоятельство в качестве формальной уловки, радикалы из ЮОНС вообще отказывались выполнять различные распоряжения правительства Грузии[26]. Мало того, в апреле 1919 г. ЮОНС самым решительным образом воспрепятствовал набору рекрутов-осетин в ряды грузинской армии[27]. Его руководство также самовольно отстранило от работы ранее назначенных грузинскими властями «лесных стражников»[28] и строгонастрого запретило вывоз различных лесоматериалов из «Южной Осетии» (*Плиев 1977: 154-155, 159*). Ко всему прочему, высокогорные осетинские села, находившиеся в пределах Шорапанского уезда, стали самостоятельно и в явочном порядке объявлять о присоединении к соседней «Горной Осетии», которая сама теперь лишь формально находилась под юрисдикцией грузинских властей. Пресса сообщала, что в этих населенных осетинами нагорных районах «двоевластие и безвластие чувствуется на каждом шагу»[29].

Другое сообщение гласило, что «благодаря враждебной позиции, занятой осетинским национальным советом и выражающейся в непризнании распоряжений правительства, двоевластие в Осетии чувствуется с каждым днем все сильнее. Население не знает к кому обращаться. Когда национальному совету это выгодно, он направляет население к правительству. Так, например, администрации, милиции и учителям было предложено за жалованием обращаться к правительству. Между тем, все эти лица подчиняются исключительно одному осетинскому нац. совету»[30].

---

[25] ЦГИАГ. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 355. Л. 3.
[26] Хроника: грузинский язык// «Кавказское слово», 1919, 29 апреля. № 78.
[27] Հարավային Օսեթիայում // «Աշխատավոր», 1919, 29 ապրիլի: № 82.
[28] Хроника: леса в горной Осетии // «Закавказское слово», 1919, 15 марта. № 45.
[29] «Борьба», 1919, 28 февраля. № 47.
[30] В Осетии // «Борьба», 1919, 15 апреля. № 84.

Камнем преткновения стал также вопрос разоружения осетинского населения. В «цхинвальском регионе» сложилась довольно скверная ситуация. По словам грузинского силовика, «осетины упорно не сдают оружия. <…> Вся вооружённая молодёжь ушла в леса и горы» (*Джугели 1920: 46*). На тревожные запросы грузинских властей ЮОНС лукаво отвечал, что «до революции [1917 года] правительство не смогло добиться [всеобщего и полного] разоружения осетин, а ныне, когда население поголовно вооружено, [тем паче] сложно будет его разоружить»[31]. На этом фоне лидеры НДП настаивали на крутых мерах против дерзких осетин. Власти, тем не менее, возражали им и проявляли сдержанность в этом вопросе. Вместе с тем они прозрачно намекали, что и их терпение не безгранично. На страницах «Эртобы» появилось многозначительное предупреждение: «Осетинское восстание опасно для республики Грузия, но оно ещё более опасно для самих осетин»[32]. Съезд же южных осетин настоятельно просил правительство воздержаться от попыток разоружить население и, в целом, предлагал оставить этот вопрос пока открытым (*Cory Welt 2014: 11*). Тем более что обращения осетин к властям Грузии не носили непримиримого характера. Однако в итоге официальный Тифлис всё же не оказался способен политическими методами обеспечить себе устойчивый контроль над районами с гомогенным осетинским населением. В этом важном для дальнейших судеб своей страны вопросе он потерпел, безусловно, полное фиаско.

Документ, рассмотренный в ЦК правящей СДРП Грузии, более чем сухо констатировал, что юго-осетинский «совет присвоил себе функции государственной власти, не хочет признавать ни администраторов, назначенных государством и земством, ни судей, выбранных земством, противится сбору

[31] Ou ժողովրդի զինաթափման շուրջը//«Հորիզոն», 1918, 13 սեպտեմբերի: № 184.

[32] ნაციონალ-დემოკრატების შეკითხვა და ოსები // «ერთობა», 1918, 4 აგვისტო. № 164.

налогов, установленных во всем государстве, и вообще не признает ни одного государственного акта» (*Плиев 1977: 166*). Другой источник рисовал создавшееся для искомых интересов грузинской стороны положение, куда более мрачными тонами. «Южная Осетия в действительности отпала от Грузии и не подчиняется её правительству. Вся власть в этом крае сосредоточена в руках осетинского национального совета, распоряжающегося как в [своём] собственном государстве»[33].

«Автономизация» Абхазии («Акт» от 20 марта 1919 г.) в составе Грузинской демократической республики послужила наглядным примером и для ЮОНС. Он в одностороннем порядке постановил (31 марта 1919 г.) созвать путем всеобщих, прямых, равных и тайных выборов свой — аналогичный абхазскому — юго-осетинский «Народный Совет»[34]. Однако, в Абхазии этот орган был образован с согласия и на основе решений правительства и парламента Грузии. Своим же сепаратным актом ЮОНС, являясь по своему формальному статусу лишь сугубо общественной организацией, грубо вторгся в сферу компетенции центральных властей республики. «Противоправные действия Юго-Осетинского Национального Совета за последнее время приняли широкий характер. Совет отбросил в сторону распоряжения нашего правительства, из которых некоторые даже проведены в жизнь, и пожелал забрать в свои руки все права»[35], – досадливо сетовали на страницах проправительственной прессы. Грузинская сторона обвинила ЮОНС в намерении явочным порядком наделить «Народный Совет» функцией собственного «учредительного собрания», которому, пожалуй, уже вменялось в обязанность определить правовое положение южных осетин в Грузии. Впрочем, по линии МВД Грузии, уездным властям была дана команда, решительно пресечь

[33] «Кавказское слово», 1919, 26 марта. № 54.
[34] Созыв народного совета Южной Осетии//«Кавказское слово», 1919, 10 апреля. № 66.
[35] «ერთობა», 1919, 5 ივნისი. № 122.

всякую работу по организации осетинских сепаратных выборов. Заместитель министра МВД Пармен Чичинадзе в официальном заявлении утверждал, что искомые выборы организованы «с очевидной целью придать этому учреждению [то есть «Народному Совету» — Б. М.] характер публичной организации, имеющей определить юридически-правовое положение южной Осетии в составе республики Грузии, каковая деятельность осетинского национального совета должна почитаться нарушением прав Учредительного собрания республики»[36]. Кроме того, против членов ЮОНС было начато уголовное преследование, за многочисленные и дерзкие отказы выполнять распоряжения центральных и местных грузинских властей[37]. В Тифлисе был задержан зампред ЮОНС Н. З. Джиоев[38]. Наконец, в апреле 1919-го МВД Грузии издало распоряжение о роспуске VI ЮОНС (*Цховребов /Санакоев 1981: 202*).

Надо сказать, что указанные выше многие красноречивые факты были обойдены вниманием со стороны ряда именитых авторов. Так, осетинский историк пишет, что «с декабря 1918 года, с VI съезда осетинского народа, и до мая 1919 года в Южной Осетии не было сколько-нибудь заметных общественно-политических событий, которые бы раздражали грузинские власти» (*Блиев 2006: 350*). Отсутствие в тот период видимой реакции со стороны официального Тифлиса на действия радикалов из ЮОНС, напомним, прежде всего, было связано с общей напряженной военно-политической ситуацией, и, следовательно, желанием избежать издержек, суливших очередной острый конфликт.

Генералу С. Г. Каралашвили в мае 1919 г. было поручено решительно покончить с постоянным брожением в осетинских районах, на севере Горийского уезда. Когда правительственные войска под его командованием вступили в Цхинвал,

[36] В Южной Осетии// «Кавказское слово», 1919, 29 апреля. № 78.
[37] В Южной Осетии// «Кавказское слово», 1919, 21 мая. № 96.
[38] Хроника// «Кавказское слово», 1919, 17 мая. № 93.

наиболее радикальная часть членов ЮОНС благоразумно предпочла на время исчезнуть из поля зрения властей (*Плиев 1977: 158; Воспоминания 1957: 96*). Дабы подкрепить административное воздействие мерами политического характера, ЦК правящей СДРПГ поспешил задействовать свой идеологический ресурс. В Гори была спешно созвана конференция осетин-«меньшевиков». Её участники постановили создать экстерриториальный Осетинский комитет СДРПГ, куда вошли главным образом представители от Тифлиса, Гори и Цхинвала (*Плиев 1977: 205*). Осетины, члены СДРПГ, публично признали свой прежний демонстративный выход из состава ЮОНС глубоко ошибочным и крайне вредным, так как ими был потерян важный инструмент влияния на соплеменников[39]. Они также решили, что «принимая во внимание создавшееся положение, первая конференция южно-осетинской организации грузинской социал-демократической рабочей партии отказывается от бойкота и считает неизбежной необходимость принять горячее участие в новых выборах <…> осетинского национального совета и выступить с отдельным списком»[40]. Однако состязание за контроль над ЮОНС было непростой задачей для осетин-«меньшевиков». Они обладали влиянием главным образом на грузиноязычных соплеменников, этническая идентичность которых уже находилась под определенным сомнением. Кроме того, те расселены были дисперсно, вне районов с гомогенным осетинским населением. Тогда как эсеро-большевистский актив, напротив, в своём большинстве опирался на сохранившие в полной мере своё собственное этническое лицо осетинские элементы из «Горной Осетии».

Власти в мае 1919 года, не мешкая сами созвали в Цхинвале 7-ой юго-осетинский съезд, на котором присутствовали как генерал С. Г. Каралашвили, так и горийский уездный комиссар И. Е. Карцивадзе. В своем выступлении перед 60-ю

[39] ოსეთის ეროვნული საბჭო //«ერთობა», 1919, 9 აპრილი. № 79.

[40] ს[ოციალ]-დემ[ოკრატიულ] პარტიაში//«ერთობა», 1919, 7 მაისი. № 98.

делегатами-осетинами последний признал создавшееся в уезде положение нетерпимым для грузинских властей и без обиняков назвал его «двоевластием», а также призвал пересмотреть все прежние решения ЮОНС в смысле укрепления всесторонних связей осетин с Грузией. Таким образом, правительство пыталось консолидировать свою власть в неспокойном регионе. Однако, вопреки всем ожиданиям грузинских функционеров, резолюция съезда все же признала необходимым созыв юго-осетинского «Народного Совета»[41]. Грузинская сторона, конечно же, посчитала за благо закрыть глаза на этот раздел документа, так как все же выиграла по части главного вопроса. Участники съезда, как, пожалуй, более умеренная часть осетинского политического спектра, принципиальным образом подтвердили принадлежность к Грузии региона «Южной Осетии». Взамен, правда, они пытались, как и прежде, выговорить для себя особые политические условия[42].

Картвельские националисты, которые были крайне раздосадованы очередными демаршами ЮОНС, утверждали на страницах своей прессы (см.: «Сакартвело», 1919, № 114), что какой бы состав не имел «осетинский национальный совет, [он] продолжит свою прежнюю линию и наше

[41] Она гласила, что «выслушав доклад уездного комиссара Карцивадзе 7-ой съезд делегатов южной Осетии относится отрицательно к деятельности 6-го национального совета, идущей вразрез, как с резолюцией 5-го Джавского съезда о присоединении южной Осетии к Грузии на основе широкого территориального самоуправления, так и с распоряжениями правительства Грузинской Демократической Республики, и выбирает временно, до созыва народного совета на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, новый “Национальный Совет”» (В Грузии: в южной Осетии//«Борьба», 1919, 16 июля. № 156).

[42] В документе сказано, что «7[-й] съезд делегатов Ю[жной] Осетии, признавая, что по вопросу об отношении с Грузинской Демократической Республикой воля южно-осетинского народа в полной мере выразилась в резолюции, принятой на 5-м съезде Южной Осетии, ещё раз подтверждает означенную резолюцию и поручает национальному совету, солидарно с Учр. Собр. Грузии, осуществить национально-территориальное самоуправление Южной Осетии» (Հարավային Օսեթիայում//«Աշխատավոր», 1919, 11 հունիսի: № 114.).

правительство вместо того, чтобы ожидать от него деклараций о добрососедстве, лучше бы вместо разговоров с ним печатным словом, обратилось бы к языку силы и заставило его, пока ещё не поздно, отказаться от новых авантюр»[43]. Хотя грузинские политические круги, напомним, самым решительным образом высказывались против самой идеи политической автономии осетин в Грузии, правящая партия социал-демократов комплексное решение проблемы видело на путях внедрения в стране кантонального самоуправления.

В качестве примера для своего местного, регионального самоуправления социал-демократические власти Грузии избрали швейцарскую кантональную структуру. Была декларирована передача уездным земским муниципалитетам (груз. «эроба») значительной доли властных функций на местах, а именно непосредственное руководство деятельностью правоохранительных, образовательных, медицинских и рядом других важных учреждений. Поиск адекватных форм управления, упирался в проблему оптимального сочетания принципов централизма и регионализации. Тем не менее, надо видеть существенную разницу между декларативными заявлениями и действительным положением дел на тот момент времени. Широкое самоуправление отнюдь не могло предполагать статуса политической автономии.

В июне 1919-го ЮОНС VII созыва представил в Учредительное собрание Грузии проект создания на территории «Южной Осетии» отдельного «кантона» (*Туаллагов 2019: 291*). ЮОНС в октябре 1919 г. письменно обратился к правительству Грузии, с просьбой, наконец, обсудить уже наболевшую проблему институционализации самоуправления южных осетин (*Плиев 1977: 164*). Депутаты УС, рассмотрев этот документ (1920 г., февраль), признали его содержание как далеко выходящее за рамки их взглядов на местное самоуправление[44]. Практическая реализация предложений VII

[43] Վրաց կյանք //«Աշխատավոր», 1919, 10 հունիսի: № 113.

[44] Современные осетинские авторы несколько иначе излагают те события. По их мнению, комиссия правительства Грузии в июле 1919 г. якобы согласилась с проектом создания отдельного осетинского уезда с центром в Джаве. Он

ЮОНС, по мнению грузинских законодателей, привела бы к созданию на территории Грузии, ни много ни мало, еще одного, фактически самостоятельного государства (*Плиев 1977: 163*).

Дабы прояснить все возникшие недомолвки, в Тифлис выезжали уполномоченные ЮОНС[45]. Там же, без излишних обиняков, советовали им, прежде всего, сосредоточиться на развитии национальной культуры (*Cory Welt 2014: 14*). Впрочем, по постановлению правительства Грузии под патронажем министерства юстиции была создана особая комиссия по разработке законопроекта по введению земства в «Южной Осетии»[46].

*В состав указанной комиссии наряду с чиновниками вошли также именитые профессора Грузинского государственного университета Э. Такайшвили и И. Джавахишвили[47]. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, придало ситуации несколько пикантный характер, так как они, безусловно являясь выдающимися представителями грузинского интеллектуального сообщества, несомненно, также внесли свою немалую лепту в формирование исторической базы картвельского этнонационализма. Хорошо известно, что грузинские фундаментальные традиционалисты наотрез не признают никаких исторических, а, следовательно, и политических прав осетин в «Южной Осетии». Для обозначения её территории они выдвинули собственный термин — «Самачабло», ссылаясь на то, что крупная часть этого региона некогда находилась под властью и принадлежала грузинским феодалам из клана князей Мачабели (*Daushvili /Janelidze 2019: 7).

должен был быть образован путем сложения периферийных частей Горийского, Шорапанского и Рачинского уездов. Однако власти намерены были включить в него лишь четыре из десяти осетинских волостей, остальные были объявлены ими спорными. После чего, осетинская «делегация это сочла насмешкой над народом, подала соответствующий меморандум и уехала» из Тифлиса (Дзидзоев / Дзугаев 2007: 74-75).

[45] Օսեթիայի պատվիրակությունը կառավարության մոտ // «Աշխատավոր», 1919, 2 հուլիսի: № 131.

[46] Хроника: Земство в Ю. Осетии// «Кавказское слово», 1919, 17 июля. № 142.

[47] Тифлисская жизнь// «Борьба», 1919, 30 июля. № 168.

Комиссия, увы, не смогла согласовать даже географический охват осетинского самоуправления, не говоря уже о его сути. Грузины подозревали, что автономия осетинам нужна была лишь как промежуточный итог, инструмент для реализации давно вынашиваемой ими «ирредентистской» идеи. Обе стороны, в конечном итоге, не нашли взаимопонимания в выборе оптимальной формы разумного компромисса. Они, короче, упустили удобный шанс договориться на приемлемых условиях, в столь архисложном вопросе как самоопределение осетин в Грузии.

Аргументы грузинской стороны в этом чрезвычайно важном для неё предмете, пожалуй, всегда были неизменными. Мнение, высказанное в 1921 году главой НКВД Советской Грузии, в общих чертах лишь повторяло, полагаем, уже сформулированную прежде позицию «меньшевистских» властей этой кавказской республики. «Выделение Южной Осетии в отдельную административную единицу с правом уезда, — сообщает высокопоставленный коммунистический функционер, — после детального изучения этого вопроса народный комиссариат внутренних дел считает невозможным по географическим и экономическим соображениям. Южная Осетия как целостная географическая единица не существует. Есть лишь отдельные районы, заселенные осетинами. Эти районы не связаны друг с другом ни географически, ни экономически. <…> Эти районы отделены друг от друга непроходимыми горами» (*Осетины 2015: 240*). Надо заметить, однако, что осетинская сторона, в свою очередь, всегда находила отстаиваемую грузинскими властями эту точку зрения тенденциозной и надуманной.

Лояльный к официальному Тифлису осетинский деятель Г. А. Гаглоев все же пытался убедить власти в том, что с «введением в [южной] Осетии самостоятельного уездного земства положен будет конец анархии, и население с доверием будет относиться к Грузинской демократической республике.

Тогда не будет почвы всяким авантюристам»[48]. Под «авантюристами», без всякого сомнения, он подразумевал большевиков, которые прилагали постоянные усилия для дестабилизации «цхинвальского региона». Эта горная местность с ее поголовно вооруженным населением, представлялась радикалам вполне подходящей для создания здесь своей «революционной» базы. Вопрос же самоопределения осетин для коммунистов предполагал всего лишь вспомогательную, утилитарную роль.

Негласный тандем юго-осетинских большевиков (т. н. «керменисты») и эсеров, который функционировал в период с III по VI ЮОНС, прежде всего, преследовал лишь тактические цели, а посему имел лишь временный характер. Коммунисты-осетины полностью следовали в фарватере политики РКП(б), которая имела своей конечной целью ликвидацию «меньшевистского» правительства Грузии. Эсеры же, напротив, главной своей политической задачей видели скорейшее разрешение вопроса национального самоопределения южных осетин. Недостаточно гибкая, по мнению осетин, позиция грузинских властей заставила группу эсеров, ранее входивших в VI ЮОНС, обратиться в миссии стран Антанты в Тифлисе с просьбой установить свой «протекторат» над Осетией.

В своем меморандуме они настаивали, что «Осетия должна быть в политическом отношении неделимой. В случае, если русский вопрос будет разрешен на мирной конференции путем перестройки России по принципу федерации, Осетия, <…> вполне рассчитывая на независимое существование в форме федеральной единицы, желает войти как таковая в российское государственное образование. Если же Кавказ оставляется одной из стран-союзниц, Осетия желает без посредников войти, также <…> в сферу влияния этой союзной державы. В случае, если союзники найдут необходимым изменить контуры политического объединения народов Кавказа, единая Осетия в силу исторических и экономических условий должна быть включена в северокавказское

[48] Земство в Осетии // «Борьба», 1919, 12 апреля. № 82.

*образование. В ожидании решения мирной конференции о судьбе осетинского народа, Осетия, в особенности Южная, принимает во внимание свое исключительное политическое положение, считает необходимым в целях защиты своей самостоятельности от грузинских посягательств, просить союзные державы взять ее под свое покровительство. <…> В случае, если союзники не примут просьбу о протекторате, Южная Осетия считает необходимым войти в Северо-Кавказскую республику» (*Захаров 2010: 128–129).

Однако этот демарш, который, не исключено, преследовал также намерение оказать давление на официальный Тифлис, не возымел должного эффекта и остался без каких-либо видимых последствий.

Грузинские военные, которые в мае 1919 г. заняли все ключевые и стратегические пункты в «цхинвальском регионе», казалось, полностью владели обстановкой. Эти превентивные меры должны были, по мнению властей, предотвратить и подавить очаги возможного осетинского сопротивления. Последовавшее затем воссоздание ЮОНС с лояльным к правительству Грузии его большинством, превратно было истолковано в Тифлисе как кардинальное решение уже достаточно наболевшей проблемы. Правительственные войска, после ликвидации глубокой осенью 1919 г. очередного просоветского мятежа, по не вполне понятным сегодня причинам, в январе 1920 г. частично были выведены из региона (*Воспоминаня 1957: 26, 114*). Вероятно, это было сделано по просьбе ЮОНС, которую поддержал горийский уездный комиссар И. Е. Карцивадзе[49]. Как показали последующие события, это был более чем поспешный и опрометчивый шаг. Осетины оставались замкнутым, крайне подозрительно настроенным по отношению к официальному Тифлису сообществом, которое предпочитало полагаться на свои собственные параллельные структуры. Кроме того, из-за политических ошибок властей «в Южной Осетии резко упал

[49] სამხრეთ ოსეთის საკითხის გამო ბატონ ქარცივაძის დეპეშა// «საქართველოს რესპუბლიკა», 1919, 17 ივლისი, № 156.

авторитет и влияние Национального Совета, стоявшего на рациональных и умеренных позициях. В противовес ему стал набирать силу радикальный Реввоенсовет, выступивший с позиций борьбы за установление советской власти и немедленного союза с РСФСР» (*Санакоев 2004: 31*). Таким образом, в районах с осетинским населением вновь возник значительный вакуум власти, которым немедля воспользовались экстремисты, ловко сочетавшие резкость социальной критики с несбыточными посулами. В условиях политического бессилия подконтрольного официальному Тифлису последнего состава ЮОНС, местные ячейки компартии стали единственным центром притяжения наиболее радикально настроенных элементов из числа южных осетин. Нестабильность, как правило, приобрела в этом регионе хронический характер.

Во Владикавказе в конце апреля 1920 г., в очередной раз был рассмотрен вопрос «Об объединении Южной и Северной Осетии». Состоялась договоренность об их воссоединении «по культурно-экономическим соображениям». Как утверждает современный автор, осетинские деятели «хорошо понимали, что они действуют не только в интересах своего народа, но и Советской России, от которой ждали поддержки» (*Блиев 2006: 360*). Ирредентистские настроения, теперь подпитываемые уже большевиками, пользовались определенной популярностью у местного населения. Компартия ловко увязала вопрос самоопределения южных осетин с идеей советизации их региона. Ее функционеры пошли на этот шаг исходя из своих тактических соображений, так как иначе сложно было бы убедить осетин в необходимости передачи власти коммунистам. Таким образом, неудача урегулирования политическими средствами «осетинского вопроса» в Грузии бросила массы осетин в объятия большевизма, который стал существенным фактором их этнической мобилизации. Словом, осетинский национализм, который находился в зачаточном состоянии, тогда был удачно абсорбирован в рамках советской идеи.

Эсеры-осетины были самыми преданными и последовательными сторонниками территориального самоопределения своих соплеменников. Однако они отнюдь не приветствовали призывы коммунистов к вооруженному сопротивлению грузинским властям. Как следствие, существовавший между ними и большевиками тактический альянс был разорван, а сотрудничество приостановлено. Впрочем, грузинская сторона заранее предупреждала (см.: газ. «Эртоба», 1918, № 69), что «осетинские интеллигенты должны осознать – противопоставление грузин и осетин не только будет опасно для грузин, [оно] тем более будет буквальной катастрофой для [самих] осетин»[50]. Осетинская национальная интеллигенция, в среде которой было сильно влияние партии эсеров, не присоединилась к большевистским акциям (*Воспоминания 1957: 84*).

На консультациях в Сан-Ремо в апреле 1920 г. потерпела неудачу посредническая миссия британского дипломата Роберта Ванситарта, которому было поручено добиться от Тифлиса, Баку и Еревана согласованных действий. Это фиаско послужило сигналом для начала интервенции армии РСФСР в Закавказье. В первых числах мая 1920 г. силы РККА, как известно, попытались проникнуть на территорию Грузии. Но блицкрига у Г. К. Орджоникидзе не получилось. Вторжение было плохо подготовлено и быстро захлебнулось. Вскоре политбюро ЦК РКП(б) решило особое внимание уделить советско-польскому фронту, перебросив туда часть своих войск с Кавказа. В. И. Ленин телеграммой предупредил Г. К. Орджоникидзе: «ЦК обязывает Вас отвести части [РККА] из пределов Грузии к границе и воздержаться от [дальнейшего] наступления» (*Ленин 1970: 191*). Это указание предшествовало подписанию 7 мая 1920 года «мирного договора» между Россией и Грузией. Хотя соглашение было заключено, но Кремль придавал ему мало значения и даже не скрывал этого.

[50] Օսերի շարժումը//«Հորիզոն», 1918, 29 մարտի: № 66.

В своём послании Сталин дал понять Г. К. Орджоникидзе, что это временная уловка (*Муханов 2019б: 128*). Свою миссию большевистская верхушка видела в повсеместном и тотальном насаждении собственной власти под соусом «коммунизма». Таким образом, «упёртые» коммунисты из Кавказского краевого комитета РКП(б), не теряли надежды, что им удастся сходу овладеть «страной золотого руна». Это соответствовало общим настроениям маленькой кучки грузинских большевиков, к тому же густо приправленной примкнувшими к ним тифлисскими армянами, смутно представлявшими себе хитросплетения догматов ленинизма, однако верными русофильству. Ими прилагался максимум усилий для реализации сталинской политической линии, которая была более чем конкретной: любой ценой захватить власть в Тифлисе (*Квашонкин 1997: 168-169*).

*В отличие от Ленина и Троцкого, которые с оглядкой на страны Антанты до поры до времени предпочитали не форсировать советизацию Грузии, современник тех событий называет Орджоникидзе и Кирова, «"военной партией", предполагавшей расправиться с Грузией без тактических соображений» (*Хундадзе 1920: 36*). Едва ли не в приказном тоне они цинично рекомендовали членам Политбюро: «С Грузией никаких разговоров не ведите. С Грузией будет то же, что с Азербайджаном, в самое ближайшее время» (*Жирнов 2005: 62*). Подобный боевой настрой вызывал у Сталина, закулисного инициатора самого жёсткого военно-политического давления на Грузию, полное одобрение и поддержку. Помимо этого, он не исключал использовать в предстоящей её аннексии турецкий фактор, ранее так успешно зарекомендовавший себя в роли тарана против Армении и передачи её остатков под протекторат РСФСР. «По моему, — размышлял Сталин, — одна из лучших комбинаций — успешная война Турции с Грузией, которая даст России возможность вмешаться в качестве посредницы и избавительницы» (*Муханов 2019б: 149*). По части цинизма советские вожди кому угодно могли дать сто очков вперед. Однако в Кремле нашли более благоразумным отказаться от этого опрометчивого плана, так как была крайне велика опасность, что турецкая сторона,*

завладев Батумом будет оспаривать его в ущерб геополитическим интересам Москвы.

Г. К. Орджоникидзе, даже вопреки настроениям Кремля и невзирая на приказ об отсрочке, решил действовать нахрапом. Он дал распоряжение напирать через Осетию на Горийский уезд (*Туаллагов 2019: 296*). Кроме того, негласно было решено форсировать выступление южных осетин, с очевидной целью использовать их движение за национальное самоопределение в своих «революционных» целях. В Рокский район «Горной Осетии» были командированы эмиссары крайкома РКП(б) с задачей его советизировать. Сюда же из Владикавказа по горным тропам была переброшена «осетинская бригада», крупный парамилитарный отряд коммунистических инсургентов партизанского типа (*Воспоминания 1957: 97*). Он, пользуясь элементом внезапности и малочисленностью развёрнутых здесь полицейских сил, быстро овладел всем «цхинвальским регионом». Ревком же Юго-Осетии, уже из Цхинвала, с оглядкой на Москву и ошибочно предполагая её военную поддержку, поспешил объявить о присоединении этой территории к РСФСР (*Saparov 2010: 105*). Эти меры, а также приграничные провокации, теперь уже организованные за ширмой «Красного Азербайджана», вкупе с тотальным топливным эмбарго, в полной мере продемонстрировали арсенал «гибридной войны», которая была развязана советским режимом против Грузии (*Джаббаров 2016*).

Стремление грузинских и осетинских коммунистов советизировать свою страну, разумеется, в значительной степени было основано на заветном желании приобщиться к когорте власть имущих, получить высокие посты местных руководителей. Это были не только «старые революционеры», ставшие вскоре циничной и самодовольной номенклатурой. Это была также мощная волна рвавшихся к выгодным должностям нахрапистых карьеристов, наскоро перекрасившихся в пламенных коммунистов.

*К плеяде большевистских функционеров, которые опираясь на чужие штыки, наконец, в 1921 году удобно уселись в мягкие кресла руководителей советизированной Грузии, принадлежал также член ЦК компартии и нарком земледелия Саша Гегечкори. Этот хозяин «новой» жизни, тем не менее, «покончил жизнь самоубийством, когда дошел до того, что, растратив миллионные народные средства, не смог в них отчитаться и должен был бы предстать перед судом» (*Думбадзе 1930: 93*). Не менее вольготно чувствовала себя захватившая власть в соседнем Азербайджане коммунистическая верхушка, где члены местного Совнаркома и ЦК компартии присваивали конфискованные золотые изделия и ювелирные бриллианты, одаривали своих жён и любовниц награбленными драгоценностями (*Баберовски 2010: 165*).*

Мало кто тогда мог трезво разобраться в сути той реальности, которая скрывалась за насквозь лживой, но внешне вполне убедительной коммунистической фразеологией. Однако ложная репутация людей из партии Ленина, якобы преданных идеалам справедливости и социального равноправия, формировала положительный имидж переворота в глазах части населения. Однако суть последнего от этого, увы, не менялась.

По замыслу кавказской верхушки большевиков, «осетинский мятеж» был не чем иным, как ширмой для красных интервентов, пытавшихся тогда прощупать штыком прочность режима меньшевиков. Он был всего лишь прелюдией к основным событиям, призванным, в конечном итоге, расчистить дорогу к власти для грузинских коммунистов. Было намерение прежде всего установить советский режим в районах со смешанным картвело-осетинским населением «от Они до Душета» (*Воспоминания 1957: 98*). Однако это выступление не было поддержано, как очень надеялись большевики, во внутренних районах Грузии. Таким образом, не могло быть и речи о немедленной перспективе коммунистического переворота в Грузии. Расчет на такой ход событий оказался ничем не оправданным волюнтаризмом. То, что затевалось как авантюра, было просто обречено на поражение. Более

того, правительство Ленина отказалось от прямой вооружённой помощи южным осетинам. Возможно, Москва остерегалась вмешательства в события находившегося тогда в Батуме контингента войск Антанты. В момент наивысшего напряжения сил в вооруженной борьбе с Польшей и крымской армией барона П. Врангеля это было чревато вытеснением скудных сил РККА из Азербайджана. В итоге Кремль на время воздержался от насильственной советизации Грузии, тем паче, что самое ценное — бакинская нефть — была уже в его руках[51].

Кроме того, следует признать, что спровоцированное компартией выступление осетин стало также своего рода удачной и ко времени организованной диверсией в грузинском тылу. Известие о масштабах мятежа заставило власти Грузии неожиданно сдержанно отнестись к советизации Азербайджана. Чуть позже, в ходе вооруженной конфронтации в грузино-азербайджанском приграничье, форсированные атаки мизерных советских войск бесславно захлебнулись (*Рахманзаде* 2013: 97).

Главком грузинской армии Квинитадзе, уже заканчивавший боевые приготовления для удара в направлении Гянджи, получил строгий приказ отвести свои войска на исходные рубежи. Несмотря на отчаянные попытки генерала убедить премьера Жордания оказать силовое давление на позиции РККА в Азербайджане, последний, напротив, настоял на скорейшем мирном соглашении с Кремлём. Предназначенные же для помощи антикоммунистическим силам в Азербайджане грузинские батальоны, спешно были развернуты против осетинских инсургентов (*Квинитадзе 1985: 188-190*). Москва, тем не менее, поторопилась по этому поводу выступить с резким демаршем. Глава НКИД заявил, что «мы с тревогой узнали, что в Южную Осетию, где провозглашена

[51] В связи с вопросом контроля над источниками топлива на Кавказе, Ленин поспешил отдать Г. К. Орджоникидзе предельно жёсткую директиву: «Нам до зарезу нужна нефть, обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефтяные промыслы» (Квашонкин 1997: 165).

советская республика, направлены для уничтожения таковой грузинские войска. Мы настаиваем, если это верно, отозвать свои войска из Осетии, но считаем, что Осетия должна иметь у себя ту власть, которую она хочет. Вмешательство Грузии в дела Осетии было бы ничем не оправданным вмешательством в чужие дела» (*Кучиев 2011: 136; Туаллагов 2019: 297*). Казус, однако, заключался в том, что Кремль накануне событий уже успел признать мятежный регион «Южной Осетии» под общей юрисдикцией властей Грузии. Таким образом, цитируемый документ демонстрирует отнюдь не миротворческие намерения советской дипломатии, а, напротив, её лицемерие и коварство. В решающий момент власти РСФСР ничего, кроме своей моральной поддержки опекаемым ими мятежникам не выразили.

Современные авторы полагают, что, тем не менее, «югоосетинская атака на меньшевистское правительство Н. Н. Жордания в любом случае [должна была] его ослабить, что в целом [было] выгодно [РКП(б)], в интересах борьбы за большевистский контроль над Грузией» (*Дзидзоев/Дзугаев 2007: 78*). Таким образом, движение южных осетин было ловко использовано большевистскими функционерами и поставлено на службу коммунистическому режиму, который искусно играл на национальном вопросе. Инсургенты же оказались предоставлены сами себе. Брошенные на баррикады южные осетины были предсказуемо зажаты между грузинским «меньшевистским» молотом и русской «большевистской» наковальней. События в населенном ими турбулентном регионе стали развиваться с пугающей скоростью и в короткий срок привели к драматической развязке лета 1920 года, которая вошла чёрной страницей в историю первой грузинской республики.

Ксенофобы, увы, заранее приложили немало усилий, чтобы создать устойчивый образ врага в лице осетин. Очередной их мятеж, разумеется, лишь способствовал усилению антиосетинского синдрома. После чего ситуация стала стреми-

тельно и неуклонно деградировать. Социал-демократический официоз настаивал, что «должны быть употреблены решительные меры, чтобы эта пограничная область не служила бы более источником анархических вспышек, не делалась базой для нападения на [нашу] республику»[52]. Эти обвинения отнюдь не всегда были голословными. Провокации местных коммунистов, которые на всё это вряд ли отважились бы без санкции Москвы, разумеется, дали карт-бланш в руки тем кругам в Тифлисе, кто выступал за жёсткий курс.

«Правительство обязано, — читаем на страницах прессы, — твёрдой и решительной рукой обуздать навсегда джавских повстанцев, чтобы впредь создать устойчивое и надёжное положение в направлении Рокского перевала и устранить возможность предательских нападений»[53]. Армия же оказалась достаточно сильной, чтобы захватить мятежный регион — и слишком слабой, чтобы его контролировать. Власти уже убедились, что не имеют ресурсов для эффективного полицейского надзора над осетинским населением. Им показалось, что проще прогнать потенциально нелояльных жителей, а в долгосрочной перспективе изменить демографический баланс в пользу титульных картвелов[54]. Таким образом, пацифистский взгляд далеко не всегда применим к событиям прошлого.

Высланные против инсургентов силы, огнём и мечом прошли по мятежным селениям. Это заставило оказавшихся в гуще событий осетин, в спешке искать убежище в РСФСР. Те трагические дни достаточно многократно описаны в литературе (*Сиукаев 1994: 8; Кочетков 2009: 37-39; Дзидзоев 2012: 157-163; Муханов 2019а: 488-499*). Добавить нам тут нечего. Мы, однако, не можем согласиться с поспешным утверждением, что давний «социальный конфликт перерос в этнический антагонизм» между двумя соседними народами (*Saparov*

[52] «Борьба», 1920, 11 июня. № 129.
[53] «Борьба», 1920, 12 июня. № 130.
[54] ოსეთის მდგომარეობა//«საქართველოს რესპუბლიკა», 1920, 3 აგვისტო. № 172.

2010: 109). Заметим, что в рядах грузинских сил, которые были задействованы в ходе той силовой акции, находилось немало осетин, в том числе генерал А. Г. Кониев. Свою лояльность демонстрировали те из них, кто проживал за пределами «цхинвальского региона», в иных районах Грузии, и в сложившейся крайне напряженной ситуации, пожалуй, имел основания опасаться за своё благосостояние (*Воспоминания 1957: 193*). Осетины из района Хашури (Горийский уезд) публично заверили правительство, что «между нами и грузинами почти нет различий»[55]. Те же из осетин, которые находились вне «Горной Осетии», массами переходили на сторону властей, изменяя свои фамилии становились «грузинами» (*Болотов 2011: 41*).

После начала зачистки, которая преследовала цель изменения этнодемографического баланса в «Горной Осетии», власти могли позволить себе уже более конкретно очертить свою позицию в «осетинском вопросе». Самоопределение осетин, по их мнению, стало инструментом разрушения целостности Грузии. Оно «должно быть осуществлено именно в Северной Осетии, где 90 % населения составляют осетины, но не в Джаве, где [осталось] всего несколько осетинских деревень»[56], – сказано в заметке под малозначительным заголовком «Ещё об Осетии». Эта позиция тогда же была подтверждена в официальной ноте главы МИД Е. П. Гегечкори: «в пределах Грузии нет Южной Осетии, а существуют [лишь] осетинские селения» (*Осетины 2015: 40*).

В такой обстановке даже те этнолингвистические меньшинства в Грузии, которых не коснулась столь открытая дискриминация, на примере осетин чувствовали себя крайне неуверенно, гадая о своей участи. Этот фон крайне негативно сказался на общем состоянии дел в Первой республике.

---

[55] ოსების განცხადება საქართველოს მთავრობისადმი // «ერთობა», 1920, 6 ივლისი. № 150.

[56] კიდევ ოსეთზე//«ერთობა», 1920, 15 ივნისი. № 132.

Подводя итоги повествования, можно констатировать, что конфликт вокруг вопроса об институционализации «Южной Осетии» в своей основе не носил характера межэтнического противостояния. Он, скорее всего, относится к разряду социально-политических противоборств, когда дворянство смогло навязать свою сословную повестку всему остальному картвельскому социуму, чем и, в конечном итоге, было вызвано состояние глубокого цугцванга в «осетинском вопросе». Этим обстоятельством смогли ловко воспользоваться грузинские и осетинские коммунисты, которые, однако, своими неуклюжими действиями лишь подлили масла в огонь, чем спровоцировали и приблизили трагическую развязку. Более того, столкновение с частью осетин было на руку недругам Грузинской республики, так как серьёзно ослабило её потенциал. Эти события также способствовали обострению кризисных явлений во внутренней сфере, что в комплексе с другими существенными факторами затем привело её судьбу к драматическому завершению.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Национальный архив Армении (НАА). Ф. 441. Оп. 1. - Д. 56; Ф. 200. Оп. 1. - Д. 409, 607, 658.
2. Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИАГ). Ф. 1861. Оп. 1. - Д. 355, Оп. 2. - Д. 26, 28, 37, 116; Ф. 1864. Оп. 2. - Д. 81.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 446. Оп. 2. - Д. 33.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

4. **Борьба (1958)** Борьба за победу советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917-1921 гг.)/отв. ред. Г. В. Хачапуридзе. Тбилиси: Академия наук ГССР/Груз. филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС/Архивное управление ГССР. – 784 с.
5. **Борьба (1961)** Борьба за победу советской власти в Аджарии. Документы и материалы (1917-1921 гг.)/ сост. Каландаришвили Л. Н. и др. Батуми: Госиздат Аджар. АССР. – 424 с.
6. **Воронцов-Дашков И. И. (1907)** Верноподданейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб/Тифлис: Гос. Типография.- 164 с.
7. **Воронцов-Дашков И.И. (1910)** Всеподданейший отчет за пятилетие управления Кавказом. СПб: Гос Типография. – 60 с.
8. **Воронцов-Дашков И. И. (1928)** Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову (1905-1915 гг.)// Красный архив, т. 26, № 1, Москва: 97-126.
9. **Габричидзе (1942)** Германские оккупанты в Грузии в 1918 году. Сборник документов и материалов/ сост. М. М. Габричидзе**.** Тбилиси: Госиздат Груз. ССР. – 168 с.
10. **Гогичайшвили Ф. (1910)** Сборник статистических сведений о частном землевладении в Тифлисской и Кутаисской губерниях, изданный Тифлисским дворянским депутатским собранием/ под ред. Ф. Гогичайшвили. Тифлис: «Либерман и К°». – 326 с.
11. **Гожба (2009)** Абхазия – документы и материалы/ сост. Р.Х. Гожба. Сухум: Дом печати. - 708 с.
12. **Девдариани (1931)** Дни господства меньшевиков в Грузии. Документы и материалы /сост. Г. Девдариани. Тифлис: Госиздат Груз. ССР. – 572 с.

13. **Документы (1919)** Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии [под ред. В.С. Войтинского]. Тифлис: Тип. Правительства Грузинской Республики. – 512 с.
14. **1) Документы (1959a)** Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917 — 31 декабря 1918 г.). Москва: Госполитиздат. - 776 с.
2) Документы (1959b) Документы внешней политики СССР. Т. 3 (1 июля 1920 г.-18 марта 1921 г.) Москва: Госполитиздат. - 743 с.
15. **Документы (2016)** Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.). Сборник документальных материалов /под ред. А. А. Черкасова. Сочи: Научный издательский дом «Исследователь». — 267 с.
16. **Дякин В. С. (1998)** Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX - начало XX вв.), СПб: Лисс. – 1000 с.
17. **Жордания Н. Н. (1919)** За два года. (С 1-го марта 1917 года по 1-е марта 1919 года). Доклады и речи. Тифлис: Ист. комис. И.К. Совета рабочих депутатов. – 223 с.
18. **Исхаков (2014)** Гражданская война в России и мусульмане**.** Сборник документов и материалов/сост., предисл. и примеч. С. М. Исхаков. Москва: Центр стратегической конъюнктуры. — 816 с.
19. **Коминтерн (1923)** Четвёртый (IV) Всемирный Конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции. Москва/Петроград: Госиздат. - 428 с.
20. **Красный архив (1927)** «Демократическое» правительство Грузии и английское командование // Красный архив. Т. 21. Москва. - С. 122 – 173.
21. **Мамулиа/Абуталыбов (2020)** За свободу и независимость Кавказа**.** Прометеевское движение в секретных документах и материалах участников, наблюдателей и противников. Сост., предисловие, перевод и примеч. Г. Мамулиа/ Р. Абуталыбов. Баку: «JekoPrint». - 452 с.
22. **Memorandum (1921)** Memorandum Учредительному Собранию, о национальном самоуправлении армян в Грузии. Тифлис: Армянский Национальный Совет в Грузии. – 126 с.
23. **Николаевский Б. И. (1990)** Русские масоны и революция/ред.-сост. Ю. Фельштинский. Москва: Терра. – 200 с.
24. **Официальный отчёт (1925)** Россия. Официальный отчёт делегации британских тред-юнионов, посетившей Россию и Кавказ в ноябре и декабре 1924 года. Москва: ВЦСПС. – 326 с.
25. **Пипия Г. В. (1971)** Политика Германии в Закавказье в 1918 году. Сборник документов. Тбилиси: Сабчота Сакартвело. – 240 с.

26. Полиевктов М./Натадзе Г. (1929) Старый Тифлис в известиях современников. Тифлис: Госиздат Грузии. – 104 с.
27. Революционные комитеты (1963) Революционные комитеты Аджарии в борьбе за становление и упрочение Советской власти (Март 1921 г. - Январь 1922 г.): Сб. док. и мат. / сост.: И.Д. Ахалая, Н.И. Константиниди, В.В. Шарашидзе; Архивное упр. при Сов. Мин. Груз. ССР/ Гос. музей революции в Батуми. Сухуми: Абгиз. - 363 с.
28. Топчибаши А. М. (2016) Парижский архив 1919–1940. Книга первая 1919–1921/сост. Г. Мамулиа/Р. Абуталыбов. Москва: Художественная литература — 568 с.
29. Хроника (1941) Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье (март 1918 – апрель 1920 гг.). Выпуск 2-ой/сост. Я. К. Раенко. Ростов/Дону: Росиздат. – 256 с.

на английском яз.

30. Adjara (2008) Adjara and The British Empire 1918-1921/Second Edition /Selections from The British National Archives on Adjara by H. Greenhalgh/ R. L. Jarman. London: Archival Publications.
31. Constitution (2012) The 1921 Constitution of the Democratic Republic of Georgia. Looking Back After 90 Years/La Constitution de 1921 de la République Démocratique de Géorgie. Regard rétrospectif 90 ans après. Batumi: Constitutional Court of Georgia /Noe Jordania Institute. - 128 p.
32. Visit (2021) The Visit of the European socialists to Georgia 1920; I / Compilers of the collection: S. Chanturidze, K. Kusikashvili, Z. Gaiparashvili. Tbilisi: Ivane Javakhishvili Tbilisi State University/ Friedrich-Ebert-Stiftung/ National Archives of Georgia. – 460 p.

на грузинском яз.

33. ხომერიკი ნ. (1920) აგრარული რეფორმა და ჩვენი სასოფლო მეურნეობა. თბილისი: საქართველოს რესპუბლიკის ქალაქთა კავშირი. – 54 გვ.

СБОРНИКИ СОЧИНЕНИЙ

34. Кавелин К. Д. (1898) Дворянство и освобождение крестьян//Собрание сочинений. Публицистика. Том 2. СПб: тип. М. М. Стасюлевича. – С. 106-142.

35. Ленин В.И. (1961) Полное собрание сочинений Т. 20 (ноябрь 1910 г. – ноябрь 1911 г.). Москва: Политиздат. – 583 с.
36. Ленин В.И. (1970) Полное собрание сочинений. Т. 51 (июль 1919 – ноябрь 1920 г.). Москва: Политиздат. – 573 с.
37. Ленин В.И. (1970) Полное собрание сочинений. Т. 42 (ноябрь 1920 г.- март 1921 г.). Москва: Политиздат. – 606 с.
38. Маркс К./Энгельс Ф. (1955) Манифест Компартии /Феодальный социализм // Сочинения, т. 4, 2-е изд. Москва: Госиздат. – С. 419-459.
39. Николадзе Н.Я. (1920) Армяно-грузинские отношения в 1893-1898 гг. (Старые статьи с новым вступлением). Тифлис: А. Арабидзе и Ко. – 116 с.
40. Орджоникидзе Г. К. (1956) Статьи и речи. Т. 2 (1910-1926 гг.). Москва: Госиздательство политической литературы. – 516 с.
41. Сталин И. В. (1946) Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. Москва: ОГИЗ/ Гос. изд-во полит. лит-ры. - С. 290-367.
42. Эренбург И. Г. (2000) Собрание сочинений. Люди, годы, жизнь. Т. 7. /Сост. Б. Я. Фрезинский. Москва: Художественная литература. - 862 с.

на грузинском яз.

43. ჟორდანია ნ. (2015) ქართველი ხალხი და ნაციონალიზმი // ქართული მემარცხენეობის ქრესტომათია. თბილისი: ფაბიანური საზოგადოება. – გვ. 28-46.
44. ჭავჭავაძე ი. (1986) რჩეული ნაწარმოებები*:* 5 ტომად (ტომი III). თბილისი: საბჭოთა საქართველო. – 496 გვ.
45. ჭავჭავაძე ი. (1987). რჩეული ნაწარმოებები*:* 5 ტომად (ტომი IV). თბილისი: საბჭოთა საქართველო. – 447 გვ.
46. ჭავჭავაძე ი. (1997) თხზულებათა სრული კრებული: 20 ტომად (ტომი VI). თბილისი: მეცნიერება. – 720 გვ.

МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

47. Байков Б. (1923) Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) //Архив русской революции. Том 9. Берлин. - С. 91-194.
48. Бороздин К. А. (1885) Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 г. СПб: типография А. С. Суворина. — 423 с.

49. **Бутбай М. (1993)** Воспоминания о Кавказе: записи турецкого разведчика. Махачкала: Наш Дагестан. – 67 с.
50. **Воронович Н. В. (1922)** Меж двух огней: (Записки зелёного) //Архив русской революции. Том 7. Берлин. - С. 53-183.
51. **Воспоминания (1957)** Воспоминания участников гражданской войны в Юго-Осетии (1917-1921 гг.): [Сборник] / Акад. наук Груз. ССР. Юго-Осет. науч.-исслед. ин-т. — Сталинири: Госиздат Юго-Осетии. — 235 с.
52. **Глобачев К. И. (2016)** Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. Москва/Берлин: Директ-Медиа. – 320 с.
53. **Демьянов А. А. (2021)** Записки об Абхазии и Грузии (1918–1921 гг.) / Сост.: С. З. Лакоба. Сухум: Дом печати. – 184 с.
54. **Деникин-Юденич-Врангель (1927)** Деникин-Юденич-Врангель: Мемуары Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев/ сост. Алексеев С. А. Москва/Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. – 456 с.
55. **Джугели В. (1920)** Тяжелый крест: (записки народногвардейца) / с предисл. Е. П. Гегечкори. - [Б. м.] : Книгоизд-во Ал. Арабидзе (Тифлис: Гос. тип.). - 283 с.
56. **Думбадзе Е. В. (1930)** На службе ЧК и Коминтерна. Личные воспоминания. Париж: Мишень. – 164 с.
57. **Жордания Н. Н. (1968)** Моя жизнь / Пер. с грузинского Инны Жордания. - Stanford (Calif.): The Hoover inst. on war, revolution and peace. - 130 с.
58. **Квинитадзе Г. И. (1985)** Мои воспоминания в годы независимости Грузии, 1917–1921. Париж: YMCA-press. – 471 с.
59. **Ковалевский В. (2021)** Испанская грусть: Голубая дивизия и поход в Россию, 1941-1942 гг.: воспоминания В. И. Ковалевского под ред. О. И. Бэйды/Ш. М. Нуньеса Сейшаса. Москва/СПб.: Нестор-История. — 378 с.
60. **Кривенко В. С. (1893)** Очерки Кавказа (Поездка на Кавказ осенью 1888 года). СПб: типография А. С. Суворина. – 250 с.
61. **Лукомский А.С. (1922)** Из воспоминаний//Архив русской революции. Том 5. Берлин. - С. 101-189.
62. **Романов А. В. (2008)** Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914 – 1917); сост., предисл., коммент. В. М. Осин/В. М. Хрусталев. Москва: Издательство им. Сабашниковых. – 448 с.

63. **Столыпин А. А. (1992)** Записки драгунского офицера. 1917 – 1920 гг. // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 3. СПб. – С. 6-104.
64. **Тучков (1908)** Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766-1808 / Под ред. и со вступ. стат. К. А. Военского. Санкт-Петербург: типография лит. т-ва «Свет». - 287 с.
65. **Уратадзе Г. И. (1968)** Воспоминания грузинского социал-демократа. California: The Hoover institution on war, revolution and peace Stanford university. – 288 с.
66. **Уварова П.С. (1891)** Кавказ: Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Часть II. Москва: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон. – 316 с.
67. **Фавицкий В. В. (1924)** Зеленая армия в Черноморье (1919-1920 г.г.)// «Пролетарская революция», № 8-9. Москва. – С. 43-71.
68. **Френкель А. (1879)** Очерки Чурук–Су и Батума. Тифлис: типография А. А. Михельсона. - 169 с.
69. **Хундадзе Г. (1920)** Советская власть и грузинское посольство в России (23 июня 1918 г. - 8 марта 1920 г.). Тифлис: Книгоиздательство Ал. Арабидзе и Ко. – 38 с.
70. **Шарден Ж. (1902)** Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 гг. Тифлис: Скоропечатня М. Мартиросянца. - 301 с.
71. **Шеварднадзе Э. (2009)** Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания, Москва: Европа. – 428 с.
72. **Шевцов И. Б. (1960)** Особое задание. (Воспоминания о деятельности причерноморских партизан в 1919 – 1920 гг.). Москва: Госполитиздат. – 112 с.

на английском яз.

73. **Bechhofer C. E. (1921)** In Denikin's Russia and the Caucasus. 1919 –1920. London: W. Collins and Sons. – 324 p.

на немецком яз.

74. **Kress von Kressenstein F. F. (2001)** Meine Mission im Kaukasus Tbilissi: Samschoblo. – 161 s. [Электронный ресурс]. URL:cademia.edu/9988932/General_Der_Artillerie_a_D_Friedrich_Freiherr_Kress_von_Kressenstein_MEINE_MISSION_IM_KAUKASUS_ [Дата обращения: 28. 04. 2019].

на грузинском яз.

75. ირემაშვილი ი. (2006) სტალინი და საქართველოს ტრაგედია / თარგმ. მაია ბადრიძის და რუსუდან ზექალაშვილისა. თბილისი: ფავორიტი. – *138* გვ.

76. ქიქოძე გ. (2003) თანამედროვის ჩანაწერები. თბილისი*:* არეტე. – 144 გვ.

на армянском яз.

77. Միմոնյան Ե. (2019) Ախալցխան կրակե օղակում. 1917-1921 թվականների դեպքերի խոհագրություն: Երևան. «Հուշարձան»: - 240 էջ:

БИОГРАФИИ

78. Орджоникидзе З. Г. (1967) Путь большевика: страницы из жизни Г. К. Орджоникидзе. Москва: Политическая литература. – 400 с.

на английском яз.

79. Daushvili R. /Janelidze O. (2019) Giorgi Matchabeli 1885-1935. Memorial Album. Tbilisi: National Parliamentary Library of Georgia. – 125 p.

80. Makharadze Ir. (2020) Beniamin (Benia) Chkhikvishvili 1880-1924. Memorial Album. Tbilisi: Institute for Development of Freedom of Information (IDFI)/ National Parliamentary Library of Georgia. – 146 p.

81. Morchiladze A. (2021) Grigol Lortkipanidze 1881-1937. Memorial Album. Tbilisi: Institute for Development of Freedom of Information (IDFI)/ National Parliamentary Library of Georgia. – 159 p.

82. Vatcharadze A. (2019) Nikoloz (Karlo) Chkheidze 1864-1926. Memorial Album. Tbilisi: Institute for Development of Freedom of Information (IDFI)/ National Parliamentary Library of Georgia. – 134 p.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

83. Илларионов Г. А. (2014) Социально – философский анализ «традиционалистского проекта»/Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11. «Социальная Философия». Красноярск. – 152 с.

84. Ларькин В. В. (2016) Политические репрессии командно-начальствующего состава Закавказского военного округа в 1937-1938 гг./Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02. «Отечественная история». Санк-Петербург. - 340 с.

85. Пученков А. С. (2014) Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): Идеология, политика, основы режима власти/Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Специальность 07.00.02. «Отечественная история». Санкт-Петербург. – 958 с.

86. Санакоев И. Б. (2004) Политико-идеологические факторы эволюции грузино-осетинского конфликта/Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Специальность 23.00.02. «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии». Ставрополь. – 214 с.

87. Симоненко В. А. (2002) Месхетинские турки: историческая судьба и проблемы культурной адаптации/Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02. «Отечественная история». Краснодар. – 35 с.

на грузинском яз.

88. ათანელიშვილი თ. (2006) ეკონომიკური რეფორმები საქართველოს დემოკრატიულ რესპუბლიკაში (1918-1921 წწ.). ეკონომიკის მეცნიერებათა კანდიდატის სამეცნიერო ხარისხის მოსაპოვებლად წარმოდგენილი დისერტაცია სპეციალობა: 08. 00. 02 ეკონომიკის ისტორია, მსოფლიო ეკონომიკა (ეკონომიკის ისტორია). თბილისი: ივანე ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი. – 184 გვ.

89. გოცირიძე ქ. (2017) სამოქალაქო ნაციონალიზმის ფორმირების მცდელობა 1918-1921 წლებში საქართველოს დემოკრატიულ რესპუბლიკაში. სამაგისტრო ნაშრომი. თბილისი: თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი. - 69 გვ.

90. კობალაძე ზ. (2019) მართლმადიდებლობის როლი ქართული ნაციონალიზმის ფორმირების პროცესში. სამაგისტრო ნაშრომი. თბილისი: თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი. - 68 გვ.

91. კუკულაძე გ. (2016) საქართველოს პარლამენტის როლი ქვეყნის ტერიტორიული მთლიანობის შენარჩუნებისთვის ბრძოლის პროცესში 1918-1920 წწ. (სამხრეთ-დასავლეთ საქართველო). ისტორიის დოქტორის აკადემიური ხარისხის მოსაპოვებლად წარმოდგენილი დისერტაცია. ბათუმი: ბათუმის შოთა რუსთაველის სახელმწიფო უნივერსიტეტი. - 207 გვ.

92. მაისურაძე ნ. (2018) ერის ცნების გააზრება საქართველოში 1900-1917 წლებში. სამაგისტრო ნაშრომი. თბილისი: თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი. - 108 გვ.

93. სართანია მ. (2019) სოციალისტ-რევოლუციონერთა პარტია საქართველოს დემოკრატიულ რესპუბლიკაში (ნაშრომი შესრულებულია საქართველოს ისტორიის მაგისტრის აკადემიური ხარისხის მოსაპოვებლად), თბილისი: თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი. - 92 გვ.

на английском яз.

93. Onur Onol (2014) The Evolution of Tsarist Policy on the Armenian Question in the South Caucasus (1903-1914). PhD thesis. Birkbeck: University of London. – 293 p.

94. Parsons J. W. R. (1987) The emergence and Development of the National Question in Georgia (1801-1921). PhD thesis. UK: University of Glasgow. – 645 p.

на турецком яз.

95. Fadime Tosik Dinç (2015a) Ahıska Türkleri (1800-1921). Doktora Tezi. Elazığ: Fırat Üniversitesi. - 517 s.

МОНОГРАФИИ И НАУЧНЫЕ СБОРНИКИ

96. Авалиани С. Л. (2012) Крестьянский вопрос в Закавказье. Т. 1. Крепостное право и история крестьянской реформы в Тифлисской и Кутаисской губерниях. Одесса: Техник. – 514 с.

97. Авалиани С. Л. (1920) Крестьянский вопрос в Закавказье. Том IV. Упразднение временнообязанных и зависимых отношений крестьян и поселян в Закавказье. Хизанский вопрос. Тифлис: Гос. университет. – 229 с.

98. Авалов З. Д. (1901) Присоединение Грузии к России. СПб: Типография А. С. Суворина. – 322 с.

99. Авалов З. Д. (1924) Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг. Париж [б. и.]. – 320 с.

100. Адамия В. И. (1976) Социально-экономическое развитие грузинской деревни в пореформенный период (1870-1900 гг.). Тбилиси: Сабчота Сакартвело. - 274 с.

101. Альтерматт У. (2000) Этнонационализм в Европе. Москва: РГГУ. - 367 с.

102. Амия М. (1926) [Орахелашвили М.] Путь грузинской Жиронды. Факты, документы, материалы из истории перерождения меньшевиков и изгнания их из Грузии. Тифлис: Заккнига. – 151 с.

103. Антонов-Овсеенко А. (2007) Лаврентий Берия. Сухум: Дом печати. – 452 с.
104. Анчабадзе З. В. (1976) Очерк этнической истории Абхазского народа. Сухуми: Алашара. – 135 с.
105. Анчабадзе Ю.Д./ Волкова Н.Г. (1990) Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. Москва: Наука. - 273 с.
106. Артамошин С.В. (2011) Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение "консервативной революции" в политической жизни Веймарской республики. Брянск: Брянское СРП ВОГ. - 312 с.
107. Арутюнян А. (1971) Кавказский фронт 1914-1917 гг. Ереван: Айастан. – 416 с.
108. Баберовски Й. (2010) Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе /пер. с нем. В. Т. Алтухова. — Москва: РОССПЭН/ Фонд Б. Н. Ельцина. — 855 с.
109. Бакрадзе Д./Берзенов Н. (1870) Тифлис в историческом и этнографическом отношениях. СПб: Издание Густава Беренштама/Типография А. Бенке. – 153 с.
110. Басария С. П. (1923) Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале: Наркомпрос ССР Абхазии. - 166 с.
111. Бахтурина А. Ю. (2004) Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). Москва: РОССПЭН. - 392 с.
112. Безугольный А. Ю. (2011) Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. 1917—1919. Москва: ЗАО Центрополиграф. - 348 с.
113. Бердяев Н. А. (1931) Христианство и классовая борьба. Paris: Ymca-Press. – 142 с.
114. Бердяев Н. А. (1955) Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press. — 160 с.
115. Бериашвили/Меликишвили/Соловьева (2015) Грузины / отв. ред. Л. К. Бериашвили, Л. Ш. Меликишвили, Л. Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комиссия по истории, археологии и этнологии Национальной академии наук Грузии. Москва: Наука. – 813 с.
116. Блиев М. (2006) Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. Москва: «Европа». – 472 с.
117. Блуашвили У. (2008) Славные сыновья Месхети. Тбилиси: [б. и.]. – 224 с.

118. Брегвадзе А. И. (1983) Славная страница истории: Добровольное присоединение Грузии к России и его социально-экономические последствия. Москва: Мысль. – 174 с.
119. Булдаков В. П. (2010) Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. Москва: РОССПЭН/ Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». — 967 с.
120. Вейденбаум Е. Г. (1901) Кавказские этюды: исследования и заметки. Тифлис: скоропечатня М. Мартиросянца. – 320 с.
121. Величко В.Л. (2003) Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы. Москва: ФЭРИ-В. - 336 с.
122. Вермишев Х. А. (1904) Материалы для истории грузино-армянских отношений. Ответ на книжку кн. И.Г. Чавчавадзе: Армянские учёные и «вопиющие камни». Санкт-Петербург: Пушкинская скоропечатня. - 223 с.
123. Волкова Н. Г./ Джавахишвили Г. Н. (1982) Бытовая культура Грузии XIX –XX веков: традиции и инновации. Москва: Наука. – 240 с.
124. Восленский М. С. (1990) Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. Издание второе. London: Overseas Publications Interchange Ltd. – 672 с.
125. Габлишвили Н. А. (1980) Грузинская деревня в 30-х – начале 60-х годов XIX века (развитие буржуазных отношений в виноградарстве и виноделии). Тбилиси: Мецниереба. - 149 с.
126. Гакстгаузен А. (1857) Закавказский край: Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Часть 1. СПб: Типография Главного штаба. – 248 с.
127. Гамахария Д./Гогия Б. (1997) Абхазия – историческая область Грузии: историография, документы и материалы, комментарии. Тбилиси: Агдгома. – 893 с.
128. Гамахария Д. / Ерохина Т. (2016) Материалы об убийстве Экзарха Грузии Никона (Софийский) и некоторые вопросы церковной истории (1908-1913) Сборник. Тбилиси/Рязань: Саари. – 382 с.
129. Гейфман А. (1997) Революционный террор в России. 1894–1917 гг. Москва: Крон-Пресс. – 448 с.
130. Глонти Т. (1923) Меньшевистская и Советская Грузия. Москва: Красная Новь. – 36 с.

131. Гугушвили П. В. (1968) Развитие сельского хозяйства в Грузии и Закавказье в XIX–XX вв. Часть I. Тбилиси Мецниереба. - 474 с.
132. Деникин А. И. (1991) Очерки русской смуты. Москва: Мысль. – 212 с.
133. Деникин А. И. (2005) Очерки русской смуты. Вооружённые силы Юга России. Москва: «Айрис-пресс». – 832 с.
134. Дерлугьян Г. М. (2010) Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. Москва: «Территория будущего». - 560 с.
135. Дерлугьян Г. М. (2013) Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. Москва: Институт Гайдара. – 384 с.
136. Дерлугьян Г. М. (2017) Армения на выходе из постсоветской реставрации: анализ возможностей. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке. — 272 с.
137. Джаншиев Г. А. (1898) Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Сборник. Москва: типография И. Н. Кушнерева. – 960 с.
138. Джапаридзе А. (2008) Месхети: мусульманизация грузин. Тбилиси: Универсал. – 50 с.
139. Дзидзоев В. Д. (2004) Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование). Владикавказ: Ир. – 359 с.
140. Дзидзоев В. Д./ Дзугаев К. Г. (2007) Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. Цхинвал: Ирыстон. - 272 с.
141. Драбкина Е. (1928) Грузинская контрреволюция, Ленинград: Прибой. – 177 с.
142. Дубровин Н.Ф. (1897) Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ея к России. Издание второе. Спб: типография Д. В. Чичинадзе. - 254 с.
143. Дугин А. Г. (2010) Логос и мифос. Социология глубин. Москва: Академический Проект/ Трикста. — 364 с.
144. Думин С./ Гребельский П. (1998) Дворянские роды Российской империи. Т. IV. Князья Царства Грузинского/ науч. консульт. Г. З Анчабадзе. Москва: Ликоминвест. – 294 с.
145. Жвания В. Г. (1978) Проблемы справедливости и социально-экономической жизни в творчестве Ильи Чавчавадзе. Тбилиси: Мецниереба. – 197 с.
146. Жвания Г. (1987) Великий Октябрь и победа советской власти в Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело. – 360 с.

147. Желиховская В. П. (1885) Кавказ и Закавказье. СПб: Типография М. А. Хана. – 114 с.
148. Жуков Ю.Н. (2011) Первое поражение Сталина. 1917-1922 годы. От Российской империи к СССР. Москва: «Аква-Терм». – 672 с.
149. Захаров В. А. и др. (2010) Абхазия и Южная Осетия после признания: исторический и современный контекст. Москва: Русская панорама. – 520 с.
150. Ибрагимли Х. (2006) Азербайджанцы Грузии: историко-этнографический и социально-политический комментарий. Москва: Европа. - 160 с.
151. Инал-Ипа Ш. Д. (1995) Садзы. Историко-этнографические очерки/Народы Кавказа, кн. 2. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. - С. 287.
152. Ицхак Давид (1989) История евреев на Кавказе. Том 1. Тель-Авив: Кавкасиони. - 700 с.
153. Ишханян Б.З. (1914) Экономические и общественные основы армяно-грузинского антагонизма (критический анализ). Тифлис: Гуттенберг. – 92 с.
154. Ишханян Б. З. (1919) Метаморфоза грузинской социал-демократии (причины и критика явления). Баку: Вера. – 34 с.
155. Карапетян С. (2003) Мэры Тифлиса (Тбилиси). Ереван: Гитутюн. – 128 с.
156. Кариби (1906) [Гелейшвили П. П.] Оглянемся назад! (Ответ Н. Я. Николадзе). Тифлис: Труд. - 107 с.
157. Кариби (1920) [Гелейшвили П. П.] Красная книга. Тифлис: Груз. Тов. Печати. – 261 с.
158. Кастелянский (1910) Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия/под ред. А. И. Кастелянского. СПб: Тип. т-ва «Общественная польза». – 824 с.
159. Кахиани М. (1927) Ещё о грузинской эмиграции. Тифлис: Госиздат Грузии. – 89 с.
160. Каутский К. (1931) Материалистическое понимание истории. Т. 2. Москва/Ленинград: Соцэкгиз. – 852 с.
161. Кирчанов М. В. (2009) Националистическая модель политической модернизации и трансформации европейских периферий. Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета. – 219 с.
162. Кирчанов М. В. (2015а) От грузинского дворянства к грузинской политической нации: история и археология идей

грузинского национализма от традиционного общества к постсовременному миру. Воронеж: Кварта -476 с.
163. Козлов А. И. (1972) Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917-1920 гг.). Ростов/Д: РГУ. – 166 с.
164. Коппитерс/Нодиа/Анчабадзе (1998) Грузины и абхазы. Путь к примирению/ Общ. ред.: Б. Коппитерс, Г. Нодиа, Ю. Анчабадзе. Москва: «Весь Мир». - 248 с.
165. Кордонский С. Г. (2008) Сословная структура постсоветской России. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение». - 216 с.
166. Коротеева В. В. (1999) Теории национализма в зарубежных социальных науках; Рос. гос. гуманитар. ун-т. Рос. акад наук. Ин-т этнологии и антропологии. Москва. – 139 с.
167. Кочетков А. и др. **(2009)** Южная Осетия. Вооруженная агрессия и миротворческая война. Москва: Книжный мир. – 95 с.
168. Куправа А. Э. (2013) Труды в десяти томах. Т. I.: ССР Абхазия в начале становления советского общества 1921–1925 годы. Сухум: АбИГИ им. Д.И. Гулиа АН Абхазии. – 568 с.
169. Лавров Л.И. (2009) Убыхи: историко-этнографическая монография. СПб: Наука. – 238 с.
170. Ли Э. (2019) Грузинский эксперимент: забытая революция 1918–1921 гг. / Пер. с англ. И. А. Рисмухамедова. Москва/СПб: Нестор—История. - 252 с.
171. Лурье Л./Маляров Л. (2015) Лаврентий Берия: кровавый прагматик. Москва: БХВ-Петербург. – 624 с.
172. Лэнг Д. (2004) Грузины. Хранители святынь/ пер. с англ. С. Федорова. Москва: Центрполиграф. – 221 с.
173. Маилян В. Р. (1984) Деятельность русских марксистов в Закавказье. Ереван: Айастан. – 124 с.
174. Малахов В. С. (**2005)** Национализм как политическая идеология. Москва: КДУ. - 320 с.
175. Мамардашвили М. К. (2011) Сознание и цивилизация. СПб: «Азбука-Аттикус». – 272 р.
176. Мамиствалишвили Э. (2011) Грузинские евреи: с эпохи античности до 1921 г. Тбилиси: Artlines. - 410 с.
177. Мамулиа Г. (2007) Грузинский легион в борьбе за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны. (Второе дополненное и переработанное издание). Тбилиси: Цодна. – 427 с.

178. **Марков Е. Л. (1887)** Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб-Москва: М. О. Вольф и Ко. - 700 с.
179. **Махарадзе Н. Б. (1965)** Победа социалистической революции в Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело. – 452 с.
180. **Махарадзе Ф. (1921)** Диктатура меньшевистской партии в Грузии. Москва: Госиздат. – 112 с.
181. **Махарадзе Ф. (1928)** Советы и борьба за советскую власть в Грузии. Тифлис: Госиздат ССРГ. – 264 с.
182. **Махарадзе Ф. (1933)** Грузия в девятнадцатом веке. Тифлис: Заккнига**.** – 104 с.
183. **Махарадзе Ф.Е./Хачапуридзе Г.В. (1932)** Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. Москва: Журнально-газетное объединение. – 244 с.
184. **Мельгунов Г. (1931)** На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: Родник. – 236 с.
185. **Менабде А. (1970)** Некоторые вопросы развития грузинской национальной государственности. Тбилиси: Мецниереба. – 169 с.
186. **Ментешашвили А. М. (1987)** Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии 1917-1921 гг. Тбилиси: Ганатлеба. – 296 с.
187. **Ментешашвили А. М. (1990)** Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов 1918-1921 гг. Тбилиси: Знание. – 79 с.
188. **Мерквиладзе В. Н. (1969)** Создание и укрепление советской государственности в Грузии (1921-1936 гг.). Тбилиси: Сабчота Сакартвело. – 451 с.
189. **Мещеряков Н. Л. (1921а)** В меньшевистском раю: из впечатлений поездки в Грузию. Москва: Госиздат. – 56 с.
190. **Мирцхулава И. И. (1978)** Аграрно-крестьянский вопрос в Грузии в 1900-1921 гг. Тбилиси: Мецниереба. – 362 с.
191. **Мисабишвили Ш. В. (1957)** Общественно-политические и философские взгляды Ильи Чавчавадзе. Сухуми: Абхазское госиздательство. – 148 с.
192. **Молер А. (2017)** Консервативная революция в Германии 1918-1932 гг. Москва: Тотенбург. — 312 с.
193. **Мочалов В. Д. (1958)** Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX века. Москва: Академия Наук СССР. – 492 с.

194. **Мочкин А. Н. (1999)** Парадоксы неоконсерватизма: Россия и Германия в конце XIX – начале XX века. Москва: Институт филисофии РАН. – 195 с.
195. **Муханов В. М. (2019а)** «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. Москва: Кучково поле. - 928 с.
196. **Муханов В. М. (2019б)** Кавказ в переломную эпоху (1917–1921 гг.). Москва: Модест Колеров. - 360 с.
197. **Никольская Т. (2000)** Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917 - 1921). Москва: Пятая страна. - 193 с.
198. **Никонов Д. (1956)** Крестьянские восстания в Юго-Осетии в 1917-1920 гг. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии. – 102 с.
199. **Ованнисян Р. Г. (2003)** Международные отношения Республики Армения 1918-1920 гг./ пер. с англ. Г. Г. Махмурян. /Ин-т истории НАН Армении; Кафедра современной армянской истории Калифорнийского ун-та Лос-Анджелеса. Ереван: э-Книга. — 680 с.
200. **Осетины (2015)** Осетины в Грузии/ Сборник под ред. М. Лордкипанидзе. Тбилиси: Универсал. - 398 с.
201. **Островский А.В. (2004)** Кто стоял за спиной Сталина? Москва: ЗАО Центрполиграф. – 638 с.
202. **Очерки (1985)** Очерки истории юго-осетинской автономной области, том 1-й. Тбилиси: Мецниереба. – 296 с.
203. **Очерки (2009)** Очерки из истории Грузии: Абхазия с древнейших времен до наших дней/ гл. ред. Д. Гамахария. Тбилиси: Интелекти. – 594 с.
204. **Петросян Г. А. (2012)** Отношения Республики Армения с Россией (1918 – 1920 гг.). Ереван: Изд-во ЕГУ. - 424 с.
205. **Плиев Б. З. (1977)** Борьба трудящихся Южной Осетии за советскую власть в 1917-1921 гг. Цхинвали: Ирыстон. – 294 с.
206. **Пученков А. С. (2012)** Национальная политика генерала Деникина. СПб: Полторак. – 338 с.
207. **Ратиани П.К. (1958)** Илья Чавчавадзе: Философские и социально-политические воззрения. Москва: Соцэкгиз. – 204 с.
208. **Рейфилд Д. (2017b)** Сталин и его подручные. Москва: КоЛибри/Азбука-Аттикус. – 573 с.
209. **Руткевич А. М. (2007)** Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции». Препринт WP6/2007/02. Москва: ГУ ВШЭ. – 36 с.

210. Сидорина Т. Ю. (2006) Национализм: теории и политическая история. Гос. ун-т —Высшая школа экономики. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ. – 356 с.
211. Сиукаев Н.В. (1994) Две трагедии Южной Осетии. Владикавказ: СОГУ. – 31 с.
212. Соловьев Б. И. (2000) Русское дворянство и его выдающиеся представители. Ростов-на-Дону: Феникс. – 320 с.
213. Солоневич И. Л. (2010) Народная монархия / отв. ред. О. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации. — 624 с.
214. Сумбатов А. (1919) В мощных объятиях: общие очертания 117 лет русско-грузинского объединения. Петроград: Изд. Груз. нац. ком. в Петрограде. – 200 с.
215. Таран К. В. (2014) Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции (1905-1907 гг.). Банска Быстрица: Университет Матея Бела. – 194 с.
216. Тишков/ Шнирельман (2007) Национализм в мировой истории/ под ред. Тишков В. А./ Шнирельман В. А. Москва: Наука. – 601 с.
217. Топчишвили Р. (2009) Осетины в Грузии: миф и реальность. Тбилиси: Гос. Университет. – 257 с.
218. Топчишвили Р. (2019) Осетины в исторической и современной Грузии. Тбилиси: Национальная академия наук. – 106 с.
219. Травин Д./ Маргания О. (2016) Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. СПб: Норма. – 392 с.
220. Тунян В. Г. (2008) Политика самодержавия России в Закавказье, XIX- нач. XX века. Ереван: Авторское издание. - 124 с.
221. Тютюкин С. В. (2002) Меньшевизм: страницы истории. Москва: РОССПЭН. - 560 с.
222. Уратадзе Г. И. (1956) Образование и консолидация Грузинской демократической республики (исследования и материалы, серия 1, выпуск 29). Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР. – 119 с.
223. Хармандарян С.В. (1969) Ленин и становление Закавказской федерации 1921-1923. Ереван: Айастан. – 459 с.
224. Хачапуридзе Г. В. (1936) Борьба за пролетарскую революцию в Грузии. Очерки. 1917-1921. Тбилиси: «Заря Востока». – 472 с.
225. Хачапуридзе Г. В. (1950) К истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси: «Заря Востока». — 564 с.

226. Хобсбаум Э. (1998) Нации и национализм после 1780 года Москва: «Алетейя». – 308 с.
227. Хоштария Э.В. (1974) Очерки социально-экономической истории Грузии (XIX- начало XXвв.). Тбилиси: Мецниереба. - 223 с.
228. Цурикова Г. М. (2015) Тициан Табидзе: жизнь и поэзия / под общ. ред. Н. Е. Соколовской/подг. текстов И. С. Кузьмичева/послесл. И. И. Рожанковской. СПб: ООО «Издательство "Росток"». — 471 с.
229. Цховребов В. Д./ Санакоев М. П. (1981) Южная Осетия в период трех революций. Тбилиси: Мецниереба. – 223 с.
230. Чавчавадзе И. Г. (1902) Армянские ученые и вопиющие камни/ перевод с грузинского Н. И. Алексеева-Месхиева. Тифлис: Типография груз. изд. т-ва. - 123 с.
231. Чанба Р.К. (1977) Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии (XIX - начала XX в.). Тбилиси: Мецниереба. – 138 с.
232. Чиковани Л. Ф. (1989) Нико Николадзе и демократическая печать Грузии 70-80-х годов XIX века (по материалам местных русских газет). Тбилиси: Мецниереба. – 203 с.
233. Чхартишвили М. (2006) Идеология национализма и его универсалии в грузинской среде//Национализм. Тбилиси: Фонд стратегических исследований и международных отношений Грузии. – С. 28-40.
234. Шавров Н.Н. (1911) Новая угроза русскому делу в Закавказье. СПб: Русское собрание. – 78 с.
235. Шанин Т. (1997) Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. — 1917-1922 гг. Москва: «Весь Мир». – 554 с.
236. Шахназарян М. М. (1906) Крестьянское движение в Грузии и социал-демократия. Москва: Колокол. – 124 с.
237. Шафир Я. М. (1921) Тайны меньшевистского царства. Тифлис: Госиздат. – 149 с.
238. Шафир Я.М. (1925) Очерки грузинской жиронды / с предисл. Л. Троцкого. Москва/Ленинград: Госиздат. - 208 с.
239. Широкорад А. Б. (2010) Грузия. Закавказский тупик? Москва: Вече. – 416 с.
240. Шляпентох В. (2008) Современная Россия как феодальное общество: Новый ракурс постсоветской эры / пер. с англ. Ю. Гольдберга. — Москва: Столица-Принт. - 367 с.
241. Шпенглер О. (2014) Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе/пер. с нем. Москва: «АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 1085 с.

242. Шнирельман В. А. (2003) Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва: ИКЦ «Академкнига». — 591 с.
243. Шубин А. В. (2007) Социализм: «золотой век» теории. Москва: Новое литературное образование. – 744 с.
244. Юнге/ Бонвеч (2015) Большевистский порядок в Грузии. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике/ сост. М. Юнге/ Б. Бонвеч. Москва: АИРО-XXI. – 638 с.
245. Юнге/ Бонвеч/ Мюллер (2017) Грузия в пути. Тени сталинизма/составители М. Юнге/ Б. Бонвеч/ Д. Мюллер. Москва: АИРО-XXI. – 512 с.

на английском яз.

246. Anderson B. (1983) Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London: Verso – 256 p.
247. Asatiani N. / Janelidze O. (2009) History of Georgia: From ancient times to the present day. Tbilisi: Publishing House Petite. - 488 p.
248. Hobsbawn E. (1990) Nations and Nationalism Since 1780: Programmer, Myth, Reality. U. K.: Cambridge University Press. – 212 p.
249. Gellner E. (1983) Nations and nationalism. Ithaca: Cornell University Press. – 150 p.
250. Jones S. F. (2005) Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social Democracy, 1883-1917. Harvard University Press. – 384 p.
251. Kautsky K. (1921) Georgia: A Social-Democratic Peasant Republic. Impressions and observations. London: International Bookshop. – 121 p.
252. Kautsky K. (2018) Georgia: A Social-Democratic Peasant Republic. Impressions and observations. Tbilisi: Tbilisi State University/Friedrich-Ebert-Stiftung. – 354 p.
253. Kazemzadeh F. (1951) The struggle for Transcaucasia (1917-1921). New York/Oxford: Philosophical Library. – 356 p.
254. Lang D. M. (1962) A modern history of Georgia. London: Weidenfeld and Nicolson. – 298 p.
255. *Pipes R. (1964)* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917-1923. First Edition. Harvard University Press. - 365 p.
256. Ramishvili A. N. (2006) Our mistakes/ჩვენი შეცდომები/Nos erreurs, 1918-1921. Tbilisi: მესამე ასაკი. – 129 p.

257. Saparov A. (2015) From conflict to autonomy in the Caucasus: the Soviet Union and the making of Abkhazia, South Ossetia and Nagorno Karabakh. London: Routledge, Taylor & Francis Group. - 200 p.
258. Silogava V./ Shengelia K. (2007) History of Georgia: from the ancient times through the «Rose revolution». Tbilisi: Caucasus University House. – 293 p.
259. Smith A. (1983) Theories of Nationalism. 2nd ed. N. Y: Holmes & Meier. – 344 p.
260. Suny R.G. (1993) Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History. Bloomington: Indiana University Press. – 304 p.
261. Suny R. G. (1994) The making of the Georgian nation. 2nd ed. [Bloomington, IN]: Indiana University Press. – 448 p.
262. Villari L. (1906) Fire and Sword in the Caucasus. London: T.F. Unwin. – 348 p.

на французском яз.

263. Woytinsky W. (1921) La Démocratie géorgienne/ Préface de M. E. Vandervelde. Paris: Alcan-Lévy. – 304 p.

на грузинском яз.

264. ავდალიანი ე. (2018) ქართული მეწარმეობის ისტორიიდან (XIX-XX სს. მიჯნა). თბილისი: «მერიდიანი». – 104 გვ.
265. გოგოლიშვილი ო. (2005) სოციალური და ეროვნული მოძრაობა სამხრეთ-დასავლეთ საქართველოში 1900-1921 წლებში. ბათუმი: ბათუმის უნ-ტის გამ-ბა. – 194 გვ.
266. გურული ვ. (1999) ნოე ჟორდანია პოლიტიკური პორტრეტი, 1869-1953. თბილისი: „ინტელექტი“. – 279 გვ.
267. თურმანიძე ო. (2012) აჭარის პოლიტიკური და ეკონომიკური ისტორია (1921-1940). ბათუმი: გამ-ბა აჭარა. – 416 გვ.
268. ინგოროყვა პ. (1918) საქართველოს ტერიტორიის საზღვრების შესახებ. კონსტანტინეპოლი: კათოლიკე ქართველთა სავანის სტ. – 13 გვ.
269. ირემაძე ი. (2021) პოლიტიკური პარტიები და პარტიული სისტემა 1917-1921 წლების საქართველოში. თბილისი: Heinrich Böll Stiftung. – 42 გ.
270. კაჭარავა ა. / დაუშვილი ა. (2012) საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკა: ბრძოლა დამოუკიდებლობისათვის (ადვილად საკითხავი წიგნი). თბილისი: სი-ჯი-ეს. – 124 გვ.

271. კუპრაშვილი ჰ. (2011) დიდი რუსიანობა საქართველოში:XIX საუკუნის პირველი ნახევარი. წიგნი I. თბილისი: "უნივერსალი". – 227 გ.

272. საქართველოს ისტორია (2012) ბენდიანიშვილი ა./ დაუშვილი ა./ ნათმელაძე მ. საქართველოს ისტორია ოთხ ტომად. ტ. IV. საქართველო XIX-XX საუკუნეებში. თბილისი: პალიტრა L. - 511 გვ.

273. შველიძე დ. (1993) პოლიტიკური პარტიების წარმოშობა საქართველოში. ფედერალისტები, თბილისი: "არსი". - 312 გვ.

274. ხვადაგიანი ი. (2017) ერობა – თვითმმართველობის რეფორმა საქართველოს რესპუბლიკაში 1918. თბილისი: საბჭოთა წარსულის კვლევის ლაბორატორია. – 381 გვ.

275. ჯანელიძე ო. (2002) ნარკვევები საქართველოს ეროვნულ-დემოკრატიული პარტიის ისტორიიდან. თბილისი: „მეცნიერებება". – 535 გვ.

276. ჯანელიძე ო. (2015) ნოე რამიშვილი — საქართველოს პირველი რესპუბლიკის პირველი პრემიერი. თბილისი: „პეტიტი". – 108 გვ.

277. ჯანელიძე ო. (2018a) საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის ისტორიის ნარკვევები, თბილისი: საქართველოს პარლამენტის ეროვნული ბიბლიოთეკა. – 360 გვ.

278. ჯანელიძე ო. /დაუშვილი ა. /ხოსიტაშვილი მ. (2019) თავისუფალი საქართველოს დედაქალაქი: თბილისი 1918-1921 წლებში. თბილისი: საქართველოს პარლამენტის ეროვნული ბიბლიოთეკა. – 228 გვ.

279. ჯანელიძე ო. / ხოსიტაშვილი მ. /თაქთაქიშვილი ლ. (2020) ბეჭდვითი სიტყვა თბილისში (1918-1921 წწ.). თბილისი: საქართველოს პარლამენტის ეროვნული ბიბლიოთეკა. – 220 გვ.

на армянском яз.

280. Բայրամյան Հ. (2013) Հայ-վրացական հարաբերություններ /մատենաշար/: Երևան. ԵՊՀ: – 340 էջ:

281. Գալոյան Գ. Ա. (1982) Պատմության քառուղիներում/ Ազատագրված ժողովրդի վերածնունդը, Երևան: «Հայաստան»: - 460 էջ:

282. Իշխանեան Բ. (1919) Վիճակագրական ուսումնասիրութիւն անդրկովկասեան ժողովուրդների, Բաքու: «Ուրարդիա»: - 254 էջ:
283. Կնյազյան Դ. (2008) Ադրբեջանի դեմոկրատական հանրապետության կովկասյան քաղաքականությունը, 1918-1920 թթ., Երևան. ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության ինստիտուտ: - 200 էջ:
284. Ջամալյան Ա. (2011) Հայ-վրացական կնճիռը, Երևան. «Միտք» վերլուծական կենտրոն: - 244 էջ:
285. Սարդարյան Կ. (2002) Հայ-վրացական հարաբերությունները 1918-1921 թթ., Երևան. «Նաիրի»: - 224 էջ:

на азербайджанском яз.
286. Azərbaycan-Gürcüstan (2013) Azərbaycan-Gürcüstan münasibətləri tarixi (XVIII əsr - XXI əsrin əvvəlləri). Baki: Şərq-Qərb. - 392 s.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

287. Абашидзе З. (2005) К истории упразднения грузинской церковной автокефалии и образования Грузинского Экзархата Русской Православной Церкви // XV Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы, Том I, Москва: Изд-во ПСТГУ. - С. 245–254.
288. Агасиев И. К. (2010) Прогерманская политика Грузии в 1918 году: социально-экономические и политические последствия //Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. № 2. Владикавказ. – С. 37-42.
289. Адиньяев С. И. и др. **(2017)** Аристократические общества на Кавказе в XVIII–XIX вв. и крепостная зависимость (на материалах Сборника законов грузинского царя Вахтанга VI)// Bylye Gody, Vol. 44, Is. 2. Вашингтон/Братислава. - С. 370-377.
290. Амбарцумян К. Р. (2019а) «Грузия нужна нам как временный буфер»: международные факторы большевистской советизации Южного Кавказа (1920 – 1921 годы) // Новый исторический вестник. № 1. Москва: РГГУ. – С. 88-105.
291. Амбарцумян К. Р. (2019б) Внешняя политика советской России в связи с германским военным присутствием на Южном Кавказе в 1918 г. // Гуманитарные и юридические исследования СКФУ, №3. Ставрополь. - С. 8-15.

292. Андроникашвили З. (2012) Сила бессилия. Мартирологическая парадигма грузинской политической теологии // Конфессия. Империя. Нация. Религия и проблема многообразия в истории постсоветского пространства. Москва: Новое издательство. - С. 85-121.
293. Антонов-Овсеенко А. (1991) Карьера палача: путь наверх // Берия: конец карьеры. Сборник. Москва: «Политиздат». - С. 4-140.
294. Анчабадзе Ю. (1999) Национальная история Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советском и постсоветском государствах//под ред. К. Аймермахера/ Г. Бордюгова. Москва: АИРО-XX. – С. 161-178.
295. Аргун Ю. Г. (2012) Об этнической ситуации на территории между Сочи и Гагрой в начале XIX в.// Джигетский сборник: вопросы этно-культурной истории Западной Абхазии и Джигетии. Вып. 1. Москва: «АКВА-Абаза». – С. 13-21.
296. Артюхов С. А. (1997) К истории армянской диаспоры г. Сочи//Лрабер (Вестник) общественных наук АН Армении, № 2. - С. 92-97.
297. Архипова Е. (2007) Южная и Северная Осетия: административно/территориальное разделение (1801–1925 годы) // Вестник Евразии, № 2. Москва. – С. 191- 205.
298. Архипова Е.В. (2012) Азербайджано-грузинская граница: исторические факторы появления споров// Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. № 2. – С. 76-84.
299. Болотов Д.В. (2011) Истоки национального самоопределения Южной Осетии // Вестник Владикавказского научного центра, том II, № 4. – С. 40-44.
300. Бубенок О. (2007) Осетины на Южном Кавказе: аборигены или пришельцы// Кавказ и Глобализация, том 1. Баку. - С. 144-152.
301. Бутырина П. (1934) Из национально-освободительной борьбы Южной Осетии //Борьба Классов, № 4, апрель. Москва. - С. 27-39.
302. Бухрашвили П. (2010а) Для переосмысления грузино-армянских отношений// История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии, Ереван: Едит Принт**.** – С. 39-57.

303. Бухрашвили П. (2010b) Русское колониальное сознание и закавказская этнополитическая реальность//История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии. Ереван: Едит Принт**. -** С. 137-150.

304. Ванети З. Н. (1936) К вопросу о времени заселения Юго-Осетии // Изв. Юго-Осет. НИИ АН ГССР. Вып. 3. Сталинир. - С. 270-278.

305. Варшаломидзе А. Л./ Диасамидзе Р. Д. (2018) Восстановление независимости Грузии и геополитические интересы Турции в Закавказье (1918 год) //International Academy Journal. Web of Scholar. 7 (25), Vol. 3, July. – С. 27-30. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.31435/-rsglobal_wos/12072018/5990 [Дата обращения: 20.07.2019]

306. Вишневский А. Г. (1996) Консервативная революция в СССР // Мир России. Социология. Этнология. Том 5. №4. Москва**. -** С. 3-66.

307. Ганин А. В. (2014) Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах: Миссия Павла Сытина // Государственное управление. Факультет государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова. Электронный вестник, № 43, апрель. – С. 206-251. [Электронный ресурс]. URL: http://orenbkazak.narod.ru/ PDF/Sytin1.pdf [Дата обращения: 27. 09. 2021].

308. Георгадзе Р. (2009) Обсуждение на Предсоборном Присутствии возможности предоставления автокефалии Грузинской Церкви//XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Том I**,** Москва: Изд-во ПСТГУ. - С. 395-398.

309. Грдзелишвили Н. Ш. (2018) Святой праведный Илия (Чавчавадзе) **//** Социум и христианство: материалы II Международной научно-практической конференции. Минск, 27-28 января 2018 г. / редкол.: Голубев К. И. [и др.]. Минск: OIKONOMOS/Издательство Минской духовной академии. – С. 53-54.

310. Григоров Е. В. (2011) Консерватизм и традиционализм: теория и идеология // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konservatizm-i-traditsionalizm-teoriya-i-ideologiya [дата обращения: 23. 06. 2020].

311. Гурули В. Ш. (2006) Грузины в Государственных Думах России (1906-1914 гг.) // Журнал о выборах. № 3**.** Москва. – С. 60-63.
312. Давлианидзе Л. (2009) Из истории армяно-грузинских взаимоотношений// Положительные примеры из истории сосуществования народов и стран Южного Кавказа. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии. Ереван. – С. 76-93.
313. Дадаян Х. (2008) Армянское торгово-экономическое присутствие в Тифлисе (позднее средневековье – 1918 г.)// 21-й Век, № 1. Ереван. – С. 81-104.
314. Джаббаров Ф. (2016) Фактор азербайджанской нефти в политике России по утверждению советской власти в Грузии (1920-1922)// საქართველოს ისტორიის ინსტიტუტის შრომები. სპეციალური გამოშვება. შოთა მესხია - 100. თბილისი. - С. 506-514.
315. Джавахишвили Н. (2009) Из истории сотрудничества кавказских политических эмигрантов (в период с 1921-го до начала 1940-х гг.) // Кавказ и Глобализация, том 3, выпуск 4. Баку. - С. 169-176.
316. Джавахишвили Н. Г. (2012) Грузинские белогвардейцы//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: «Гуманитарные науки». № 4-5, апрель-май. Москва: Научные технологии. – С. 32-39.
317. Джавахишвили Н. (2016) Страницы из истории взаимоотношений грузин с карачаевцами и балкарцами (с XIX века до середины XX века)// საქართველოს ისტორიის ინსტიტუტის შრომები XI. თბილისი: თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი. – С. 254-265.
318. Дзидзоев В. Д. (2012) Исторические, политические и правовые истоки противостояния Грузии с Южной Осетией в 1917-1920 гг.// Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, № 5 (49). Нальчик. - С. 157-163.
319. Закарян А. (2005) Малоизвестный исторический документ: грузино-турецкое соглашение 1914 г. // Историко-филологический журнал. № 3. Ереван. - С. 254-257.
320. Зурабишвили Т. (2003) Грузия: непреодолённый патернализм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4, июль-август. Москва. - С. 39-43.

321. Ионцев В. (2014) Демографический фактор в контексте улучшения отношений между Россией и Грузией // Россия-Грузия: Ключевые направления взаимоотношений. Тбилиси: Дамани. – С. 134-145.
322. Квашонкин А. В. (1997) Советизация Закавказья в переписке большевистского руководства, 1920-1922 гг.// Cahiers du Monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants, № 38 (1-2), janvier-juin. Paris. – С. 163-194.
323. Кинг Ф. (2020) Националисты поневоле? Социал-демократия и национальная независимость в Грузии 1918-1921 гг.//Кавказский сборник, том 12, Москва: Аспект Пресс. - С. 77-101.
324. Кирчанов М. В. (2014) Политическая нация и традиционализм как координаты развития национализма в современной Грузии// Среднерусский вестник общественных наук, № 2. Москва. - С. 161-167.
325. Кирчанов М. В. (2015б) Идея преемственности в политической памяти грузинского национализма и идеология традиционалистов // История и историческая память. №11. Саратов. – С. 191-206.
326. Крыжановская О. А./ Петрова С.В. (2012) Исторические корни грузино-осетинского конфликта и его развитие в современных реалиях // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, № 3. Майкоп. [Электронный ресурс]. http://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-korni-gruzino-osetinskogo-konflikta-i-ego-razvitie-v-sovremennyh-realiyah [дата обращения: 4. 07. 2022]
327. Крылов А. Б. (2008) Грузия для грузин! (О некоторых особенностях развития общественно-политической мысли Грузии) // Свободная мысль, № 12. Москва. – С. 145-160.
328. Кутателадзе К. (2010) Об арменизации грузин согласно грузинской периодике на рубеже XIX-XX вв.// Кавказоведческие разыскания. Тбилиси. – С. 519-529.
329. Лагвилава Т. И. (2007) К проблеме восстановления автокефальности Грузинской церкви // Восточный Архив. № 16. Москва. - С. 98-102.
330. Лагвилава Т. И. (2008) Политическое и государственное устройство Грузии в 1917-1918 гг. // Восточный архив. Москва, № 18. - С. 44-50.

331. Лебедева П.В. (2021) Формирование грузинской национальной идеи// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». №3, март. Москва: Научные технологии. - С. 22-24.
332. Летняков Д. Э. (2012) Дворянство как участник революционного движения: российские особенности // Политико-философский ежегодник. № 5. Москва. – С. 92-105.
333. Маилян Б. В. (2013) Краткий очерк изгнания армян из Джавахка в 1918 году// Седьмая годичная научная конференция Российско–Армянского Университета / Сборник научных статей. Ереван: РАУ. - С. 77-83.
334. Мамулиа Г. (2012) Как самурай стал союзником Прометея: японо-кавказская смычка в годы Русско-японской войны // Историческій Вѣстникъ / Терроризм в России в начале XX века / Том второй / под ред. С. В. Девятова. Москва. С. 90-135.
335. Мамулиа Г. Г. (2013а) Социалист-федералистская революционная партия Грузии в 1906 – 1914 годах // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Выпуск 1, часть 1. Самара. – С. 18-41. [Электронный ресурс]. URL: https://readera.org/socialist-federalistskaja-revoljucionnaja-partija-gruzii-v-19061914-godah-140129619 [Дата обращения: 20. 05. 2022].
336. Мамулиа Г. Г. (2013б) Кавказ и державы Четверного союза в 1918 г.// Nowy Prometeusz, № 5. Warszawa. – С. 125-158.
337. Маркарян С. (2018) Армянская буржуазия Тифлиса в XIX веке// Caucaso-Caspica: Труды Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета. Ереван. – С. 259-275.
338. Мархулия Г. Р. (2000) «Красная» и «Белая» Россия против независимости Грузии, 1918 год // Исторические разыскания, том 3-й / ежегодник исторического общества им. Еквтимэ Такаишвили. Тбилиси. – С. 113-121.
339. Марченя П. П. (2008) Массы и партии в 1917 г.: массовое сознание как доминанта русской революции// Новый исторический вестник, № 2. Москва: РГГУ. – С. 64-79.
340. Матвеев Г.Ф. (2015) К вопросу о типологии режима «санации» в Польше // Берегиня.777.Сова. 2015. №3 (26). Воронеж. - С. 42-51.
341. Мельникова И. Е. (2013) Из истории заговора в Кахетии грузинских князей и дворян 1811–1812 гг.// XXIII Ежегодная

богословская конференция ПСТГУ: Материалы, том I, Москва. – С. 106-116.
342. Ментешашвили А. (1996) Грузинская демократическая республика (1918-1921 гг.) и западные державы // Вопросы истории. № 9. Москва. – 129-135.
343. Месхидзе Дж И. (2007) Итальянская интервенция в Грузию в 1919 г.: планы и обстоятельства // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. №1. – С. 127-134.
344. Михельс Р. (2000) Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социологические исследования. № 1. Москва - С. 107—116.
345. Michel Heller (1984) Утопия в советской идеологии //Revue des Études Slaves. № 56/1. Париж. – С. 105-113.
346. Мустафаева С. О. (2009) Процесс установления азербайджано-грузинской границы (1920–1922 гг.) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. №1. – С. 96-105.
347. Муханов В. М. (2016) О несостоявшейся итальянской интервенции в Закавказье в 1919 г. // Международная аналитика. № 4. Москва. – С. 84-90.
348. Нестерова Т. П. (2000) Идея «Консервативной Революции» и итальянский традиционализм фашистской эпохи // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке: сборник материалов Зимней школы, Екатеринбург, 4-15 января 2000 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. - С. 61-66.
349. Никольская Т. (2004) Триумф и трагедия Григола Робакидзе // Звезда, № 9. СПб. - С. 128-137.
350. Новиков В. В. (2013) Российско-грузинские отношения в постсоветский период: причины и динамика конфликтности // CAUCASICA, том 2. Москва: Ин-т полит. И соц. исслед. Черномор-Касп. региона. – С. 233-242.
351. Нодиа Г. (1997) Образ Запада в грузинском сознании // Этнические и региональные конфликты в Евразии / Кн. 3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов / ред. Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. Москва: Весь Мир. – С. 150– 180.
352. Нозадзе В. (1990а) Борьба за восстановление территориальной целостности Грузии (Месхети)// Литературная Грузия, № 7. Тбилиси. – С. 142-183.

353. Нозадзе В. (1990b) Борьба за восстановление территориальной целостности Грузии (Месхети) // Литературная Грузия, № 8. Тбилиси. – С. 161-208.
354. Носачев П. (2013) Интегральный традиционализм: между политикой и эзотерикой // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. №4. Москва. - С. 203-222
355. Оганджанян А. А. (1970) Банки Закавказья до установления советской власти и идея создания «Армянского банка» // Историко-Филологический Журнал, № 1. Ереван. – С. 227-232.
356. Пономарева Е. Г. (2009) Авторитарный транзит периферийных стран межвоенной Европы: политологический анализ // Вестник МГИМО. №6. Москва. - С. 188-199.
357. Попов А. (1923) Из эпохи английской интервенции в Закавказье // Пролетарская революция, № 6-7. Москва/Петроград. – С. 222-274.
358. Путкарадзе Ц. (2005) Христианская и магометанская религия в Аджарии – краткий психологический анализ // Georgian Electronic Scientific Journal: Education Science and Psychology, No. 2. Тбилиси. – С. 21-29. [Электронный ресурс]. URL:http://gesj.internet-academy.org.ge/ru/list_artic_ru.php? bsec=edu&issue=2005-12 [Дата обращения: 20. 05. 2022].
359. Рамишвили П. (2010) История и идентичность (о преподавании мировой истории в современной средней школе) // История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии / ред. Р. Раджабов, С. Григорян, В. Колбан. Ереван: Едит Принт. – С. 212-230.
360. Рахманзаде Ш. (2013) Из истории азербайджано-грузинских отношений (1920 - 1921) //Journal of the Human and Social Science Researches, Volume. 2, Issue 1. Turkey. – С. 90-104.
361. Рябов П. В. (2009) Мыслитель-анархист Варлаам Черкезов: «наука человечности» против «науки партии» // Либертарная мысль. № 2. Москва. — С. 27-38.
362. Сванидзе Г. (2009) Особенности грузинского кризиса//Кавказ и Глобализация, том 3, выпуск 4. Баку. - С. 121-139.
363. Сапаров А. (2018) Гражданская война в Закавказье 1918-1921 с точки зрения социальных, этнических и полити-

ческих процессов // Петербургский исторический журнал. №3. - С. 224-253.
364. Суни Р. Г. (1994) Социал-демократы у власти: меньшевистская Грузия и русская гражданская война // Гражданская война в России: перекресток мнений. Москва: Наука. – С. 215-244.
365. Суриц Е. Я. (2011) Об антрепренере де Базиле – полковнике В. Г. Воскресенском // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. №1 (25). СПб. – С. 81-94.
366. Тамазов М. С. (2016) Германия и образование независимой Грузии в 1918 году // Научный диалог. № 4 (52). Екатеринбург. - С. 229—240.
367. Таран К. В. (2012) Сочинская республика 1905–1906 гг.: мифы и реальность // Русская старина. № 2. Братислава. – С. 48-51.
368. Тедеева У.Ш. (2012) Национальный вопрос в Грузии и проблема самоопределения южных осетин в 20-е годы XX века//Научные ведомости, №19, выпуск 24, серия история, политология, экономика, информатика. Белгород. – С. 135-141.
369. Тедеева У.Ш. / Фидарова К. К. (2013) З. К. Гамсахурдиа: политический портрет // Фундаментальные исследования. № 10, часть 14. Москва. – С. 3229-3233.
370. Терехов О. Э. (2011) А. Мёллер ван ден Брук как идеолог «консервативной революции» в освещении германской историографии // Вестник Томского гос. ун-та. История. №2. - С. 147-153.
371. Терехов О. Э. (2017) Освальд Шпенглер: «консервативный революционер» в эпоху кризиса модерна// Журнал региональной истории, т. 1, № 2. Череповец. – С. 51-64.
372. Товбин К. М. (2014) Антимодернизм: традиционализм, фундаментализм, консерватизм // Антиномии. Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН, №1. Екатеринбург. – С. 28-43.
373. Туаллагов А. А. (2019) К вопросу об объединительном движении в Осетии в досоветский период//Центральная Евразия, №1. Москва: ИВ РАН. – С. 237-322.
374. Урушадзе А. Т. (2015а) Кавказ в конце XIX – начале XX в.// Quaestio Rossica, № 2. Екатеринбург. – С. 144-157.
375. Урушадзе А. Т. (2011) Социокультурная модернизация Грузии в первой половине XIX века//Известия ВУЗов.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 2. Ростов-на-Дону / Таганрог. - С. 45-48.
376. **Урушадзе А. Т. (2015b)** Свои или чужие? Грузия и грузины глазами российских офицеров и чиновников (первая половина XIX века)//Уральский исторический вестник, 2015, № 3. Екатеринбург. – С. 116-122.
377. **Фадеичева М. А. (2013)** Национальный вопрос – ключ к решению современных этнических проблем // Философия и общество, № 3, июль – сентябрь. Москва. - С. 77–86.
378. **Федюк В. П. (2008)** Грузия и Добровольческая армия: из истории Сочинского конфликта//Вестник Ярославского государственного университета. 2008. № 6. – с. 5-8.
379. **Хапизов Ш. М. (2011)** Закатальский округ 1917-1921 гг.: между Дагестаном, Грузией и Азербайджаном // Кавказоведческие разыскания № 3. Тбилиси: ТГУ им. И. Джавахишвили. - С. 216-234.
380. **Хачапуридзе Г. (1934)** Аджаристан в период английской оккупации // Борьба классов, № 12. Москва. – С. 63-71.
381. **Хачапуридзе** Г. (**1951**) Победа советской власти в Грузии (К 30-летию советской власти в Грузии) // Известия Академии Наук Армянской ССР. Общественные науки. № 2. Ереван. - С. 5-22.
382. **Хлынина Т. П. (2011)** Приобретения и потери Советской Грузии 1920–1930-х гг. в оценках современной грузинской историографии и общественного сознания // European researcher. № 1. – С. 27-37. [Электронный ресурс]. URL: http://www.erjournal.ru/journals_n/1309267413.pdf [Дата обращения: 20. 05. 2022].
383. **Хобсбаум Э. (2002)** Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм/ ред. Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. Москва: Праксис. - С. 332–346.
384. **Чачава В. А. (2014)** Кайзеровская Германия у истоков независимости Грузии // Annales Scientia Politica, roč. 3, č. 2. Прешов/Словакия. - С. 42-47.
385. **Чедия Б. (2011)** Современный грузинский национализм перед вызовами нового тысячелетия// Кавказ и Глобализация, т. 5, вып. 1-2, Баку. - С. 42-51.
386. **Чхетия Ш. (1958)** Армяне в Тбилиси в шестидесятых годах XIX века// Историко-Филологический Журнал, № 3, Ереван. – С. 161-167.

387. Шубин А. В. (2012) Национальное и социальное в революционных событиях 1917-1922 годов // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. Москва. - С. 102-121.
388. Юдин К. А. (2014) Традиционализм барона Юлиуса Эволы: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. № 7. Москва. – С. 113-128.

на английском яз.
389. Blauvelt T. (2014) The «Mingrelian Question»: Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // Europe Asia Studies, №. 6, August. UK: University of Glasgow. - P. 993–1013
390. Blauvelt T. K./Khatiashvili G. (2016) The Muslim uprising in Ajara and the Stalinist revolution in the periphery//Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. Vol. 44, No. 3. UK/London: Cambridge University Press. – P. 359-379.
391. Brisku A. (2015) Renegotiating the empire, forging the nationstate: the Georgian case through the political economic thought of Niko Nikoladze and Noe Zhordania, 1870–1920 //Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. UK/London: Cambridge University Press. – P. 299-318.
392. Buket Elmas (2019) The Impact of Batumi on Turkish-Georgian Relations During The Period of National Struggle//Journal of Caucasian Studies. Vol. 5, № 9, November. Turkey: Istanbul. – P. 69-88.
393. Chkhartishvili M. (2013) Georgian Nationalism and the Idea of Georgian Nation//Codrul Cosminului, vol. XIX, No. 2. Ukraine: Chernovcy University. – P. 189-206.
394. Etienne Peyrat (2016) The Ottoman occupation of Batumi, 1918: a view from below// Caucasus Survey, № 4 (2). Netherlands: Brill publishing house. - P. 165 – 182.
395. Fitzpatrick Sh. (1993) Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia// The Journal of Modern History, Vol. 65, No. 4 (Dec.), USA: University of Chicago Press. - P. 745-770.
396. Janelidze O. (2018) The Democratic Republic of Georgia (1918–1921)// «Pamięć i sprawiedliwość», № 1 (31). Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej. – P 168-190.
397. Jones S. F. (1987) Russian Imperial Administration and the Georgian Nobility: The Georgian Conspiracy of 1832 //The

Slavonic and East European Review, № 65/1. UK: University College London. – P. 53-76.
398. Jones S. F. (1994) Old Ghosts and New Chains. Ethnicity and memory in the Georgian Republic//Memory, History and Opposition under State Socialism, ed. by R. S. Watson. Sante Fe: School of American Research Press. - P. 149–165.
399. Jones S. F. (2006) Georgia: Nationalism from under the Rubble//After Independence: Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States. Editor Lowell W. Barrington. USA: University of Michigan Press. – P. 249-276.
400. Jones S. F. (2013) Democracy in Georgia: Da Capo? // Cicero Foundation Great Debate Paper № 13/02. Paris/Maastricht. - P. 1-16.
401. Jones S. F. (2014) Between ideology and pragmatism: social democracy and the economic transition in Georgia 1918-21, Caucasus Survey, Vol. 1, No. 2. Netherlands: Brill publishing house.- P. 63-81.
402. Kakachishvili Z./ Komadowski D. (2018) An outline of the history of Georgia and Georgian-Polish Relations//Poland – Georgia: Society – culture – faith – history/ed. by A. M. Piwko.Warsaw/Tbilisi: Institute of Dialogue with Cultures and Religions/Cardinal Stefan Wyszyński University. - P. 29-36.
403. Kandelaki D. (2019) October Revolution and the Preparation for Independence of Georgia//1917: Russia in Revolution. History, Culture and Memory. Москва: ЛЕНАНД, 2019. — P. 324-334.
404. King F. (2021) Valiko Jugeli and the Cult of the People's Guard in Georgia //Quaestio Rossica. Vol. 9, № 1. Yekaterinburg: Ural Federal University - P. 74–90.
405. Manning H. P. (2004) Describing dialect and defining civilization in an early Georgian nationalist manifesto: Ilia Chavchavadze «Letters of Traveler»//Russian Review. № 63. USA: University of Kansas. – P. 26-47.
406. Manvelidze I. (2018) The status of the region of Adjara in Caucasus in the geopolitical transformation in 1917-1921 years // Web of Scholar, 1(19), Vol. 5, January. Poland: Warsaw. – P. 37-40.
407. Nodia G. (2009) Components of the Georgian National Idea: an Outline//Identity Studies in the Caucasus and the Black Sea Region, № 1. Tbilisi: Ilia State University. - *P*. 84-101.

408. Paitchadze D. (2017) To the history of resistance movement and political trends in Georgia in 1801-1914 // EURAS, Volume 5, No. 1. Turkey: Istanbul. - P. 39-63.
409. Saparov A. (2010) From Conflict to Autonomy: The Making of the South Ossetian Autonomous Region, 1918-1922// Europe-Asia Studies, Vol. 62, No. 1, January. UK: University of Glasgow. – P. 99–123.
410. Suny R. G. (1979) Russian rule and Caucasian society in the first half of the nineteenth century: The Georgian nobility and the Armenian bourgeoisie, 1801–1856//Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity, Vol. 7, No. 1. UK/London: Cambridge University Press. - P. 53-78.
411. Surguladze M. (2018) Political situation in Adjara in the 1920s and the Bolshevik regime//The Archival Bulletin, № 19. Tbilisi. - P. 5-12.
412. Van Ree E. (2010). The Stalinist self: the case of Ioseb Jughashvili (1898-1907)// Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Volume 11 (Number 2). USA: Indiana University. – P. 257-282.
413. Zedania G. (2009) National Form and the Question of Identity //Caucasus and the Black Sea Region, № 1, Tbilisi: Ilia State University Press. – P. 75–83.

на турецком яз.
414. Fadime Tosik Dinç (2015b) Batum Antlaşması'ndan Mondros Mütarekesine Kadar Geçen Sürede Ahıska'daki Faaliyetler // Route Educational and Social Science Journal. Volume 2(1), January. Antakya / Hatay. - S. 347-357.
415. Gökdemir Taner (2014) Dört devlet, bir vilayet: I. Dünya Savaşı ve sonrasında büyük devletlerin Batum mücadelesi//Savaşan Devletlerin Tarihçilerinin Gözüyle 100. Yılında I. Dünya Savaşı. II Cilt. Antalya: Akdeniz Universitesi. - S. 776-798.
416. Sarı Mustafa (2015) I. Dünya Savaşı'ndan Sonra Ahıska ve Civarında Türk Teşkilatlanması (Ekim 1918-Nisan 1919)// Yeni Türkiye, 8/78. - S. 309-323.
417. Sarı Mustafa (2017a) Batum'da Son Türk İdaresi (1921). Vakanüvis - Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi 2. - S.475-506.
418. Sarı Mustafa (2017b) Mîsâk-ı Millî'den İlk Taviz: Batum // Yeni Türkiye, Sayı 93, Ocak – Şubat. - S. 1230-1244.

419. Tsurtsumia Z. (2017) Batum Bölgesi'nde Sadâ-yı Millet Harekâtı ve Osmanlı Yanlısı Faaliyetleri (1918-1921)//Ekim 1917 Sovyet İhtilali'nin Yüzüncü Yılında Türk Dünyası'ndaki Bağımsızlık Fikri ve Siyasi Hareketler, Uluslararası Sempozyumu, Bildirileri, İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Bölümü. - S. 294-311.

420. Tsurtsumia Z. (2018) İslam Gürcistanı Gazetesi Redaktörü Memed Abaşidze ve Batum Acara Özerklik Sorunu// *100*. Yılında Sovyet İhtilali ve Türk Dünyası Ankara: Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü. - S. 333-343.

на грузинском яз.

421. ბახტაძე მ. (2015) პოლკოვნიკი ირაკლი ცაგურია// ქართული ემიგრაცია, № 3. თბილისი. - გვ. 7-20.

422. ირემაძე ი. (2018) შრომის საკითხი და პროფკავშირები საქართველოს დემოკრატიულ რესპუბლიკაში // საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის გახსენება ასი წლის შემდეგ მოდელი ევროპისთვის? საერთაშორისო სამეცნიერო ფორუმი, თბილისი. - გვ. 356-372.

423. კუპატაძე ბ. (1998) სომხური ბურჟუაზიის როლი საქართველოში (XX ს. 10-იანი წწ.) // ქართული დიპლომატია, წელიწდეული ტ. 5. თბილისი. - გვ. 485-498.

424. კუპატაძე ბ. (1999) საქართველოს ავტონომიის საკითხი რუსეთის IV სახელმწიფო // ქართული დიპლომატია. წელიწდეული. ტ. 6. თბილისი. - გვ. 222-234.

425. საითიძე გ. (1999) გენერალი აბელ (ბალო) მაყაშვილი და მესხეთ-ჯავახეთის საკითხი (1918) // ქართული დიპლომატია. წელიწდეული. ტ. 6. თბილისი. - გვ. 306-324.

426. შველიძე დ. (2018) საქართველოს სოციალისტ-ფედერალისტთა პარტია პირველი რესპუბლიკის წლებში//საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის გახსენება ასი წლის შემდეგ მოდელი ევროპისთვის? საერთაშორისო სამეცნიერო ფორუმი, თბილისი. - გვ. 16-30.

427. ჩხაიძე ნ. / სიხარულიძე ქ. (2018) ჩოხატაურის 1919 წლის აჯანყება საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის წინააღმდეგ // ახალი ეპოქის დასაწყისი – საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკა (1918-1921). შრომების კრებული. საერთაშორისო სამეცნიერო კონფერენცია

მიძღვნილი საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის დაარსების 100 წლისთავისადმი. თბილისი: კავკასიის უნივერსიტეტის გამომცემლობა. - გვ. 84-93.

428. ჩხარტიშვილი მ. (2014) ქართველი ერის იდეა ნაციის ფენომენის შესახებ ევროპული დისკურსის ფონზე // ევროპული ღირებულებები და იდენტობა საერთაშორისო ინტერდისციპლინარული კონფერენცია. მოხსენებები. თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი. თბილისი. - გვ. 59-67.

429. წურწუმია მ. (2016) ქართული რაინდობა// საისტორიო კრებული, № 6. თბილისი. - გვ. 37-79.

430. ჯანელიძე ო. (2018b) მემარჯვენე ოპოზიცია საქართველოს დემოკრატიულ რესპუბლიკაში// საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის გახსენება ასი წლის შემდეგ მოდელი ევროპისთვის? საერთაშორისო სამეცნიერო ფორუმი, თბილისი. - გვ. 67-83.

431. ჯონსი ს. (2018) დემოკრატიის ფორმირება საქართველოში: 1918-1921// საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის გახსენება ასი წლის შემდეგ მოდელი ევროპისთვის? საერთაშორისო სამეცნიერო ფორუმი, თბილისი. - გვ. 31-66.

432. ჯოჯუა დ. (2010/2013) 1918 წლის 24 ივნისის გადატრიალება საქართველოში და მისი გავლენა ქვეყნის საერთაშორისო მდგომარეობაზე, კრებულში - ზურაბ პაპასქირი - 60, თბილისი. - გვ. 445-463.

ПУБЛИЦИСТИКА И ПУБЛИКАЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

433. Амирэджиби Ш. (1935) Две Грузии // «Кавказ», № 2-3, февраль-март. Париж. - С. 10-12.

434. Амирэджиби Ш. (1937a) Доклады генерала Одишелидзе // Кавказ, № 1, январь. Париж. – С. 33-35.

435. Амирэджиби Ш. (1937b) Роль людей и условий в истории// Кавказ, № 3, март. Париж. – С. 15-18.

436. Амфитеатров А. (1905) Армянский вопрос// Кавказский Вестник. Книга IV. Год шестой. № 4, декабрь. Тифлис: скоропечатня М. Мартиросянца. – С. 44-65.

437. Ветлугин А. (1921) [Рындзюн В. И.] Авантюристы гражданской войны. Париж: Север. – 190 с.

438. Жирнов Е. (2005) Грузию легче завоевать, чем Армению// Коммерсантъ Власть, № 22. Москва.
439. Жирнов Е. (2011) Можно было бы согласиться на объединение Северной и Южной Осетии в составе Грузии // Коммерсантъ Власть, № 41. Москва.
440. Кантемир А. (1953) Ной Жордания //Объединённый Кавказ, № 1-2. Париж. – С. 4-6.
441. Квинитадзе Г. И. (1937) Генерал Одишелидзе // Кавказ, № 1, январь. Париж. – С. 12-17.
442. Мещеряков Н. (1921b) Легкомысленный путешественник //Красная Новь, № 2. Москва. – С. 301-308.
443. Одишелидзе И. (1936) Роль грузинских меньшевиков в подготовке к войне 1921 года // Кавказ**,** № 10, октябрь. Париж. – С. 30-33.
444. Умеренков Е. (2006) Как Сталин чуть не отдал Грузии Северную Осетию // Известия, 9 сентября. Москва.
445. Цагурия И. (1939) Quid Novi? Повстанец Нуцас-Важи. Варшава: Иверия. – 43 с.
446. Чернович Н. (1919) Грузины, добровольцы и Сочинский округ // «Народное знамя», № 51, 52, 53. Тифлис.
447. Что сделала Россия (1900) Что сделала Россия в течение столетия (1801-1901) для грузинской церкви и общества в духовно-религиозном отношении? (по поводу празднования 100-летия присоединения Грузии к России). Тифлис. - 25 с.
448. Эбралидзе М. (2012) Зураб Авалишвили – один из столпов независимости Грузии // Тбилисская Неделя, № 37. Тбилиси
449. Элде (1919) Закавказье и единая Россия. Ростов/Дону.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

450. Абашидзе А. Х. (2020) Аджария в геополитических планах начала XX века / Мемед Абашидзе - сын Аджарии и её лидер / [Электронный ресурс]. URL: http://viperson.ru-/data/200412/a1.txt [Дата обращения: 25.05.2021].
451. Аблотия Т. (2011) Армянофобия по привычке// Эхо Кавказа [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokav-kaza.com/a/24285393.html [дата обращения: 7.07.2019].
452. Аблотия Т. (2013) Монархия для бездельников//Эхо Кавказа [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokav-kaza.com/a/25158022.html [Дата обращения: 25. 05. 2021].

453. Аблотия Т. (2020) Западная мечта// Эхо Кавказа [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/-a/31000409.html
454. Аблотия Т. (2021) Пророссийская Грузия и «русский мир»//Эхо Кавказа [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/31607176.html [Дата обращения: 25.05.021].
455. Бакрадзе А. (1994) Вместо предисловия // Осетинский вопрос. Тбилиси, 1994. [Электронный ресурс]. URL: https://javakhishviliinstitute.files.wordpress.com/2009/05/ostinskvopros.pdf. [дата обращения: 4.07.2022]
456. Вачнадзе М./ Гурули В./ Бахтадзе М. (2008) История Грузии (с древнейших времён до наших дней) [Электронный ресурс]. URL: http://s89362b52b7ee3ed9.jimcontent.com/download/version/0/module/4202652357/name/-Bahtadze_M._Istoriya_Gruzii_S_Drevney.a6.pdf. [дата обращения: 20.05.2018].
457. Гогсадзе М. (2014) Первая грузинская феминистка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.friendingeorgia.com/news/barbare-jorjadze [дата обращения: 20.05.2022].
458. Дубнов В. (2021) «Леван Бердзенишвили: Я говорил: "Грузия – это не Советский Союз". Но я ошибался…» //Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/31374114.html [дата обращения: 20.05.2022].
459. Захарова Н. (2016) История возникновения границы по Псоу. [Электронный ресурс]. URL: http://sochived.info/istoriya-vozniknoveniya-granitsyi-po-psou/ [дата обращения: 20.05.2022].
460. Зедгенидзе Г. (2013) Как в Грузии возрождается аджарский сепаратизм // Republic. [Электронный ресурс]. URL: https://republic.ru/posts/l/982932 [дата обращения: 20.05.2022].
461. Зоидзе О./Бердзенишвили Д. (2000) Противостояние между Тбилиси и Батуми, или о проблемах собранности нации и полноте государства // Центральная Азия и Кавказ. Швеция, № 2) [Электронный ресурс]. URL: http://cac.org/journal/cac-08-2000/22.zoidze.shtml [Дата обращения: 20.07.2015].
462. Качарава Ю. (1968) История Грузии. Том III: Учебное пособие. Тбилиси: Сабчота Сакартвело. http://dspace.nplg.-

gov.ge/bitstream/1234/3061/1/Istoria_Gruzii_Tom_III.pdf [Дата обращения: 7.09.2021].
463. **Качарава Ю. (1973)** История Грузии. Учебное пособие Тбилиси. [Электронный ресурс]. URL: https://dspace.nplg.-gov.ge/bitstream/1234/3057/1/Istoria_Gruzii_TomII.pdf [Дата обращения: 7. 09. 2021].
464. **Кварцхава Н. (2019)** Смелая и решительная Барбаре Джорджадзе: история первой феминистки Грузии. [Электронный ресурс]. URL: https://sputnik-georgia.ru/reviews/20190530/245414176.html [дата обращения: 20.05.2022].
465. **Кобаладзе Г. (2016)** Тяжесть исторической цены//Радио Свобода. [Электронный ресурс]. URL: https://www.svoboda.org/a/27662550.html [дата обращения: 20.05.2022].
466. **Кобаладзе Г. (2017)** Грузия: власти готовы обсудить возможность восстановления монархии// Радио Свобода. [Электронный ресурс]. URL: https://www.svoboda.org/a/-28563643.html [дата обращения: 20.05.2022].
467. **Мамулия Г. С. (1999)** Концепция государственной политики Грузии в отношении депортированных и репатриированных в Грузию месхов. История и современность// Центральная Азия и Кавказ. № 1. Швеция. [Электронный ресурс]. http://www.ca-c.org/journal/cac-02-1999/st_19_mamulija.shtml [Дата обращения: 20.05.2015].
468. **Мониава Д. (2013)** Отец грузинской демократии, который гуляет сам по себе//Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/25035796.html [дата обращения: 20.05.2022].
469. **Мониава Д. (2017)** Куда маршируют грузины?//Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/ 28621180.html [дата обращения: 20.05.2022].
470. **Мониава (2018)** Второе дыхание Первой республики // Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/29254938.html [дата обращения: 20.05 2022].
471. **Мониава (2019)** В поисках утраченного консерватизма //Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/29695692.html [дата обращения: 20.05.2022].
472. **Мониава Д. (2020а)** Тень выборов: пропущенный урок//Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/30913631.html [дата обращения: 20.05.2022].

473. Мониава Д. (2020в) Дом грузинских призраков// Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/30400475.html [дата обращения: 20. 05. 2022].
474. Мониава Д. (2020б) Возвращение и отвращение // Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/30825608.html [дата обращения: 20.05.2022].
475. Мониава Д. (2021) Больное сердце грузинской демократии // Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/31042231.html [дата обращения: 20.05.2022].
476. Нижарадзе Г. (1999) Мы — грузины: Полемические заметки по поводу некоторых социально-психологических аспектов грузинской культуры //Дружба Народов. № 10. Москва. [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/10/my-gruziny.html [дата обращения: 20.05.2022].
477. Нодиа Г. (2019) Илья Чавчавадзе и судьба грузинского либерализма //Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/29897090.html [дата обращения: 20.05.2022].
478. Нодиа Г. (2020) О европейской либо проевропейской Грузии // Эхо Кавказа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ekhokavkaza.com/a/30753535.html [дата обращения: 20.05.2022].
479. Очерки (1990) Очерки истории Грузии. Том 5. Тбилиси: Мецниереба. [Электронный ресурс]. URL: https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/3173/1/Ocherki_Istorii_Tom_-V.pdf [дата обращения: 4.10.2017]
480. Павлов Д. (2020) Взлет и падение меньшевиков // Историк. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--h1aagokeh.xn-- p1ai/journal/ [Дата обращения: 27.09.2020].
481. Пачкория Т. (2017) Илия Второй высказался за восстановление в Грузии конституционной монархии// ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/-4346336?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru [дата обращения: 20.05.2022].
482. Рейфилд Д. (2017а) Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. Москва: КоЛибри/ Азбука-Аттикус. - 608 с. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.scribd.com/document/342998377/pdf. [дата обращения: 20.05.2018].

483. Цагурия И. (2017) Предательское трио [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/295983 [Дата обращения: 27. 09. 2020].
484. Цодоков Е. (2002) *Грузинский князь и русская опера//* [Электронный ресурс]. URL: *https://www.belcanto.ru/gruzinsky.html* [Дата обращения: 27. 09. 2020].
485. Чарквиани Н. (2017) Грузия и Октябрьская революция 1917-го года // Голос Америки. [Электронный ресурс]. URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/nc-georgia-and-100-anniversary-of-the-revolution/4102749.html [Дата обращения: 27.09.2020].
486. Чарквиани Н. (2018) В Грузии отметят 100-летие образования Первой демократической республики// Голос Америки. [Электронный ресурс]. URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/4409938.html [Дата обращения: 27. 09. 2020].
487. Chelidze A. (2006) Этнический национализм в духовенстве Грузинской Православной Церкви//Heinrich Boell Stiftung. [Электронный ресурс]. URL: https://ge.boell.org/-en/2006/09/24/etnicheskiy-nacionalizm-v-duhovenstve-gruzinskoy-pravoslavnoy-cerkvi [Дата обращения: 27.09.2020].
488. Эбралидзе М. (2016) Ной Жордания – глава независимой Грузии // Тбилисская Неделя. [Электронный ресурс]. URL: https://tbilisi.media/cultures/50441-noe-zhordaniya-glava-nezavisimoy-gruzii/[Дата обращения: 27. 09. 2020]**.**

на грузинском яз.

489. ვაშაკიძე ნ. (2018) სტალინი, საქართველო და დღევანდელობა// Qronikaplus [Электронный ресурс]. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:1ZpyV6BYjPwJ:qronikaplus.ge/%3Fp%3D15095+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=am [Дата обращения: 27. 09. 2020**].**
490. ჭავჭავაძე ი. გ. (1861) მგზავრის წერილები: ვლადიკავკასიდან ტფილისამდე. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nplg.gov.ge/ebooks/authors/ilia_chavchavadze/motxrobebi/mgzavris_cerilebi_all.pdf [Дата обращения: 27. 09. 2020].

на английском яз.

491. Cory Welt (2014) A Fateful Moment?: Ethnic Autonomy and Revolutionary Violence in the Democratic Republic of Georgia

(1918-1921) // The Making of Modern Georgia, 1918-2012: The First Georgian Republic and its Successors, ed. Stephen Jones (Routledge). - P. 205-231. [Электронный ресурс]. URL: http://home.gwu.edu/~cwelt/A_Fateful_Moment.pdf. (Last accessed 2.05.2020).

492. Deputes (2022a) Deputes of Constituent Assembly of Georgia. [Электронный ресурс]. URL: http://firstrepublic.ge/en/theme/19?social_origin=Prince (Last accessed 27.09.2022).

493. Deputes (2022б) Deputes of Constituent Assembly of Georgia. [Электронный ресурс]. URL: http://firstrepublic.ge/en/theme/19?social_origin=Nobleman (Last accessed 27.09.2022).

494. Galili L. (2005) Georgia of Two Minds//Haaretz. [Электронный ресурс]. URL: https://www.haaretz.com/2005-09-15/ty-article/georgia-of-two-minds/0000017f-dee2-df62-a9ff-def721630000 (Last accessed 27.09.2022).

495. Janelidze O. (2022a) Grigol Veshapeli 1892-1926. The Political Establishment of the First Republic of Georgia // Russian Expansion in the Caucasus and Georgia. Rondeli Foundation. [Электронный ресурс]. URL: https://gfsis.org.ge/-files/library/pdf/ENG-3346.pdf (Last accessed 27.09.2022).

496. Janelidze O. (2022б) Spiridon Kedia 1884-1948. The Political Establishment of the First Republic of Georgia // Russian Expansion in the Caucasus and Georgia. Rondeli Foundation. [Электронный ресурс]. URL: https://gfsis.org.ge/files/library/-pdf/English-3255.pdf (Last accessed 27.09.2022).

497. Roubanis I. (2009) Georgia's pluralistic feudalism: a frontline report. [Электронный ресурс]. URL: www.opendemocracy.net/article/georgia-pluralistic-feudalism (Last accessed 25.02.2020).

498. Sabanadze N. (2009) Globalization and Nationalism: The Cases of Georgia and the Basque Country. Vienna/Budapest: Central European University Press. – 218 p. [Электронный ресурс]. URL: https://books.openedition.org/ceup/573 (Last accessed 7.08.2020).

499. Shubitidze V. (2022) Noe Zhordania: a Politician and a Leader 1868-1953. The Political Establishment of the First Republic of Georgia // Russian Expansion in the Caucasus and Georgia. Rondeli Foundation. [Электронный ресурс]. URL: https://gfsis.org.ge/files/library/pdf/Eng-3279.pdf (Last accessed 27.09.2022).

500. Shvelidze D. (2022) Giorgi Laskhishvili 1866-1931. The Political Establishment of the First Republic of Georgia // Russian Expansion in the Caucasus and Georgia. Rondeli Foundation. [Электронный ресурс]. URL: https://gfsis.org.ge/-files/library/pdf/English-3239.pdf (Last accessed 27.09.2022).

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

501. Амирэджиби Ч. И. (1996) Го́ра Мборгали, Москва: Вагриус. - 121 с.
502. Брокгауз/ Ефрон (1903) Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXVIIIa.
503. Вачнадзе М./ Гурули В. (2000) История Грузии (XIX-XX века). Учебное пособие. Тбилиси: «Артануджи». – 153 с.
504. Гогитидзе (2001) Грузинский генералитет (1699-1921). Биографический справочник. Авт.-сост. М. Гогитидзе. Киев. - 200 с.
505. Гранат (1911) /Энциклопедический словарь русского библиографического института, том 5-й. Москва.
506. Кавказский календарь (1916) Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис: Типография Канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе. – 1608 с.
507. Колганов А. И. (2012) Что такое социализм? Марксистская версия (Размышляя о марксизме). Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». — 616 с.
508. Кучиев В. Д. (2011) История Осетии. XX век. Учебник истории для старших классов общеобразовательных школ. Владикавказ: «Ир». - 255 с.
509. Лакоба С. (1993) История Абхазии (учебное пособие). Гудаута: Алашара. – 320 с.
510. Ленин В.И. (1979) Биографическая хроника (январь-июль 1921 г.). Т. 10. Москва. – 743 с.
511. Панарин А.С. (2002) Глобальное политическое прогнозирование. Учебник для вузов. Москва: Алгоритм. – 352 с.
512. Цуциев А. (2006) Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). Москва: Европа. – 128 с.
513. Шубин А. В. (2017) Великая Российская революция. 10 вопросов. Москва: Российское историческое общество. — 46 с.

на английском яз.

514. First elections (2017) Iremadze Ir./ Chanturidze S. First Universal Democratic Elections in Independent Georgia. Tbilisi:

Central Election Commission of Georgia/Ivane Javakhishvili State University. — 98 p.

на грузинском яз.

515. გოგებაშვილი ი. (1912) ბუნების კარი ანუ ყრმათათვის საკითხავი წიგნი. თბილისი: სტ. ს. ლოსაბერიძისა. – 632 გვ.

516. ენციკლოპედია-ლექსიკონი (2018) საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკა (1918-1921)/ ენციკლოპედია-ლექსიკონი. თბილისი: ივანე ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი. – 554 გვ.

517. რობაქიძე ს. (1917) სამშობლოს აღწერა: საქართველოს გეოგრაფიის სახელმძღვანელო სურათებით და კარტით. გამოცემა მე-3. ქუთაისი: დასავლეთ საქართველოს სახალხო მასწავლებელთა კავშირის გამოცემა. – 112 გვ.

ПРЕССА

518. «Борьба» - Ежедневное издание ЦК Социал-демократической рабочей партии Грузии. Тифлис, 1918-1921 гг.

519. «Вестник Грузии» / «Свободная Грузия» - Орган Верховного совета республики Грузия. Тбилиси, 1991 г.

520. «Возрождение» - Ежедневная общественно-политическая и литературная газета. Издание грузинской национал-демократической партии. Тифлис, 1917-1920 гг.

521. «Грузия» - Ежедневная литературная и политическая газета. Издание грузинской национал-демократической партии. Тифлис, 1918-1921 гг.

522. «Жизнь национальностей» - Центральный орган Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) РСФСР. Москва, 1918-1924 гг.

523. «Заря Востока» - Орган Заккрайкома ВКП (б) и ЦИК ЗСФСР. Тбилиси, 1922-1936 гг.

524. «Кавказское слово» / «Закавказское слово» / «Слово» - Ежедневная общественно-политическая газета. Тифлис, 1914-1921 гг.

525. «Молот» - Ежедневная общественно-политическая газета. Издание АРФ «Дашнакцутюн». Тифлис, 1917-1918 гг.

526. «Наше знамя»/«Народное знамя» - Газета Закавказского комитета российской партии социалистов-революционеров. Тифлис, 1919 г.

527. «Речь» - Ежедневная общественно-политическая газета. Издание российской конституционно-демократической партии. Тифлис, 1918 г.

на армянском яз.

528. «Աշխատավոր»/«Նոր Աշխատավոր» - Ашхатавор/Нор-Ашхатавор/Труженик /Новый Труженик – Ежедневная газета АРФ «Дашнакцутюн». Тифлис, 1919-1921 гг.

529. «Բանվորի ձայն» - Банвори дзайн/Голос рабочего – Еженедельная газета армянской секции Социал-демократической рабочей партии Грузии. Тифлис, 1920-1921 гг.

530. «Ժողովրդի Ձայն» - Жоховрди дзайн/Голос народа – Газета ЦК Армянской народной партии. Тифлис, 1919 г.

531. «Լրաբեր» - Лрабер/Вестник – Еженедельная политическая и литературная газета. Издание армянской социал-демократической партии «Гнчак». Тифлис, 1918 г.

532. «Հայրենիք» - Айреник/Отечество – Литературно-художественное и историко-культурное периодическое издание АРФ «Дашнакцутюн». США/Бостон, 1922-1970 гг.

533. «Հորիզոն»/«Նոր Հորիզոն» - Оризон/Нор-Оризон – Ежедневная газета АРФ «Дашнакцутюн». Тифлис, 1917-1918 гг.

534. «Մշակ» - Мшак/Работник - Ежедневная политическая и литературная газета. Тифлис, 1872-1921 гг.

535. «Յառաջ» - Яраж/Вперёд – Ежедневная газета АРФ «Дашнакцутюн». Тифлис, 1919 г.

на грузинском яз.

536. «ამირანი» - Амирани - Ежедневная политическая и литературная газета. Тифлис, 1908 г.

537. «ახალი სხივი» - Ахали Схиви/Новый Луч – Еженедельное издание социал-демократической партии «Схиви». Тифлис, 1920-1921 гг.

538. «ბრძოლა» - Брдзола/Борьба **-** Орган Тифлисского комитета Российской соц.-дем. рабочей партии (большевиков) Тифлис, 1917-1918 гг.

539. *«ერთობა»* - Эртоба/Единство - Ежедневное издание ЦК Социал-демократической рабочей партии Грузии. Тифлис, 1918-1921 гг.

540. «ივერია» - Иверия - Политическая и литературная ежедневная газета. Тифлис, 1886-1906 гг.

541. «კლდე» - Клдэ/Скала - Издание Национальной партии (фракция независимых национал-демократов). Тифлис, 1918-1920 гг.

542. «სამუსლიმანო საქართველო» - Самуслимано Сакартвело/Мусульманская Грузия - Политическая, экономическая и литературная газета. Ежедневное издание Комитета освобождения мусульманской Грузии. Батум, 1919-1921 гг.

543. «საქართველო»/«ახალი საქართველო» - Сакартвело/Ахали Сакартвело - Ежедневное издание**.** Орган Главного комитета Национально-демократической партии Грузии. Тифлис, 1915-1921 гг.

544. «საქართველოს რესპუბლიკა» - Сакартвелос Республика/Республика Грузия - Ежедневное издание правительства Грузии. Тифлис, 1918-1921 гг.

545. «სახალხო საქმე» - Сахалхо Сакме/Народное Дело – Ежедневное издание Главного комитета Партии социалистов-федералистов-революционеров Грузии. Тифлис, 1917-1921 гг.

546. «ტრიბუნა» - Трибуна - Ежедневное издание Левой партии социалистов-федералистов-революционеров Грузии. Тифлис, 1921-1923 гг.

547. «ჩვენი ქვეყანა» - Чвени Квекана/Наша страна - Ежедневная политическая и литературная газета. Издание грузинской национал-демократической партии. Кутаиси, 1917-1918 гг.

548. «შრომა» - Шрома/Труд - Орган ЦК партии грузинских социалистов-революционеров. Тифлис, 1918-1922 гг.

на английском яз.

549. «**The Georgian Messenger**» - Еженедельная политическая и литературная газета. Тифлис, 1919 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АРМЕНИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

БЕНИАМИН
МАИЛЯН

ОЧЕРКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГРУЗИИ И ЗАПАДНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

АДЖАРИЯ
ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ
СОЧИ-ДЖИКЕТИЯ
САМЦХЕ-МЕСХЕТИЯ
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Отпечатано в ООО "КОПИ ПРИНТ"
Хоренаци 4-й пер., дом 69

Формат 60x84 1/16. Тип. печ. 29,875.
Тираж 50.